

НЕЗАМЕТНЫЕ

БЕНТЛИ
МИТТА

НЕЗАМЕТНЫЕ

БЕНТЛИ
МИТТА

БЕНТЛИ

МИТТЛ

НЕЗАМЕТНЫЕ

ас

ИЗДАТЕЛЬСТВО

Москва

1999

ББК 84 (7США)
Л64

Bentley Little
THE IGNORED
1997

Перевод с английского М. Б. Левина

Серийное оформление А. А. Манохина

Печатается с разрешения автора и его литературных
агентов Dominick Abel Literary Agency, Inc. (New York)
и "Права и переводы" (Москва).

Исключительные права на публикацию книги
на русском языке принадлежат издательству АСТ.
Любое использование материала данной книги,
полностью или частично, без разрешения
правообладателя запрещается.

Литтл Б.

**Л64 Незаметные: Роман/Пер. с англ. М. Б. Левина. —
М.: ООО "Фирма "Издательство АСТ", 1999. —
480 с.**

ISBN 5-237-02864-0

Они — незаметные. Они безлики. Они — словно бы
невидимы, и никому нет дела, живы они или нет. Они
привыкли. Они — терпели.

Но однажды терпение лопнуло. И тогда они поняли:
хочешь, чтобы тебя заметили, — убей. И они начали убивать...

И полилась кровь. И незаметные обрушили на города
кошмар такого смертоносного ада, что невозможно даже
вообразить. И беспомощные **жертвы** замечали своих убийц —
последнее, что они вообще замечали в жизни...

© Bentley Little, 1997

© Перевод. М. Б. Левин, 1999

© ООО "Фирма "Издательство АСТ", 1999

Спасибо, как всегда, моя грузьям и семье.
Особое спасибо служащим города Коси́та-Меса, с
которыми я работал с 1987 по 1995 год: как
грузженодичи, разумныи, грамотныи профессионалам, с
которыми приятно было иметь дело, как и с закодбymi
злодбymi дуракам-бюрократам, которых я терпеть не мог.

Часть первая

ЧЕЛОВЕК, КАК ВСЕ

Глава первая

День, когда я нашел работу, мы отпраздновали. Колледж я уже четыре месяца тогда как окончил, и почти отчаялся найти работу хоть когда-нибудь. Выпустили меня из колледжа Бри Калифорнийского университета в декабре со степенью бакалавра искусств по американистике — не самая практичная из всех специальностей, — и с тех самых пор я искал работу. Профессора и консультанты мне не раз говорили, что американистика — идеальное образование для человека, который собирается начинать карьеру, что «междисциплинарные знания» сделают меня куда более привлекательным для будущих работодателей и куда более ценным на современном рынке труда, чем человека, имеющего более узкие и специализированные знания.

Так это все оказалось фигней.

Конечно, профессора колледжа Бри не задались намеренно целью испортить мою жизнь. Конечно, они искренне считали, что степень бакалавра искусств по американистике значит для внешнего

мира так же много, как и для них. Но результатом моего неверно выбранного образования было то, что никто не хотел меня брать на работу. В ток-шоу Донахью и Опри представители больших корпораций заявляли в живом эфире, что они ищут индивидуумов с широким кругозором, не только с образованием в области бизнеса, но и с образованием по свободным искусствам. Но что они скармливали публике и что было на самом деле — две разные вещи. Ребят с образованием по бизнесу нанимали направо и налево — а я все подрабатывал у «Зирса», продавая мужскую одежду.

Но на самом деле я сам был виноват. Я никогда точно не знал, чего хочу от жизни и как именно собираюсь на нее зарабатывать. Закончив общее образование, я переплыл на американистику, потому что в том семестре курсы этого факультета казались мне интересными и хорошо накладывались на мое расписание у «Зирса». Равным образом у меня не было мыслей ни о своей карьере, ни о своем будущем, ни о том, что я собираюсь делать после диплома. Не было у меня ни целей, ни планов; я просто принимал жизнь такой, как она есть, и окончил колледж, едва успев осознать этот факт.

Может, что-то из этого и выплывало в моих интервью с работодателями. Может, поэтому меня до сих пор никуда не взяли.

Но этого точно не было в моем резюме, которое было профессионально сделано и, если мне позволено будет высказать свое мнение, чертовски впечатляюще.

Объявление об этой вакансии я нашел в публичной библиотеке Буэна-Парка. Это был большой скоросшиватель, набитый проспектами и объявлениями правительственных ведомств, общественных организаций и частных корпораций всех видов, и я его просматривал каждый понедельник, когда добавлялись новые. В этой библиотеке работы были качеством повыше, чем в списке «требуются» «Регистера» или «Лос-Анджелес таймс», и все это было лучше, чем так называемый «Центр карьеры» в колледже Бри.

На эту работу, помещенную в рубрике «Бизнес и корпорации», нужен был кто-то вроде технического писателя, а приводимые требования выглядели многообещающе неконкретно. Опыт работы не требовался, а единственное непреложное условие было, чтобы соискатель имел степень бакалавра по бизнесу, кибернетике, английскому языку или свободным искусствам.

Американистика — это близко к свободным искусствам, так что я записал название и адрес компании, а потом, заехав домой и оставив Джейн записку на холодильнике, поехал в Ирвайн.

Корпорация оказалась большим безликим зданием в квартале больших безликих зданий. Я прошел через просторный вестибюль, потом, следуя указаниям охранника при входе, к лифту, который вел в отдел кадров. Там мне дали анкету, папку и авторучку, и я сел в удобное мягкое офисное кресло заполнять свое заявление. Про себя я уже решил, что работа эта мне не достанется, но аккуратно заполнил все графы бланка и сдал его.

Через неделю по почте пришло сообщение, что мне назначено интервью на будущую среду, на час тридцать.

Идти я не хотел, и Джейн я тоже сказал, что идти не хочу, но в среду утром оказалось, что я уже позвонил к «Зирсу» и сказался больным, а теперь стою и глажу свю единственную белую рубашку на кухонном столе, застеленном полотенцем.

На интервью я приехал на полчаса раньше. После заполнения еще одной анкеты мне дали распечатанное описание должности, и сотрудница отдела кадров провела меня по коридору к конференц-залу, где проводились интервью.

— Перед вами еще один кандидат, — сказала она мне, кивнув на закрытую дверь. — Вы посидите, вас скоро позовут.

Я сел на пластиковый стульчик рядом с дверью. Люди из «Центра карьеры» советовали *всегда* планировать наперед, что говорить на интервью для получения работы, обдумать все вопросы, которые могут быть заданы, и иметь на каждый готовый ответ, но я, как ни старался, не мог придумать, какие вопросы они мне будут задавать.

Я прислонился спиной к стене рядом с дверью, пытаясь подслушать, о чем спрашивают моего соперника, чтобы научиться на его ошибках. Но дверь была звуконепроницаемая, и ничего не было слышно.

Вот тут и планируй свои ответы.

Я оглядел коридор. Симпатичный. Широкий, просторный, светлый. Бронзового цвета ковер был чист, белые стены недавно покрашены. Приятная обстановка для работы. Мимо прошла молодая отлично одетая женщина с пачкой бумаг в руке. На меня она не взглянула.

Бенджамин Льюис

Я нервничал. По бокам потекли тоненькие струйки пота. Слава Богу, на мне был пиджачный костюм. Я посмотрел на листок с описанием работы у меня в руке. Требования к образованию были изложены ясно — тут волноваться не приходилось, — но вот должностные обязанности описывались невнятно на совершенно непереводимом бюрократическом языке, и тут до меня дошло, что я ничего не знаю о той работе, на которую сватаюсь.

Дверь открылась, и решительным шагом из нее вышел красивый молодой человек в деловом костюме, на несколько лет старше меня. Манера поведения совершенно профессиональная, волосы короткие и аккуратно подстриженные, в руке — кожаный портфель. И с ним я решил соревноваться? Я вдруг понял, как плохо я подготовлен, и вид у меня деревенский, и подход любительский, я уже точно знал, что эта работа мне не достанется.

— Мистер Джонс?

Я повернулся на голос, произнесший мое имя. Пожилая женщина восточно-азиатского вида держала дверь открытой.

— Соболаговолите войти?

Я встал, кивнул и вошел в конференц-зал. Женщина показала на стол напротив двери, за которым сидели трое, и быстро села у двери.

Я подошел. Вид у этих людей был, как у знака, запрещающего проезд. Все трое были одеты в одинаковые серые костюмы, и никто из них не улыбался. Тот, что сидел справа, был старше других, седоволосый, с изрезанным морщинами лицом и в очках с толстой оправой, но процедуру вел, как оказалось, самый молодой, который сидел в центре. У него в руке была авторучка, а на столе перед

ним — стопка заявлений — таких же, какое по-
давал я. Тот, что был слева, низкорослый, каза-
лось, вообще меня не заметил, и все так же смотрел
в окно.

Сидящий в середине встал, улыбнулся и про-
тянул мне руку, которую я пожал.

— Боб? — спросил он.

Я кивнул.

— Рад познакомиться. Я — Том Роджерс.

Он жестом предложил мне сесть на единствен-
ный стул перед столом и тоже сел на свое место.

Мне стало чуть получше. Несмотря на офици-
альную повадку, в самом Роджерсе было что-то
определенно неофициальное, небрежно-расслаблен-
ная манера разговора, которая тут же сняла мое
напряжение. К тому же он был ненамного старше
меня, что я тоже мог посчитать за очко в свою
пользу.

Роджерс бросил взгляд на мое заявление и сам
себе кивнул. Потом улыбнулся мне.

— Что ж, у вас здесь все отлично. Ох, чуть не
забыл! Это Джо Кернс из кадров. — Он кивнул на
коротышку, глядящего в окно. — А это Тед Бэнкс,
начальник отдела стандартов документации.

Старик наклонил голову.

Роджерс взял еще один лист бумаги. С обрат-
ной стороны мне были видны печатные строки. Я
решил, что это вопросы.

— Вам приходилось писать компьютерную
документацию? — спросил Роджерс.

Я покачал головой:

— Нет.

Я решил, что здесь лучше отвечать коротко и
по делу. Может быть, дадут лишние очки за чест-
ность.

— Вы знакомы с языком SQL и системой dBase?

Вопросы шли в этом направлении, не слишком уходя от технических деталей. Я уже точно знал, что работу эту не получу — я даже не слышал никогда тех компьютерных терминов, о которых шла речь, — но я решил держаться до конца, храбро напирая на широту своего образования и хороший слог. Роджерс встал, пожал мне руку, улыбнулся и сказал, что мне дадут знать. Остальные двое, которые в течение всего интервью молчали, не сказали ничего. Я поблагодарил их за потраченное на меня время, постарался кивнуть каждому и вышел.

Машина сдохла по пути домой.

Хреновый день хреново и кончился, и не могу сказать, что это меня удивило. Как-то очень это было уместно. Столько в моей жизни уже так сильно испортилось и так давно, и то, что раньше заставляло бы меня метаться в панике, теперь даже не колыхало особенно. Только усталость навалилась. Я вылез из машины, открыл дверцу и, взявшись за руль, оттолкал ее на обочину. Автомобиль этот — металлолом, и был им еще тогда, когда я его покупал на закрытой теперь стоянке подержанных машин, и что-то меня подмывало бросить его прямо здесь и уйти восвояси. Но как всегда: что я хотел сделать и что я сделал — это две разные вещи.

Я закрыл машину и перешел через дорогу к «Семь-одиннадцать», чтобы вызвать аварийку из «ААА».

И не так было бы противно, наверное, если бы машина сдохла поближе к дому, но эта зараза застряла в Тастине в добрых двадцати милях от Бри,

а воинственный неандерталец, которого «ААА» прислала меня буксировать домой, заявил, что обязан доставить мою машину к любому механику в радиусе пяти миль, а все, что вне этих пределов, обойдется мне в два с половиной за милю.

Денег у меня не было, но и терпение тоже кончилось, и я тогда велел ему тащить машину к «Зирсу» в Бри. Там я оплачу буксировку, займу на автомеханика и кто-нибудь меня подбросит домой.

И домой я попал одновременно с Джейн. Ей я кратко описал этот день, дал понять, что не в настроении разговаривать, и остаток дня молча пролежал на диване, уставившись в телевизор.

Они позвонили в пятницу к концу дня.

Подошла Джейн, послушала и передала мне трубку.

— Это насчет работы! — шепнула она.

Я взял трубку.

— Хелло?

— Боб? Это Джо Кернс из «Отомейтед интерфейс». У меня для вас хорошая новость.

— Я получил работу?

— Вы получили работу.

Тома Роджерса я помнил, но кто из двух безгласных интервьюеров был Джо Кернс, вспомнить не мог. Но это было без разницы.

Я получил работу.

— Можете приехать в понедельник?

— Конечно, — ответил я.

— Значит, тогда и увидимся. Приходите прямо в кадры, и там утрясем все формальности.

— Когда?

— В восемь утра.

— Костюм нужен?

— Хватит белой рубашки с галстуком.

Мне хотелось танцевать, прыгать, вопить в телефон. Но я только сказал:

— Большое вам спасибо, мистер Кернс.

— Увидимся в понедельник.

Джейн уставилась на меня с ожиданием. Я повесил трубку, обернулся к ней и расплылся в улыбке.

— Есть!

Мы отметили это дело в «Макдоналдсе». Уже много времени прошло, как мы вообще сидели дома, и даже такой выход был праздником. Я зарулил на стоянку и обернулся к Джейн. Постаравшись, чтобы мой голос звучал как можно более снобистско-британски и вложив в него все свое отсутствие актерского дара, я спросил:

— К окну выдачи для автомобилей, мадам?

Она подхватила игру, посмотрела на меня взглядом, полным социального превосходства, и чуть склонила голову в жесте отрицания.

— Разумеется, нет! — чопорно произнесла она. — Мы будем обедать в зале, как полагается цивилизованным людям!

И оба мы рассмеялись.

Когда мы входили в «Макдоналдс», мне было хорошо. Снаружи было прохладно, но внутри было тепло и уютно и вкусно пахло жареной картошкой. Мы решили покутить — к черту холестерин! — и заказали по «биг маку», по большой порции картошки, большому стакану кока-колы и яблочному пирогу. Потом мы сели на пластиковые стулья в отделении на четверых напротив статуи Рональда Макдональда в натуральную величину. В отделении рядом сидела семья — папа,

мама и двое одинаковых сыновей — и почему-то мне было покойно и приятно смотреть через плечо Джейн, как они едят.

Джейн подняла свой стакан кока-колы, протянула его ко мне до середины стола, приглашая меня сделать то же самое. Я так и сделал, и мы чокнулись бумажными стаканами.

— Будем здоровы! — улыбнулась Джейн.

Глава вторая

« томейтед интерфейс, инкорпорейтед». Название корпорации не говорило ни о чем и говорило обо всем. Обычное нагромождение терминов, которые выбирают себе в качестве клички тысячи современных предприятий, а для меня это значило, что компания, на которую я собираюсь работать, производит продукт, не имеющий ни реальной важности, ни реальной ценности, и, хотя компания, без сомнения, зарабатывает кучу денег, мир вряд ли заметит, если она завтра вдруг исчезнет с лица земли.

В точности такое место, в котором я никогда не собирался работать, и меня угнетало сознание, что это единственное место, куда меня берут.

Честно сказать, я никогда всерьез не задумывался над тем, какого же рода работу я хочу. Так далеко я никогда не планировал. Но теперь я понял, что я совсем не тот человек, каким себя считал — или каким хотел быть. Считал я себя человеком с интеллектом, с воображением, с творческой жилкой. Человеком искусства, можно сказать, хотя ничем даже близким к искусству я за

всю свою жизнь не занимался. Но теперь я видел, что мое прежнее восприятие самого себя было скорее навеяно литературой и кинематографом, чем анализом качеств, фактически мне свойственных.

Я заехал на стоянку, миновал целый ряд занятых мест, пока наконец смог втиснуть свой сверхширокий «бьюик» в сверхузкую щель между красным «триумфом» и белой «вольво». Я вышел из машины, поправил галстук и впервые внимательно посмотрел на здание, где мне предстояло трудиться. В прошлый раз оно мне показалось безликим. В этот раз — тоже. Фасад был весь стекло и бетон, современное здание, хотя и не настолько современное, чтобы это придало ему индивидуальность. Несмотря на ее отсутствие, что-то меня в нем привлекло. Мне показалось, что оно выглядит дружелюбно, почти гостеприимно, и впервые с момента утреннего пробуждения я ощутил какую-то надежду. Может быть, не так уж плоха окажется эта работа.

На стоянку заезжали еще машины, из стильных дорогих автомобилей выходили мужчины и женщины в деловых костюмах и платьях и шли деловой походкой к зданию, размахивая портфелями.

Я пошел за потоком.

Во время своего первого интервью я заметил только помещение отдела кадров и конференц-зал, где проходило собеседование. Теперь я осмотрел вестибюль внимательнее. Здесь впечатление стерильной новизны чуть омрачалось износом здания. Я видел протертую на ковре дорожку, слой пыли на пластиковых пальмах и фикусах по сторонам двери. Даже от высокой конторки охран-

ника при входе уже кое-где отставала и отскакивала деревянная отделка.

Люди целенаправленно шли через вестибюль, кивая охраннику и проходя мимо него к лифту. Я не знал, следует ли и мне поступить так же или сначала надо где-то отметитья, поэтому я подошел к охраннику.

— Извините... — сказал я.

Охранник смотрел сквозь меня, вроде бы не замечая моего присутствия. Кивнул проходящему мимо толстяку в массивных роговых очках:

— Привет, Джерри.

— Извините! — позвал я громче.

Глаза охранника сфокусировались на моем лице.

— Да?

— Я новый сотрудник. Меня только что приняли, и я не знаю...

Он мотнул головой в сторону лифта.

— На лифте в отдел кадров. Третий этаж.

Именно это и точно так же он сказал мне в прошлый раз, когда я приходил на интервью. Я хотел как-то это обшутить, но он уже забыл обо мне и снова смотрел мимо меня на других служащих, идущих по вестибюлю.

Я сказал «спасибо», хотя он и не слышал, и направился к лифту.

Его уже ждали две женщины, одной едва за тридцать, второй между сорока и пятьюдесятью. Они обсуждали недостаточность сексуального интереса молодой к ее мужу.

— Не то чтобы я его не любила, — говорила женщина. — Но как-то я не могу больше с ним кончить. Я притворяюсь — чтобы не ранить его чувства и не создавать ему проблем с самооцен-

кой, — но я этого уже не чувствую. Обычно я жду, пока он заснет, а тогда делаю это сама.

— Такие вещи идут циклами, — сказала пожилая. — Интерес вернется, ты не волнуйся.

— А что мне делать до того? Завести роман на стороне?

— Ты просто закрывай глаза и представляй себе кого-то другого. — Она замолчала, потом добавила: — Чуть побольше.

Обе засмеялись.

Я стоял рядом с молодой, но достаточно близко к ним обеим, и просто не мог поверить, что две незнакомые женщины ведут такой разговор в моем присутствии. Мне было неловко, и я старался не отрывать глаз от мелькающих цифр на индикаторе лифта.

Через несколько секунд двери открылись, и мы все трое вошли внутрь. Женщины нажали на пятый, я на третий.

Пожилая начала жаловаться на импотенцию своего мужа.

Я с облегчением вышел на третьем, как только открылись двери.

За барьером в отделе кадров было пятеро: две женщины средних лет возле компьютерных терминалов, женщина постарше перед письменным столом, вынимающая завтрак у себя из сумки, еще одна пожилая женщина за другим столом и симпатичная брюнетка моего возраста непосредственно перед барьером.

Я искал мистера Кернса, и хотя я не помнил, кто из интервьюеров это был, но за барьером не было никого даже смутно знакомого. Я прошел от двери до барьера и остановился перед девушкой.

— Здравствуйте, — сказал я. — Меня зовут Боб Джонс, и я...

Она улыбнулась в ответ:

— Мы вас ждали, мистер Джонс.

Я опоздал, мелькнуло у меня в голове. Опоздал в свой первый день.

Но девушка все так же улыбалась, и я сообразил, когда она подала мне конверт из плотной бумаги, что сейчас еще и восьми нет. Так как же я мог опоздать? Значит, они меня ждали, потому что я единственный сегодня новичок.

Я открыл конверт. Внутри была брошюра размером с покетбук и с названием «Справочник сотрудника ОИИ», несколько проспектов, авторучка и пачка форм, которые, очевидно, мне следовало заполнить.

— Мы должны уладить некоторые формальности перед тем, как вы подниметесь к себе в отдел и познакомитесь с мистером Бэнксом. Вам нужно заполнить бланк «дабл-ю четыре», бланки медицинской и стоматологической страховки, подписку о приеме наркотиков и дать некоторую дополнительную информацию для нашего кадрового учета, которая не входила в ваше заявление. — Девушка подошла к дверце в барьере и вышла наружу. — У нас есть еще так называемая «программа посвящения» для новых работников. Это не официальная презентация или что-нибудь в этом роде, это просто видеолента примерно на полчаса и сопроводительный обзор. Он есть в том пакете, который я вам только что дала.

Я тупо на нее смотрел, и она рассмеялась.

— Я знаю, что трудно проглотить сразу так много, но вы не беспокойтесь. Сейчас мы просто

пойдем в конференц-зал, вы там спокойно посмотрите ленту. Потом мы с вами заполним все эти анкеты и все прочее. Кстати, меня зовут Лиза.

Она улыбнулась мне, потом взглянула на пожилую женщину за барьером и показала вдаль по коридору. Та кивнула в ответ.

Лиза провела меня через тот же коридор, где я сидел в ожидании интервью, и я, проходя, бросил взгляд на закрытую дверь. Я все еще не понимал, почему меня взяли. По вопросам, которые мне задавали, я заключил, что они ищут человека, понимающего в компьютерах или хотя бы знакомого с ними. Но у меня компьютерного опыта не было вовсе. Я не только ничего о них не знал, но мне и не интересно было знать о них что бы то ни было.

Или все это — крупная ошибка?

Мы прошли по коридору и остановились перед какой-то дверью. Лиза толкнула ее, дверь открылась, и мы вошли.

— Возьмите стул, — сказала она.

Комната был пустой, если не считать длинного стола для заседаний, приставленных к нему стульев и видеодвойки в стойке на колесах у края стола. Я подтянул стул и сел, а Лиза включила телевизор и видеоманитофон. Она двигалась демонстративно, явно зная, насколько плотно заполняет тесные брюки, и мне были видны сквозь натянутую ткань очертания белья.

— О'кей, — сказала она. — Возьмите ручку и бланк обзора у себя в пакете. Вам они понадобятся к концу просмотра. — Она выпрямилась. — Я буду за столом в конце коридора. Когда закончите, подойдите ко мне, и мы с вами заполним все остальные формы. Ленту можете оставить в маг-

нитофоне, но телевизор при уходе выключите. Знаете, как?

— Соображу.

— Вот этой кнопкой. — Она щелкнула красной кнопкой в углу консоли, и телевизор мигнул и выключился. Она нажала кнопку еще раз, и телевизор снова ожил. — Увидимся через полчаса.

Она нажала кнопку на видеомагнитофоне, обошла стол, потрепала меня по плечу и вышла, закрыв за собой дверь.

Я откинулся на стуле и стал смотреть, но уже через несколько минут я понял, что мне это не нравится. На кассете было записано изложение современного состояния компании, и было это сделано профессионально и с использованием современной техники, но голос комментатора и назойливо жизнерадостная музыка звукового фона напомнили мне старые учебные фильмы начала шестидесятых, которыми меня пичкали в начальной школе. И это меня угнетало. Меня вообще угнетали любые воспоминания; наверное, поэтому я никогда не любил задумываться о прошлом. Не потому, что вспоминал при этом, что было, а потому, что задумывался, что могло бы быть. Прошрое мое не было блестящим, но тогда считалось, что таковым окажется будущее.

Не предполагалось, что я буду его проводить, глядя на рекламные ролики в компании «Отомейтед интерфейс».

И думать об этом мне не хотелось. Я отказывался позволить себе такие мысли. Я попытался отстроиться от звуковой дорожки и следить за видеорядом, но это не помогло, и оказалось, что я встал со стула, подошел к окну и смотрю на сто-

янку внизу, ожидая, пока закончится кассета. Когда голос стих, я вернулся к столу и тут сообразил, что не обратил внимания на вопросы для обзора в конце кассеты, но я посмотрел на форму, и там все было ясно. Я написал ответы по своему разумению, выключил телевизор и видеомаягнитофон, взял свой пакет и пошел обратно по коридору.

Еще двадцать минут ушло на заполнение остальных форм и ответы на вопросы, которые задавала Лиза. Еще я должен был заполнить две страницы личной информации для медицинской страховки, но Лиза сказала мне, что есть три варианта страховки, и информация будет передана страховой компании, согласно моему выбору.

— Если будут трудности или новые вопросы, какие бы то ни было, приходите ко мне.

Она улыбнулась, и улыбка эта показалась мне не просто дружеской. Уже прошло довольно много времени с тех пор, как я сам был свободен или кого-то искал, так что я, быть может, не так понял, но мне показалось, что она действительно заинтересована. Я вспомнил, как она потрепала меня по плечу, вспомнил, как наклонялась к телевизору. Она передала мне брошюры страховой компании и на кратчайшую секунду наши пальцы соприкоснулись. Я ощутил прохладную кожу — чуть дольше, чем нужно.

Она определенно флиртвала.

Тут я впервые заметил, что она без лифчика, и под тонкой блузкой видны очертания сосков.

Лицо у меня вспыхнуло, но я изо всех сил попытался это скрыть за улыбками, благодарностью, и плавно пятился от конторки к двери. Мне было

приятно, но в эти игры я не играл, и не хотел создавать у нее ложного впечатления.

— Кабинет мистера Бэнкса на пятом этаже, — сказала она. — Показать вам, где это?

Я качнул головой:

— Спасибо, я найду.

— О'кей, но если будут проблемы — свистните.

Она улыбнулась и помахала рукой.

— Обязательно, — ответил я. — Спасибо.

Я стоял возле лифта, мысленно его поторапливая и не решаясь обернуться, зная, что Лиза стоит и смотрит мне вслед. Наконец металлические двери разъехались, я вошел и нажал кнопку пятого этажа.

И через закрывающиеся двери помахал ей рукой.

Теда Бэнкса я нашел без труда. Когда двери открылись, он уже стоял снаружи и пожал мне руку сразу, как только я вышел.

— Рад вас видеть, — сказал он, хотя вид его выражал все, что угодно, только не радость. Теперь я его вспомнил. Это был тот самый пожилой с суровым лицом с моего интервью, один из тех двух, которые сидели молча. Он отпустил мою руку и улыбнулся, но улыбка была деланной и до глаз не доставала. Хотя его глаза не очень легко было рассмотреть за толстыми очками в черной оправе.

— Как вы насчет того, чтобы зайти ко мне в офис и познакомиться?

— О'кей, — ответил я.

— Ну и хорошо.

Я направился за ним в его кабинет. По дороге никто из нас не сказал ни слова, и я пожалел, что отказался от предложения Лизы меня проводить. Лица Бэнкса я не видел — только затылок, но мне

показалось, что он сердит. Что-то в его манере поведения было враждебное. Я подумал, не взяли ли меня вопреки его возражениям. Такое было чувство, что да.

В офисе он сел за стол в кожаное кресло с высокой спинкой и показал мне рукой на кресло перед столом.

— Ну вот, — сказал он, — теперь можно поговорить.

И мы стали говорить. То есть говорил он, а я слушал. Он рассказал мне о корпорации, об отделе, о моей работе. «Отомейтед интерфейс», говорил он, не только отраслевой лидер по разработке коммерческих программ для бизнеса, это еще и великолепное место работы. Она дает работнику комфортабельную и при этом профессиональную среду для работы, а также неограниченные возможности продвижения для людей со способностями и честолюбием. И самый важный отдел во всей организации, говорил он, — это отдел стандартов документации, поскольку именно по степени ясности документации к программам судят клиенты о дружелюбности продукта к пользователю. Документация — первое дело и для отдела Пи-Ар, и для отдела поддержки клиентов, и своим постоянным успехом корпорация во многом обязана качеству документации. Согласно Бэнксу, я в своей должности буду непосредственно влиять — к лучшему или к худшему — на положение всего отдела, а с ним и всей корпорации.

Я кивал, соглашался, притворяясь, будто знаю, о чем он вообще говорит, хотя у меня едва ли было об этом хоть самое смутное понятие. Программная документация? Дружелюбность к пользо-

вательно? Не те это были термины, которые я хорошо освоил или хотя бы был с ними знаком. Попадались фразы, которые я когда-то слышал, но тут же старался как следует забыть. Это был чужой язык, никак не мой.

— Есть у вас на данном этапе вопросы? — спросил Бэнкс.

Я покачал головой.

— Ну и хорошо.

Но уж тут было как угодно, только не хорошо. Он говорил, я слушал, но... как бы это описать? Атмосфера, что ли, была неуютная? Контакта между нами не было? Мы были разными людьми? Все это правда, но все это не передает моих ощущений тогда, в офисе. Потому что сидя там и глядя друг на друга, мы оба понимали, что мы друг друга не любим, и это никогда не изменится. Бывает такая мгновенная антипатия между людьми, которым никогда не поладить, невысказанное соглашение, признанное обеими сторонами, и это сейчас и происходило. Разговор оставался вежливым и официальным, но параллельно с ним шло что-то еще, и создаваемые при этом между нами отношения были куда как далеки от дружбы.

Если бы нам обоим было по десять и были мы в школе на игровой площадке, Тед Бэнкс был бы одним из тех хулиганов, что всегда рвали меня пополам.

— Вашим непосредственным начальником будет Рон Стюарт, — говорил Бэнкс. — Рон — координатор межофисных процедур и документации фазы два, и вы будете подчиняться непосредственно ему.

Будто по уговору, в дверь постучали.

— Войдите! — крикнул Бэнкс.

Дверь открылась, и в офис вошел Рон Стюарт. Я невзлюбил его с первого взгляда.

Почему — не знаю. Ни одной разумной причины не было. Я вообще не знал этого человека и никак не мог о нем судить, но первое впечатление было у меня сильным, очень сильным, и никак не благоприятным.

Стюарт уверенно вошел в комнату. Был он высоким и красивым, одет в безупречный серый костюм, белую рубашку и красный галстук. Вошел решительным шагом, с улыбкой протянул мне руку, и было что-то в его манере, в том, как надменно он шел и нес себя, что тут же произвело на меня противоположный задуманному эффект. Но я натянул на лицо улыбку, встал, пожал ему руку и поздоровался в ответ.

— Рад, что вы на нашем корабле, — сказал он. Голос его звучал сухо, кратко, по-деловому. Пожатие руки сильное и твердое. Слишком твердое.

«Рад, что вы на нашем корабле». Он еще не успел открыть рот, как я уже знал, что это он и скажет. Что будет использовать спортивные метафоры, приветствовать меня «на борту корабля», что будет рад видеть меня «в команде».

Я вежливо кивнул.

— Надеюсь, мы с вами сработаемся, Джонс. Из того, что я слышал, получается, что вы — ценное приобретение для «ОИ».

Из того, что он слышал? Я смотрел, как Стюарт сядил. А что он мог слышать.

— Я рассказывал Джонсу о нашей работе в целом, — сказал Бэнкс. — Может быть, вы рас-

скажете ему чуть подробнее об межофисных процедурах и документации фазы два?

Стюарт начал говорить, произнося явно уже заученный треп. Я слушал, где надо — кивал, но трудно было сосредоточиться на том, что он говорит. Тон его был невыносимо снисходительным, будто он объяснял простые вещи отсталому ребенку, и, хотя я не позволил этому отразиться у себя на лице, тон его меня раздражал, как звук гвоздя по стеклу.

Наконец Стюарт встал.

— Пошли, — сказал он. — Проведу вас по нашему отделу.

— О'кей, — отозвался я.

Мы спустились на лифте на четвертый этаж, прошли через кроличьи садки модульных рабочих станций, где сидели программисты фазы два. Он представил меня каждому: Эмери Филипс, Дэйв де Мотта, Стейси Керрин, Дэн Сран, Ким Томас, Гэри Ямагучи, Алберт Коннор и Пэм Грин. Почти все они казались народом симпатичным, но так углубились в работу, что это трудно даже передать. Только Стейси — низкорослая блондинка с видом исключительно умелого работника — подняла голову, когда меня представили. Она посмотрела мне в глаза, коротко кивнула, пожала мне руку и снова отвернулась. Остальные только коротко кивали головой или махали рукой в знак приветствия.

— У программистов очень напряженная работа, которая требует полной концентрации, — сказал Стюарт. — Не принимайте на свой счет, если они не слишком разговорчивы.

— Не буду, — пообещал я.

— Когда вы будете заниматься документацией систем, вам придется работать с ними в тесном контакте. Тогда вы увидите, что они совсем не так антисоциальны, как кажутся на первый взгляд.

Мы вышли из зоны программистов и миновали ряд комнат со стеклянными стенами, где велось тестирование и прочая вспомогательная деятельность. Он представил меня Хоуп Уильямс, секретарше отдела, и Лоис й Вирджинии — двум женщинам из стенографии, с которыми мы делили третий этаж.

Пришло время отправляться в мой офис.

Мой офис.

В моем представлении слово «офис» вызывало образ просторного помещения. Плюшевые ковры, деревянные панели и дубовый стол. Окно с красивым видом. Книжные полки. Что-то вроде того, что было у Бэнкса. Вместо этого меня провели в тесную и узкую клетушку, чуть больше, чем чулан при входе у моих родителей. Там стояли два стола — уродливые металлические бегемоты, занимавшие почти все место и стоявшие друг к другу почти впритык, так, что между ними можно было только протиснуться. Оба стола были обращены лицом к пустой стене — белой перегородке, разделенной на несколько сегментов соединительными металлическими полосами, идущими от потолка к полу. За столами стоял ряд серых металлических ящиков для папок.

За ближайшим к двери столом сидел старик с венчиком седых волос, маленькими жесткими глазками и воинственным взглядом мелкого клерка на грани пенсии. Когда я вошел в офис, он уставился на меня в упор.

Это была его территория, я был нарушителем границ, и он хотел, чтобы я это знал.

Все надежды, которые у меня были на интересную работу в приятной рабочей обстановке, умерли окончательно и навсегда. Я заставил себя кивнуть и улыбнуться человеку, которого Стюарт представил мне просто как Дерек.

— Привет, — сухо сказал Дерек. Его лицо было воплощением тупого невежества: приплюснутый нос, небольшой рот с выступающей нижней губой, крохотные глаза, полные нетерпимости. Это лицо выражало полное отсутствие терпимости к этническим группам, другим поколениям, противоположному полу. Он протянул руку навстречу моей и пожал ее, но по выражению лица его было ясно, что слишком я соплив еще, чтобы принимать меня всерьез. Ладонь у него была холодная и липкая, и он тут же сел обратно и заскреб ручкой по какой-то бумаге, притворяясь, что не видит меня в упор.

— Что ж, вам примерно час на обустройство. Дерек вам тут покажет, что и как, правда, Дерек?

Старик поднял глаза и кивнул без энтузиазма.

— Посмотрите свой стол, сохраните, что вам будет нужно, выбросьте все остальное. После перерыва, может быть, я к вам загляну и начнем разговор о вашем первом задании.

Как и у Бэнкса, в его речи было несколько уровней. На поверхности шли стандартные ни к чему не обязывающие слова, но было в его изложении подводное течение, которое довело до моего сведения, что не быть мне членом «команды», как бы я ни старался.

— Загляну позже, — повторил Стюарт, снова крепко пожал мне руку и исчез.

Я протиснулся мимо стола Дерека в тесный и вдруг тихий офис и пробрался к своему столу. Неуклюже сел на предоставленный мне древний врашающийся стул.

Все было не так, как я ожидал. Где-то в подсознании я полагал, что это будет как в фильме «Как преуспеть в бизнесе, не особенно стараясь». Я его видел по телевизору, когда был маленьким, и пусть я никогда не думал о карьере в бизнесе, этот фильм представил мне корпоративный мир в сильно приукрашенном виде и создал у меня представление, которого не поколебали более суровые и реалистичные фильмы — их я без труда стер из своей памяти.

Но чистые стилизованные офисы и комнаты для совещаний, где распевал Роберт Морс, были куда как не похожи на тесные клаустрофобные клетки, в одной из которых я теперь оказался.

Я открывал ящики стола, но что выбрасывать — не понимал. Слишком мало я знал о своей работе, чтобы решить, что мне нужно, а что нет.

Я посмотрел на Дерека. Он улыбнулся мне, но недостаточно быстро, чтобы стереть неприятное выражение, которое было у него на лице до того.

— Новая работа, — сказал он, покачивая головой, будто разделяя со мной этот опыт.

— Ага, — ответил я, не зная, что еще можно сказать.

Я посмотрел на свой стол. Металлические коробки входящих и исходящих были обе заполнены, а рядом с ними лежала подборка книг: «Тезаурус» Роджета, «Новый университетский словарь» Уэбстера, «Творческое написание техниче-

ких инструкций», «Словарь компьютерной терминологии».

Технические инструкции? Компьютерная терминология? Я уже чувствовал себя самозванцем, хотя еще официально работу не начал. Я же ничего об этом не знаю!

Я еще не знал точно, в чем мои обязанности. Лиза дала мне должностную инструкцию на одну страничку, но там все было так же неясно и расплывчато, как и в той, что дали мне на интервью. Общая идея того, что от меня требуется, у меня была, но какие конкретные задания я должен выполнять, точные требования к моей должности мне никто не сообщил, и я был растерян. Я хотел было спросить об этом у Дерека — в конце концов он должен был показать мне, «что и как», — но, когда я посмотрел в его сторону, он подчеркнуто внимательно и сосредоточенно разглядывал лежащий перед ним напечатанный лист, и я понял, что со мной говорить он не хочет.

Следуя его примеру, я вынул пачку бумаг из коробки входящих и начал разбирать их по одной. Я понятия не имел, на что смотрю, но это, кажется, не имело значения. Дерек ничего мне не говорил, и я продолжал просматривать страницу за страницей, притворяясь, будто знаю, что делаю.

Примерно через час телефон на моем столе дважды прогудел, хотя мне казалось, что прошло уже пять часов.

— Это мистер Стюарт, — произнес Дерек свои первые слова после загадочных «Новая работа». — Нажмите звездочку и семь.

Я снял трубку, нажал кнопку со звездочкой и потом с семеркой.

— Да?

— Нет. — Голос Стюарта звучал напористо и недовольно. — Когда вы отвечаете на звонок, вы говорите: «Межофисные процедуры и документация фазы два. У телефона Боб Джонс».

— Извините, — ответил я. — Мне этого не сказали.

— Теперь вам сказали. Я бы не хотел еще когда-нибудь услышать от вас по телефону неверный ответ.

— Извините, — повторил я.

— Может быть, я забыл вам сообщить, — сказал Стюарт, — но вам полагаются в день два пятнадцатиминутных перерыва и час на ленч. Перерывы можно делать в десять утром и в три часа днем. Ленч с двенадцати до часу. Перерывы можно проводить на рабочем месте либо в комнате отдыха четвертого этажа. На ленч вы можете выходить из здания и отправляться куда угодно, лишь бы вы в час уже были на рабочем месте.

— О'кей, — сказал я. — Спасибо.

Трубка щелкнула мне в ухо, и я в страхе посмотрел вниз. Я вертел в пальцах телефонный провод и, подумал я, мог случайно разорвать соединение. Но я увидел, что моя рука достаточно далеко от аппарата, и тогда я сообразил, что Стюарт просто повесил трубку без предупреждения.

Я положил трубку на место и поднял глаза на Дерека:

— Где тут комната отдыха?

— В конце коридора направо, — ответил он, не отрываясь от бумаг.

Комната отдыха оказалась не больше гостиной в нашей квартире. У стены стоял холодильник

ник и автомат с прохладительными напитками, у другой стены — потрепанный диван, посреди комнаты — два разных обеденных стола. В комнате пахло старыми дамами, лежалым бельем и назойливыми духами. Под этим угадывался более слабый фон застоявшегося запаха — то ли завтрака из холодильника, то ли человеческое тело.

Вокруг ближайшего стола сидели три старухи, одетые в слишком яркие цветастые блузки и брючные костюмы, которые были в моде тридцать лет назад. Одна из них, с волосами, окрашенными существенно сильнее, чем следовало бы, поклевывала печенье, глядя в пространство; две другие потягивали кофе, лениво перелистывая изрядно засаленный номер «Редбука». Все они молчали. Когда я вошел в комнату, они еле обернулись на звук шагов.

За каким чертом я сюда притащился? Вдруг я пожалел, что не оставил за собой подработку у «Зирса» для страховки. Тогда я мог бы плюнуть на эту работу. Мы оба подрабатывали и жили бедно, но как-то перебивались, и знал бы я, как оно выйдет, я бы послал это место подальше и ждал бы другого.

Но теперь я был в ловушке, пока не смогу найти что-нибудь взамен.

Я поклялся про себя начать снова рассылать резюме, как только смогу.

«Кока» стоила пятьдесят центов. У меня с собой было три четвертака, и я бросил два из них в автомат и нажал кнопку. Выкатилась банка шаста-колы. «Шаста»? На автомате красовалась эмблема кока-колы.

Не следует удивляться.

Когда я вернулся, Стюарт сидел на моем стуле. Он повернулся вместе со стулом ко мне, когда я вошел.

— Где вы были? — спросил он.

Я посмотрел на часы над ящиками с папками. Меня не было меньше десяти минут.

— На перерыве, — ответил я.

Он покачал головой: .

— А вы не из этих?

Я не понял, о чем он говорит.

— По закону вам полагается перерыв, — объяснил он. — Но не злоупотребляйте этим правом.

Я хотел ответить, хотел напомнить, что это он мне позвонил и напомнил о пятнадцатиминутном перерыве, а меня не было всего семь или восемь минут, но я не решился. И просто кивнул:

— О'кей.

— Ладно, с этим все.

Я ждал. Он не встал с моего стула, а откинулся на спинку и посмотрел на пачку бумаг у себя в руке. Я неуклюже стоял перед собственным столом.

— Первого января, — произнес он, — «Отомейтед интерфейс» выйдет на рынок с новым программным пакетом под названием PayPer. Это интегрированная информационная система расчета зарплаты и учета кадров, которая даст пользователям возможность одновременно вести личные дела персонала и рассчитывать зарплату, а также рассчитывать налоги федеральные и местные, учитывая также предналоги и постналоги гибких корпоративных программ. Я хочу, чтобы вы составили описание этого продукта для пресс-релиза, который я готовлю.

Хотя я чувствовал, что повисаю в воздухе, я кивнул с таким видом, который, как я надеялся, выражал уверенность и компетентность.

— Я вам оставляю этот обзор, чтобы вы посмотрели. — Он наклонился, положил пачку бумаг на мой стол и встал. — Не думаю, что у вас будут трудности, но если что, просто мне позвоните. Описание можете отдать сегодня перед уходом или даже завтра утром, если хотите. Так что времени на работу у вас более чем достаточно.

Я снова кивнул, прижимаясь к стенке, чтобы его пропустить, когда он шел мимо стола.

Потом я сел и посмотрел на оставленные им бумаги. Я так и не понял, чего он хочет. Описание? Что это значит? Никаких стилистических указаний мне не дали, образцов прежних пресс-релизов компании тоже у меня не было, мне не было сказано: вот этого мы хотим, а вот этого мы не хотим. Не был указан объем или число строк. Я был предоставлен сам себе, и я понял, что это — первое мое испытание на новой работе, и что лучше бы мне его выдержать.

Когда я взглянул на Дерека, он улыбался. На этот раз по-настоящему.

Улыбка его мне не понравилась.

Я понял, что Стюарт пишет пресс-релиз, и что я должен написать для него краткое описание этой самой системы PayPer, чтобы он его туда включил. Я прочел информацию, которую он мне оставил, — это в основном было подробное описание PayPer, написанное с технической точки зрения, и решил, что моя работа — упростить его и перефразировать.

Я не заметил, как настало двенадцать, и Дерек стал откладывать бумаги и собираться на ленч. В коридоре за офисом я увидел, что проходящие тащат бумажные пакеты с ленчем или вертят ключи, направляясь к лифту. Идти на ленч с Дерекком я не хотел, и потому подождал, пока он уйдет, дал ему еще несколько минут форы и только потом вышел к лифту.

Ленча я с собой не принес, и не особенно хотелось мне час шататься по всему зданию, и потому я спустился на лифте на первый этаж и пошел к своей машине. По дороге я заметил закусочную «Тако белл» и решил поесть там.

Очевидно, многие из «Отомейтед интерфейс» и других ближайших корпораций додумались до той же идеи, поэтому в «Тако белл» народу было полно. Мне пришлось ждать полчаса, пока я смог заказать себе еду, и есть пришлось в машине, потому что свободных столов не было. Когда я кончил есть, вернулся к работе и нашел место для парковки, я уже знал, что мой час кончается.

Отныне, решил я, буду приносить ленч с собой.

На стоянке я увидел, как Лиза идет от своей машины, и помахал ей рукой. Она посмотрела пустым взглядом и отвернулась. Слишком поздно я понял, что ее спектакль в отделе кадров именно этим и был — спектаклем. Она вовсе и не заигрывала. Конечно, она точно так же улыбалась каждому, и точно так же касалась каждого рукой.

Я вернулся к себе в офис, ощущая себя покараным и униженным.

Описание я закончил к двум, но нужно было убить еще три часа, так что я потратил это время на отделку его до совершенства. Потом перепеча-

тал его на пишущей машинке, которая стояла рядом со столом, и в четыре тридцать отнес его Стюарту. Он ничего не сказал, читая его, и на его лице тоже ничего нельзя было прочесть. Он не сказал, что это блестяще, и не сказал, что это дерьмо, потому я решил, что оно вполне приемлемо.

Он сунул страничку в ящик.

— В следующий раз, — сказал он, — я хочу, чтобы вы писали на компьютере, тогда можно будет редактировать вашу работу. Я собираюсь сказать, чтобы машинку из вашего офиса забрали.

Я не был так хорошо знаком с текстовыми процессорами, но в колледже имел практику работы с одним из них и был вполне уверен, что легко справлюсь. Поэтому я кивнул.

— Я бы так и сделал и на этот раз, — сказал я, — но мне никто не сказал, где стоит компьютер.

Он поднял на меня глаза.

— Иногда следует самому проявлять инициативу.

Я кивнул и ничего не сказал.

Когда я вернулся домой, Джейн готовила спагетти на обед, а я снял пиджак и галстук, бросил их на спинку дивана и пошел на кухню. Странно было вернуться домой вот так. В квартире было тепло и стоял запах готовящейся еды, по телевизору шли местные новости, и хотя они были довольно рутинными, я не сразу врубился, потому что к моему приходу они уже какое-то время шли. Меня не было дома, когда Джейн закрывала окна от вечерней прохлады, меня не было дома, когда она включила телевизор, чтобы смотреть Донахью, меня не было дома, когда она начала готовить обед, и теперь я был здесь как посторонний, как незна-

комец. Наверное, я привык к тому, как было раньше, когда я подрабатывал полдня и добрую часть дневного времени торчал дома, и изменение привычного распорядка дня выбило меня из колеи сильнее, чем я ожидал.

Я вошел в кухню, и Джейн повернулась ко мне с улыбкой, все еще помешивая спагетти.

— Как оно было? — спросила она.

Она не спросила: «Как прошел день, милый?», но намерение у нее было именно такое, и почему-то это мне не понравилось. Слишком оно было как... «Оззи и Гарриэт», как мыльная опера. Я пожал плечами и ответил: «О'кей». Я хотел рассказать о Лизе, о Бэнксе и Стюарте, о Дерекe, о своем мерзком офисе и мерзкой комнате отдыха и мерзкой работе, но вопрос ее почему-то сбил меня с мыслей, и я просто сидел молча, глядя через кухонную дверь на телевизор в гостиной.

Я открыл шлюзы потом, за обедом, рассказал ей все, извинился за то, что раньше молчал. Я не знал, чего это я решил на нее сорваться — такого за мной раньше никогда не водилось, — но она поняла меня с полуслова.

— Первый день всегда самый худший, — сказала она, собирая тарелки и относя их в раковину.

Я закрыл крышку банки с пармезаном.

— Надеюсь, что так.

Она вернулась к столу, опустила руку вниз и чуть сдавила мой пенис.

— Не волнуйся, я тебя потом развеселю.

После обеда мы посмотрели телевизор — нашу обычную понедельничную подборку грубоватых комедий, но потом я сказал, что мне нужно сегодня лечь пораньше, чтобы в шесть проснуться на

работу, и мы пошли в спальню в десять вместо обычных одиннадцати.

— Пойдешь со мной в душ? — спросила она, когда я сел на кровать.

Я покачал головой.

— Не в настроении.

— Слишком устал?

Я улыбнулся.

— Ага, — сказал я. — Слишком устал.

В нашем лексиконе «слишком устал» было эвфемизмом для орального секса. Он возник почти сразу, когда мы переехали в одну квартиру. Как-то вечером Джейн захотелось любви, но я не был уверен, что к этому готов, и потому сказал ей, что слишком устал. Потом я закрыл глаза и тут же ощутил ее рот, открытый и готовый к делу. Это было чудесно, и с тех пор фраза «слишком устал» приобрела для нас новое значение.

Джейн быстро меня поцеловала:

— Ладно, тогда я сейчас вернусь.

Я разделся и заполз в кровать. Я был возбужден, и у меня уже возникла эрекция, но я на самом деле устал, а потому лег на спину и закрыл глаза, слушая, как шумит вода в ванной. Когда Джейн вылезла из душа, я уже спал мертвым сном.

Глава третья

Помощник координатора по межофисным процедурам и документации фазы два.

Несмотря на то, что подразумевало это довольно претенциозное наименование, это оказалось не намного больше, чем знаменитая должность клер-

ка. Я печатал записки, которые надо было напечатать, вычитывал инструкции на предмет опечаток и вообще делал работу, которую координатор по межофисным процедурам и документации фазы два не хотел давать секретарше, а сам тоже не хотел делать.

Либо первое задание было исключением из правил, либо я его так жалко провалил, что Стюарт не хотел снова рисковать, давая мне настоящую работу.

Спрашивать я боялся.

Первые дни я пытался поговорить с Дерекком, каждое утро здороваясь и каждый вечер прощаясь, иногда пытаюсь завязать разговор и в другое время дня. Но все мои усилия наталкивались на то же каменное молчание, и вскоре я бросил. Технически мы были всего лишь коллегами по офису, но наши отношения были еще более безличными. У нас было общее рабочее место — и только. Точка.

Угнетало меня то, что это был не только Дерек. Мне казалось, что никто не хочет со мной разговаривать. Почему — я не понимал. Я был новичком, никто меня не знал, и я, стараясь познакомиться с товарищами по работе, кивал, махал руками, проходя по коридору, говорил «привет», «доброе утро», «как жизнь?» но чаще всего я встречал пустые взгляды, и на мои приветствия не отвечали. Иногда бывало, что кто-нибудь помажет в ответ, слегка улыбнется или скажет «привет», но это были исключения, а не правила, и исключения чертовски редкие.

Среди программистов мое присутствие едва терпели. Мне не нужно было взаимодействовать с ними постоянно, но несколько раз за свои первые дни мне приходилось заходить к ним в загон — либо занести экземпляры служебных записок, либо забрать бумаги на вычитку, и они явно выражали мне свое презрение, либо не замечая меня, либо обращаясь со мной так, будто я невольник — безличный бесчувственный автомат, который только выполняет свои профессиональные обязанности.

Довольно часто я встречал кого-нибудь из них в комнате отдыха и пытался сломать лед и создать какие-то личные отношения, но все мои попытки неуклонно проваливались. Дважды я заговаривал со Стейси Керрин — блондинкой, и из того, что она сказала и чего не сказала, я вывел, что моего предшественника в отделе любили. Он явно поддерживал дружбу с программистами и вне работы. Она говорила о нем с теплотой, как о равном.

Но я — я был, несомненно, гражданином второго сорта.

Я хотел чувствовать себя выше этих людей — и должен был так себя чувствовать; они же все были зануды узколобые, зашоренные дубины все до одного — но в их присутствии я чувствовал себя не в своей тарелке и даже слегка их побаивался. В реальном мире они могли быть и неудачниками, но в своем мире они были нормальными, а я — отверженным.

Большинство перерывов я стал проводить у себя за столом, в одиночестве.

В пятницу Стюарт дал мне задание выправить грамматику в старой главе отдельского руковод-

ства по стандартам, и я битый час провел, пытаюсь выровнять бумагу в принтере. Мне полагалось закончить эту работу до полудня, но пришлось ждать, пока будут отпечатаны все страницы.

Когда я отксерил всю главу, положил экземпляр на стол Стюарту и смог наконец выйти, уже была половина первого.

Два «БМВ», которые стояли утром по бокам моей машины, уехали, и выехать со стоянки было легко. В «бьюике» почти кончился бензин, а между зданием корпорации и фривеем заправок не было, и потому я решил поехать в другую сторону. Я решил, что где-нибудь на перекрестке попадутся «Шелл» или «Тексако».

И через десять минут я уже безнадежно заблудился.

Мне никогда еще не приходилось ездить по Ирвайну. Я проезжал его по дороге в Сан-Диего, по дороге к морю мой путь зацеплял его краем, но внутри него я никогда не был. Города я не знал, и, направляясь к югу по Эмери, я невольно был захвачен его монохромной одинаковостью. Я проезжал милю за милей, не встречая ни магазина, ни заправки, ни торгового центра любого рода. Только ряд за рядом одинаковые коричневатые двухэтажные дома за бесконечными красноватыми кирпичными стенами. Проехав четыре светофора, я повернул на пятом. Ни одного названия улицы я не узнал, и потому продолжал поворачивать то вправо, то влево в надежде найти заправку или хотя бы магазинчик, где мне покажут дорогу на заправку, но всюду была все та же кирпичная стена по обеим сторонам улицы. Как город-лабиринт из научно-фантастической книжки, и я уже

начинал беспокоиться, потому что бензомер решительно опустился до отметки «Е». Но беспокойство не захватило меня полностью, и каким-то краем сознания все это казалось мне интересным. Ирвайн был распланированным городом, где учреждения находились в своем районе, жилые дома — в своем, фермы — в своем, и магазины и заправки, очевидно, тоже в своем. Что-то в этом меня привлекало, и хотя я боялся, что у меня кончится бензин, мне здесь почему-то было уютно. Это единообразие лабиринта улиц и домов меня заманивало и чем-то заинтересовывало.

Наконец я нашел «Арко», замаскированную под обычный угловой дом с той же кирпичной стеной; я заправился и спросил, как выехать на Эмери. Это оказалось неожиданно просто — я заехал не так далеко, как думал. Поблагодарив за указания, я уехал.

После своей увеселительной прогулки мне стало почему-то легче.

Я пообещал сам себе посвятить время своих перерывов исследованию Ирвайна.

Тащились дни.

Работа была отупляюще скучна, и еще более скучна от сознания, что она абсолютно бесполезна. Насколько я мог понять, компания «Отомейтед интерфейс» обошлась бы без меня легко. Корпорация вообще могла бы сократить мою должность, и никто бы этого не заметил.

Как-то вечером за ужином я сообщил это Джейн, и она попыталась мне объяснить, что, если разобраться как следует, почти все работы бесполезны.

— Есть же люди, которые работают на все эти компании, выпускающие дезодорант для ног или магниты, которые похожи на бутерброды и печенье? На самом деле эта ерунда никому не нужна, и значит, никому не нужна работа этих людей.

— Да, но ведь их покупают. Людям это зачем-то нужно.

— И компьютерные штуки людям тоже нужны.

— Но я же даже не делаю эти компьютерные штуки. Я не проектирую, не выпускаю, не продаю...

— В каждой компании есть люди на такой работе, как твоя.

— От этого она не становится лучше.

Джейн подняла на меня глаза.

— Так чего же ты хочешь? Отправиться в Африку и кормить голодающих детей? Мне кажется, что это не про тебя.

— Я же не говорю, что...

— А что же ты говоришь?

Я сменил тему. Мне не удавалось сформулировать, что я хочу сказать. Я ощущал себя бесполезным и ненужным — виноватым, можно сказать, — каждый раз принимая чек за работу, когда на самом деле я ничего не сделал. Это было странное чувство и уж точно не такое, чтобы можно было объяснить Джейн, но оно меня угнетало, и не обращать на него внимания я не мог.

Хоть я и не любил свою работу, не настолько я ее и ненавидел, чтобы бросить. В глубине сознания теплилась мысль, что это временно, просто чтобы продержаться, пока я найду работу, которую хочу по-настоящему. Я говорил себе, что это переходная фаза между колледжем и моей настоящей работой.

Но я понятия не имел, какой моя «настоящая» работа должна быть.

Чему я быстро научился — это тому, что в большой корпорации столько же времени проводится за фактической работой, сколько и за созданием ее видимости. Недельный пакет заданий, которые я получал по понедельникам, я мог легко выполнить к среде, но это в кино и в телевизоре работники с энтузиазмом выполняют задание в рекордное время и с энтузиазмом просят еще работы, производя впечатление на вышестоящих и продвигаясь вверх по иерархии корпораций, прыгая через ступеньку. Мне сразу дали понять, что такая инициатива в реальной жизни не только не поощряется, но решительно не приветствуется. Каждый человек в иерархии компании прежде всего защищал свою задницу. Каждый из них за многие годы выработал для себя удобное соотношение объемов работы и безделья, и если бы я вдруг стал печь документацию, как блины, это изменило бы кривую продуктивности компании и заставило бы их собственные показатели выглядеть не очень хорошо. От меня ожидалось, что моя производительность будет на долю миллиметра лучше, чем у моего предшественника. Точка. Мне полагалось вжиться в заранее приготовленную для меня нишу и придерживаться ее границ. Принцип Питера в действии.

То есть у меня оказалась чертова уйма времени, которое надо было куда-то девать.

Я быстро научился брать пример с окружающих и открыл много способов симуляции усердной работы. Когда Стюарт или Бэнкс останавливались у моего офиса посмотреть, чем я занимаюсь, их встре-

чал шелест бумаг, разбор папок на столе, пулеметный треск перебираемых папок в ящиках. Не знаю, замечал ли мои представления Дерек, но если да, он ничего не говорил. Я подозревал, что он делает то же самое, поскольку он вдруг становился куда более занят, если его начальник или руководитель отдела вдруг входил в офис.

Мне не хватало обстановки колледжа, и я много времени проводил, думая о ней. Там было весело, и хотя всего полгода прошло, как я получил диплом, эта жизнь ушла за миллион миль от меня. Мне не хватало общества людей моего возраста, не хватало просто безделья и бесцельных шатаний. Я вспомнил, как ходил с Крейгом Миллером в «Эрогенную зону» — лавку игрушек для взрослых в ряду сомнительных лавчонок рядом с кампусом. В то время мы ездили с ним в одной машине, и Крейг предложил остановиться у этой лавки. Я там никогда не бывал, мне было любопытно, и я согласился. Мы заехали на стоянку и вошли в магазин, позвонив в колокольчик над дверью. Три продавца и несколько покупателей обернулись к нам. «Крейг!» — воскликнули они в унисон. Это мне напомнило телепередачу «Привет!», когда все содержатели баров орут «Норм!», и я не мог удержаться от смеха. Крейг застенчиво улыбнулся, и я помню, как подумал словами песни насчет того, как хорошо там, где все тебя знают по имени.

В «Отомейтед интерфейс» никто меня по имени не знал.

Я до сих пор не понимал толком, почему меня взяли на работу, поскольку и Стюарт, и Бэнкс явно

меня презирали. Может быть, я шел по какой-то квоте? Подходил по критерию возраста или этнической принадлежности? Понятия не имел. Я только знал, что если бы это зависело от Бэнкса и Стюарта, не видать бы мне этой работы.

Тогда Бэнкса я видал редко, но когда он время от времени обходил отдел, он был со мной груб и излишне колюч. Без всякого повода он делал уничижительные комментарии по поводу моей прически, галстуков, осанки — всего, что приходило ему на ум. Я не представлял себе, зачем ему это надо, но старался не обращать внимания.

Не обращать внимания на Рона Стюарта было труднее. Он в своей неприязни не был так очевидно груб, как Бэнкс, наружно он даже был со мной вежлив. Но было в нем что-то такое, что гладило меня против шерсти. Когда он говорил, всегда в его голосе слышалась нотка снисхождения. Его слова были достаточно приятны, но высказывались они так, что не оставалось сомнений, что он куда как превосходит меня по интеллекту и положению и вообще делает мне одолжение, разговаривая со мной.

И самое противное было то, что, разговаривая с ним, я не мог избавиться от ощущения, что он *действительно* меня превосходит, что он более интеллектуален, более интересен, более утончен, более — все на свете. Слова, которыми он изъяснялся, были дружелюбными словами, которыми обращаются к равному, но отношение за ними, тонко скрытое в подтекстах, говорило совсем о другом, и я заметил, что веду себя несколько сервильно, как почтительная мелкая сошка перед самодовольным начальником, и ненавидел себя за это, но сделать ничего не мог.

Бенкс и Стюарт

Я стал думать, нет ли у меня паранойи. Может быть, Бэнкс и Стюарт так вообще с каждым обращаются.

Нет. Бэнкс шутил с программистами, был вежлив с секретаршей и стенографистками. Стюарт был дружелюбен со всеми прочими своими подчиненными. Он даже позволял себе небольшой треп с Дерексом.

Я был единственным объектом их враждебности.

Прошел примерно месяц, как меня взяли на работу. Однажды Стюарт и Бэнкс остановились в коридоре возле моего офиса. Они говорили громко, будто хотели, чтобы я их наверняка услышал.

Я услышал:

Бэнкс: *Как он работает?*

Стюарт: *Не командный игрок. Не знаю, сможет ли он вообще вработаться в наш ритм.*

Бэнкс: *У нас для лодырей места нет.*

Моя первая аттестация ожидалась не раньше, чем через два месяца. Они просто меня провоцировали, и я это знал, но все равно разозлился и не мог оставить подобные обвинения без ответа. Я встал, обошел вокруг стола и вышел в коридор твердым шагом.

— К вашему сведению, — объявил я, глядя им в глаза, — я выполняю все задания, которые мне дают, и выполняю их вовремя.

Стюарт посмотрел на меня с улыбкой.

— Это прекрасно, Джонс.

— Я слышал, что вы обо мне говорили...

Тут и Бэнкс улыбнулся — снисходительно, весь простодушие.

— Мы о вас не говорили, Джонс. Что заставило вас подумать, что мы говорим о вас?

Я устался на него.

— И почему вы подслушиваете наш частный разговор?

На это у меня ответа не было — ничего такого, что не прозвучало бы как оправдание, и потому я отступил, покраснев, обратно в офис. А Дерек ухмылялся за своим столом.

— Вперед тебе наука.

«Так твою мать! — хотел я ответить. — Чтоб ты сдох, говна нажравшись!»

Но я сделал вид, что его не замечаю, снял колпачок с авторучки и молча вернулся к работе.

В этот вечер, когда я вернулся домой, Джейн заявила, что хочет куда-нибудь пойти, что-нибудь сделать. Мы не выходили из дому с тех пор, как я получил работу, и Джейн стала тяготиться домом не на шутку. Честно говоря, я тоже, и мы решили, что неплохо будет куда-нибудь съездить.

И мы поехали в Бальбоа и поужинали в «Краб кукере», заказали по миске похлебки из моллюсков и съели их на скамейке возле ресторана, наблюдая за прохожими и отпуская замечания. Потом мы проехали по полуострову до пирса через Зону развлечений и припарковались на маленькой стоянке возле самого пирса. Это всегда было «наше» место. Здесь прошло много наших свиданий в дни нашей бедности, сюда я привез Джейн, когда мы в первый раз выехали из дому, сюда мы потом приезжали на автомобиле. За первые два года наших отношений, когда мы не могли позволить себе даже сходить в кино, мы приезжали сюда: шли через Зону развлечений, по-

купали всякую мелочь в прибрежных лавочках, смотрели, как резвятся ребяташки на аттракционах, смотрели на лодки в заливе, съедали по гамбургеру у конца пирса.

Потом, когда люди уже расходились и лавки закрывались, мы обычно предавались любви на заднем сиденье моего «бьюика».

Теперь было непривычно идти через Зону развлечений. Впервые мы могли позволить себе купить футболку, если бы захотели. Мы могли поиграть на автоматах. Но по привычке мы ничего этого не делали. Мы шли, взявшись за руки, мимо кучки панков в кожаных куртках, прислонившихся к ограде поломанного колеса смеха, мимо будки, где продавали билеты на ночной круиз по заливу. Воздух был наполнен запахом дешевой еды — гамбургеров, пиццы, картофельных чипсов — а за ними фоном угадывался рыбный запах моря.

Мы зашли в лавку ракушек, и Джейн решила, что хочет раковину морского ежа, и я ей такую купил. Потом мы поехали на пароме на остров Бальбоа, не спеша обошли его по периметру за час, купили в киоске с мороженым замороженных бананов и поехали обратно.

Возвращаясь на автостоянку у пирса, мы услышали музыку и увидели группу отлично упакованных яппи на тротуаре перед небольшим клубом. Неоновая вывеска между открытой дверью и затемненным окном гласила: КАФЕ СТУДИО, а на написанной от руки афиши у дверей висело объявление: СЕГОДНЯ: СЭНДИ ОУЭН. Мы остановились послушать. Музыка была интересной: джазовый саксофон, то горячечный, то глад-

ко-прохладный на фоне парящей вибрации фортепиано — и это было не похоже ни на что, мною слышанное. Общий эффект был гипнотизирующий, и мы стояли на тротуаре минут десять и слушали, пока напор толпы не заставил нас пойти дальше.

Вместо того чтобы вернуться к машине, мы пошли по уходящему вверх тротуару на пирс. «Руби» виднелся квадратиком света на фоне темного океана, а пирс был усыпан рыбаками и испещрен парочками. Мы миновали группу темноволосых, темнокожих и в темных одеждах школьников, говорящих по-испански, старика на полинялой деревянной скамейке. Музыка следовала за нами, наплывая и уплывая вместе с бризом, и почему-то мы будто были не в округе Орандж. Казалось, что мы в каком-то другом, лучшем месте, в киноверсии Южной Калифорнии, где воздух чист и люди хороши и все чудесно.

«Руби» был загружен под завязку, толпа желающих поесть кучковалась возле небольшого здания, внутри у хромированных столиков обедали люди. Мы с Джейн обошли ресторан вокруг и нашли себе место между двумя рыбаками. Океан был черен, ночь темнее и глубже, чем на суше, и я глядел во тьму, видя только качающийся огонь лодки на воде. Я обнял Джейн рукой за плечи и обернулся к берегу, опираясь спиной на металлические перила. Над Ньюпортом небо отсвечивало оранжевым — купол иллюминации от зданий и машин, отодвигавший ночь. Издалека доносился приглушенный шум прибоа.

В фильме «Воспоминания о звездной пыли» есть сцена, где Вуди Аллен в воскресенье утром пьет кофе и глядит, как его любовница, Шарлотта

Рэмплинг, читает на полу газету. На проигрывателе крутится пластинка Луи Армстронга «Звездная пыль», и Буди, перекрывая ее голосом, говорит, что сейчас зрелище, звук, запахи — все сошлось вместе, все идеально совпало, и в этот момент, на эти краткие секунды, он счастлив.

Вот так было со мной на пирсе рядом с Джейн. Счастье.

Мы стояли молча, наслаждаясь этой ночью, просто радуясь, что мы вместе. Вдоль берега открывался вид до Лагуна-Бич.

— А я бы хотела жить у берега, — сказала Джейн. — Люблю, как вода шумит.

— У какого берега?

— Лагуна-Бич.

Я кивнул. Это была мечта курильщика опиума — никто из нас никогда не заработает столько денег, чтобы купить недвижимость у берега в Южной Калифорнии, но к этому можно стремиться.

Джейн задрожала и прижалась ко мне теснее.

— Холодает, — сказал я, обнимая ее за плечи. — Поедем домой?

Она покачала головой.

— Давай еще чуть постоим. Просто так.

— О'кей.

Я притянул ее поближе, обнял крепче, и мы смотрели в ночь на мигающие огни Лагуна-Бич, манящие нас через воду и тьму.

Глава четвертая

Мы жили все в той же маленькой квартирке возле колледжа Бри, но я хотел переехать. Теперь мы могли себе это позволить, и мне на-

доел постоянный парад подданных цветных ребят, направляющихся в бар или из бара. Но Джейн сказала, что хотела бы остаться. Ей нравилась наша квартирка, и она была для нее удобна, потому что была близко и от кампуса и от детского сада, где Джейн работала. *

— Кроме того, — говорила она, — что если у тебя там будет сокращение или еще что-нибудь? Здесь мы это сможем пережить. Я смогу платить аренду, пока ты найдешь новую работу.

Вот тут мне и представился шанс. Я мог прямо сразу сказать ей, что ненавижу эту работу, что это было ошибкой, что я хочу ее бросить и поискать другую.

Но я этого не сделал.

Я ничего не сказал.

Почему — не знаю. Конечно, она не бросилась бы мне на горло. Может быть, она бы попыталась меня отговорить, но в конце концов она бы поняла. Я бы ушел без шума, без скандала, и все было бы тихо и спокойно.

Но я почему-то не мог. У меня не было этических предубеждений против ухода, не было верности каким-то абстрактным идеалам, но, как бы ни презирал я свою работу, как бы ни казалась мне неквалифицированной моя должность, как бы ни было мне неуютно среди своих коллег, я не мог стряхнуть с себя ощущение, что мне это *полагается* делать, что я *должен* работать на «Отомейтед интерфейс».

И я не сказал ничего.

Мамочка Джейн нагрянула к нам в воскресенье утром, и я притворился, что занят, спрятавшись в спальне и взясь с поломанной швейной

машиной, которую отдала Джейн одна из ее подруг. Мамочку Джейн я никогда особо не любил, и это чувство было взаимно. Мы ее не видели с тех самых пор, как я получил работу, хотя Джейн ей об этом и сказала, и она прикинулась, что этому рада, но я подозреваю, что втайне она досадовала на исчезновение лишнего повода критиковать меня и доставать этим Джейн.

Джорджия — или Джордж, как она любила, чтобы ее называли, — была представителем вымирающей породы, одной из последних «мамаш-мартини», суровых и сурово пьющих женщин, которые доминировали в пригородах времен моего детства, женщин с хриплыми голосами, которые всегда подбирали себе мужские клички: Джимми, Джерри, Уилли, Фил. Меня слегка пугало, что у Джейн такая мать, потому что я всегда считал, что по виду матери можно определить, что получится из дочери. И должен сознаться, что кое-что от Джордж я в Джейн подмечал. Но в ней не было жесткости. Она была мягче, добрее, симпатичнее своей матери, и разница между ними была достаточно заметной, чтобы понять: история не повторится.

Я старался шуметь посильнее, взясь со швейной машинкой, чтобы заглушить слова, которые мне не хотелось слышать, но в промежутках между стуком и скрежетом напильника до меня доносился из кухни хриплый от алкоголя голос Джордж: «...он по-прежнему никто...» и «...бесхребетное ничтожество...», «...неудачник...»

Я не выходил из спальни, пока она не ушла.

— Маму очень обрадовала твоя новая работа, — сказала Джейн, беря меня за руку.

— Ага, — кивнул я. — Я слышал.
Она посмотрела мне в глаза и улыбнулась:
— Зато я рада.
Я поцеловал ее.
— Этого мне достаточно.

На работе самодовольная снисходительность Стюарта уступила место более прямому презрению. Что-то переменялось. Что — я не знал. То ли я что-то сделал, что вывело его из себя, то ли у него в личных делах что-то случилось, но его отношение ко мне стало заметно другим. Внешняя вежливость исчезла, и осталась только неприкрытая враждебность.

Он перестал меня вызывать к себе по понедельникам на выдачу недельного задания, а просто оставлял работу на моем столе с запиской, что я должен сделать. Часто эти записки были неполны или загадочно туманны, и хотя обычно я мог догадаться о сути задания, иногда у меня понятия не было, чего же он вообще хочет.

Однажды утром я нашел у себя на столе пачку древних компьютерных руководств. Насколько я мог понять, в этих руководствах описывалось, как использовать клавиатуры и терминалы того типа, которого в «Отомейтед интерфейс» не было. Приклеенная записка Стюарта гласила только: «Пересмотреть».

Я понятия не имел, что именно я должен пересматривать, и поэтому я взял верхнее руководство из пачки вместе с приклеенной запиской и отнес в офис Стюарта. Его там не было, но я слышал его голос, и нашел его за разговором с Альбертом Коннором, одним из программистов. Речь шла о бо-

евике, который он смотрел в выходные. Я стоял и ждал. Коннор все время на меня поглядывал, явно пытаюсь намекнуть Стюарту, что я его жду, но Стюарт продолжал пересказывать фильм медленно и подробно, намеренно игнорируя мое присутствие.

Наконец я прокашлялся. Это был тихий звук, вежливый, неназойливый, спокойный, но мой начальник резко повернулся ко мне, будто я проорал ругательство.

— Вы когда-нибудь перестанете меня перебивать, когда я говорю? Черт побери, вы разве не видите, что я занят?

Я отступил на шаг.

— Мне только нужно было...

— Вам нужно заткнуться. Я устал от вас, Джонс. Устал от вашей бестолковости. Ваш испытательный срок еще не закончен, не забывайте. Вас можно выставить без объяснения причин. — Он вперился в меня злобным взглядом. — Вам понятно?

Мне было понятно, что он говорит. Но еще мне было понятно, что он блефует. Ни он, ни Бэнкс не имели надо мной такой власти, как хотели изобразить. Иначе меня бы уволили уже давно. Или, скорее всего, вообще бы не взяли на работу. За ниточки дергал кто-то другой, повыше их. Они могли рвать и метать, но когда ниточки дергались, они ничего не могли поделать.

Может быть, поэтому Стюарт так на меня последнее время взъелся.

Я стоял на своем.

— Я только хотел узнать, что я должен пересмотреть. Из записки это не ясно.

— Вы. Должны. Пересмотреть. Эти. Руководства.

Стюарт говорил медленно и сердито, отделяя каждое слово.

Коннор смотрел на нас. Даже его удивил взрыв Стюарта.

— Какую часть этих руководств? — спросил я.

— Все. Если бы вы дали себе труд просмотреть книги, которые я оставил у вас на столе, вы бы заметили, что эти аппаратные системы у нас больше не применяются. Я хочу, чтобы вы пересмотрели инструкции для операторов таким образом, чтобы они соответствовали нашим теперешним системам.

— Как я должен это сделать? — спросил я.

Он вперился в меня взглядом:

— Вы спрашиваете меня, как вам делать вашу работу?

Коннору становилось все более неудобно, и он мне кивнул:

— Я вам покажу, — предложил он.

Стюарт оглядел программиста ледяным взглядом, но ничего не сказал.

Я вошел за Коннором в его ячейку.

Работа оказалась легче, чем я думал. Коннор просто дал мне пачку руководств, которые пришли с теми компьютерами, что недавно были куплены «Отомейтед интерфейс». Он велел мне их отксерить, поместить в сшиватели и распространить по отделам компании.

— То есть вы хотите сказать, что я просто должен заменить старые книги новыми?

— Именно так.

— Почему же тогда мистер Стюарт велел мне *пересмотреть* эти руководства?

— Это у него фигура речи. — Программист постучал по обложке верхнего руководства пачки, которую он мне дал. — Только обязательно верните мне их, когда закончите, — они мне нужны. Список распределения вы найдете где-то у себя в столе — там сказано, в какой отдел сколько экземпляров. У Гейба всегда был список распределения со всеми текущими изменениями.

Гейб. Мой предшественник. Он был не только дружелюбен и популярен, он еще был хорошо организованным и умелым работником.

— Спасибо, — сказал я Коннору.

— Всегда пожалуйста.

Я облизал губы. Впервые у меня был нормальный контакт с товарищем по работе, и больше всего на свете я хотел бы его продолжить. Я хотел бы построить что-то на этом хрупком фундаменте, завязать какие-то отношения с Коннором. Но я не знал, как. Я мог попробовать продолжить разговор, может быть. Я мог бы спросить его, над чем он работает. Я мог попытаться начать разговор о чем-нибудь, к работе не относящемся.

Но я этого не сделал.

Он отвернулся к своему терминалу, а я пошел к себе в офис.

Позже я увидел Коннора во время перерыва у автомата с кока-колой, и я ему улыбнулся и помахал рукой, но он не заметил меня, отвернулся, и я, озадаченный, быстро выпил свою баночку и ушел.

Во время ленча я видел, как Коннор уходит с Пэм Грин. Они меня не видели, и я стоял и смотрел, как они уехали на лифте вниз. Я стал бояться

времени ленча, начав осознавать тот факт, что я всегда ем его один. Я бы предпочел работать восемь часов подряд и уходить на час раньше вообще без ленча. Мне не нужны были эти шестьдесят минут каждый день, чтобы вновь убеждаться, как относятся ко мне товарищи по работе. И без того сама работа меня достаточно угнетала.

Что угнетало меня еще больше, так это тот факт, что все — все без исключения — ходили на ленч с кем-то. Даже такой, как Дерек, которого, насколько я мог судить, почти никто не переваривал, тоже ходил на ленч с одним типом с четвертого этажа, приземистым и похожим на жабу. Только я был один. Секретарши, которые мило общались со мной в рабочие часы, вежливо прощались и делали мне ручкой, уходя на ленч, даже не позаботившись спросить, не хочу ли я пойти с ними. Они думали, что у меня небось есть с кем пойти на ленч.

Небось не было.

Какова бы ни была причина, меня не замечали, не приглашали, предоставляя самому себе.

Секретарши, я должен признать, обращались со мной лучше всех других. Хоуп, секретарша нашего отдела, например. Она была спокойной, доброжелательной — вечный стереотип общей бабушки, и каждый день она приветствовала меня дружелюбной улыбкой и сердечным: «Привет!» В пятницу она спрашивала меня о планах на уик-энд, по понедельникам — что из этих планов вышло. Каждый вечер, когда я уходил, она говорила мне «до свидания».

Разумеется, точно так же она обращалась с каждым сотрудником отдела. Она разговаривала со всеми, казалось, всех любит, но от этого ее интерес

ко мне не становился менее подлинным или меньше для меня значил.

Точно так же и Вирджиния с Лоис, стенографистки, вели себя со мной достойно, в той дружелюбной манере, в которой они отделяли себя от всех сотрудников в нашем отделе.

Или во всем здании.

Охранник в вестибюле по-прежнему меня не замечал, хотя он был весело-фамилльярен с каждым входящим в двери «Отомейтед интерфейс».

Я продолжал выдавать Джейн нейтральное описание моих рабочих дней. Я говорил ей о том, как меня злит Стюарт, жаловался на более крупные проблемы, но свои ежедневные трудности, неумение вписаться в круг товарищей по работе, ощущение социального ostracism я хранил при себе.

Этот крест нести мне.

Через неделю после того, как я разослал компьютерные руководства, в мой офис вошел Стюарт, размахивая голубой бумажкой служебной записки. У меня был перерыв, и я читал «Таймс», но Стюарт шлепнул бумагой поверх моей газеты.

— Прочтите! — потребовал он.

Я прочел. Это была записка от главного бухгалтера с просьбой, не можем ли мы прислать еще один экземпляр руководства, поскольку бухгалтерия недавно получила новый компьютерный терминал. Я поднял глаза на Стюарта.

— Ладно, — сказал я. — Сделаю еще одну копию и отошлю им.

— Плохо! — возразил Стюарт. — Начнем с того, что вы должны были им послать нужное число экземпляров.

— У меня был только список рассылки Гейба, — ответил я. — Я не знал, что у них еще один компьютер.

— Это ваша работа — знать. Вы должны были спросить начальников всех отделов, сколько экземпляров им нужно, а не полагаться на устаревший список. Вы напартачили, Джонс.

— Прошу прощения.

— Просите прощения? Это бросает тень на весь отдел! — Он взял записку. — Я покажу это мистру Бэнксу. Пусть он решает, как следует с вами поступить. Тем временем передайте в бухгалтерию еще одно руководство со всей доступной вам скоростью.

— Сделаю, — ответил я.

— Уж постарайтесь.

Весь дальнейший день пошел под откос.

И дома лучше не стало. Когда я приехал, Джейн готовила гамбургер с овощами и смотрела старый повтор «Армейского госпиталя». Гамбургер с овощами я всегда терпеть не мог, но никогда ей этого не говорил, и это было не то, до чего бы она сама могла догадаться.

Подойдя к телевизору, я переключил канал. «Армейский госпиталь» мне нравился, но я был сдвинут на новостях, и если я приезжал домой вовремя, то любил их смотреть. Я нервничал, если не знал, что делается в мире, какие где катастрофы, но Джейн такие вещи совсем не беспокоили. Даже когда крутили новости, она обращала внимание только на обзор фильмов, и предпочитала смотреть повторы старых фильмов по кабельному.

Это было причиной многих стычек.

Она знала мое положение, знала, что я чувствую, и я не мог подавить мысли, что ее выбор сегодняшней телепрограммы был прямой провокацией, попыткой меня подстегнуть. Обычно, когда я приезжал домой, по телевизору были новости. То, что она не включила их сегодня, мне казалось просто пощечиной.

Я попер на нее:

— Почему новости не включила?

— У меня сегодня был тест, и я устала. Хотела что-нибудь легкое посмотреть, чтобы меня не заставляли думать.

Я понял, что она чувствует, и тут бы мне и бросить это дело, но я еще был заведен от Стюарта; наверное, мне надо было на ком-нибудь это сорвать.

И мы сцепились.

Ссора оказалась нешуточной, чуть до драки не дошло. Потом каждый из нас извинился, говорил, что сожалеет, мы обнялись, поцеловались и помирились. Она ушла в кухню кончать готовить обед, я остался в гостиной смотреть новости. Я сбросил туфли и лег на диван. Потом сообразил: я ей не сказал, что люблю ее. Мы помирились, но я ей не сказал, что люблю ее.

Она тоже не сказала, что любит меня.

Я задумался. Я в самом деле ее любил, и знал, что и она меня любит, но мы этих слов никогда не говорили. То есть вначале говорили, но довольно странно. Я ей сказал, что люблю ее, но не был в тот момент уверен, что говорю то, что думаю. Говорил, но слова эти были банальны и затерты, чуть ли не фальшивы. В первый раз это была скорее надежда, чем признание факта, и до сих пор мои чувства не изменились. Бывали приливы радости

или облегчения и какое-то неясное ощущение неловкости, будто я ей солгал и боюсь, что она это обнаружит. Я не знаю, что чувствовала она, но для меня «любовь» было словом переходного периода, вполне приемлемым, чтобы перевести отношения парня и его девчонки в отношение живущих вместе любовников. Оно было обязательным, это слово, хотя и не обязательно правдой.

Когда мы съехались, я перестал его произносить. И она тоже.

Но мы любили друг друга. Больше, чем раньше. Просто это было... было не так, как мы себе воображали. Мы радовались обществу друг друга, нам было хорошо вместе, но когда я приходил с работы, я не срывал с нее одежду, не бросал на кухонный пол, не имел ее тут же и сразу. И она не встречала меня в одежде из узких трусов и улыбки. Это не был страстный роман, который обещали фильмы, книги, музыка и телевизор. Это было хорошо. Но это не было всепоглощающим и всегда существующим.

Мы даже не предавались дикой страсти после размолвок, как нам бы полагалось.

Хотя этой ночью мы занялись любовью перед сном, и это было отлично. Настолько отлично, что мне захотелось ей сказать, что я ее люблю.

Захотелось.

Но почему-то я этого не сделал.

Глава пятая

На работе у меня появились более существенные обязанности. Не знаю почему — то ли успешное выполнение предыдущих заданий по-

казало мою способность справляться с более сложной работой, то ли сверху кто-то сказал, что мне пора впрягаться в воз и отрабатывать зарплату настоящим трудом. Как бы там ни было, а мне доверили написать первый пресс-релиз, потом второй, а потом уже и полный обзор ранее написанного комплекта руководств по какой-то штуке, которая называлась FIS — файловая система инвентарного учета.

Когда я представил первый пресс-релиз — две страницы плагиата, беззастенчиво содранные с его пресс-релизов, Стюарт это никак не откомментировал. В следующем пресс-релизе я попытался уйти от стиля рекламных агентств, представляя достоинства продукта в более объективном, журналистском стиле. Снова без комментариев.

Писать обзор было труднее. Я должен был указать, что умеет FIS и как она работает, при этом не увязнув в путанице технических деталей, и у меня на это ушла почти неделя. Закончив, я сделал копию на ксероксе и отнес ее Стюарту, который велел мне оставить ее у него на столе и освободить его офис от моего присутствия.

Через час он позвонил.

Я снял трубку.

— Документация. У телефона Боб Джонс.

— Джонс, я хочу, чтобы вы кое-что добавили к вашему обзору по FIS. Я сделаю пометки в том экземпляре, который вы мне дали, а вы в печатаете дополнения.

— О'кей, — сказал я.

— Потом я просмотрю его еще раз. Я должен его утвердить перед передачей мистеру Бэнксу.

— Ладно. Я тогда... — начал я.

Телефон щелкнул и отключился.

А я сидел и слушал гудки. «Паразит ты», — подумал я. Потом повесил трубку и посмотрел на оригинал, который лежал у меня на столе. Странно, что Стюарт мне позвонил, чтобы сказать что-нибудь подобное. В этом не было смысла. Если он собрался править мою работу, почему просто не сделать этого и не сказать мне, чтобы я впечатал его правку? Зачем такие песни и танцы? Я знал, что у этого есть причина, но понять ее не мог.

А Дерек смотрел на меня.

— Задницу береги, — сказал он.

По его тону трудно было понять, угроза это или предостережение. Я хотел уточнить у него, но он уже отвернулся и старательно скреб пером по клочку бумаги.

Это было в среду. Когда прошли четверг и пятница, потом понедельник, вторник и еще одна среда, а Стюарт насчет моего обзора молчал глухо, я принял поход в его офис.

Он сидел за столом. Дверь была открыта; он читал свежий номер «Компьютер уорлд». Я постучал в косяк двери, Стюарт поднял на меня глаза и нахмурился, когда меня увидел.

— Чего вам надо?

Я нервно прокашлялся.

— Вы уже... э-э... не ознакомились ли с моей работой?

— Что? — выверился он на меня.

— Тот обзор, что я на прошлой неделе написал по FIS. Вы сказали, что вернете его мне, потому что хотите, чтобы я кое-что добавил?

— Еще не смотрел.

Я неловко помялся.

— Да, но вы говорили, что должны будете его утвердить перед отправкой мистеру Бэнксу?

— Чего вы хотите? Похлопывания по плечу каждый раз, когда выполните простую работу? Так я вам прямо тут и скажу, Джонс: у нас так не делается. И если вы воображаете, что я вам позволю вместо работы шлаться тут с постной рожей и ждать, пока погладят ваше самолюбие, так вы ошибаетесь. За выполнение обычной работы здесь медалей не дают.

— Но ведь я не для этого...

— Для чего же, в таком случае?

Он глядел на меня немигающим взглядом и ждал ответа.

А я не знал, что сказать. Я совсем смешался. Я не ожидал такого явного афронта и вообще не понимал, что происходит.

— Извините, — как-то промямлил я. — Я, значит, не понял, что вы сказали. Я тогда пойду к себе.

— Давно пора.

Может быть, мне померещилось, но я думаю, он хихикнул, когда я вышел.

Вернувшись, я нашел у себя на столе записку от Хоуп, на ее личной розоватой бумаге. Я поднял ее и прочел:

«День рождения Стейси. Подпиши открытку и передай Дереку. Увидимся за ленчем!»

К записке скрепкой была прикреплена поздравительная открытка с изображением группы мультяшных зверей в джунглях, которые приветственно махали лапами. Под ними была подпись: «От всего стада!»

Я развернул открытку и посмотрел на подписи. Там подписались все программисты, кроме

Стейси, а еще Хоуп, Вирджинии и Лоис. Каждый из подписавшихся еще черкнул пару слов от себя. Я совсем не знал Стейси, но все же взял перо и написал: «Счастья в день рождения!» и подписался.

Я передал открытку Дереку.

— В котором часу ленч? — спросил я.

Он взял открытку:

— Какой ленч?

— Ну, день рождения Стейси, наверное.

Он пожал плечами, не ответил, подписал открытку и положил обратно в конверт. Не замечая меня больше, он вышел из офиса и открытку взял с собой.

Я хотел ему что-нибудь сказать насчет того, какой он противный тип, но не сказал, как всегда, ничего.

Через десять минут у меня зазвонил телефон; я снял трубку. Это был Бэнкс. Он хотел, чтобы я поднялся к нему в офис. Я не был там со своего первого дня, и первая мысль у меня была, что меня увольняют. Я не знал, почему или за что, но решил, что они со Стюартом нашли наконец благовидный предлог.

Ожидая лифта, я нервничал. Свою работу я не любил, но определенно не хотел ее терять. Я смотрел, как едут вниз цифры на табло, и ладони у меня потели. Путь бы Бэнкс не вызывал меня к себе. Уж если меня увольняют, сообщили бы письменно. Я совсем не умел держаться в момент личных конфликтов.

Открылись двери лифта. Оттуда вышла женщина в ярком цветастом платье, я вошел и нажал кнопку пятого этажа.

Бэнкс ждал меня в офисе, расположившись в кресле за массивным столом. Он не поздоровался и не встал, когда я вошел, но показал мне рукой, чтобы я сел. Я хотел вытереть ладони о штаны, но он смотрел на меня в упор, и я знал, что это будет слишком заметно.

Бэнкс наклонился вперед:

— Рон говорил вам насчет GeoComm?

Я мигнул, тупо глядя на него.

— Э-э... нет.

— Это геобаза, которую мы разрабатываем для городов, графств и муниципальных управлений. Вы знаете, что такое геобаза?

Я покачал головой, все еще не понимая, к чему он клонит.

Он посмотрел на меня так, будто я ему донельзя надоел.

— Геобаза — это означает географическую базу данных. Она дает пользователю возможность...

Но я уже отстроился от его волны. До меня дошло, что я не теряю работу. Мне дают новое задание. Я должен буду написать инструкции к новой компьютерной системе. Не по отдельным аспектам, не переписывать по страничке, а написать полное руководство.

Меня не увольняли. Меня повышали.

Бэнкс вдруг остановился.

— Вы собираетесь записывать? — спросил он недовольно.

— Я не захватил блокнот, — признался я.

Он тяжело вздохнул, достал пачку желтоватой бумаги из верхнего ящика стола и протянул мне.

Я вынул из кармана ручку и стал записывать.

Когда через час я вернулся в офис, было чуть больше половины двенадцатого. Дерек уже не

было. Я положил на стол свои заметки и бумаги, полученные от Бэнкса и пошел в закуток к Хоуп. Ее тоже не было.

И программистов.

И Вирджинии с Лоис.

Все они ушли на праздничный ленч.

Я поступил, как всегда: подождал до четверти первого, когда большинство сотрудников покинули здание, поехал в «Макдоналдс», купил еду через окно для автомобилей и поел в машине в ближайшем городском парке. Не знаю почему, но мне было обидно, что меня никто не подождал. Ничего другого я и не должен был ожидать, но меня попросили подписать открытку, Хоуп написала: «Увидимся на ленче!», и я позволил себе думать, что меня и в самом деле приглашают и ждут. Я ел чизбургер, вытащив оттуда огурцы, слушал радио и глядел из окна на пару подростков, которые резвились неподалеку на одеяле.

Обратно я ехал в еще более подавленном состоянии.

С ленча все вернулись на полчаса позже. Я шел от стола к столу, раздавая внутренний телефонный справочник, который Стюарт оставил у меня в ящике входящих и велел раздать, и мимо меня прошли Вирджиния и Лоис, направляясь в комнату стенографисток. Они обе шли медленно и обе держали руки возле явно наполненных животов.

— Я переела, — сказала Лоис.

— Я тоже, — согласилась Вирджиния.

— Как оно было? — спросил я.

Вопрос был с подтекстом. Я хотел, чтобы они почувствовали себя виноватыми, что меня не подождали. Как Чарли Браун в рождественской ко-

Бенджамин Ливингстон

медии, когда язвительно благодарит Вайолет за открытку, которую она забыла послать.

— Что именно? — подняла на меня глаза Вирджиния.

— Как прошел ленч?

— Что ты имеешь в виду?

— Просто любопытствую.

— Но ты же там был!

— Нет, не был.

Лоис нахмурилась:

— Да был же! Я же с тобой говорила. Я тебе рассказывала, как моя дочь попала в аварию.

Я заморгал:

— Но меня там не было! Я все время был здесь.

— Ты уверен?

Я кивнул. Конечно, уверен. Я знал, куда я ездил на ленч, знал, что делал, но почему-то все равно меня пробрал холодок, дурацкая мысль, что у меня тут есть двойник, дубль, который меня изображает.

— Ха! — Лоис покачала головой. — Странно. Я бы могла поклясться, что ты там был.

Меня игнорировали. Все.

Сначала я не замечал, до какой степени, потому что компания никак не была одной счастливой семьей. Отличное и безличное место для работы, где даже друзья не много имели случаев переброситься словом в коридорах, кроме краткого «привет!».

Но вроде бы все даже как-то отклонялись от своих путей, чтобы меня не замечать.

Я пытался об этом не думать, пытался не тревожиться. Но тревожился. И каждый рабочий день

мне об этом напоминал — каждый день в офисе с Дерекком, каждый раз, когда я выходил в коридор, во время каждого перерыва или ленча.

Кажется, несерьезно было так погружаться в свои проблемы, быть так постоянно сосредоточенным на самом себе. Я в том смысле, что в странах третьего мира каждый день люди умирают от болезней, которые современная наука не может искоренить. В нашей собственной стране есть бездомные и голодающие, а я переживал только из-за того, что не мог законтачить со своими коллегами.

Но у каждого свой мир.

И в моем мире это было важно.

Я *думал* рассказать об этом Джейн, *хотел* рассказать, даже *собирался* это сделать, но как-то каждый раз не получалось.

В пятницу в четыре часа Хоуп раздавала чеки, как обычно. Я сказал спасибо, когда она дала мне мой, и открыл конверт взглянуть на чек.

Там было на шестьдесят долларов меньше, чем должно было быть.

Я посмотрел на Дерекка:

— У тебя с чеком все в порядке?

Он пожал плечами:

— Не знаю, не смотрел.

— А можешь проверить?

— А тебе какое дело?

— Ну, ладно.

Я встал и пошел с чеком в конец коридора в офис Стюарта. Как обычно, он сидел у себя за столом и читал компьютерный журнал. Я постучал в косяк двери, но он не поднял глаз, и я вошел.

Стюарт посмотрел на меня мрачно:

— Что вы тут делаете?

— У меня проблема, — сказал я, — и мне нужно с вами поговорить.

— Что за проблема?

У него перед столом стоял свободный стул, но он не предложил мне сесть, и я остался стоять.

— В моем чеке не хватает шестидесяти долларов.

— Я ничего об этом не знаю.

— Я знаю, — ответил я, — но вы — мой начальник.

— И что из этого следует? Что я отвечаю за все, что с вами происходит?

— Нет, но я думал...

— А вы не думайте. Я ничего не знаю о ваших мелких проблемах с чеками, и, честно говоря, Джонс, мне это все равно. — Он взял журнал и снова стал его читать. — Если у вас есть вопросы, идите в бухгалтерию.

Я посмотрел на чек, на приложенный расчетный листок и заметил то, чего раньше не увидел. Я прокашлялся.

— Здесь в графе отработанных часов сказано, что я на прошлой неделе отработал только четыре дня.

— Ну, значит, в этом дело. Потому и сумма меньше. Дело закрыто.

— Но я же работал пять!

Он опустил журнал:

— И вы можете это доказать?

— Доказать? Вы меня видели. В понедельник я помогал вам составлять письмо в «Ай-би-эм» и перепечатывал страницу инструкции для новой клавиатуры. Во вторник я вместе с вами и мистером Бэнксом обсуждал GeoComm. Во вторник и

в среду я работал над списком функций GeoComm. В пятницу я сдал сделанное и начал работу над системой еженедельного отчета.

— Я не обязан следить за каждым мелким шагом каждого мелкого служащего в этой организации. Честно говоря, Джонс, я не знал раньше за бухгалтерией подобных ошибок. Если они говорят, что вы работали только четыре дня, я вполне готов им поверить.

И он вернулся к своему журналу.

Я уставился на него. Это был оруэлловский кошмар, «Уловка-22» в реальной жизни. Я не мог поверить, что это на самом деле. Я заставил себя сделать глубокий вдох. За много лет я выработал у себя иммунитет к подобным рассуждениям — абстрактно. Я знал о молотках за триста долларов, которые покупает Пентагон, я имел дело с кабельной компанией, и вполне как должное мог воспринять любой абсурд современного мира, в котором я жил. Но встретиться с таким образом мыслей лицом к лицу и на таком личном уровне — это не просто было невероятным, это бесило.

Стюарт уже меня в упор не видел, демонстративно сжывая палец и переворачивая страницы журнала.

Он улыбался про себя, паразит, и меня подмывало дать ему по морде — вот так обойти вокруг стола и хлестнуть пощечиной, стереть эту мерзкую усмешку с наглой рожи отличника.

Вместо этого я повернулся и вышел, направляясь прямо к лифту. Бухгалтерия была на третьем этаже рядом с кадрами, и по дороге туда я заметил Лизу за барьером. Я не обратил на нее внимания и пошел прямо по главному коридору в сторону, противоположную конференц-залу.

Бенджамин Лиза

Я поговорил с клерком, затем с бухгалтером, затем с финансовым директором, и, хотя я почти ждал, что мне сейчас предложат взять у Стюарта справку, подтверждающую обстоятельства каждого моего рабочего дня прошлой недели, директор всего лишь извинился за ошибку и предложил мне получить чек с оплатой разницы в понедельник.

Я сказал спасибо и ушел.

Дома я рассказал об этом Джейн, выложив все, как было, но не мог передать то чувство досады и беспомощности, которое испытал перед Стюартом, когда он не верил мне и был полностью убежден в непогрешимости системы. Сколько я ни говорил, я не мог заставить ее понять свои ощущения, и я взбесился от того, что она не понимала, и оба мы легли спать разозленные.

Глава шестая

Не знаю, почему моя работа влияла на отношения с Джейн, но так это получалось. Я стал излишне резок, стал сердиться на нее без причины. Наверное, я срывал на ней злость за то, что застрял на этой тупиковой работе. Это было глупо и неразумно — она все еще училась и подрабатывала, так что она никак не могла быть со мной в одной лодке — но я все равно срывал досаду на ней и чувствовал себя за это виноватым. Все те мучительные месяцы, когда я не мог найти работу, она все время была со мной. Она не давила на меня, она только поддерживала. И мне самому было стыдно, что я теперь так с ней обращаюсь.

А от этого еще больше на нее взъедался.

Что-то со мной творилось неладное.

Я навестил родителей, когда впервые получил работу, но с тех пор мы не говорили, и, хотя Джейн все время мне напоминала, я откладывал и откладывал следующий визит. Мамочка меня всегда поддерживала, отец был счастлив, что я нашел работу наконец, но особенного восторга они не испытывали, и меня это как-то сбивало с толку. Я не знаю, какой работы они ждали от меня после окончания колледжа, но явно она должна была быть лучше, чем эта, и мне еще более неловко было бы обсуждать мою работу с ними сейчас, чем тогда.

Родителей своих я любил, но мы не были самой тесной семьей в мире.

И с Джейн мы были уже не так близки, как раньше. До недавнего времени мы жили в одной малой вселенной, вселенной студентов колледжа, и свободное время проводили вместе, и делали одно и то же. Но теперь появились различия, трещины. Мы уже не попадали в одну фазу. Я работал с восьми до пяти, приезжал домой — и это был конец моего дня. Я отдыхал, читал, смотрел телевизор. У нее были вечерние занятия по вторникам и четвергам, и в эти вечера она приходила только после девяти. По понедельникам, средам и пятницам она выполняла домашние задания или придумывала занятия для детей, которых пасла на своей подработке.

Выходные она торчала в библиотеке или в спальне, обложившись книгами.

У меня выходные были свободными, но я все никак к этому не мог привыкнуть. Честно сказать, я не знал, куда себя девать. В годы учебы я

либо подрабатывал, либо, как Джейн, делал домашние задания. Два свободных дня, когда мне было нечего делать, разбалтывали меня невыносимо. Сколькó-то времени можно было убить на работу по дому, на телевизор, на чтение. И все это мне быстро надоедало, и свободное время ложилось на меня грузом. Иногда по выходным мы с Джейн выходили на закупку бакалеи или на утренний сеанс в кино, но чаще всего она занималась своей учебой, а я был предоставлен сам себе.

В одно из таких воскресений я оказался в торговом центре Бри возле музыкального магазинчика, покупая кассеты, которые мне на самом деле были не нужны — просто от нечего делать. Прихватив несколько бесплатных образцов от Гикори Фармз, я вдруг заметил Крейга Миллера, вышедшего из магазина электроники. И почему-то воспрянул духом. Я не видел Крейга с окончания колледжа, и пошел к нему, улыбаясь и махая рукой:

Он явно меня не видел и продолжал идти, как шел.

— Крейг! — крикнул я.

Он остановился, нахмурился, оглядел меня. Секунду на его лице было непонимание, будто он меня не узнает, но потом он улыбнулся.

— Ну, привет! — сказал он. — Давненько не виделись.

Он протянул руку, и мы поздоровались, хотя это было как-то странно и формально.

— Так что ты теперь делаешь? — спросил я.

— Все учусь. Собираюсь получать магистра по политологии.

Я усмехнулся:

— А в «Эрогенную зону» по-прежнему за-
живаешь?

Он покраснел. Я удивился. Никогда не видал,
чтобы Крейга что-то могло смутить.

— Ты меня там видел?

— Ты же меня туда приводил, помнишь?

— А, да.

Еще минутное молчание, и неуклюжее, потому
что я не знал, что сказать, и Крейг тоже. Странно.
У Крейга язык никогда не отключался, и никогда
не было паузы, которую он бы не заполнил. Сколь-
ко я его помню, он никогда не лез в карман за
словом. Всегда парочка была у него наготове.

— Ладно, — сказал он, переминаясь с ноги на
ногу. — Мне вообще-то пора. Я уже должен быть
дома. Если опоздаю, Дженни меня убьет.

— Как Дженни? — спросил я.

— Отлично, все путем.

Он кивнул. Я кивнул. Он посмотрел на часы.

— Ну, я пошел. Рад был повидаться, э-э...

И он посмотрел на меня и тут же понял свою
ошибку.

Я перехватил его взгляд и понял.

Он меня не узнал.

Он не знал, кто я.

Было такое чувство, будто мне хлестнули по
морде. Будто меня предали. Я смотрел, как он
пытается вспомнить мое имя.

— Боб, — подсказал я.

— Черт, конечно, Боб! Извини. На секунду за-
был. — Он потряс головой, пытаясь обратить все в
шутку. — Склероз.

А я только смотрел на него. Забыл? Мы держа-
лись вместе два года. Из всех моих знакомых в

колледже Бри он был ближе всего к тому, что можно назвать другом. Я не видел его пару месяцев, и он уже полностью забыл имя старого приятеля.

Теперь я понял, почему он держался так скованно и официально. Он не знал, кто я, и пытался в разговоре это скрыть.

Я подумал, что сейчас он постарается это исправить. Он меня знал. Он меня помнил. Я думал, что он сейчас станет раскованнее, перестанет держаться так напряженно и отстраненно и начнет у нас нормальный, настоящий, личный разговор. Но он снова глянул на часы и сказал:

— Извини, но в самом деле мне пора. Рад был тебя видеть.

И он удалился, равнодушно махнув мне рукой, быстро пробираясь сквозь толпу подальше от меня.

Я смотрел, как он исчезает, все еще ошеломленный. Что за черт? Я посмотрел налево. Ряд телевизоров в магазине электроники показывал знакомую рекламу пива. Группа студентов колледжа с пивом и картофельными чипсами собиравшись смотреть футбол. Ребята все были приятной наружности и в хорошем настроении, в мире с собой и друг с другом, потрепывали друг друга по плечам и похлопывали по спинам.

У меня в колледже жизнь была не такой.

Сцена с веселыми людьми, сающимися вокруг телевизора исчезла за крупным планом вспененной кружки пива, заслоненной эмблемой компании.

У меня не было в колледже группы друзей, компании, с которой мы вместе ходили бы. У меня вообще не было настоящих друзей. Были Крейг и Джейн, и это все. По воскресеньям я не смотрел футбол в обществе приятелей, а торчал один у себя в комнате и занимался.

На телевизоре появилась новая реклама.

До этого момента я не осознавал, какой одинокой была моя жизнь в колледже Бри. Представления о близком товариществе и долгой дружбе для меня так и остались представлениями. В реальности они не материализовались. Однокурсников по колледжу я не знал так, как знал одноклассников в младших, средних и старших классах. В колледже было все намного прохладней, безличней.

Я вспомнил годы колледжа и опять вдруг понял, что за весь срок учебы у меня не было личных контактов ни с одним из преподавателей. Конечно, я их знал, но так, как знают персонажей из телепередач — по наблюдению, а не по взаимодействию. Сомневаюсь, чтобы хоть один из них мог бы меня вспомнить. Они знали меня в течение одного семестра, да и то только как номер в ведомости. Я никогда не задавал вопросов, никогда не оставался для дополнительных консультаций, всегда сидел в середине аудитории. Я был полностью анонимен.

Я собирался пошататься по магазинам еще немного, заглянуть еще кое-куда, но у меня пропала охота. Я хотел домой. Вдруг мне стало странно вот так, анонимно, ходить из магазина в магазин, никем не замечаемым, никому не известным. Мне стало неуютно, и я захотел быть рядом с Джейн. Пусть она будет занята учебой, пусть у нее не будет для меня времени, но она знала, кто я, и уже одно это успокаивало и звало домой.

По дороге я не мог отвязаться от мыслей о встрече с Крейгом. Я пытался это объяснить, придумать резон, отмахнуться — но не мог. Мы ведь

были не просто знакомые, которые встречаются друг с другом в аудитории. Мы многое делали вместе. Крейг не был дураком, и если у него не было опухоли мозга, душевной болезни или наркотического опьянения, он никак не мог забыть, кто я такой.

Может быть, дело не в нем. Может быть, дело во мне.

Этот ответ казался наиболее правдоподобным, и мне об этом думать было страшно. Я знал, что я не самый интересный человек в мире, но ведь и не настолько безнадежно скучный, что даже друг может забыть меня за пару месяцев? Эта мысль пугала, и угнетала почти невыносимо. Я не был эгоманом, и уж точно не питал иллюзий насчет того, чтобы оставить в мире заметный след, но уж очень расстраивала мысль, будто мое существование настолько бессмысленно, что пройдет совсем незамеченным.

Когда я приехал, Джейн говорила по телефону с какой-то девицей со своей работы, но она подняла глаза и улыбнулась мне, и мне стало хорошо.

«Может, я слишком в это углубился, — подумал я. — Может быть, слишком сильно реагирую».

Я пошел в ванную и посмотрел на себя в зеркало. Какое-то время я себя рассматривал, стараясь быть объективным, пытаюсь увидеть себя таким, как видят другие. Не красавец, но и не урод. Светло-каштановые волосы не длинные и не короткие, нос не большой и не маленький.

Вполне средний вид. Среднего сложения, среднего роста. Одет средне.

Я был средним.

Странно было это осознать. Не могу сказать, чтобы это меня удивило, но раньше я об этом не

думал, но непривычно было принять такую простую и полную характеристику самого себя. Я хотел, чтобы это было не так, хотел, чтобы было во мне что-нибудь исключительное, уникальное и удивительное, но знал, что этого нет. Я был целиком и полностью обыкновенным.

Может быть, это объясняло и ситуацию на работе.

Заглушив эту мысль, я поспешил из ванной в гостиную, где занималась Джейн.

Следующие несколько дней я был остро восприимчив ко всему, что делал, ко всему, что говорил, и с ужасом и разочарованием открыл, что да, я на самом деле последовательно и неуклонно ординарен. Разговоры мои с Джейн были банальны, работа моя всегда была не более и не менее, чем адекватной. Неудивительно, что Крейг меня не помнил. Я был настолько средним, что не забыть меня было невозможно.

А в постели я тоже средний?

Этот вопрос в том или ином виде преследовал меня еще до того, как я встретился с Крейгом, таился в подсознании, когда я бывал с Джейн, неоформленный, но присутствующий, как неосознанная угроза. Теперь он, если и не произнесенный вслух, то обретший форму, не уйдет. Я пытался вытолкнуть его из сознания, пытался не думать об этом, когда мы были вместе, когда мы вместе ели, или разговаривали, или принимали душ, или лежали в постели, но он грыз меня, этот вопрос, вырастая в уме от шепота до крика, пока я не смог его не задать.

В субботу вечером, как всегда, мы любили друг друга во время получасовых местных новостей

перед «Вечерней жизнью субботы». Обычно я не анализировал наши занятия сексом в процессе, не думал, что мы делаем, или почему так, а не этак, но в этот раз я будто смотрел со стороны, будто я — телекамера, и я понял, насколько ограниченны мои движения, насколько заранее заданы все мои реакции, как все это предсказуемо и скучно. Мне трудно было поддерживать эрекцию и пришлось заставить себя сосредоточиться на том, чтобы кончить.

Потом я, измотанный, скатился с нее, тяжело дыша, и уставился в потолок, думая о том, как я это исполняю. Мне бы хотелось поверить, что это было классно, что я — настоящий жеребец, но я знал, что это не так. Я — средний.

И пенис у меня, наверное, среднего размера.

И, наверное, я доставил ей среднее число оргазмов.

Я посмотрел на Джейн. Даже сейчас — а может быть, именно сейчас — разгоряченная и вспотевшая, со спутанными волосами, она была красивой. Я всегда знал, что она может найти кого-нибудь куда лучше меня, что она достаточно мила, достаточно умна, достаточно интересна, чтобы привлечь кого-то существенно лучшего, но сейчас эта мысль пришла почти болезненно.

Я осторожно коснулся ее плеча.

— Как тебе было? — спросил я.

Она посмотрела на меня:

— Ты о чем?

— Ты... кончила?

— Конечно. — Она нахмурилась. — Что с тобой? Ты целый вечер сам не свой.

Я хотел ей объяснить, что я чувствую, но не мог.

И я покачал головой, ничего не сказав.

— Боб? — позвала она.

Наверное, я на самом деле хотел, чтобы меня разуверили, чтобы она сказала, что я не средний, что я особый, что я классный, но в уме я слышал ее голос, как она пытается утишить мои страхи словами: «Я люблю тебя, пусть ты и средний». А этого я услышать не хотел.

В мозгу звучали слова ее матери: «... никто... ничто...»

И таким я себя и ощущал сейчас.

И я подумал, что будет, если она встретит кого-нибудь с более искусными пальцами, с более быстрым языком, с пенисом большего размера?

И даже думать об этом не хотел.

— Я... я тебя люблю, — сказал я.

Она посмотрела удивленно, и выражение ее лица смягчилось.

— Я тебя тоже люблю.

Она поцеловала меня в губы, в нос, в лоб, и мы прижались друг к другу, натянули одеяло повыше и смотрели телевизор, пока не заснули.

Глава седьмая

Осознание собственной посредственности похоже только ускорило мое «исчезновение» на фоне мебели. Даже Хоуп теперь разговаривала со мной только тогда, когда я заговаривал первым, и не раз мне казалось, что она забывает, что я работаю в «Отомейтед интерфейс». Я будто бы становился тенью в корпорации, привидением в машине.

Погода изменилась, потеплела, наступало лето. Я был меланхоличен и грустен. В солнечные дни со мной всегда так было. Резкий контраст между голубой красотой летнего неба и серой сухостью моей жизни подчеркивал расхождение моих мечтаний с суровой реальностью.

Я теперь все рабочее время работал над GeoComm, писал настоящее руководство пользователя, а не возился с мелкими подчистками проектов, которые мне давали раньше. Программисты дали мне доступ к компьютерным экранам, мне разрешили играть с системой на одном из терминалов в зале тестирования. Наверное, работа могла бы представлять для меня интерес — *могла бы*, если бы у меня вообще был к ней хоть какой-то интерес. Но его не было. Работу помощника координатора межофисных процедур и документации фазы два я принял не по выбору, а по необходимости, и ничего заманчивого для меня в ней не было.

Единственный, кто меня не игнорировал — это Стюарт. Он стал еще враждебнее, чем раньше. Я был для него постоянным источником раздражения. Тот факт, что Бэнкс или кто-то над Бэнксом решил допустить меня до работы с живым проектом, доводил его до бешенства, и по крайней мере раз в день он заходил в наш офис, кивал Дереку и стоял, глядя сверху вниз на то, что я делал. Он ничего не говорил, не спрашивал меня, чем я занят, — просто стоял и глазел. Это меня раздражало, и он знал, что это меня раздражает, но я не доставлял ему удовольствия видеть мои чувства. Я игнорировал его присутствие, сосредотачиваясь на работе, и ждал, пока он уйдет. В конце концов он уходил.

Я смотрел ему вслед, и хотелось мне поддаться ему как следует.

Я никогда не был драчлив. Даже мои фантазии об отмщении всегда сводились к унижению противников, не к физическим повреждениям. Но было что-то в Стюарте, что заставляло меня хотеть измолотить его в котлету.

Не то чтобы это было мне под силу.

Он был в куда более хорошей форме, чем я, и у меня сомнений не было, что он без труда набил бы мне морду.

Я закончил документирование функций первого субменю системы GeoComm. Инструкцию я передал Стюарту, который должен был передать их Бэнксу. Ни от кого из них я ничего не услышал и стал работать над вторым субменю системы.

Это было в четверг, когда у Джейн были вечерние занятия, и хотя по четвергам мы не занимались сексом — она приходила поздно и усталая — на этот раз я ее уговорил. Потом я откатился в сторону. До меня дошло, что мы это делали в миссионерской позиции. Мы всегда это делали именно в этой позиции.

Минуту мы помолчали, лежа рядом. Джейн протянула руку за пультом и включила телевизор.

Передавали полицейский фильм.

— Ты кончила? — спросил я ее.

— Да.

— Больше одного раза?

Она повернулась и приподнялась на локте.

— Только не начинай снова. Мне что, каждый раз тебя теперь после этого уверять?

— Извини, что спросил.

— Чего ты от меня хочешь? Я кончила, ты знаешь, что я кончила, и все равно тебе надо спрашивать!

— Я думал, ты могла это изобразить.

— Хватит с меня! — Она сердито натянула на себя одеяло до подбородка. — Знала бы я, что мне опять придется это слушать, мы бы тогда вообще не стали бы.

Я смотрел на нее, задетый, и старался выразить это взглядом.

— Тебе не нравится со мной спать.

— О Господи!

— А что я должен чувствовать? То есть я хочу спросить, что ты ко мне чувствуешь? Ты меня еще любишь? Если бы мы только сегодня встретились, ты бы снова меня полюбила?

— Я отвечу только один раз, ладно? Да, я тебя люблю. И все. Конец дискуссии. Брось это и давай спать.

— О'кей, — сказал я. — Ладно.

Я злился на нее, но на самом деле у меня не было причин злиться.

Мы отвернулись друг от друга и заснули под шум телевизора.

Глава восьмая

Приглашения на ежегодный пикник сотрудников «Отомейтед интерфейс» стали появляться на доске объявлений комнаты отдыха, на дверях комнат нашего отдела. Я старался их не замечать и не думать о пикнике, хотя слышал, как о нем говорили программисты. Событие

ожидалось масштабное, и, как я мог понять, присутствие обязательно.

Присутствие обязательно. Вот это меня и беспокоило. Я знал, что мне не с кем туда пойти, не с кем сесть рядом, а мысль сидеть одному на пикнике, когда все вокруг разговаривают, смеются и веселятся, мне очень не нравилась.

Я беспокоился насчет этого пикника все больше и больше, пока распространялись объявления, пока все чаще и чаще звучала эта тема в разговорах. Это становилось самой настоящей навязчивой идеей. Приближалась неделя пикника, потом назначенный день, и я ловил себя на абсурдной надежде, что случится какая-нибудь катастрофа, и пикник не состоится.

Во вторник вечером, накануне события, я все-раз даже подумывал сказатьсь больным.

Не знаю, что вызвало у меня такой патологический страх перед этим пикником, но думаю, что здесь сошлись две причины: моя неспособность вписаться в коллектив, недавнее открытие, насколько я безнадежно средний, и растущая неустойчивость моих отношений с Джейн. Самооценка и уверенность в себе держались у меня на очень низкой отметке, и я боялся, что мое самолюбие не выдержит того удара, которым обещал быть для него пикник. Как говаривал Чарли Браун: «Я знаю, что никто меня не любит. Зачем еще нужны праздники, чтобы мне об этом напоминать?»

Это не был праздник в строгом смысле слова, но идея была та же. Я был ничем, я был невидим, и тут будет только лишнее тому подтверждение.

Пикник должен был начаться в двенадцать и кончиться в два, и проводился в широком зеле-

ном поясе за зданием «Отомейтед интерфейс». В без четверти двенадцать жабоподобный мужик, который ходил есть с Дерексом, засунулся в офис, спросил: «Готов?» и вышел вместе с Дерексом. Ни один из них не сказал мне ни слова, ни один не пригласил меня пойти с ними, и пусть я этого и ждал, все равно этот факт испортил мне настроение.

В коридоре слышались голоса, мимо шли люди, а я сидел за своим столом. Я подумывал, что если закрыть дверь, спрятаться и не пойти, то никто и не заметит. Никто знать не будет, если я не появлюсь.

Тут музыка из местной радиосети прервалась, и густой мужской голос объявил:

— Начинается ежегодный пикник сотрудников. Явка всех сотрудников обязательна. Повторяю: начинается ежегодный пикник сотрудников. Явка всех сотрудников обязательна.

«Точно надо было сказать больным», — подумал я.

Я подождал секунду, потом медленно встал, вышел в коридор и пошел к лифту. Он остановился еще на двух этажах, и к вестибюлю уже был забит. В вестибюле было людей еще больше — сотрудники с первого этажа, другие, которые прошли по лестнице, — и я потопал за толпой через вестибюль к задней двери. Мы прошли короткий коридор и вышли наружу. Я застыл на ступенях крыльца, а мимо меня шел народ. На девственной до того траве были расставлены столы для пикника. Откуда-то прикатили помост на колесах под красной крышей и поставили у начала столов лицом к автостоянке. У длинных банкетных столов с салатами, закусками и горячим вертелась груп-

па занятых делом женщин. На лужайке возле здания стояли контейнеры с банками прохладительных напитков и кубиками льда.

Я постоял, не очень зная, что мне теперь делать, то ли набрать себе чего пожевать, то ли найти место и посидеть, пока остальные не начнут есть. С крыльца мне были видны зеленые пояса других компаний, и это было почти как заглянуть на задний двор к соседу. Вдруг эти здания стали огромными жилыми домами, зеленые пояса — их дворами, автостоянки — подъездными дорожками.

Большинство искало своих друзей, разыскивало места, но некоторые хватали тарелки и выстраивались за едой, к этим я и присоединился. Я взял банку кока-колы из контейнера и навалил себе на тарелку сосисок, фасоли с перцем, картофельного салата и чипсов. Стол, за которым сидели Бэнкс, Стюарт, программисты, Хоуп, Вирджиния и Лоис, был весь занят, и для меня там места не было. Я стал осматриваться, ища места за другими столами. Было несколько пустых стульев у стола, занятого группой пожилых женщин, и туда я и направился со своей тарелкой. На меня никто не смотрел, пока я шел, никто не тыкал пальцем и не смеялся, никто меня никак не замечал. Я был абсолютно незаметен, я полностью сливался с толпой. Но я не чувствовал слияния с этой толпой. Путь никто не осознавал моего присутствия, зато я остро осознавал присутствие всех остальных.

Я добрался до стола и сел, улыбнувшись ближайшей соседке, но она смотрела сквозь меня, и я понял, что мне придется есть в одиночестве и в молчании.

«Красивая музыка» — ублюдок или выкидыш компании «Музак» — звучала из динамиков по обеим сторонам помоста. Это была не радиостанция, а запись, и она была куда хуже, чем даже придушенное исполнение тех инструментальных тихих поп-хитов, которые мы слушали по сети здания каждый день.

На сцену залез рабочий в униформе и поставил там раскладной стол. На стол он водрузил картонную коробку. Он сунул несколько проводов в задницу динамикам и поволок провода и мистера Микрофона, к которому они были подключены, через всю сцену. Я смотрел на него, пока ел свою еду, радуясь, что есть хотя бы куда девать глаза.

Через несколько минут под аплодисменты на сцену вспрыгнул человек, которого я не знал, но который явно был известен почти всем собравшимся. Он помахал толпе, нежно взял мистера Микрофона за шейку и начал речь.

— Итак, наступает момент, которого, я знаю, ждали вы все. Ты в особенности, Рой!

Он ткнул пальцем в лысеющего толстяка за ближайшим к сцене столиком, и все засмеялись.

— Ага, Рой! — завопил кто-то.

Человек на сцене поднял руку:

— Поехали, ребята. В этом году мы решили так: сначала разыгрываем малые призы, а потом наш главный приз — обед в самом утонченном и дорогом ресторане графства Орандж — в «Элизе»!

Крики, свист, аплодисменты.

Я ел себе свою еду, а человек положил руку на ящик на столе и стал вытаскивать бумажки с нашими именами на призы — бесплатная помывка

автомобиля, бесплатный прокат видеокассеты, бесплатный гамбургер. Потом вышел главный приз — обед в «Элизе».

Выиграл я.

Когда человек прочел мое имя, я не шевельнулся — мой мозг не воспринял информацию. Когда он повторил мое имя, на этот раз с вопросительной интонацией, будто спрашивая, есть я здесь или меня нет, я встал. Сердце у меня стучало и губы пересохла, когда я шел к сцене. Я ожидал молчания — меня здесь никто не знал в конце концов, — но раздались вежливые аплодисменты, такие, которые исполняются только потому, что надо, и выдаются незнакомым. Ни свистков, ни воплей. Принимая сертификат на подарок, я глянул на стол, за которым сидел наш отдел и произнес «спасибо» в подставленного мистера Микрофона. Секретарши и программисты вежливо похлопали, но Стюарт и Бэнкс хлопать не стали. Стюарт сидел с мрачной физиономией.

Я поспешил со сцены и сел за свой стол.

Никто из моих соседей на меня не посмотрел.

Позже в этот же день Стюарт вызвал меня к себе.

— Я слышал, вы были на пикнике сотруди-
ков и выиграли главный приз.

Слышал? Он там был!

Я кивнул и ничего не сказал.

— Кажется, вы чертову уйму рабочего времени тратите на светское общение. Я бы считал, что при ваших сроках и том объеме работы, который вам полагается выполнять, можно было бы чуть меньше проводить времени с приятелями и чуть больше времени посвящать работе.

Я вытаращил глаза:

— Присутствие на пикнике было обязательным. Я бы не пошел, если бы...

— Но вы же в рабочие часы чертовски много болтаете со своими дружками, разве не так?

— Какими дружками? Я никого здесь не знаю. Я приезжаю, делаю свою работу и уезжаю домой.

Он чуть улыбнулся — невеселой жесткой улыбкой.

— Это ваша проблема, Джонс. Ваше отношение к работе. Если бы вы чуть больше вкладывали в вашу работу усердия и считали бы свою должность началом карьеры, а не просто бременем, вы могли бы чего-то в жизни достичь. Я считаю, что вам надлежало бы чуть больше играть на команду.

Я даже отвечать не стал. Впервые я заметил, как пуст и гол офис Стюарта. Здесь не было ничего, выражающего вкусы или интересы его обладателя. Ни фотографий в рамках на столе, ни безделушек или комнатных растений. Все припиленные к доске объявлений бумажки — либо служебные записки, либо официальные извещения администрации компании. Стопка журналов на краю стола состояла из компьютерных изданий, и адресом доставки был указан почтовый ящик компании.

— Джоне? — окликнул Стюарт. — Вы меня слышите?

Я кивнул.

— Почему вы не представили отчет о своей работе за последние две недели?

Я поднял удивленный взгляд.

— Вы же мне сами говорили, что я не должен представлять отчет каждые две недели. Вы сказали, что это требуется только от программистов.

По его губам скользнула тень улыбки.

— Это требование ясно указано в вашей должностной инструкции, которую, я надеюсь, вы удосужитесь прочесть.

— Если бы я знал, что это требуется, я бы это сделал. Но вы специально мне сказали, что я не обязан этого делать.

— Обязаны.

— Тогда почему вы не сказали мне этого раньше? Почему ждали до сих пор?

Он уставился на меня злобным взглядом:

— Как я уверен, вы хорошо знаете, примерно через месяц я должен буду представить материалы вашей аттестации. Боюсь, что у меня нет другого выбора, кроме как сообщить о вашем отрицательном отношении к работе и постоянном нарушении субординации.

Нарушении субординации?

Это тебе не армия, твою мать. Я тебе не раб, фашист ты говенный.

Это я хотел сказать.

Но не сказал ничего.

Когда он закончил свою диатрибу, я вернулся в свой офис.

Дерек поднял на меня глаза, когда я вошел. Уже это было необычным. Но еще более странным было, что он со мной заговорил.

— Ты был на пикнике?

Я еще был на взводе от Стюарта и хотел угостить Дерека его же конфеткой — игнорировать его и вести себя так, будто его здесь вообще нет. Но я не умел.

— Ага, — сказал я. — Был.

— Не знаешь, кто выиграл ресторан? Главный приз?

Шутит, что ли, старый идиот?

— Для нашей газеты, — пояснил он. — Меня просили составить список.

— Я выиграл, — медленно произнес я.

Он был удивлен.

— В самом деле? А чего же тогда ты не вышел его получить?

— Вышел. Вот он.

Я достал из кармана сертификат и помахал перед ним.

— А, — сказал он. И начал писать, потом посмотрел на меня. — Как твое имя?

Это уже было смешно.

— Боб, — услышал я свой ответ.

— А фамилия?

— Джонс.

Он кивнул.

— Это будет в следующем выпуске газеты.

И он вернулся к своей работе.

Остаток дня он со мной не заговаривал.

Когда я вернулся, Джейн не было дома. На холодильнике висела записка, что она пошла в библиотеку подобрать литературу по методу Монтесори обучения детей дошкольного возраста. И хорошо. Я был не в настроении ни разговаривать, ни слушать. Хотел просто посидеть один и подумать.

Сунул замороженную пиццу в микроволновку.

После короткого разговора с Дерексом я уже весь день не мог сосредоточиться на работе. Разложив перед собой бумаги, я прикинулся, что их

читаю, но думал в этот момент о чем угодно, только не о руководствах пользователя. Я все вертел в голове то, что сказал Дерек, пытаюсь найти признаки того, что он шутил или меня разыгрывал, не желая поверить, что он и в самом деле не знал моей фамилии. Пусть бы еще спросил, как она пишется. Тогда я мог бы успокоить себя мыслью, что он знает мою фамилию, только не знает, как ее записать.

Но этого не было.

Сколько бы я ни повторял этот разговор, как бы ни пытался анализировать, что говорили мы оба, но вывод был один и тот же. Он не знал моего имени, хотя мы уже больше двух месяцев сидели в одном офисе. Он не видел, как я выиграл лотерею, хотя я стоял на помосте у него перед глазами.

Я был для него невидим.

Черт, может, поэтому он никогда со мной не заговаривал — просто не замечал моего присутствия.

Микроволновка звякнула, я вынул пиццу и бросил ее на тарелку. Налив себе стакан молока, я прошел в гостиную, сел на диван и стал смотреть телевизор. Я пытался есть и смотреть новости, не думая о том, что случилось. Подул на пиццу, откусил. Том Брокау сообщал о результатах недавнего опроса по СПИДу, серьезно глядя в камеру, и у него за спиной трепыхалось изображение кадуцея. Он говорил:

— Согласно последним опросам «Нью-Йорк таймс» и «Эн-би-си», средний американец считает...

Средний американец.

Эта фраза ударила меня кувалдой по лбу.

Средний американец.

Это я. Это я и есть.

Я усталился на Брокау. Было так, будто я заболел и мне успешно поставили диагноз, но не было того облегчения, которое должно сопровождать такой медицинский успех. Описание было верным, но при этом слишком общим, слишком щадящим. В этих словах был подтекст, подразумевавший нормальность. А нормальным я не был. Я был ординарным, но не просто ординарным. Я был *экстраординарным, ультраординарным*, настолько ординарным, что ни друзья меня не помнили, ни коллеги по работе не замечали.

Странное это было ощущение. Вернулся тот холодок вдоль спины, который прохватил меня, когда Лоис и Вирджиния утверждали, что я был на дне рождения Стейси. Вся ситуация становилась чересчур бредовой. Одно дело — быть просто средним типом. Совсем другое быть настолько... настолько *патологически* средним. Насколько таким же, как все, что меня даже нельзя было отличить от фона. Что-то в этом было пугающее, почти сверхъестественное.

Повинуясь импульсу, я протянул руку и взял со стола вчерашнюю газету. Там я нашел раздел статистики и в нем — пять самых популярных фильмов последнего уик-энда.

Это были те пять фильмов, которые я хотел посмотреть.

Я перевернул страницу посмотреть на десятку песен недели.

Это были те, которые мне сейчас нравились, расположенные в порядке моего предпочтения.

Сердце у меня застучало. Я встал и подошел к полке рядом со стереоцентром. Просмотрел свое

собрание кассет и компакт-дисков, и понял, что это история самых популярных альбомов последнего десятилетия.

Это было безумие.

Но в этом был смысл.

Если уж я средний, значит, средний. Не только по внешности и как личность, но во всем. По всему списку. Может быть, это объясняло мое пристрастие к Золотой Середине, мою нерушимую веру в правило «умеренность во всем». Никогда в своей жизни я не доходил до крайностей. Ни в чем. Я никогда не ел ни слишком много, ни слишком мало. Никогда не был самозабвенно жадным или самозабвенно щедрым. Никогда не был ни радикальным либералом, ни реакционным консерватором. Не был ни гедонистом, ни аскетом, ни пьяницей, ни трезвенником.

Никогда ни на чем не стоял до конца.

Теоретически я знал, что неверно думать, будто компромисс всегда является идеальным решением, что истина всегда посередине между двумя крайностями — не существует золотой середины между правдой и неправдой, между добром и злом, — но при попытке принять любое мелкое практическое решение я начинал мучительно колебаться между разными возможностями и тупо застревал посередине, не способный определенно и решительно стать на какую-нибудь сторону.

Средний американец.

Моя экстраординарная ординарность была не каким-то аспектом моей личности, а самой ее сутью. Она объясняла, почему один я среди всех моих товарищей никогда не задавал вопросов и не высказывал жалоб на результат любых выборов или

Бенджамин Аминин

присуждения любых премий. Я всегда плыл строго по течению в главной струе и никогда не оспаривал то, с чем было согласно большинство. Это объясняло, почему никакие мои аргументы в школе или в колледже никогда не оставляли ни малейшего следа в потоке спора.

И еще это объясняло мое странное влечение к городу Ирвайну. Городу, где все улицы и дома выглядели одинаково, где ассоциация домовладельцев не терпела никакого своеобразия во внешнем виде домов и ландшафтов. Там мне было уютно, там я был дома. Однородность манила меня, звала меня.

Но нелогично было бы считать, что раз я средний, то это делает меня невидимым, заставляет людей меня в упор не видеть. Или логично? Большинство людей, если на то пошло, не являются исключительными. Они нормальные, средние. Но ведь их не игнорируют товарищи по работе, друзья, знакомые. Замечают ведь не только возвышенных или мерзавцев, не только индивидуальностей.

Но я был средним.

И я был незаметным.

Я пытался придумать какое-то действие или событие, которое опровергло бы мою теорию, что-то, что я мог бы сделать, чтобы доказать, что я не полностью ординарный. Я вспомнил, как в третьем классе меня изводили хулиганы. Ведь тогда я не был средним, нет? Я достаточно выделялся, чтобы меня специально выбрали как объект издевательств троих самых отчаянных ребят в школе. Однажды они меня поймали на пути домой. Один из них держал меня, а двое других снимали с меня

штаны. Они потом стали играть со мной в «а ну-ка, отними», перебрасывая друг другу мои штаны, а я тщетно пытался их перехватить. Собралась ржущая толпа, и в ней были девчонки, и почему-то именно это мне было приятно. Мне было приятно, что они видят меня без штанов.

Потом я это вспоминал, когда был уже подростком, когда занимался мастурбацией. Когда я вспоминал, как девчонки смотрели на мои усилия отобрать у хулиганов свои штаны, возбуждение усиливалось.

Это ведь не нормально? Это не ordinarily.

Но я хватался за соломинку. У каждого есть свои мелкие фантазии и отклонения.

И у меня их было наверняка среднее число.

Даже мои неординарные переживания были ordinary. Даже мои нерегулярности — регулярны.

Господи, даже имя у меня среднее. Боб Джонс. После Джона Смита это наверняка самое частое имя в телефонной книге.

Пицца у меня остыла, но я уже не был голоден. Уже не хотелось есть. Я посмотрел в телевизор — там какой-то репортер рассказывал о катастрофе с жертвами в Миллуоки.

Большинство людей сейчас смотрят телевизор.

Средний американец за ужином смотрит новости.

Я встал и переключил канал на «Армейский госпиталь». Потом отнес тарелку в кухню, бросил остатки еды в мусорное ведро, тарелку в раковину и достал из холодильника пиво. Мне хотелось над-
раться.

Пиво я принес обратно в гостиную, сел смотреть телевизор, пытаюсь следить за очередным эпизодом «Армейского госпиталя», пытаюсь не думать о себе.

И заметил, что смех за кадром идет там, где мне смешнее всего.

Я выключил телевизор.

Джейн вернулась около девяти. Я уже уговорил шесть банок и мне стало если не лучше, то хотя бы я не так заиклился на своих проблемах. Джейн посмотрела на меня, нахмурилась, прошла мимо меня и положила блокноты на кухонный стол. Взяла сертификат оттуда, где я его оставил.

— Что это?

А я и забыл, что выиграл ужин. Я показал очередной банкой пива.

— Можешь меня поздравить. На работе была лотерея, и я выиграл.

Она прочла сертификат:

— «Элиз»?

— Ага.

— Потрясающе!

— Именно. Потрясающе.

Она снова нахмурилась.

— Да что с тобой?

— Ничего, — ответил я. — Просто ничего.

Я допил пиво, поставил банку на стол рядом с ее пустыми товарками и пошел в туалет, где меня тут же и вывернуло.

На ужин в «Элиз» мы пошли через три недели.

Дитя пригородов, я не помню случая, чтобы я ел в нетиповых ресторанах. От «Макдоналдса» до «Лавса», от «Черного Ангуса» и до «Дона Хосе» —

рестораны, которые я осчастливил когда-либо своим посещением, не были оригинальными ресторанами, отражающими личность владельцев, а всегда типовыми корпоративными обжорками, уютными надежностью своего единообразия. Когда мы вошли в дверь и я увидел элегантный декор, шикарных клиентов, я понял, что не знаю ни что здесь делать, ни как себя вести. Хотя мы оба с Джейн приоделись — она в парадном платье, я в том костюме, который был на мне в день интервью, мы среди этих людей были не на своем месте. Мы были на пару десятков лет моложе их. И вместо того, чтобы платить за еду нормально, мы используем этот дурацкий сертификат. Я сунул руку в карман, ощупал ребристый край сертификата и подумал, взял ли я достаточно денег на чаевые. Вдруг я пожалел, что мы сюда пошли.

Столик мы заказали заранее, еще за две недели, и нас должным образом усадили и выдали каллиграфически напечатанное дневное меню. Насколько я понял, выбирать нам не приходилось — нам предлагался дежурный ужин из нескольких блюд, и я утвердительно кивнул официанту, возвращая ему карту. Так же поступила и Джейн.

— Что будете пить, сэр? — спросил официант.

Тут я впервые заметил карту вин на столе перед собой, и, не желая показаться таким невежественным, каким на самом деле был, я целую минуту его просматривал. Потом я поднял глаза на Джейн, прося помощи, но она лишь пожала плечами и отвернулась, и я ткнул в одно из вин в середине списка.

— Очень хорошо, сэр.

Через пару минут принесли вино и первое блюдо — нечто вроде копченого лосося. В мой бокал упала капля вина, и я ее попробовал, как показывали в фильмах, потом кивнул официанту. Вино полилось в бокалы. И нас оставили одних.

Я посмотрел через стол на Джейн. Впервые больше чем за неделю мы ели вместе. Для этого были вполне уважительные причины: ей надо было навестить мать, мне — отвезти автомобиль к «Зирсу» на проверку тормозов, ей — позаниматься в библиотеке, но на самом деле мы просто избегали друг друга. Теперь, глядя на нее, я не знал, что ей сказать. Любая попытка начать разговор будет именно этим — неуклюжим поиском темы. Та общность, которая была между нами раньше, та естественность, которая была в наших отношениях, исчезли. До меня дошло, что я становился для нее таким же чужим, как для всех остальных.

Джейн оглядела зал.

— Действительно приятное место, — сказала она.

— Да, — согласился я. — Действительно приятное.

Ничего другого я не мог придумать, только повторить ее слова.

Сервис был великолепен. К нашему столу, очевидно, был прикреплен виртуальный взвод официантов, но они не нависали над нами, не создавали неловкости. Когда кончалась одна перемена, официант молча и умело уносил посуду, заменяя ее следующим блюдом.

Заканчивая салат, Джейн допила бокал, и я налил ей второй.

— Я тебе рассказывала про мамочку Бобби Тетертона? — спросила она.

Я покачал головой, и она стала мне излагать историю конфликта с чересчур заботливой мамашей, который произошел сегодня у них в детском саду.

Я слушал и думал, что, быть может, ничего страшного не происходит на самом деле. Может быть, я все это вообразил. Джейн вела себя так, будто все было нормально, все хорошо. Может быть, я только вообразил пролегшую между нами трещину.

Нет.

Что-то все же случилось. Что-то между нами встало. Мы всегда делились своими проблемами, всегда обсуждали все наши трудности в колледже или на работе. Я не был знаком с ее коллегами по детскому саду, но она их мне представила, как живых, я знал их по имени, и мне было небезразлично, что делается у нее на работе.

Но сейчас я блуждал где-то мыслями, пока Джейн вела свой рассказ о сегодняшних несправедливостях.

А мне ее день был неинтересен.

Я отключился, перестал слушать. У нас всегда были отношения уравновешенные, отношения современные, и я всегда считал ее работу и ее карьеру не менее важными, чем свои. Это не была риторика, не то, чтобы я заставлял себя так считать по обязанности, — так было на самом деле. Ее жизнь была так же важна, как моя. Мы были равными.

Но больше у меня не было такого чувства.

Ее проблемы стали ничтожно-мелкими по сравнению с моими.

Она трещала что-то о детях, которых я не знал и знать не хотел. Мне надоела ее болтовня, и я начинал злиться. Я не сказал ей о том, что меня не замечают, о своем открытии, что я — квинтэссенция среднего... но, черт побери, она же могла заметить, что что-то не так, и должна была меня спросить. Она должна была попытаться поговорить со мной, выяснить, что меня беспокоит, и попытаться подбодрить меня. Не должна была она притворяться, что все о'кей.

— ...сначала эти родители доверяют нам своих детей, — говорила она, — а потом они же пытаются нас учить, как...

— Мне не интересно, — перебил я ее.

Она осеклась, моргнула.

— А?

— Мне глубоко плевать на весь твой детский сад.

Ее рот захлопнулся и искривился мрачной улыбкой. Она кивнула, будто случилось то, чего она ждала.

— Наконец-то, — сказала она. — Наконец-то ты сказал правду.

— Слушай, давай просто поедим с удовольствием.

— После этого?

— После чего? Мы что, не можем просто поесть и хорошо провести время?

— В молчании? Ты этого хочешь?

— Послушай...

— Нет, это ты послушай. Я не знаю, что с тобой творится, не знаю, что тебя последнее время грызет...

— А если попытаться спросить?

— Я бы попыталась, если бы думала, что от этого будет толк. Но ты уже месяц или больше живешь в своем собственном мире. Ты сидишь

все время мрачный, ничего не говоришь, ничего не делаешь, только затыкаешь мне рот...

— Затыкаю тебе рот?

— Да! Каждый раз, когда я пытаюсь к тебе подойти, ты меня отталкиваешь...

— Я тебя отталкиваю?

— Когда мы последний раз были вместе? — Она смотрела на меня в упор. — Когда ты последний раз пытался быть со мной?

Я оглядел ресторан, чувствуя неловкость.

— Не устраивай сцен, — попросил я.

— Сцен? А вот захочу и устрою. Я этих людей не знаю и никогда больше их не увижу. Какое мне дело до того, что они подумают?

— Мне есть дело.

— А им — нет.

Она была права. Мы говорили на повышенных тонах и явно ссорились, но никто на нас не посмотрел и не обратил ни малейшего внимания. Я решил, что это из вежливости и от хорошего воспитания. Но голосок у меня в голове говорил, что это я создал какое-то силовое поле, делающее нас невидимыми для окружающих.

— Давай сначала доедим, — сказал я. — Поговорим об этом дома.

— Нет, сейчас.

— Сейчас я не хочу.

Она посмотрела на меня взглядом персонажа из мультфильма. В наигранном, преувеличенном изумлении на ее лице я увидел рождение мысли, озарения.

— Тебя больше не интересуют наши отношения. Тебя больше не интересую я. Тебя не интересуем мы с тобой. Ты даже не хочешь защищать

то, что у нас есть. Все, что тебя интересует, — это ты сам.

— На самом деле это я стал тебе безразличен, — возразил я.

— Это неправда. Ты для меня значишь много и значил всегда. Но я для тебя ничего не значу.

Она смотрела на меня через стол, и от этого взгляда мне стало не только неловко, но и невыносимо грустно. Она смотрела на меня, как на незнакомца, будто она только что обнаружила, что меня клонировали и заменили бездушной самозванной копией. Я видел на ее лице ощущение потери, я видел, как она глубоко ранена и одинока, и я хотел броситься к ней и схватить ее руки в свои, и сказать ей, что я все тот же, каким был всегда, что я люблю ее и готов себя убить, если сказал или сделал что-нибудь, что сделало ей больно. Но что-то меня удержало. Что-то не пустило. Я до смерти хотел исправить то, что сломалось между нами, но что-то заставило меня отвести глаза и уткнуться в тарелку.

И я взял вилку и стал есть.

— Боб? — позвала она.

Я глядел в тарелку.

— Боб? — Осторожно, вопросительно.

Я не ответил, продолжая есть.

Она тоже взяла вилку и стала есть.

Плавно и бесшумно официант убрал мою тарелку и заменил ее другой.

Глава девятая

Август стал сентябрем.

Однажды утром я нашел у себя на столе конверт плотной бумаги. Это было рано, Дерек еще

не пришел, и офис был мой. Я сел, взял конверт и уставился на строки зачеркнутых адресов. Маршрут этого конверта за последний месяц был отражен на его поверхности различными чернилами с разными подписями, и я вдруг понял, как я ненавижу свою работу. Просматривая список фамилий и отделов, нацарапанный небрежными каракулями, я обнаружил, что тут нет ни одного человека, к которому я испытывал бы теплые чувства.

И еще до меня дошло, сколько я здесь уже торчу.

Три месяца.

Четверть года.

И скоро будет и полгода. Потом целый год. Потом два.

Я уронил конверт, не открывая, подавленный неимоверно. Так я сидел, глядя на противный пустой офис, потом потянулся к конверту, раскрыл и заглянул.

Визитные карточки.

Сотни карточек, целый белый блок в небольшой коробочке. На верхней я увидел свою фамилию и должность рядом с эмблемой «Отомейтед интерфейс», адресом и номером почтового ящика компании.

Мои первые визитные карточки.

Я должен был быть доволен. Я должен был обрадоваться. Испытать какие-нибудь положительные эмоции. Но вместо того эта пачка карт наполнила меня каким-то чувством, родственным ужасу. Они говорили о привязи, о том, что я — часть корпорации, что я здесь надолго. Это было как подписать контракт, как прилипнуть на клей, как взять на себя обязательство. Я чуть не заво-

пил. Я чуть их не выбросил. Я хотел их отослать обратно.

Но ничего этого я не сделал.

А вытащил несколько карточек из коробки, переложил в свой бумажник, а остальные сунул в правый верхний ящик стола.

Ящик закрылся с металлическим щелчком, слишком громким и будто ставящим точку.

Я понял, что смотрю на постоянно заедающую замочную скважину в середине дверцы ящика. Вот это оно и есть. Вот это моя жизнь. Здесь я проведу лет сорок своей жизни, потом выйду на пенсию, потом умру. Пессимистический взгляд на ситуацию, может быть, излишне мелодраматический. Но по сути верный. Я знал, что собой представляю. Я знал свою личность и возможности. Теоретически я мог сменить работу. Я даже мог вернуться в колледж и получить еще одну степень. Возможностей много. Но я знал, что ничего из этого не случится. Я просто приспособлюсь к ситуации и буду так жить, как делал всегда. Я не был инициатором, делателем, непоседой. Я был ведомым, я был инертным.

И так и пройдет моя жизнь.

Мысли вернулись к мечтам в начальной и средней школе, к моим планам стать астронавтом, рок-звездой, кинорежиссером. Неужели у всех так бывает? Наверное, да. Ни один ребенок не хочет быть бюрократом, или технократом, или управленцем среднего звена — или помощником координатора по межофисным процедурам и документации фазы два.

На эти работы мы попадаем, когда умирают наши мечты.

И это то, чем они и были — мечтами. Мне не суждено было стать ни астронавтом, ни рок-звездой, ни кинорежиссером. Я оказался там, где мне и место, стал тем, кем должен был стать, и реальность этой ситуации угнетала меня сильнее всего.

Дерек пришел точно в восемь, не заметил меня, как всегда, и тут же начал звонить по телефону. В девять позвонил Бэнкс и сказал, что хочет видеть меня и Стюарта, и я поднялся к нему в офис, и они оба долбили меня полчаса, объясняя, насколько неудовлетворительна составленная мною документация по GeoComm.

Остаток дня я переписывал описание функций GeoComm, которое составил ранее.

Я вспомнил, что ровно пять лет назад начал ходить в колледж Бри. Как много изменилось за эти пять лет. Тогда я был только что из школы, и будущее ждало меня. Теперь я неумолимо приближался к своему тридцатилетию, запертый в клетке отвратительной работы, и жизнь моя уперлась в тупик.

Переписывая свои изменения на компьютере, я случайно нажал не ту клавишу и угробил десять страниц работы. Я посмотрел на часы. Половина пятого. Полчаса до конца дня. За полчаса мне никак не напечатать это все снова.

«Дошел до дна, — подумал я. — Уж хуже, чем теперь, ничего не случится».

Как всегда, я ошибся.

Когда я вернулся, дома было темно и все еще пахло завтраком — поджаренным хлебом, яйцами, апельсиновым соком. Я щелкнул выключателем.

В гостиной было пусто. Не в том смысле, что никого, а в том смысле, что и мебели не было. Исчез диван и кофейный столик. Телевизор остался, но видеомагнитофона не было. Фикуса и папоротника тоже не было. Стены остались голыми — с них сняли все репродукции.

Я будто попал в иное измерение, в сумеречную зону. Слишком сильная реакция? Возможно, но вид пустой квартиры так меня потряс, был таким неожиданным, что я не мог выделить детали, только воспринимал ситуацию в целом, и эта ситуация была столь ошеломляющей, что я ничего не понимал.

Хотя одну вещь я понял сразу.

Джейн ушла от меня.

Снимая на ходу галстук, я кинулся в кухню. И тут многого не хватало: тостера, кастрюль.

Записка на кухонном столе.

Записка?

Оцепенелый, я смотрел на клочок бумаги с моим именем. Это было никак не похоже на Джейн. Совсем не в ее характере. Она никогда так не делала. Если она была несчастна, если у нее бывали проблемы, она мне о них рассказывала, и мы вместе спорили, ища выход. Она бы не могла просто собрать вещи и улизнуть, оставив мне записку. Она бы не сдалась так легко. Она не могла уйти от меня, от нас, от того, что было у нас общего.

Первое, что мне должно было бы прийти в голову — что ее забрали, похитили те же люди, что ограбили нашу квартиру.

Но почему-то я знал, что это не так.

Джейн ушла от меня.

Не знаю, откуда я это знал, но знал. Может быть, я видел приближение этого, но не хотел признавать. Я возвращался мыслью назад, вспоминая, как она говорила, что в совместных отношениях общение — это главное, что если даже двое любят друг друга, отношений не будет, если они не могут общаться. Я вспомнил, как она все эти месяцы пыталась со мной говорить, пыталась разговаривать со мной, чтобы я рассказал ей, что меня беспокоит, что со мной творится.

Я вспомнил вечер в «Элизе».

С того вечера мы очень мало разговаривали. Несколько раз мы по этому поводу ссорились, она упрекала меня, что я скрываю свои чувства вместо того, чтобы открыться и разделить их с нею, а я лгал, что нет у меня никаких чувств, чтобы ими делиться, что все у меня в порядке. Но даже наши ссоры были вялыми и тепловатыми, а не страстными битвами, как раньше.

Я снова посмотрел на сложенный листок из блокнота с моим именем.

Может быть, она должна была мне сказать, что собирается уйти. Но мы действительно мало разговаривали последнее время, и в этом контексте записка вполне имела смысл.

Я взял листок и развернул его.

Дорогой Боб!

Это самые трудные слова, которые мне приходилось в жизни писать.

Я не хотела, чтобы так вышло, и я знаю, что это неправильно, но я не могла бы сказать этого тебе в лицо. Я не могла бы через это пройти.

Бенджамин Линкольн

Я знаю, что ты думаешь. Я знаю, что ты чувствуешь. Я знаю, что ты сердиться, и ты имеешь полное право. Но у нас уже ничего не получится. Я это вертела так и этак, думая, не могли бы мы что-нибудь сделать, или нам расстаться на время вроде пробного развода, но я решила, что лучше будет сразу отрезать. Сначала это будет тяжело (по крайней мере для меня), но я думаю, что в конечном счете это оптимальное решение.

Я люблю тебя. Ты это знаешь. Но иногда одной любви мало. Чтобы были настоящие отношения, должно быть доверие и готовность делиться. У нас их нет. Может быть, никогда и не было — не знаю. Хотя, наверное, когда-то были.

Я не хочу никого винить. Это не твоя вина, что так вышло. И не моя. Это наша общая вина. Но я знаю нас обоих. Я знаю себя, знаю тебя, и знаю, что если мы даже скажем, что попробуем все уладить, ничего не выйдет. Лучше проститься сейчас, пока не стало совсем плохо.

Боб, я никогда тебя не забуду. Ты всегда будешь частью моей души. Ты первый человек, которого я любила, единственный человек, которого я любила. Я всегда буду тебя помнить.

Я всегда буду тебя любить.

Прощай.

Под этим была ее подпись. Она подписалась полностью, именем и фамилией, и этот штрих официальности ранил меня больше всего остального. Сказать, что я чувствовал внутри пустоту — штамп, но так это было. Боль была почти физической, неопределенная боль, не имеющая центра, мечущаяся между головой и сердцем.

«Джейн Рейнольдс».

Я снова посмотрел на записку у себя в руке. Когда я перечитал ее снова, меня задел уже не только излишний формализм подписи. Все письмо было сухим и жестким. Слова и чувства были все на месте, но казались они знакомыми и слишком уж готовыми. Я их читал до того в ста романах, слышал и видел в ста фильмах.

Если она меня так любит, почему нет слез? Интересно. Почему не смазана ни одна буква, почему чернила не потекли?

Я выглянул из кухни обратно в гостиную. Кто-то же помог ей вытащить мебель: диван, стол. Кто? Какой-то мужчина? С которым она встречается? С которым она трахается?

Я тяжело сел на стул. Нет. Я знал, что это не тот случай. Она ни с кем не встречается. Она даже не была бы способна от меня такое скрыть. И даже не пыталась бы. О *таком* она бы мне сказала. Это она бы со мной обсудила.

Наверное, отец помог ей перебраться.

Я побрел из кухни в спальню через гостиную. Здесь утрат было меньше, но они были более личными, и потому было больнее. Мебель вся осталась. Кровать была на месте, и туалетный столик тоже, но покрывала с кровати и кружевной салфетки со столика не было. В шкафу остались только мои вещи. Фотографии с подзеркальника тоже исчезли.

Я сел на кровать. Внутри у меня было как в квартире — физически ничего не изменилось, но я был выпотрошен, опустошен, лишен души, будто сердце убрали. Я сидел, а в комнате темно, день переходил в сумерки, сумерки в вечер.

Я состряпал себе ужин — макароны с сыром, посмотрел новости, «Вечернее шоу» и все передачи, которые обычно смотрел. Я смотрел и в то же время не смотрел, ожидая звонка от Джейн и не ожидая его. Как будто моя личность расщепилась на несколько, и каждая думала о своем, а я осознавал одновременно их все, но в результате сидел в оцепенении на кровати и не шевелился, пока не начался поздний выпуск новостей в одиннадцать.

Странно было входить в темную пустую спальню, странно было не слышать Джейн в душе, и при выключенном телевизоре я вдруг ощутил, как тихо в доме. Откуда-то с улицы, приглушенно и неразличимо, доносились звуки студенческой вечеринки. Там, за дверью, жизнь шла, как шла.

Я разделся, но не бросил вещи на пол, как всегда, а решил положить их в корзину, как всегда настаивала Джейн. Я отнес штаны и рубашку в ванную, открыл пластиковую крышку корзины для грязного белья и собирался бросить туда вещи, когда заглянул внутрь.

На дне корзины рядом с парой моих носков лежали трусы Джейн.

Белые, хлопковые.

Я уронил вещи на пол. Я тяжело сглотнул. Вдруг при взгляде на свернутое белье Джейн мне захотелось заплакать. Я вспомнил, как впервые ее увидел. Она надела на занятия белые трусы и джинсы с прорехой в паху. Я сидел напротив нее в библиотеке и видел, как выглядывает белое из дыры в синем, и ничего в жизни меня никогда так не возбуждало.

С мокрыми глазами я наклонился и достал трусы из корзины. Осторожно, будто они могли

разбиться, я медленно их развернул. Они были влажноватыми на ощупь, а когда я поднес их к лицу, они едва слышно пахли ею.

— Джейн, — шепнул я, и мне сладко было проносить ее имя. Я повторил: — Джейн. Джейн...

Глава десятая

Джейн не было уже три недели. Я сел на стул и посмотрел на календарь на стене слева от себя. Там было пятнадцать красных крестов, зачеркнувших рабочие дни месяца.

Как каждое утро, я перечеркнул еще один день — сегодняшний. Глаза мои тянуло к первому кресту — третье сентября. С тех пор, как Джейн ушла, от нее ничего не было. Она не заглянула посмотреть, как я тут, она не послала мне письма, что у нее все нормально. Я ожидал, что она проявится — если не по сентиментальным причинам, то хотя бы по практическим. Я думал, что нужно будет обсудить какие-то материальные вещи — что-нибудь, что она забыла и просит меня ей прислать, почту, которую ей переправить — но она наглухо обрезала все контакты.

Я волновался за нее, и не раз было думал съездить в детский сад, где она работала или даже позвонить ее родителям — просто проверить, что у нее все о'кей, но так этого и не сделал. Наверное, боялся.

Хотя по резкому уменьшению потока почты я мог понять, что она сообщила на почту о перемене адреса, иногда на ее имя все же приходили счета, письма или реклама, и я это для нее сохранял.

Бенджамин Линкольн

На всякий случай.

После работы я заехал за молоком и хлебом, но в конце концов настолько махнул на все рукой, что купил полгаллона шоколадного мороженого и пакет орехов. Во все кассы была очередь, так что я выбрал из них ту, где было народу поменьше. Кассирша была молода и хороша, стройная брюнетка, и она мило болтала с человеком впереди меня, быстро пропуская его покупки через сканер. Я смотрел на них обоих с завистью. Хотел бы я иметь эту способность завязать разговор с незнакомым человеком, поговорить о погоде или о текущих событиях или вообще о чем угодно, о чем люди говорят, но даже в воображении у меня такого не выходило. Я просто не мог придумать, чего сказать.

Первый разговор между нами пришлось начинать Джейн. Если бы это должен был сделать я, мы бы никогда не были вместе.

Когда я дошел до кассирши, она мне улыбнулась.

— Привет! — сказала она. — Как жизнь сегодня?

— Нормально, — ответил я. И молча смотрел, как она прозванивает сканером мои покупки.

— Шесть тридцать, — сказала она.

Я молча отдал ей деньги.

Раньше мне это не приходило в голову, но сегодня, засовывая мороженое в морозильник, а хлеб и орехи в буфет, я понял, что есть во мне что-то, отталкивающее людей. Даже отношения с дедом и бабушкой были у меня достаточно формальными. Они никогда меня не обнимали и не целовали, хотя и были ко мне привязаны. Родители анало-

гично. За всю мою жизнь «друзья нашей семьи», то есть друзья родителей, относились ко мне хорошо, вполне сердечно, но никогда мне не казалось, что меня любят.

И нельзя сказать, чтобы и не любили.

Меня просто не замечали.

Я был никто, ничто.

Всегда ли так было? Возможно. У меня всегда были друзья и в младших классах, и в средних, и в старших, но никогда их не было много, и сейчас, вспоминая, я понял, что почти все они были такими же, как и я, — невыразительными.

Повинуясь импульсу, я пошел в спальню, открыл шкаф и из-под моей висевшей одежды вытащил стопку закрытых коробок — летопись моего прошлого. Вытащив их на середину комнаты, я отдирал заклеивавшие их ленты и открывал их по одной, раскапывая содержимое, пока не нашел свои школьные альбомы.

Их я вытащил и начал просматривать. После школы я их не видел, и странно было снова увидеть эти места, эти лица, эти моды и прически десятилетней давности. Я почувствовал себя старым, и мне стало слегка грустно.

Но еще мне стало весьма и весьма не по себе.

Как я и подозревал, здесь не было фотографий моих друзей или меня самого на снимках со стадионов, клубов или дискотек. Ни одного из нас не было даже на случайных снимках кампуса, разбросанных там и сям в альбомах. Нас нигде не было видно. Как будто мои друзья и я никогда не существовали, будто мы не завтракали в школе или не перебегали по кампусу из здания в здание.

Бенжамин Линкольн

Я искал имена Джона Паркера и Брента Берка, моих лучших друзей, в разделе альбома старшего класса, где были собраны фотографии каждого ученика. Здесь они были, но были они совсем не такими, как я помнил — чуть другие черты лица. Я разглядывал страницы, перелистывая от Джона к Бренту и обратно. Я помнил, что у них были куда более интересные лица, чем здесь, более живые, но это, наверное, моя память меняла факты. Потому что вот они — глядящие тупо в камеру пять лет назад, а теперь на меня с этих страниц, и на их лицах нельзя прочесть ни малейшего намека на характер.

Я вернулся к пустым зеленым страницам в начале альбома посмотреть, что они написали мне накануне выпуска.

«Рад, что был знаком с тобой. Хорошего тебе лета. Джон».

«Классного лета и удачи. Брент».

И это мои лучшие друзья? Я закрыл альбом и облизал губы. Такие же безразличные надписи, как от всех других.

Минуту я сидел на полу посередине комнаты, уставившись на стенку. Так это бывает с людьми, впадающими в маразм? Или сходящими с ума? Я сделал глубокий вдох, пытаясь набраться храбрости открыть альбом снова. В них тут дело — или во мне? Или одновременно? Я теперь тоже для них такое же белое пятно — просто имя из прошлого и смутно знакомое лицо?

Я снова открыл альбом, раскрыл его на своей фотографии и стал на нее смотреть. Мое лицо показалось мне не пустым, не смазанным, не безликим, но интересным и разумным.

Может, за эти несколько лет я стал еще более средним, пришла мне нелепая мысль. Может, это болезнь, и я подхватил ее от Джона и Брента.

Нет. Хотелось бы, конечно, чтобы это было так просто. Но тут было что-то куда более серьезное. И пугающее.

Я пролистал альбом до конца, просматривая страницы, и из-за последней страницы перед обложкой выпал знакомый конверт. Там были мои оценки. Я открыл его и просмотрел тонкие прозрачные листы бумаги. Последний год: все «си». Предпоследний: то же самое.

Я не был средним по английскому языку — это я знал. Я всегда писал лучше среднего.

Но мои оценки этого не отражали.

По всей ведомости — одни «си». Посредственно.

Меня окатило холодом, и я бросил альбом и выбежал из спальни. Я пошел в кухню, взял из холодильника банку пива, раскупорил и вылил себе в глотку. В квартире снова стояла тишина. Я стоял в кухне, прислонившись к раковине, глядя на дверь холодильника.

Насколько это все глубоко?

Я не знал и не хотел знать. Я даже думать об этом не хотел.

Снаружи небо темнело, солнце склонялось, по квартире пролегли тени, от мебели постепенно оставались силуэты. Я подошел к выключателю и включил свет. Мне было видно место, где стоял диван, где висели репродукции. И мне вдруг стало очень одиноко. Одиноко по-настоящему. Так одиноко, что хотелось заплакать.

Я подумал открыть холодильник и взять еще пива, может, напиться, но мне не хотелось.

Я просто не хотел оставаться вечером в доме.

И я выехал и поехал на юг по фривею Коста-Меса. Только проехав полпути, я понял, куда направляюсь, и тогда я уже не хотел поворачивать, хотя боль в душе становилась все острее.

Фривей закончился, перейдя в бульвар Нью-порт, и я поехал к пляжу, к нашему пляжу, и припарковался на платной стоянке возле пирса. Я вышел из машины, запер ее и бесцельно побрел по людным улицам. По тротуарам шла толпа красиво загорелых женщин в бикини и красивых атлетических мужчин. Выруливали между прохожими роллеры, закладывая резкие виражи.

Снова я услышал музыку от кафе «Студио» — Сэнди Оуэн, хотя на этот раз музыка не переносила в волшебный мир, а навевала грусть и меланхолию, и это было правильно: другой вечер — другая звуковая дорожка.

Я посмотрел на пирс, на черноту океанской ночи.

Интересно, что сейчас делает Джейн.

Интересно, с кем она.

Глава огниная

Дерек ушел на пенсию в октябре.

На его проводы я не пошел — меня даже не пригласили, — но я знал, что они состоялись, по объявлениям на доске в комнате отдыха, и в этот день я сказался больным.

Как ни странно, а мне стало его не хватать. От присутствия в офисе еще одного тела, пусть даже Дерека, я почему-то был не так одинок. Это была

какая-то связь с внешним миром, с другими людьми, и в его отсутствие офис был слишком пустым.

Я начинал беспокоиться на свой счет из-за отсутствия у меня контакта с людьми. Вечером того дня, когда ушел Дерек, я сообразил, что за целый день ни с кем не сказал ни слова, ни одного слова.

И это всем было абсолютно безразлично. Никто ничего не заметил.

На следующий день я пошел на работу, перемолвился утром парой слов со Стюартом, сообщил свой заказ служащему «Дель Тако» во время ленча, приехал домой, приготовил ужин, посмотрел телевизор и пошел спать. За целый день я сказал фраз шесть — Стюарту и клерку у «Дель Тако». И все.

Я должен был что-то сделать. Сменить работу, переменить личность, изменить свою жизнь.

Но не мог.

«Средний» — это не было точное определение того, чем я был. В целом оно было верным, но не учитывало многого. Оно не все охватывало. Слишком оно было щадящим, недостаточно хлещущим. «Незаметный» — это было точнее, и так я и стал думать о себе.

Я был Незаметным.

С большой буквы «Н».

На следующий день я поставил эксперимент. Я прошел мимо столов программистов, Хоуп, Вирджинии и Лоис. С каждым я поздоровался, и все они это игнорировали. Хоуп, самая добрая душа, рассеянно мне кивнула, что-то промямлив, что можно было бы принять за приветствие.

Становилось все хуже и хуже.

Я исчезал, как краска с линяющей ткани.

По дороге домой на фрифрее я вел машину нагло, подрезая чужие автомобили, не пропуская, ударяя по тормозам, когда кто-нибудь пристраивался за мной. Мне гудели и делали оскорбительные жесты.

Здесь меня замечали. Здесь я не был невидимкой. Эти люди знали, что я живу на свете.

Я подрезал негритянку в «саабе» и был вознагражден резким звуком клаксона.

Я подрезал панка в спортивной машине и улыбался, пока он орал на меня через окно.

Каждую неделю, по средам и субботам, когда разыгрывалась лотерея, я покупал билеты. Я знал по статьям в газетах, что у меня нет шансов на выигрыш — но эта игра была единственным бегством от смиренной рубашки моей работы. Каждый вечер среды или субботы я сидел перед телевизором, глядя, как нумерованные шарики для пинг-понга летают в своей вакуумной оболочке, и я не только надеялся, что выиграю, я действительно *думал*, что выиграю. В голове у меня варились планы, что я буду делать, куда дену новообретенное богатство. Прежде всего я сведу кое-какие счета на работе. Найму человека, чтобы вывалил на стол Бэнксу тысячу фунтов коровьего дерьма. Найму громилу, который заставит Стюарта танцевать голым в вестибюле первого этажа под «Чертову уйму любви» группы «Лед Зеппелин». А сам буду орать ругательства в радиосеть компании, пока не вызовут охранников и не выставят меня из здания.

А потом — к чертовой матери из Калифорнии. Куда — я не знал; точного места еще не вы-

брал, но я точно знал, что хочу смыться отсюда. С этим местом было связано все, что было в моей жизни плохого, и я здесь все обрежу и начну на новом месте снова, с чистого листа.

По крайней мере таков был мой план.

Но каждый четверг и понедельник, поглядев накануне розыгрыш лотереи и сравнив выбранные номера с моими, я неизбежно возвращался на работу, обеднев на доллар и еще на один день разочарования, потерпев крушение всех своих планов.

В один из таких понедельников я нашел на полу лифта оброненное кем-то фото. Это был снимок отдела тестирования, сделанный, очевидно, в шестидесятых. У мужчин были длинные бакенбарды, у женщин — короткие юбки и расклешенные брючные костюмы. На снимке были лица, которые я узнал, и это было странное чувство. Я увидел молодую женщину с длинными волосами, которая стала стриженной старухой; улыбающиеся веселые лица застыли жесткими морщинами. Противопоставление было такое ошеломляющее, разница такой очевидной, как трансформация в фильме ужасов. Никогда я еще не видел такого безнадежно ясного примера разрушительного эффекта времени.

Для меня это было как для Скруджа, когда он увидел Призрак-Рождества-Которое-Еще-Будет. Свое настоящее я видел на этой фотографии, свое будущее — в задубевших лицах моих коллег.

Я вернулся к своему столу, потрясенный куда сильнее, чем мне хотелось бы признать. А на столе меня ждала пачка бумаг с наклеенной запиской от Стюарта: «Отредактировать Процедуры увольнения для отдела кадров. Срок — завтра 8.00».

Бенджамин Линкольн

«8.00» было подчеркнуто.

Двойной чертой.

Вздохнув, я сел и пододвинул бумаги к себе. Весь следующий час я читал выделенные абзацы на страницах и просматривал заметки на полях, которые Стюарт хотел, чтобы я вставил в текст. Я сделал себе заметки, набросал грубые черновики исправлений, которые прикрепил скрепкой к соответствующим страницам, потом понес свои материалы в комнату стенографисток. Я улыбнулся Лоис и Вирджинии, поздоровался, но они меня не заметили, и я ушел в угол к столу, где стоял компьютер.

Включив терминал, я вставил дискету и собирался начать вводить первое исправление, как вдруг остановился. Что на меня нашло — не знаю, но я положил пальцы на клавиатуру и напечатал:

«Служащий на полной ставке может быть уволен одним из трех способов: повешение, казнь на электрическом стуле или смертельная инъекция».

Тут я перечитал, что написал. Я чуть не прекратил. Я чуть не переставил курсор на начало фразы и нажал клавишу удаления.

Чуть не.

Колебания мои продолжались только секунду. Я знал, что если я распространю эти исправления и кто-нибудь их прочтет, меня уволят, но в каком-то смысле я буду даже этому рад. По крайней мере кончится мое прозябание здесь. Придется мне встряхнуться и поискать другую работу.

Но по собственному опыту я знал, что этого не прочтет *никто*. Люди, которым я раздавал исправления и дополнения, редко даже вставляли их в

инструкции, не то что читали. Даже Стюарт, кажется, перестал проверять мою работу.

«Служащий, увольняемый за плохую работу, по новым правилам не может подвергаться дыбе или четвертованию, — шлепал я дальше. — Пересмотренное руководство явно требует, чтобы такой служащий был уволен путем повешения за шею, пока не умрет».

Я ухмыльнулся и перечитал последнее предложение. У меня за спиной Лоис и Вирджиния занимались своим делом, обсуждая какой-то сериал, который смотрели накануне. Где-то в глубине души я боялся, что они могут подойти сзади и прочесть, что я написал, но я напомнил себе, что они даже не помнят о моем присутствии.

«Не утвержденное непосредственным начальником отсутствие на работе в течение трех дней, не связанное с болезнью, является основой для увольнения посредством электрического стула, — продолжал я. — При выполнении увольнения начальник отдела и руководитель группы увольняемого обязаны стоять по сторонам электрического стула».

Я ожидал отклика на мои «Процедуры увольнения», но не дождался. Прошел день. Второй. Третий. Неделя. Очевидно, Стюарт не позаботился прочесть изменения — хотя у него было шило в заднице насчет закончить их немедленно, в тот же день, будто это была самая важная в мире вещь.

Просто для страховки, чтобы проверить, я его спросил о них, поймав возле стола Хоуп. Я спросил, уверен ли он, что там все правильно.

— Да-да, — ответил он рассеянно, отмахнувшись от меня. — Все в порядке.

Он не читал.

Или... может, и прочел.

У меня снова знакомо засосало под ложечкой. То, что я пишу — так же анонимно, как и то, что я говорю? Так же незаметно? Я об этом не думал, но это было возможно. Более чем возможно.

Я вспомнил свои «си» по английскому языку.

Составляя инструкции к очередному экрану GeoComm, я написал:

«Когда все экранные поля будут заполнены верно, нажмите клавишу [ENTER], и ваша мама-ша встанет раком и подставит вам задницу — так ей больше нравится».

Комментариев не последовало.

Раз никто меня не замечал, я сделал еще один шаг и стал приходить на работу в джинсах и футболках, удобных уличных шмотках вместо официальной рубашки и галстука. Ни выговоров, ни замечаний. Каждое утро я поднимался на лифте в джинсе среди белых рубашек и красных галстуков, и никто ни слова мне не сказал. Я нацепил рваные «Левис», грязные кроссовки и футболку с рок-концерта на встречу со Стюартом и Бэнксом, и ни один из них этого не заметил.

В середине октября Стюарт отправился в отпуск на неделю, оставив у меня на столе список заданий и сроков. То, что его не было — это было облегчение, но даже то мизерное общение с людьми, которое у меня было, остановилось на неделю. Пока его не было, я ни разу ни с кем не говорил. И со мной никто не говорил. Я был невидим, незамечаем, полностью исчез.

Когда в пятницу вечером я вернулся домой, мне отчаянно хотелось с кем-нибудь поговорить. С кем угодно. О чем угодно.

Но у меня никого не было.

От отчаяния я просмотрел старый журнал и нашел номер порнотелефона — одного из тех, где женщина говорит о сексе по три доллара за минуту. Я набрал номер — просто чтобы что-нибудь сказать человеку, который мне ответит.

Ответил включенный магнитофон.

Глава двенадцатая

Когда утром в понедельник я приехал на работу, за столом Дерека кто-то сидел.

Я буквально встал столбом, настолько я был поражен. Это был парень примерно моих лет, может, чуть старше, с каштановой бородой и густыми длинными волосами. Одет он был по правилам — белая рубашка, серые брюки, но галстук у него был широкий, шелковый и ярко раскрашенный, с изображениями туканов, сидящих на ананасах. При виде меня он улыбнулся, и улыбка у него была такая же яркая, открытая и естественная.

— Привет, задрыга! — сказал он.

Я кивнул в ответ, не зная, что сказать.

— Я — Дэвид. — Он встал, протянул руку, и я ее пожал. — Меня перевели из отдела регистрации. А ты, значит, Боб?

Я снова кивнул.

— Ты пришел на работу вместо Дерека? — тупо спросил я.

Он расхохотался.

— Какую работу? Эту должность упразднили. От нее все равно осталось одно название. Этому типу только дали досидеть до пенсии из жалости.

— Я всегда удивлялся, что же он делает.

— Все удивлялись. Как ты с ним ладил?

Я пожал плечами.

— Я не слишком хорошо его знал. Я всего только месяца четыре тут работал...

— Да ладно, брось. Все знали, что он мудака.

Я невольно улыбнулся.

— Ладно, — признал я. — Мы не были закадычными друзьями.

— Нормально, — сказал Дэвид. — Ты мне уже нравишься.

Я подошел к своему столу и сел, и мне было хорошо. Так давно я уже ни с кем не разговаривал, что даже этот небольшой контакт был для меня потрясением, и мой дух взмыл вверх по той нелепой причине, что со мной в одной комнате теперь был человек, который меня замечал.

Может быть, мое состояние обратимо.

— Так что же у тебя за работа? — спросил я.

— Все та же регистрация, — ответил он. — Только теперь для вашего отдела. Я думаю, они изобрели эту должность, чтобы выпихнуть меня на этаж вверх. В моем отделе ни один из этих старых пердунов не хотел со мной работать.

Я рассмеялся.

— Я вполне серьезно.

Я улыбался. Пусть народ в его отделе не хотел с ним работать, но я точно мог уже сказать, что мне это будет по душе.

И я оказался прав. Мы с Дэвидом поладили немедленно. Мы были близки по возрасту настолько, что принадлежали к одному поколению, но еще он был человеком легким и дружелюбным, одним из тех, кто естественно открыт и доступен, и мы сразу заговорили так, будто знали друг друга годами. У него не было ничего, что он не мог бы со мной обсуждать, ни одного мнения, которое он придерживал бы при себе. Между нами не было той стены официальности, которая отделяла меня от всех других.

Он меня не только заметил и признал; кажется, я ему понравился.

Это было в среду перед тем, как он задал Тот Вопрос. Я знал, что это случится, я был к этому готов, но все равно это было неожиданно. Была вторая половина дня, я вычитывал опечатки в инструкциях к GeoComm, которые отпечатал в тот день раньше, а Дэвид отдыхал, откинувшись на стуле и жуя чипсы.

Он кинул кусочек себе в рот и посмотрел на меня.

— Так у тебя есть подружка?

— Есть, — ответил я. — То есть была, — поправил я сам себя. И в животе у меня как-то странно что-то вздрогнуло.

Очевидно, мои чувства были написаны у меня на лице, потому что Дэвид быстро сдал назад.

— Ты прости, я не собирался лезть в душу. Если не хочешь об этом говорить...

Но я хотел говорить именно об этом. Я ни с кем не говорил о нашем разрыве, и вдруг я почувствовал, что мне обязательно необходимо рассказать кому-нибудь.

Бенджамин Ашман

И я все рассказал Дэвиду. Ну, не все. Насчет моей Незаметности я промолчал, но рассказал, как мы постепенно стали отдаляться, когда я получил эту дурацкую работу, и как я упрямо не хотел пойти ей навстречу, и как я однажды пришел домой, а ее уже не было. Я думал, что мне после этого рассказа станет легче, но стало только хуже. Воспоминания были свежими, события тоже, и копание в них только усиливало боль, а не изгоняло ее.

Дэвид покачал головой.

— Круто. Просто умотала и оставила записку?

Я кивнул.

— Ну а что было потом, когда ты за ней поехал? Что она сказала, когда тебя увидела?

— Чего? — мигнул я.

— Что она сказала, когда ты к ней заявился? — Он посмотрел на меня и помрачнел. — Ты же поехал за ней? Или нет?

А надо было? Этого она и хотела? Как доказательство, что она мне нужна, что я ее люблю, что не могу без нее? Должен я был броситься за ней, как герой какой-нибудь, и завоевать ее снова? И было у меня такое тяжелое чувство, что да, должен был, что именно этого она и хотела, что этого она и ждала. Я посмотрел на Дэвида и медленно покачал головой.

— Нет. Не поехал.

— Ну, парень, ты дал. Все проворонил. Теперь тебе ее никогда не вернуть. Давно это было?

— Два месяца.

Он покачал головой.

— Она себе уже нашла другого. Ты упустил возможность, друг. Ты пытался с ней связаться хотя бы?

— Я не знал, куда она направилась.

— Надо было позвонить ее родителям. Они знали бы.

— Она сказала, что хочет начисто обрезать все контакты и не видеть больше друг друга. Сказала, что так легче.

— Они всегда что-нибудь такое говорят. Но что они говорят и что хотят сказать — это две разные вещи.

Какое-то движение возникло у дверей. Стюарт.

— Эй, девочки, — сунул он голову в дверь. — Хватит вам трепаться. Возвращайтесь к работе.

Я быстро схватил ручку и нагнулся над инструкцией.

— А у меня перерыв, — ответил Дэвид, поедая очередной чипс. — Еще пять минут.

— Тогда отдыхайте в комнате отдыха, где вы не будете мешать... — пауза, пока он вспоминал мое имя... — Джонсу.

— Ладно.

Дэвид медленно встал и ухмыльнулся мне, выходя из комнаты вслед за Стюартом.

Я улыбнулся в ответ, но у меня внутри все шло кувырком.

Что они говорят и что хотят сказать — это две разные вещи.

И было у меня тяжелое чувство, что он прав.

На фривее была пробка — на скоростной полосе столкнулись три машины, и домой я добрался только около половины седьмого. Я поставил машину в гараж и поднялся по лестнице к себе домой. Открывая дверь, я сунул руку в почтовый ящик и посмотрел почту. Счет от газовой компа-

нии, «Пеннисейвер» за эту неделю... и что-то вроде открытки.

Открытки? Кто может мне послать открытку? Джейн?

Надежда взмыла к небесам. Может быть, она устала ждать, пока я ее найду. Может быть, она решила связаться со мной. Может, она без меня скучает, как я без нее.

Я быстро сорвал конверт и увидел на изображении воздушного шара в голубом небе слова: «С днем рождения!»

Я развернул открытку.

На белом фоне с изяществом лазерного принтера было написано:

«С днем рождения от твоих друзей в «Ото-мейтед интерфейс, инкорпорейтед»».

Сердце у меня упало.

Формальное поздравление с работы.

Я смял открытку, бросил ее через перила лестницы и смотрел, как она падает до самого дна.

У меня послезавтра день рождения.

А я почти забыл.

Глава тринадцатая

В свой день рождения я вводил информацию в компьютер и сохранял на диске, вводил и сохранял. Дэвид заболел, и я был в офисе один.

Вечер я провел у телевизора.

На работе никто по случаю моего дня рождения ничего не предпринял. Я и не ожидал другого, но наполовину ожидал звонка от Джейн — или хотя бы открытки. Она знала, как важен для меня

мой день рождения. Конечно, не было ничего. Самое грустное было, что мои родители тоже про день рождения напрочь забыли. Ни подарка, ни открытки, ни даже телефонного звонка.

Я пытался им позвонить несколько раз, но линия была занята, и в конце концов я это бросил.

Я подумал, что через пять лет мне будет тридцать. Помню, как тридцать лет исполнилось моей маме. Ее друзья устроили ей день рождения сюрпризом, и все весело напились, и мне разрешили лечь спать попозже. Мне тогда было восемь, а мама мне казалась такой старой.

Я тоже старел, но, странное дело, я этого не чувствовал. Если верить профессору культуральной антропологии, лекции которого я посещал, в американской культуре нет обряда посвящения, формальной инициации мужчины, четкой грани между детством и взрослостью. Может быть, поэтому я во многих отношениях чувствовал себя ребенком. Я не чувствовал себя так, как, должно быть, ощущали себя в моем возрасте мои родители, не видел себя таким, какими видели себя они. Да, я живу жизнью взрослого, но чувства мои остаются чувствами ребенка, отношение к жизни и интересы — как у подростка. Я на самом деле не вырос большой.

А мне уже двадцать пять.

Всю ночь я думал о Джейн, думал о том, чем мог бы стать для меня этот день рождения, чем должен был стать и чем не стал.

Спать я пошел, надеясь против ожидания, что телефон зазвонит.

Он молчал.

Где-то после полуночи я заснул.

Глава четырнадцатая

День Благодарения настал и миновал, и я провел праздник у себя дома наедине с собой, глядя по телевизору очередную «Сумеречную зону» на пятом канале и гадая, что сейчас делает Джейн.

Родителям я пытался позвонить раньше, несколько раз, надеясь набиться на приглашение на праздничный обед, но все время никого не было дома. Они приглашали нас с Джейн на День Благодарения последние три года, но мы каждый раз отворачивались занятиями, работой или еще чем-нибудь. На этот раз, когда я хотел пойти, когда мне это было по-настоящему нужно, приглашения не было. Я, в общем, не удивился, но некоторое чувство обиды побороть не мог. Я понимал, что мои родители ничего плохого в виду не имели, что они не то чтобы нарочно меня не пригласили — просто они могли решить, что и на этот раз у нас с Джейн свои планы, но у меня-то никаких планов не было, и я отчаянно хотел, чтобы они мне какие-то предложили.

Я все еще им не сказал, что расстался с Джейн. Я им с тех пор даже не звонил. Мы никогда не были очень уж близки, и подобный разговор заставил бы меня чувствовать себя весьма и весьма неловко. Я уже слышал миллион вопросов: как это случилось? Почему случилось? По чьей вине? А вы, ребята, собираетесь как-нибудь это наладить? И мне не хотелось такое с ними обсуждать. Я просто не хотел иметь с этим дело. Пусть лучше узнают позже, из вторых рук.

На случай, если я поеду к ним в Сан-Диего на День Благодарения, я приготовился лгать, что Джейн приболела в последнюю минуту и сейчас у своих родителей. Довольно неуклюжая и жалкая отговорка, но я не сомневался, что мои родители ее проглотят. В таких вещах они были очень доверчивы.

Но я никак не мог с ними связаться. Конечно, я мог бы сам себя пригласить. Просто явиться сюрпризом в четверг утром. Но почему-то мне это было трудно сделать.

Так что я остался дома, валяясь на кушетке и глядя «Сумеречную зону». На праздничный обед я сделал себе макароны с сыром. Был я чертовски подавлен, и никогда в жизни не чувствовал себя таким одиноким и таким покинутым.

Понедельника я ждал чуть ли не с нетерпением, и его наступление принял почти с благодарностью.

В понедельник утром Дэвид был уже на месте, положив ноги на стол, и жевал что-то вроде сдобной булочки. Я рад был его видеть после четырех дней, проведенных в полуизоляции, но в то же время на меня легла эмоциональная тяжесть, когда я сел на свое место и увидел грудку бумаг перед собой.

Я любил Дэвида, но видит Бог, как я ненавидел свою работу.

Я посмотрел на него и сказал:

— Вот это и есть ад.

Он доел булочку, смял обертку и кинул ее в мусорную корзину между нашими столами.

— Читал я как-то рассказ, где ад — это был коридор, набитый всеми мелкими тварями, которых ты за свою жизнь убил. Все мухи, которых

ты прихлопнул, пауки, которых раздавил, улитки, которых разламывал. И ты должен ходить по этому коридору из конца в конец, из конца в конец. Голым. Вечно. — Дэвид усмехнулся. — Вот *это* настоящий ад.

Я вздохнул:

— Близко к тому.

Он пожал плечами:

— Чистилище — может быть. Но ад? Вряд ли.

Я взял ручку, посмотрел на последний пакет написанных мной инструкций к GeoComm. Меня уже тошнило документировать эту дурацкую систему. То, что было когда-то крупным шагом вперед, серьезным служебным ростом, стало ярмом на моей шее. Я уже тосковал по тем дням, когда моя работа была не столь определенной и задания менялись. Пусть моя работа тогда была более бесцельной и незначительной, но все равно она не была такой оглуляющей.

— А по-моему, вполне, — сказал я.

Было четыре часа, и работающие по скользящему графику уже потянулись к лифтам мимо нашего офиса, когда Дэвид откинулся на стуле и посмотрел на меня.

— А что ты делаешь сегодня после работы? — спросил он. — Есть планы?

Я знал, к чему он ведет, и первым моим инстинктивным порывом было отбрехаться, сказать, что я не могу сегодня с ним пойти, куда бы он ни собирался. Но так давно я уже ничего не делал и никуда не ходил ни с кем, что я вдруг сказал:

— Ничего. А что?

— Есть тут клуб на Гамильтон-бич, куда я собираюсь. Полно девок. Я думал, ты не против туда заглянуть.

Вторая стадия. Приглашение.

Мне хотелось согласиться, и краткую долю секунды я думал, что это может повернуть ход моей жизни, может меня спасти. Я пойду с Дэвидом в клуб, мы станем добрыми приятелями, близкими друзьями, он мне поможет встретить какую-нибудь женщину, вся моя жизнь изменится одним плавным поворотом.

Но моя истинная натура победила, и я покачал головой, улыбаясь с сожалением.

— Хотел бы, но не могу. У меня есть планы.

— Какие планы?

Я покачал головой.

— Не могу.

Он посмотрел на меня и медленно кивнул.

— Понимаю.

После этого мы с Дэвидом уже не были настолько близки друг другу. Не знаю, его это вина или моя, но существовавшая между нами связь вроде бы сломалась, близость испарилась. Конечно, это не было так, как с Дерексом. То есть мы с Дэвидом по-прежнему разговаривали. Дружелюбно. Но друзьями мы не были. Как будто мы подошли к порогу дружбы и отступили назад, решив, что лучше остаться просто знакомыми.

Вернулась ежедневная рутина. Она никуда и не уходила, но с тех пор, как в моем офисе появился Дэвид, мне удавалось не обращать на нее внимания — в определенной степени. Теперь, когда я отступил на периферию жизни Дэвида, а он —

Бенджамин Ашман

на периферию моей, отупляющая скука моих рабочих дней снова заняла авансцену.

Я был неинтересным человеком с неинтересной работой и неинтересной жизнью.

И квартира моя, как я заметил, тоже была безликой и неинтересной. Почти вся мебель была новой, но типовой: не уродливая, не прекрасная, но где-то посередине. В каком-то смысле уродство было бы предпочтительнее. По крайней мере наложило бы на мой дом отпечаток чего-то живого. А так — фотография моей гостиной могла спокойно быть включена в мебельный каталог. Она была такой же стерильной и безликой, как выставка мебели.

А спальня вообще была как из любого мотеля.

Очевидно, если у этого дома и был характер, он был обязан им Джейн. И с ней он и исчез.

Вот оно, решил я. Я переменюсь. Я стану другим, стану оригинальным, стану своеобразным. Пусть писают кипятком старые девы из гражданской службы, никогда я снова не вернусь в колею незаметности. Я буду жить шумно, одеваться броско, поставлю себя. Если быть Незаметным — моя природа, я пойду против нее, я заставлю себя замечать.

В уик-энд я пошел по мебельным магазинам, купил диван, кровать, столики и лампы — все вразнобой, из самых диких и не сочетающихся стилей, которые только мог найти. Я засунул их в багажник «бьюика», привязал к крыше, отвез домой и поставил там, где им уж никак не место: кровать — там, где ел, диван — в спальню. Это вам не ordinarily, не среднее и не банально. Попробуй такого

не заметить. Я обошел всю квартиру, довольно разглядывая нелепый декор.

Я отправился к «Маршаллу» и закупил себе новый гардероб. Кричащие рубашки и офигительного покроя брюки.

Пошел в «Суперкат» и сделал себе прическу «ирокез».

Я это сделал. Я переменялся. Я переделал себя. Это был новый я.

А на работе в понедельник никто ничего не заметил.

Я прошел через автостоянку в вестибюль, чувствуя себя по-дурацки выделяющимся — на выбритой голове посередине лакированный гребень «ирокеза», мешковатые ярко-красные штаны, ядовито-зеленая рубашка и флюоресцентный розовый галстук. Но никто не посмотрел на меня второй раз. Даже две секретарши с пятого этажа, стоящие около лифта, не прервали разговор, когда я мимо них прошел. Ни одна из них не посмотрела в мою сторону и вообще не обратила на меня внимания.

Даже Дэвид не заметил разницы. Он поздоровался, когда я вошел в офис, потом доел свою булочку и стал работать.

Я был Незаметным, что бы я ни делал.

Обескураженный и подавленный, я сел за свой стол, чувствуя себя последним дураком с этой прической и в этой одежде. Почему со мной такое происходит? Почему я Незаметный? Что во мне такого? Я потрогал свой «ирокез», будто хотел убедиться, что он настоящий, что я — настоящий, что есть у меня какая-то физическая субстанция. Моя рука натолкнулась на твердые лакированные волосы.

Так что же я такое?

Вот в чем был вопрос.

И на него-то у меня и не было ответа.

Неделя ползла медленно, секунды казались часами, часы — днями, а дни были неимоверно длинны. Всю вторую половину недели Дэвида не было, и меня настолько никто не замечал, что я готов был уже наброситься на одну из секретарш, только чтобы показать, что я здесь, что я существую.

По пути домой я старался превышать скорость, ехать отчаянно и опасно, но мысли мои были в другом месте, и другие водители на фривее меня просто не замечали.

У себя дома от ярких цветowych пятен гостиной мне стало еще хуже. Над розовым креслом-бабочкой криво висел огромный цветной календарь. Как-то я смог добиться, чтобы это все выглядело кричаще ординарным, навязчиво незаметным.

Я распустил галстук и сел на диван. Внутри у меня было пусто. Впереди маячили выходные: два дня свободы и непрерывного противостояния собственной анонимности. Я пытался придумать, что сделать, куда пойти, где можно будет отвлечься от этой ничтожности и темноты — от моего существования.

Родители. Можно заехать к родителям. Для них я не был Незаметным. Для мамы я не был лицом в толпе, которое тут же забывается, я не был никем для папы. Может быть, я не смогу говорить с ними о своем положении, но просто быть

рядом с ними, с людьми, которые меня замечают и уделяют мне внимание, — это может помочь.

Я не пытался им звонить с Дня Благодарения, слегка обиженный тем, как они со мной обошлись и желая их за это наказать, но близилось Рождество, и я хотел спросить маму и папу, какие бы они хотели подарки в этом году.

Я подошел к телефону и набрал номер. Занято. Повесил трубку, набрал еще раз. Мы не были слишком близки — мои родители и я. Мы на многие вещи смотрели по-разному, даже не слишком любили присутствие друг друга. Но друг друга мы любили. Мы были семьей. А если ты не можешь в час нужды обратиться к своей семье, к кому же тогда?

Телефон был все время занят. Я бросил дозваниваться. У меня созрел план. Пусть это будет сюрпризом. Я прямо сейчас подъеду к их дому и позвоню в дверь к ужину.

Средний человек не совершает неожиданных поступков.

Я взял зубную щетку и смену белья и через десять минут уже был на фривее, направляясь в Сан-Диего.

Я подумал, не остановиться ли у «Сан-Хуан Капистрано», потом у «Оушн-сайд», потом у «Дель Мар» и позвонить оттуда. Чуть остыв, я понял, что родителям может не понравиться мое появление у порога без предупреждения. Но я набрал инерцию и не хотел останавливаться, а потому не стал съезжать с хайвея, направляясь на юг.

Было около девяти, когда я остановился перед домом моих родителей. *Нашим* домом. Он не слишком изменился со времен моего детства, и

это было приятно. Я вылез из машины, прошел по короткой бетонной дорожке до крыльца. Хотя я был тут меньше года назад, казалось, прошла уже целая вечность, и я возвращался после долгого, очень долгого отсутствия. Я взошел на крыльцо и позвонил в звонок.

Дверь открыл незнакомый мужчина.

Я от удивления чуть не подпрыгнул.

Из-за спины незнакомца раздался еще один незнакомый голос — женский.

— Кто там, дорогой?

— Не знаю! — ответил ей мужчина. Он был небрит, излишне тучен, одет в джинсы со сползшим с пуза ремнем и натянутую пузом футболку. — Да?

Это уже мне.

Я прокашлялся. В животе было странное чувство.

— Мои родители здесь?

— Чего? — нахмурился человек.

— Я приехал в гости к своим родителям. Они здесь живут. Я Боб Джонс.

У мужчины сделалось озадаченное лицо.

— В толк не возьму, о чем вы говорите. Здесь живу я.

— Это дом моих родителей!

— Вы адрес, наверное, перепутали.

— Тез! — позвала женщина.

— Минуту! — крикнул ей мужчина.

— Я точно знаю адрес. Это дом моих родителей. Я здесь родился. Они здесь живут уже тридцать лет!

— Теперь я здесь живу. Как, вы сказали, зовут ваших родителей?

— Мартин и Элла Джонс.

— Никогда не слышал.

— Они — владельцы этого дома!

— Я его снимаю у мистера Санчеса. Владелец — он. Наверное, вам надо обратиться к нему.

Сердце в моей груди колотилось. Меня заливал пот, хотя воздух был прохладен. Я пытался сохранить спокойствие, пытался себя уговорить, что у всего этого есть рациональное объяснение, что это все какое-то простое недоразумение, но я знал, что это не так. Я проглотил слюну, стараясь не проявить своего страха.

— Вы не могли бы дать мне адрес и телефон мистера Санчеса?

Человек кивнул:

— Конечно. — Он начал было поворачиваться, но остановился. — Вообще-то я не знаю. Мистер Санчес может быть недоволен, если я дам его личный телефон...

— Дайте рабочий. Есть он у вас?

— Да, конечно. Подождите секунду.

Он исчез в глубине дома — *нашего дома* — в поисках бумаги и ручки, и тут до меня дошло, что от рабочего телефона толку будет мало. Сейчас вечер пятницы. Если я не собираюсь ждать до понедельника, то я пролетел. Повинуясь импульсу, я посмотрел на соседний деревянный дом. На дверной табличке было написано КРОУФОРД. Кроуфорд! Мне следовало подумать об этом раньше. Если мистер и миссис Кроуфорд все еще живут по соседству, они должны знать, что случилось. Они должны знать, почему здесь нет моих родителей, почему в нашем доме живет этот незнакомец со своей женой.

Benjamin Franklin

Не ожидая, пока он вернется, я спрыгнул с крыльца и побежал к Кроуфордам через газон.

— Эй! — удивился незнакомец у меня за спиной. Что-то крикнула его жена.

Я перешагнул через низкую изгородь, отделявшую наш дом от Кроуфордов, взобрался на их крыльцо позвонил. Слава Богу, дверь открыла миссис Кроуфорд. Я боялся, что она может испугаться моего «ирокеза», и постарался принять как можно менее угрожающий вид, но она открыла дверь настежь без всякого страха.

— Да?

— Миссис Кроуфорд! Как хорошо, что вы еще здесь живете! Где мои родители? Я позвонил в дверь, а в нашем доме живет незнакомый человек, который говорит, что никогда о нас не слышал!

Вот теперь в ее глазах уже был страх. Она чуть отодвинулась вглубь от двери, готовая ее захлопнуть при малейшем моем подозрительном движении.

— Кто вы?

Голос ее был старше, чем я помнил, и слабее.

— Я Боб!

— Боб?

— Боб Джонс! Вы меня не помните? — Я видел, что она не помнит. — Я же сын Мартина и Эллы!

— У Мартина и Эллы не было сына.

— Вы же меня в детстве нянчили!

Она начала закрывать дверь.

— Извините...

Я был в такой досаде, что готов был на нее заорать, но заставил себя говорить ровным голосом.

— Вы мне только скажите, где мои родители. Мартин и Элла Джонс. Где они?

Она посмотрела на меня, прищурилась, будто почти узнавая, потом покачала головой, явно оставив попытки вспомнить.

— Где они?

— Джонсы погибли полгода назад в автомобильной катастрофе. Пьяный водитель.

Мои родители погибли.

Она закрыла дверь, а я стоял столбом, не двигаясь, ни на что не реагируя. Щелкнул замок, послышался звук задвигаемого засова. Боковым зрением я видел зашевелившиеся занавески в окне, а за ними лицо миссис Кроуфорд, которая подсматривала в щель между ними. Смутно я слышал, как зовет меня человек, который живет в доме моих родителей — Тез, кажется. Он что-то говорил.

Я хотел заплакать, но не мог. Слишком недолго я думал об их жизни, чтобы сейчас я мог отреагировать на их смерть. У меня не было времени подготовиться к чувству потери. Слишком резким был шок. Я хотел ощутить горе, но не мог. Просто оцепенение.

Медленно я обернулся и направился к тротуару.

Меня не пригласили на похороны моих собственных родителей.

Я хотел бы, чтобы мы были ближе с моими родителями, но всегда считал, что для этого нужно только время, что в конце концов так оно и выйдет, что возраст даст нам некую общую основу, что годы нас объединят. Не то чтобы я это активно планировал или пытался этого добиться — просто общее такое чувство у меня было, но эти смутные надежды постоянно чем-то перечеркивались. Я подумал, что надо было мне быть активнее. Надо было понимать, что всегда может

случиться что-нибудь такое, и мне надо было отложить в сторону свое ребячество, мелочные обиды и не дать нашим несогласиям нас разделить. Надо было самому быть к ним ближе, пока была возможность.

Тез все еще меня звал, но я уже не слушал. Я сел в машину, включил зажигание. Отъезжая, я оглянулся на дом Кроуфордов. Миссис Кроуфорд со своим мужем уже открыто глядели в раздвинутые занавески.

Полгода назад. В июне, значит. Мы тогда с Джейн еще были вместе. Я только получил работу.

Почему меня никто не известил? Почему мне не позвонили? Неужели никто не нашел моего имени и адреса среди их бумаг?

Я не думал на самом деле, что мои родители меня не замечали, но, возвращаясь мыслями к детству, я удивился, обнаружив, что воспоминания мои слегка туманны. Я никак не мог вспомнить что-нибудь конкретное, что я делал с мамой, или куда ходил с отцом. Я вспоминал учителей, детей, собачек, кошек, игрушки — и события, с ними связанные, — но от родителей осталось только общее приятное впечатление, что они правильно меня растили. У меня было нормальное, счастливое детство — но те теплые и любовные воспоминания, которые должны бы у меня были быть, отсутствовали. В памяти о моих родителях не было ничего личного.

Может, поэтому и не было между нами той близости. Может быть, я для них был просто типовым ребенком, безличным представителем этой категории, которого они обязаны кормить, одевать и воспитывать.

Нет, этого не может быть. Я не был пустым местом для моих родителей. Они всегда покупали мне подарки на день рождения и на Рождество — вот, хотя бы это. Значит, они обо мне думали. Они всегда приглашали меня на Пасху, на День Благодарения. Я им не был безразличен.

И Джейн я тоже не был безразличен. И это не значило, что я не могу быть Незаметным.

Полгода.

Как раз тогда я только начинал замечать свое состояние, начал осознавать свою истинную природу. Может быть, это было взаимосвязано. Может, когда погибли мои родители, когда люди, которые меня знали и любили, ушли из жизни, все, что раньше во мне ждало своего часа, активизировалось. Может быть, пока они помнили о моем существовании, это мешало мне стать полностью Незаметным.

А с тех пор, как я потерял Джейн, процесс ускорился.

Я выехал на Харбор-Драйв, выпихивая эту мысль у себя из головы, заставляя себя об этом не думать.

А где имущество моих родителей? Продано с аукциона? Роздано на благотворительность? У них не было родственников, кроме меня, а я не получил ничего. Где наши альбомы открыток и фотографий?

Альбомы фотографий. Это сработало, как спусковой крючок.

Я заплакал.

Я вел машину к фривею, и вдруг я перестал видеть, потому что слезы залили мне глаза. Все расплывалось, колыхалось, и я съехал на обочину

Бенджамин Линкольн

и вытер глаза и щеки. Я ощущал комок в горле, слышал, как рвутся изо рта всхлипы, и я заставил себя прекратить это, взять себя в руки. Не время для плаксивых сантиментов.

Я сделал глубокий вдох.

У меня не было никого. Ни девушки, ни родственников, ни друзей. Никого. У меня был только я сам — и моя работа. Горькая ирония: только эта работа и давала мне вообще какую-то идентичность.

Но это переменится. Я узнаю, кто я и что я. Хватит мне жить в незнании и темноте. Хватит упускать возможности — с этим кончено. Я научился на собственных ошибках. Я научился на своем прошлом, и будущее мое будет другим.

Я включил передачу и направился к фривею. Пока я доберусь до Бри, будет уже полночь.

Я остановился возле «Бергер Кинг» и купил банку кока-колы на долгую дорогу домой.

Глава пятнадцатая

Понедельник.

На работу я опоздал на десять минут из-за пробки на фривее Коста-Меса, но по этому поводу не волновался. Все равно никто не заметит.

Все выходные я провел, обзванивая друзей моих родителей, спрашивая их, известно ли им, что случилось с личными вещами родителей. Никто из них не знал. Некоторые даже не стали со мной разговаривать.

Ни один из них меня не помнил.

Никто не знал или не захотел сказать, какая похоронная контора организовала похороны или

на каком кладбище похоронили моих родителей, поэтому я пошел в библиотеку, отксерил телефонный справочник Сан-Диего и обзвонил все эти чертовы конторы. Конечно, это оказалась последняя из них. Я спросил сотрудника, знает ли он, что случилось с вещами моих родителей, и он ответил, что нет. Я спросил его, кто оплатил похороны, и он сказал, что это конфиденциальная информация. Он был предупредителен и сочувственно мне сообщил, что если бы я мог представить доказательства, что Мартин и Элла Джонс — мои родители, он был бы рад поделиться со мной этими сведениями, но не по телефону. «Доказательства?» — спросил я. — «Свидетельство о рождении», — пояснил он.

Мое свидетельство о рождении хранилось у моих родителей.

Он сообщил мне, где они похоронены, я сказал спасибо и повесил трубку.

Я понял, что моего прошлого больше нет. У меня нет корней, нет истории. Я существую только в настоящем.

Когда я вошел в офис, Дэвид над чем-то усердно работал и даже не поднял на меня глаз. Я прошел мимо, снял пальто и сел за свой стол. На нем лежала толстая стопка бумаг. На ней сверху на бланке «со стола Рона Стюарта» была нацарапана записка: «Прошу задокументировать эти процедуры к 10.12». Подпись: РС.

Десятое декабря. Сегодня.

Дата на записке была второго ноября.

Я уставился на записку, перечитывая ее снова. Этот сукин сын нарочно так сделал, чтобы мне нагадить. Я быстро пролистал пачку бумаг. Это

были служебные записки от Бэнкса и его начальников, датированные несколькими месяцами ранее, с просьбой задокументировать какие-нибудь процедуры. Я ни одной из них раньше не видел. Я даже ни об одной из этих процедур не слышал.

Я взбесился, но был настолько во власти стереотипа, что взял ручку и стал смотреть бумаги с самой верхней. Мне даже на треть сегодня не выполнить этого задания, и после нескольких тяжелых минут я понял это окончательно. Все, надо отсюда убираться. Я бросил ручку, схватил пальто и направился к двери.

В тот момент мне действительно было все равно, уволен я или нет. Единственное, чего я хотел — уйти куда-нибудь подальше от этого офиса.

На улице утренний туман уже стал подниматься, солнце просвечивало сквозь облака, голубизна начинала вытеснять серое. Я припарковал машину на краю автостоянки «Qtomeйтед интерфейс», и пока я до нее добрался, я уже вспотел. Бросив пальто на пассажирское сиденье, я опустил окна и сдал назад, оставив дырку в бесконечном ряду сверкающих машин. Потом поехал на юг по Эмери. На первом светофоре я повернул направо, потом налево у следующего. Я не знал, куда еду — просто хотел затеряться в уютной одинаковости лабиринта улиц, но вышло так, что я ехал в общем и целом на запад.

И приехал на Сауз-Коаст-Плаза.

Я припарковал машину у «Зирса» и прошел к главному входу. После влажной жары снаружи прохлада кондиционеров была приятна.

Хотя и были предрождественские дни, людей было не так много, как должно бы. На стоянке было тесно, но внутри почему-толюдно не было.

Из динамиков доносились рождественские гимны, витрины были уставлены фигурками эльфов, игрушечными санками и ватным снегом. Перед «Нордстромом» стояла большая рождественская елка, увешанная гирляндами и всеми возможными украшениями. Рождественские дни всегда были для меня самыми любимыми в году. Я всегда ждал их прихода, мне нравилось в них все — от настроения до праздничных фантазий Санта-Клауса, которые придавали светское лицо этому религиозному событию. Но в этом году у меня не было ощущения Рождества. Мне некому было покупать подарки, и сам я подарков тоже не ждал. В прошлом году мы с Джейн почти все свободное время ноября и декабря провели за покупкой подарков, планируя, как будем праздновать, радуясь друг другу и грядущему празднику. В этом году я был один и одинок, без планов и целей.

Я остановился рядом с елкой и стал смотреть на лица прохожих, но даже мое явное и неприкрытое глазение не привлекало внимания людей. Вообще-то женщины и дети в магазине должны были обратить на меня внимание. Владельцы должны были поглядывать на меня с подозрением. Даже на пике панковского движения такой попугайски разряженный тип с «ирокезом» был бы весьма необычным на Сауз-Коаст-Плаза, а этот пик давно миновал. Человек вроде меня не мог не привлечь к себе внимания.

Но я, конечно, не привлекал.

Но не все меня не замечали.

Возле скамеечки между книжной лавкой «Риццоли» и рестораном «Гарден бистро» стоял человек с острым взглядом, на несколько лет меня

старше, и он смотрел внимательно, отмечая каждое мое движение. Поначалу я его не заметил, но краем глаза видел, как он там стоит неподвижно, и у меня стало возникать неприятное чувство, что за мной наблюдают, следят. Тогда я небрежно перевел взгляд налево, на этого человека, и встретил его взгляд. Он тут же отвел глаза, притворяясь, что читает меню «Гарден бистро». Теперь наступила моя очередь его рассматривать. Он был высоким и тощим, с короткими черными волосами, подчеркивавшими твердую и холодную суровость его лица. Он стоял чопорно, можно сказать, в царственной позе, но было в нем что-то неуловимо плебейское.

Я подумал, почему он на меня смотрит и как вообще меня заметил, и я направился к нему, собираясь задать этот вопрос, но тут он протолкнулся через небольшую кучку народа и стал подниматься на второй этаж, и я знал, что мне его уже не догнать. И я просто смотрел, как он спешит по лестнице.

Странно. Я этого человека никогда в жизни не видел. Зачем он на меня смотрел? И почему с таким виноватым и подозрительным видом смылся, когда я перехватил его взгляд? Может быть, его заинтересовала моя одежда и прическа — вполне логичное предположение. Почему же тогда меня больше никто не заметил?

Я смотрел на верхнюю ступеньку, где этот человек мелькнул в последний раз. Может быть, ничего и не было, а мне все это померещилось; просто гипертрофированная реакция на то, что кто-то в самом деле меня увидел.

Но мне было почему-то не по себе.

В торговых рядах я проторчал целый день. Идти мне было некуда, делать нечего, кататься вокруг мне не хотелось и уж точно не хотелось ехать домой. И я бродил из магазина в магазин, купил себе чего-то на ленч, почитал пару журналов у киоска, посмотрел компакт-диски в «Мьюзик плас».

К концу дня я уже собрался было уходить, посмотрев все, что я хотел посмотреть, когда случайно оглянулся.

И тот же человек с острым взглядом глядел на меня в просвет между стойками.

Это не было простое совпадение.

Наши глаза встретились, и я ощутил, как по спине у меня пробежал холодок. Человек отвернулся и быстро пошел по проходу к выходу из магазина. Я за ним, но пока я добрался до выхода, он уже растворился в толпе, в потоке покупателей, дефилирующих с покупками мимо лавок.

Я хотел его остановить, но что я мог сделать? Побегать за ним? Позвать?

Минуту я стоял неподвижно, глядя, как он отчаянно от меня убегает, и вспоминая, как мне стало страшно от взгляда в его жесткие, холодные глаза.

Но с чего бы мне его бояться, когда он явно сам боится меня?

Но если он так меня боится, зачем он за мной крался?

Крался.

Почему я выбрал именно это слово?

Я пошел дальше. Что-то в этом человеке казалось мне подсознательно знакомым. Что-то почти, но не совсем узнаваемое было в чертах его лица,

чего я не заметил, пока не увидел его вблизи, и это меня беспокоило и тревожило весь путь до машины на стоянке и всю дорогу домой.

Глава шестнадцатая

Я ожидал, что меня спросят, где я был, и я приготовил историю для оправдания своего отсутствия. Но она не понадобилась. Никто не спросил меня насчет внезапного выходного. Даже когда я сказал Дэвиду, что сегодня мне намного лучше, он посмотрел на меня удивленно:

— А ты что, болел?

— Меня же вчера не было.

— Надо же. А я и не заметил.

Стюарт, может, и не заметил, что меня вчера не было, но он заметил, что я не выдержал указанный им срок, и вызвал меня к себе на ковер вскоре после ленча.

— Джонс? — начал он, глядя на меня из-за своего стола. — Вы не выполнили очень важную работу, которую вам поручили, имея более чем достаточный срок.

Достаточный срок? Я посмотрел на него в упор. Мы оба знали, что он врет.

— Это будет отмечено в вашей аттестации по итогам первого полугодия вашей работы.

Я собрался с духом:

— Зачем вы это делаете?

Он посмотрел на меня невинным взглядом:

— Что делаю? Настаиваю на соблюдении правил отдела.

— Вы знаете, что я имею в виду.

— В самом деле?

Я поймал его взгляд.

— Вы против меня что-то имеете?

Он улыбнулся этой наглой улыбкой спортсмена-отличника.

— Да, — признал он. — Имею.

— Что?

— Вы мне не нравитесь, Джонс. С самого начала. Вы — воплощение всего, что я презираю.

— Но почему?

— А это важно?

— Для меня — важно.

— Значит, неважно. Займитесь делом, Джонс. Я очень недоволен вашей работой. И мистер Бэнкс — тоже. Недовольны все.

«Ну и хрен тебе на рыло», — хотел я сказать. Но лишь выразил это глазами, повернулся и ушел.

Я Незаметный, потому что средний. Это казалось самым логичным, самым разумным допущением. Созревший в конце двадцатого века, я был продуктом массмедийного культурного стандарта, мои мысли, вкусы и чувства сформировались и определились теми же влияниями, которым подвергались все люди моего поколения.

Но я в это не верил.

Во-первых, я не был полностью средним. Будь оно так, будь все так последовательно, мое существование было бы понятным и предсказуемым. А в этой теории были зияющие несовпадения. Пусть мои телевизионные вкусы точно соответствовали рейтингу по Нильсену, и в газете передачи шли в том же порядке, что я предпочитал, но

зато мой выбор книг был куда как далек от общепринятого.

Но тут опять: хоть мои литературные вкусы отличаются от вкусов публики вообще, они, быть может, в точности средние по группе белых мужчин моего социоэкономического и образовательного уровня.

Насколько же специфична эта штука?

У статистика бы годы ушли на то, чтобы рассортировать эту информацию и найти закономерность.

Я доводил себя до психоза этими бесконечными рассуждениями, пытаюсь выяснить, кто я и что я.

Я оглядел свою квартиру и причудливую обстановку, которую мое влияние смогло как-то сделать обыденной. У меня возникла идея, и я пошел в кухню и в ящике со старым хламом раскопал автомобильную карту Лос-Анджелеса. Развернув ее, я нашел Музей искусств графства Лос-Анджелес.

На улице перед моим домом стоял припаркованный автомобиль — «додж-дарт». Я было не обратил на него внимания, но когда он поехал за мной к улице... потом по Колледж-авеню, по хайвею Имperiал и на фривей, я стал слегка нервничать. Хотя понимал, что это скорее всего ничего не значит. Просто я фильмов насмотрелся. Или от одинокой жизни могла развиться мания преследования. Но я все равно видел, что эта машина от меня не отстает: меняет ряд, когда я меняю ряд, прибавляет скорость, когда я прибавляю, тормозит, когда я торможу. Ни у кого не было никаких причин за мной следить — это вообще смехотворная идея, — но все равно мне было не по себе и чуть страшновато.

В зеркале заднего вида я увидел, как черный четырехдверный пикап втиснулся между мной и «дартом», и я воспользовался этим, чтобы удрать, вдавив педаль газа в пол и резко свернув на ближайший выезд. Под развязкой я подождал, не двигаясь даже тогда, когда загорелся зеленый, но «дарт» больше не появлялся.

Я его стряхнул.

Тогда я выехал обратно на фривей в сторону Лос-Анджелеса.

В музее было полно народу, и трудно было найти место, куда поставить машину. Пришлось мне выложить пять баксов на платной стоянке на боковой улочке. Я прошел через парк, уставленный раскрашенными скульптурами вымерших млекопитающих, и вошел в музей, где с меня сняли еще пять баксов за вход.

Внутри было прохладно, темно и тихо. Там были люди, но здание было такое огромное, что их казалось мало и рассыпаны они были широко; и даже самые развязные вели себя тихо в этой подавляющей атмосфере.

Я шел из зала в зал, от крыла к крылу, с этажа на этаж, мимо английской мебели и французского столового серебра, мимо индейских статуй, скользил взглядом по картинам на стенах, выискивая имена больших художников, знаменитостей. Наконец нашел. Ренуара. На картине были люди, обедающие в уличном кафе.

В этой галерее, может быть, и во всем крыле, не было других посетителей, только одинокий охранник в форме стоял у входа. Я отступил в центр зала. Это, я знал, класс. Это культура. Это Искусство с большой буквы.

Белый Ангел

И, глядя на картину, я постепенно холодел. Я хотел ощутить ее магию, ощутить благоговение и изумление, ощутить то трансцендентное, которое должно ощущаться при соприкосновении с шедеврами искусства, но ощущал лишь легкую приятность.

Я стал смотреть другие картины экспозиции. Передо мной были мировые сокровища, самые утонченные предметы, которые создал человек за всю историю планеты, и все, что я мог в себе вызвать, — наполовину искренний интерес. Мои чувства были заглушены, притуплены самой природой моего существа, тем фактом, что я был полностью и окончательно ординарен.

И экстраординарное не имело надо мной власти.

Это было то, что я предполагал, чего боялся, и пусть это лишь подтвердило мои ожидания, само подтверждение стукнуло, как объявление смертного приговора.

Я снова посмотрел на Ренуара, подошел ближе, стал его рассматривать, изучать, пытаюсь заставить себя что-то почувствовать, хоть что-нибудь вообще, изо всех сил пытаюсь понять, что люди в этом видят, но это вне меня.

Я повернулся уходить...

...И увидел человека, который смотрел на меня из дверного проема.

Высокий человек с пронзительными глазами, который был в торговых рядах.

Меня окатило волной холода и проняло этим холодом насквозь.

И тут же он исчез за стеной слева от двери. Я бросился к выходу, но там уже и следа его не было.

Только одинокая пара в официальных костюмах шла ко мне от дальнего конца крыла.

У меня возникло искушение спросить охранника, не видел ли он этого человека, но я тут же сообразил, что нет. Он смотрел в зал, в сторону от того места, где человек стоял, и видеть ничего не мог.

Вдруг музей показался мне темнее, холоднее и больше, чем был секунду назад, и, направляясь к выходу через пустые залы, я заметил, что сдерживаю дыхание.

Я боялся.

Я пошел быстрее, желая побежать, но не решаясь, и лишь снаружи, на солнечном свету, в окружении людей я смог дышать нормально.

Глава семнадцатая

В понедельник Дэвид ушел. Мне не было сказано, почему, а я не спросил, но стол его был пуст, металлические ящики за его спиной — тоже, и я уже знал, что он больше не работает в «Отомейтед интерфейс». Интересно, уволили его или он сам ушел. Наверное, уволили. Иначе он бы мне сказал.

Или нет.

Что говорят и что хотят сказать — это две разные вещи.

Я заметил, что вспоминаю его слова о женщинах, которые он сказал, когда я ему сообщил, что не пытался найти Джейн. Эти слова не давали мне покоя с тех самых пор, толкаясь в подсознании, заставляя меня чувствовать не то чтобы вину, но... ответственность какую-то за то, что она не

вернулась. Я минуту подумал, потом встал, закрыл дверь офиса и сел на стол Дэвида, сняв трубку. До сих пор я помнил на память номер того детского сада, и мой пальцы почти автоматически набрали эти семь цифр.

— Можно попросить Джейн? — спросил я у старой женщины, которая сняла трубку.

— Джейн Рейнóльдс? .

— Да.

— Она уволилась четыре месяца назад. Больше здесь не работает.

Это было как удар копытом под ложечку.

С момента расставания я не видел Джейн, не говорил с ней, никак не общался, но почему-то сама идея, что она поблизости, что она ведет все ту же жизнь, пусть даже меня в этой жизни нет, утешала, успокаивала. Пусть я не с ней, но просто знать, что она есть, было уже легче. И тут я внезапно обнаружил, что она выбросила всю свою прежнюю жизнь, как выбросила меня.

Где она теперь? Что делает?

Я представил себе, как она колесит по стране на заднем сиденье «харлея» какого-нибудь ангела ада.

Нет. Эту мысль я отмел. Джейн так не сделает. А если и да, то это не мое дело. Мы больше не вместе. И у меня нет права быть задетым ее теперешними поступками.

— Алло? — спросила старая женщина. — Вы слушаете?

Я повесил трубку.

В этот вечер я увидел его на улице у моего дома. Этого, с пронзительным взглядом. Он стоял

в тени под деревом, его левый бок был слегка освещен уличным фонарем, стоящем в полуквартале отсюда. Я увидел его в окно, когда задерживал занавески, и перепугался до дрожи. Я пытался о нем не думать, чтобы не подыскивать для самого себя разумные объяснения, но видеть его на улице, ждущего в темноте и разглядывающего мои окна, наблюдающего за мной, — это меня напугало. Очень. Теперь стало совершенно ясно, что он за мной шпионит.

Крадется за мной.

Только я понятия не имел зачем.

Я рванулся к двери, распахнул ее и храбро выскочил на крыльцо, но его уже не было под деревом. И никого там не было.

Я закрыл дверь, покрывшись гусиной кожей. Мелькнула мысль, что это, может быть, вообще не человек. Может быть, он вроде того хич-хайкера, который преследовал женщину в одном эпизоде «Сумеречной зоны». Может быть, он — сама Смерть. Или ангел-хранитель. Или призрак человека, которого обидели много лет назад мои предки и который обречен преследовать меня повсюду.

Куча глупостей.

Глупостей? Если я смог принять мысль, что я — Незаметный, почему тогда не принять и ту мысль, что он — призрак или какое-то другое сверхъестественное явление?

В эту ночь мне трудно было уснуть.

И приснился мне человек с пронзительными глазами.

Я начал прогуливать, по целым дням не появляясь на работе. Пока я по пятницам заполнял свой табель, плевать всем было, на работе я или нет.

Домой мне никогда не хотелось, и я поначалу шатался по торговым улицам и площадям: Сауз-Коаст-Плаза в Коста-Меса, Мэйн-Плейс в Санта-Ане, Бри-Молл в Бри. Но вскоре мне это надоело, и я просто колесил по Ирвайну, кружа по улицам, как мотылек вокруг фонаря.

Я стал парковать машину и ходить пешком по районам магазинов Ирвайна, и мне было приятно единообразие магазинов, легко в этой гармонии однородности. Это сделалось ежедневной рутинной — ленч каждый день в одном и том же «Бюргер Кинге», одни и те же музыкальные, книжные и одежные магазины. Шли дни, и я начал узнавать улицы, лица людей, похожих на меня, одетых для работы, но явно не работающих и работы не ищущих. Однажды я увидел, как один из них крадет продукты в ночном магазинчике. Я стоял на той стороне улицы, ожидая зеленого светофора, у перехода, и видел, как высокий и хорошо одетый человек зашел в «Семь-одиннадцать», взял с витрины две коробки пива и вышел, явно не заплатив. Мы разошлись на тротуаре.

Мне стало интересно, оставил ли он отпечатки пальцев на чем-нибудь, кроме пива. Он же должен был коснуться двери, чтобы открыть. Если я войду в магазин и расскажу продавцу, сможет полиция снять эти отпечатки и поймать этого человека?

Я раскрыл правую ладонь и посмотрел на пальцы. Считается, что каждый человек в мире имеет уникальный пальцевой узор, присущий только ему. Но, глядя на бороздчатые спирали у себя на пальцах, я подумал, настолько ли это верно, как говорится. Было у меня подспудное ощущение, что

пальцы мои не уникальны, что они на самом деле не мои. Раз во мне вообще ничего оригинального нет, ничего неповторимого, почему тут должно быть по-другому? Я раньше в журналах, в новостях, в кино видал отпечатки пальцев, и различия между ними всегда были очень слабыми и почти незаметными. Начнем с того, что если пальцевые узоры так ограничены по виду, насколько разумно считать, что никакие два узора не совпали за всю историю человечества? Должны были бы хоть два комплекта узоров за это время совпасть.

И уж конечно, мои — самого распространенного сорта.

Но это глупо. Если бы было так, то кто-нибудь уж это заметил. Полиция открыла бы наличие таких совпадений, и это автоматически лишило бы отпечатки пальцев статуса криминалистического инструмента и улики на суде.

Но, быть может, полиция и в самом деле обнаружила, что не все отпечатки пальцев уникальны. И держит это в секрете. В конце концов полиция заинтересована в сохранении статус-кво. Эта техника работает в подавляющем большинстве случаев, а если кое-кто становится жертвой совпадения... что ж, такова цена порядка в обществе.

У меня по коже побежали мурашки. Вся система уголовного правосудия показалась мне куда более страшной, чем секунду назад. Мысленным взором я видел людей, осужденных за преступления, посаженных в тюрьму, даже казненных, потому что их отпечатки пальцев совпали с отпечатками пальцев истинных убийц. Я видел компьютеры, выводящие списки людей с отпечатками

точно такими, какие найдены на оружии убийства, и полицию, выбирающую козла отпущения с помощью считалки.

Вся западная цивилизация строится на допущении, что каждый отличается от других, что нет двух одинаковых людей. Это основа философских построений, нашего политического устройства, нашей религии.

Но это неправда. Неправда.

Я приказал себе прекратить об этом думать, не распространять свою ситуацию на весь остальной мир. Я велел себе просто наслаждаться выходным днем.

Я отвернулся от магазина и пошел побродить по музыкальным магазинам. В полдень я зашел на ленч в «Бюргер Кинг».

Глава восемнадцатая

Настало Рождество. Новый год.
Я провел их в одиночестве перед телевизором.

Глава девятнадцатая

Работа накапливалась грудой, и я знал, что если мое отсутствие и пройдет незамеченным, то отсутствие выхода — нет. По крайней мере для Стюарта. И я решил всю неделю просидеть у себя в офисе и подогнать работу.

Примерно в середине недели я зашел в комнату отдыха взять банку кока-колы или шастаколы — и у порога услышал голос Стюарта.

— Так он же гей, разве вы не знали?

— Так я и думала. Он ни разу ко мне клинья не подбивал.

Я вошел, и Стюарт ухмыльнулся мне навстречу. Билл, Пэм и все остальные отвернулись, и тут же их случайно собравшаяся группа виновато рассосалась.

Я понял, что они говорили обо мне.

У меня загорелось лицо. Мне бы следовало возмутиться нетерпимостью и гомофобией. Я должен был разразиться речью, бичующей их узколобые предрассудки. Но вместо этого я только смутился и растерялся, устыженный тем, что они посчитали меня гомосексуалистом, и я бахнул:

— Я не гей!

А Стюарт все так же ухмылялся.

— Вам не хватает Дэвида, правда?

На этот раз я уже сказал:

— Хрен тебе в задницу!

Он улыбнулся еще шире:

— Помечтай, помечтай.

Это было как ссора между старшеклассниками на школьном дворе. Я знал это — умом. Понимал это. Но я уже втянулся и снова ощутил себя тощим пацаном на игровой площадке, на которого навалился наглый хулиган.

Я сделал глубокий вдох, заставляя себя успокоиться.

— Вы злоупотребляете служебным положением, — сказал я. — Я сообщу о вашем поведении мистеру Бэнксу.

— Ах, он наябедничает мистеру Бэнксу! — Стюарт изображал голос капризного ребенка. И тут же голос его стал твердым. — А я подам мистеру

Бэнксу рапорт о вашем нарушении субординации, и вы отсюда вылетите кувыркком.

— А мне насрать, — ответил я.

Программисты на нас не смотрели. Они и не уходили — хотели посмотреть, что будет дальше, — но углубились в изучение журналов на столах или внимательно рассматривали меню торговых автоматов.

Стюарт улыбнулся торжествующей, жесткой, жестокой улыбкой.

— Вас уже здесь нет, Джонс. А скоро и памяти не останется.

Я смотрел ему вслед, когда он выходил из комнаты отдыха и уходил по коридору. Там были еще люди, из других отделов, и я впервые заметил, что он кивает головой и здоровается, проходя мимо, но никто не отвечает ему, не поздоровается в ответ, никто никак не обозначает его присутствия.

Я вспомнил его голый безличный офис, и тут до меня дошло.

Он тоже был Незаметным!

Я видел, как он свернул за угол в свой офис. Это все объясняло. Единственная причина, по которой его замечали, — он был начальником. Только власть удерживала его от того, чтобы полностью слиться с фоном. Программисты и секретарши обращали на него внимание по необходимости, потому что это было частью их работы, потому что он был над ними в корпоративной иерархии. Бэнкс обращал на него внимание, потому что отвечал за весь сектор и должен был следить, кто что делает, в частности, начальники отделов.

Но больше никто его существования не замечал.

Может быть, поэтому Стюарт так меня и не выносил. Он видел во мне то, что больше всего ненавидел в самом себе. Скорее всего он даже не знал, что он — Незаметный. Он был прикрыт своей должностью и, наверное, не осознавал, что никто за пределами отдела его не замечает совсем.

Я понял, что мог бы его убить, и никто не заметит.

Тут же я попытался загнать эту мысль обратно, будто ее и не было. Но она была и сопротивлялась всем моим попыткам ее стереть, хоть я и пытался изо всех сил думать о чем-нибудь другом. Я не знаю, от кого я скрывал эту мысль. Может быть, от себя. Или от Бога — если Он (или Она) следит за моим разумом и судит мои случайные мысли с точки зрения морали. Но эта мысль случайной не была. И пока я пытался об этом не думать, но думал все больше и больше, я ощутил, что пусть эта идея меня ужасает и отвращает, есть в ней что-то притягательное.

Я могу убить Стюарта, и никто не заметит.

Я вспомнил человека, который украл пиво в «Семь-одиннадцать» и благополучно скрылся.

Я могу убить Стюарта, и никто не заметит.

Я не был убийцей. У меня не было оружия. Убийство — это было противно всему, чему меня учили и во что я верил.

Но идея убрать Стюарта определенно была заманчивой. Конечно, она никогда не будет претворена в жизнь. Это просто фантазия, греза...

Нет.

Я хотел его убить.

Я стал мыслить логически. Стюарт — на самом деле Незаметный? Или просто зануда, от ко-

торого стараются держаться подальше? Могу я быть уверен, что, если я его убью, мне это сойдет с рук?

Но не важно, Незаметный ли он. Незаметным был я. Люди могут заметить, что он мертв, но они не заметят, что убийца — я. Я могу убить его у него в офисе и уйти по коридору, спуститься на лифте и пройти по вестибюлю залитый кровью, и никто на меня не обратит внимания.

Программисты вышли из комнаты отдыха, и я остался один посередине, окруженный жужжащими холодильниками и торговыми автоматами. Все шло слишком быстро. Я был не такой. Я не был преступником. Я не убивал людей. Мне даже не полагалось хотеть убить человека.

Но я хотел.

И, стоя там, я знал, что это сделаю.

Глава двадцатая

В день убийства я пришел на работу в клоунском костюме.

Не знаю, что на меня нашло, что я пустился на такую крайность. Может, я подсознательно хотел, чтобы меня обнаружили и остановили, не дали сделать того, что я задумал. Может, я хотел, чтобы кто-то заставил меня сделать то, что я должен был сделать, но не мог.

Ничего такого не случилось.

Приготовлений понадобилось меньше, чем я ожидал. Пока шли дни и во мне росла уверенность, что я убью Стюарта, у меня начал формироваться план. Сначала я думал, что мне надо узнать

все входы и выходы из здания, все точки пожарной сигнализации, часы смены всех охранников внизу, но вскоре я понял, что все это лишние сложности. Я не собирался грабить форт Нокс*. И я был и без того практически не видим. Мне нужно было только войти, сделать дело и выйти.

Главной проблемой будет сам Стюарт. Для него я не был невидим, и он был в куда как лучшей форме, чем я. Морду мне набить он мог бы одной левой.

И если он знал, кто я такой — кто *мы* такие, — он мог бы убить *меня* и жить спокойно. Никто бы и не узнал. И никому и дела не было бы.

Значит, мне нужно было иметь на своей стороне элемент внезапности.

Я следил за ним несколько дней, изучая его маршруты, распорядок, надеясь по ним понять, где и как я могу нанести удар наиболее эффективно. Поскольку никто не замечал, куда я хожу и что делаю, я затаился в уголке возле секции программистов, откуда мне был виден офис Стюарта. Два дня я следил, когда он входит и выходит, и с удовольствием выяснил, что у него довольно регулярные привычки, а дневной распорядок очень жесткий. Оттуда я переместился в главный коридор, глядя, куда он выходит из своего офиса и что при этом делает.

Каждый день после ленча, примерно в четверть второго, он заходил в туалет и оставался там минут десять.

Теперь я знал, что там я его и убью.

Отличное это было место — туалет. Там он будет уязвим и не будет ждать нападения, а у меня

* место, где хранится золотой запас США.

будет преимущество внезапности. Если я застаю его со спущенными штанами, это будет даже лучше, потому что тогда он не сможет ни пнуть меня ногой, ни убежать.

Таков был план.

Он был прост и конкретен, и я знал, что поэтому он и должен удался.

Я наметил день: 30 января.

Четверг.

Тридцатого января я проснулся пораньше и напялил клоунский костюм. Это было решение последней минуты. Накануне вечером я остановился около ателье проката маскарадных костюмов. Для себя я притворился, что маскируюсь, но я знал, что это ерунда. В здании корпорации костюм клоуна — это не маскировка, а красный флаг. И заплатил я за прокат своей кредитной картой. Осталась запись. След на бумаге. Улика.

Наверное, я подсознательно хотел, чтобы меня поймали.

Не торопясь, я раскрасил лицо гримом из того же ателье, тщательно укрыв каждый дюйм лица белым тоном, тщательно прорисовав красный смеющийся рот, тщательно прилепив нос.

Из дому я вышел уже после восьми.

Рядом со мной на пассажирском сиденье лежал разделочный нож.

Было так, будто я был не я, будто я был в фильме и смотрел на себя со стороны. Я подъехал к «Отомейтед интерфейс», припарковался где-то далеко в Америке, прошел через ряды машин к зданию, прошел через вестибюль, поднялся на лифте и вошел к себе в офис. Всю дорогу я нес нож открыто, прямо перед собой, фактически объявляя,

что я собираюсь сделать, но никто меня не остановил, никто даже не увидел.

Я сел за стол, положил перед собой нож и сидел неподвижно до часу дня.

В пять минут второго я встал, прошёл по коридору до туалета и вошел в первую кабинку. Мне бы полагалось нервничать, но я не нервничал. Руки у меня не потели и не дрожали; я спокойно сел на унитаз. Еще можно отыграть назад. Еще ничего не случилось. Я мог спокойно уйти, и никто бы не знал. Никто бы не пострадал.

Но я хотел, чтобы пострадал Стюарт.

Я хотел его смерти.

Я заключил сам с собой договор. Если он войдет в мою кабинку, я его убиваю. Если он войдет в любую другую, я бросаю это дело и больше к нему не возвращаюсь.

Я покрепче сжал рукоять. Вот теперь я вспотел. Во рту у меня пересохло, я облизывал губы, но язык тоже был сухим.

Открылась дверь туалета.

Сердце мое застучало — не могу сказать, от страха или от возбуждения. Этот звук молотом гремел у меня в голове, и я подумал, не услышит ли Стюарт.

Шаги от двери к кабинам.

А если это вообще не Стюарт? Кто-нибудь другой, и он сейчас откроет мою дверь и увидит здесь меня — сумасшедшего клоуна с ножом? И что мне тогда делать?

Шаги остановились около моей двери.

Это был Стюарт.

На долю секунды на его лице выразилось удивление. Потом я пырнул его ножом. Нож вошел в

тело с трудом. Он попал в ребро и застрял, и я вырвал его и ударил снова, на этот раз сильнее размахнувшись. Наверное, изумление у него прошло, потому что он завопил. Я заткнул ему рот левой рукой, но даже без воплей громкие и грубые звуки нашей борьбы отдавались эхом в пустом туалете. Он был прижат к перегородке кабины, и он лягался и выдирался, отчаянно пытаясь вырваться. Повсюду была кровь, она текла и хлестала, он был весь ею покрыт, и я тоже.

Удар ноги пришелся мне в колено и чуть меня не свалил. Кулак свистнул меня по уху. Я сразу понял, что допустил ошибку, но исправлять ее было поздно, и я продолжал тыкать ножом.

Это не было приятно, как я ожидал. Я не чувствовал удовлетворения, не чувствовал, что свершаю справедливость. Я ощущал себя тем, кем и был — хладнокровным убийцей. В планах и мечтах это была сцена расплаты из кино, и я приветствовал героя — меня, — который воздавал должное негодяю. Но все было не так. Это было грубо, грязно и противно: он отчаянно пытался спасти свою жизнь, а я уже не просто хотел убить его, а был захвачен ходом действия и не мог остановиться.

Он упал, ударился головой о порог металлической двери, и новый гейзер крови хлынул у него из лба. Он умирал, но не сразу и не без борьбы, и мне тоже доставалось. Будь он быстрее или я медленнее, он бы выбил у меня нож или выкрутил бы мне руку, чтобы я его выпустил, и тут бы все и кончилось.

Он стукнул меня по яйцам, и я полетел назад, но упал на унитаз, наклонился вперед и ударил его ножом в лицо.

Его тело задержалось в дикой судороге и застыло.

Я выдернул нож у него из носа. За ним хлынула волна крови и что-то болезненно-серое залило мои ботинки.

«Как мне это объяснить в ателье проката?» — мелькнула дурацкая мысль.

Я встал, оторвал туалетной бумаги и вытер с ножа кровь. Потом перешагнул через тело Стюарта и закрыл за собой дверь. Из-под кабинки высовывалась его голова и одна рука, и пальцы касались края соседнего писсуара, но мне было все равно. Спрятать тело или даже замаскировать его не было никакой возможности.

Я ничего не чувствовал. Ни вины, ни страха, ни паники, ни радости. Ничего. Наверное, что-то вроде шока, но по ощущениям это не было похоже на шок. Я мыслил ясно, мозг функционировал нормально.

Все случилось не так, как я ожидал, но я решил придерживаться первоначального плана. Выйдя из туалета, я прошел по коридору к лифту. Через весь вестибюль я вышел наружу, но когда я начал оглядываться в поисках своей машины, я ее уже миновал. Я стоял на тротуаре и глядел на припаркованные на улице машины. Очевидно, шок был глубже, чем я думал.

И тут до меня дошло.

Я задрожал и выпустил нож. Слезы полностью лишили меня зрения. Я все еще чувствовал рукоять ножа, входящего в мышцы и ударяющего в кость, чувствовал, как моя левая рука затыкает кровоточащий и слюнявый рот, как пытается

Бенжамин Минин

вырваться Стюарт. Смогу ли когда-нибудь стереть это из своей памяти?

Я шел по тротуару медленно и неуверенно. Может быть, я бы чувствовал себя по-дурацки, если бы вспомнил, во что одет, но как раз сейчас о своем внешнем виде я думал меньше всего.

Я убил человека. Я отнял жизнь.

Пришла в голову мысль, что я ничего не знал о жизни Стюарта вне работы. Был он женат? Была у него семья? Не ждет ли где-то в домике с белой оградой маленький ребенок, пока папа придет домой к ужину? Вина и ужас навалились на меня, и черная пустота внутри меня была куда глубже любой депрессии. Сила и воля, которые мной двигали, исчезли после убийства, сменившись усталым летаргическим отчаянием.

Что я наделал?

На улице за моей спиной зазвучали сирены.

Полиция!

— Боб!

Я обернулся на звук своего имени.

И увидел, как бежит ко мне через тротуар человек с пронзительными глазами.

Меня охватила волна панического страха, но я, хоть и хотел убежать, остался на месте. Я повернулся к нему.

Он замедлил шаг, подходя, и ухмыльнулся мне:

— Ты его убил?

Я пытался сохранить невинно-нейтральное лицо, пытался не выразить тревоги.

— Кого?

— Твоего босса.

— Не понимаю, о чем вы.

— Понимаешь, Боб. Ты отлично знаешь, о чем я говорю.

— Понятия не имею. Откуда вы знаете мое имя?

Он рассмеялся, но в его смехе не было ничего зловещего.

— Да брось ты. Ты знаешь, что я за тобой слежу, и знаешь почему.

— Нет, не знаю.

— Ты прошел обряд инициации. Ты принят.

Страх вернулся снова. Вдруг я пожалел, что бросил нож.

— Принят?

— Ты один из нас.

Я как будто вдруг увидел решение сложной математической задачи, которая меня неотвязно мучила.

— Ты — Незаметный! — сказал я.

Он кивнул.

— Только я предпочитаю называть себя террористом. Террорист Ради Простого Человека.

Чувство у меня было странное, не похожее ни на что, ранее испытанное, и я не мог понять, хорошее оно или плохое.

— А... а ты не один?

Он снова рассмеялся.

— Конечно! Нас много.

Он подчеркнул слово «нас».

— Но...

— Мы хотим, чтобы ты к нам присоединился. — Он подошел вплотную. — Ты теперь свободен. Ты обрезал свои связи с их миром. Ты стал частью нашего мира. Ты никогда не был одним из них, но ты думал, что должен играть по их правилам. Теперь ты знаешь, что нет. Тебя никто не

знает, тебя никто не вспомнит. Ты можешь делать что хочешь. — Его пронзительные глаза уперлись в мои. — Все мы сделали то, что сделал ты. Я убрал своего босса и его босса. Тогда я думал, что я один, но... в общем, я выяснил, что я не один. Я нашел других. Когда я увидел тебя впервые, на Сауз-Коаст-Плаза, я знал, что ты один из нас. Но я видел, что ты все еще ищешь. Ты еще не нашел себя. И я стал тебя ждать.

— Ты же меня даже не знаешь.

— Я тебя знаю. Я знаю, какую ты любишь еду, знаю твой вкус в одежде; я все о тебе знаю. А ты все знаешь обо мне.

— Кроме твоего имени.

— Филипп. — Он улыбнулся. — Теперь ты знаешь все.

Это была правда. Он был прав. И пока я стоял, смотрел на него и ощущал это странное чувство, я понял, что чувство это хорошее.

— Ты с нами? — спросил он.

Я оглянулся на улицу, на зеркальный фасад «Отомейтед интерфейс», и медленно кивнул.

— Я с вами.

Филипп ткнул кулаком в воздух.

— Есть! — И улыбка его стала шире. — Ты теперь победитель, а не жертва. И ты об этом не пожалеешь. — Он развел руки в стороны. — И мир, — хрипло крикнул он, — будет наш!

Часть вторая

МЫ ЗДЕСЬ

Глава первая

Я не ощущал вины. Странно. Если не считать первых минут, я не чувствовал своей вины за сделанное. Я хотел ощутить вину, я пытался. Даже анализировал, почему я ее не чувствую. Убийство — это плохо. Так меня учили с детства, и я в это верил. Ни один человек не имеет право отнимать жизнь у другого. Делать так — зло.

Так почему же мне не было плохо?

Думаю, потому, что глубоко внутри, вопреки своему поверхностному предубеждению против убийства, я чувствовал, что Стюарт это заслужил. Почему я так думал, почему считал, что высокомерие к подчиненному заслуживает смертного приговора, — не могу объяснить. Это было инстинктивное чувство, внутренняя реакция, и было тут дело в убедительных аргументах Филиппа или в моих собственных рационализациях, я вскоре стал думать, что ничего плохого я не сделал. Это могло быть противозаконным, но это было честно, это было справедливо.

Законно и незаконно.

А применимы ли эти категории ко мне?

Я думал, что нет. Я стал думать, что, быть может, как говорит Филипп, я послан на эту землю не напрасно, и моя анонимность — не проклятие, а благословение, что невидимость защищает меня от обыденной морали, которая правит жизнью всех прочих. Я средний, говорил Филипп, но это и делает меня особым, дает права и разрешения, далеко превосходящие те, которые даны людям, окружавшим меня всю мою жизнь.

Я родился, чтобы стать Террористом Ради Простого Человека.

Террорист Ради Простого Человека.

Это была манящая концепция, и явно тщательно продуманная Филиппом. Он представил меня моим собратьям-террористам в первый же день. Я все еще был оглушен, еще не совсем пришел в себя, но он отвел меня к моей машине и заставил вести по его указаниям к кофейной лавке «Денниз» в Орандже. Остальные террористы уже собрались, сдвинув два стола за рестораном, и на них не обращали внимания ни официантки, ни посетители. Мы подошли к ним. Их было восемь, не считая Филиппа. Все мужчины. Четверо, как мы с Филиппом, были возраста между двадцатью и тридцатью. Из остальных троим было за тридцать, а один был старик никак не моложе шестидесяти пяти.

Я посмотрел на них и понял, что поразило меня в Филиппе, что в нем было знакомо. Он был похож на меня. Они все были похожи на меня. Не в том смысле, что у нас были одинаковые черты лица, носы одного размера или один цвет волос, но в

выражении лиц, в осанке было то общее, то не определимое, что отмечало нас как людей одной породы. Все мы были белые — это я заметил сразу. Цветных меньшинств среди нас не было. Но сходство было глубже, оно не ограничивалось расовой принадлежностью.

Все мы были Незаметные.

Филипп представил меня остальным:

— Это человек, о котором я вам говорил. — Он показал на меня. — Которого я пас. Сегодня он наконец убрал своего босса. Теперь он один из нас.

С нервной неловкостью я посмотрел на свои руки. В морщинах костяшек засохла кровь, вокруг ногтей тоже. Я заметил, что я все еще в костюме клоуна.

Остальные встали, улыбаясь и возбужденно разговаривая, стали пожимать мне руки и поздравлять по одному, а Филипп их представлял. Бастер был старик, бывший дворник. Молодые ребята были Джон, Джеймс, Стив и Томми. Джон и Томми работали продавцами в типовых магазинах, пока их не подобрал Филипп. Джеймс был менеджером по рассылке в «Пеннисейвере». Стив работал регистратором в агентстве найма временной рабочей силы. Двое за тридцать были Билл и Дон, оба управленцы среднего звена — Билл в муниципалитете графства Орандж, Дон — в частной инвестиционной компании. Пит был строительным рабочим.

Вот это были мои товарищи.

— Садись, — сказал Филипп. — Он подтянул стул и посмотрел на меня. — Голодный? Есть хочешь?

Бенджамин Линкольн

Я кивнул, садясь рядом с ним. До меня дошло, что я в самом деле хочу есть. Я же не поел во время ленча, а это... возбуждение вызвало у меня волчий аппетит. Но ни одна официантка не посмотрела в нашу сторону с того момента, как мы вошли.

— Ты не волнуйся, — сказал Филипп, будто прочтя мои мысли. Он вышел на середину зала и встал перед пожилой толстой официанткой, которая направлялась в кухню. Она остановилась в последний момент, и на ее лице выразилось удивление, будто она только сейчас его увидела.

— Нас здесь обслуживают? — громко спросил Филипп, показывая на наш стол, и глаза официантки проследили за его пальцем.

— Извините, — сказала она. — Я... вы готовы сделать заказ?

— Да.

Она прошла за Филиппом к нашему столу. Он заказал пирожок и чашку кофе, я — чизбургер с луком и большую кока-колу. Остальные уже ели, но попросили принести им еще попить.

Я оглядел своих собратьев-Незаметных. Все происходило так быстро... Мой мозг воспринимал информацию, но эмоции отставали на два-три такта. Я осознавал, что происходит, но не знал, как это воспринимать. Я смотрел на Джона и Томми — или на Томми и Джона, я не запомнил, кто из них кто, и пытался вспомнить, их ли я видел на улицах Ирвайна, когда прогуливал работу. Что-то было в них более знакомого, чем в других.

Так видел я их или нет?

Не один ли из них украл пиво в «Семь-одинадцать»?

— О'кей, — улыбнулся Филипп. — Я знаю, что тебе все это внове, так что спрашивай, что хочешь спросить.

Я обводил взглядом лица. На них я не видел ни отстраненности, ни подозрительности, ни превосходства — только сочувственное* понимание. Всем им было известно, через что я прошел и что сейчас чувствую. Они все через это прошли.

Я поймал себя на мысли, что ни один из них не похож на террориста. Наверное, Филипп среди них самый крутой, но даже он не выглядел достаточно злобным или фанатичным для настоящего террориста. Они вроде детей, подумал я. Притворяются. Играют роль.

Я вспомнил, что они, представляясь, называли свои прежние занятия, но никто не сказал, что они делают сейчас. Я прокашлялся.

— А где вы, э-э, работаете?

— Работаем? — засмеялся Бастер. — Мы не работаем. С этой фигней мы завязали.

— Нам нет нужды работать, — сказал Стив. — Мы — террористы.

— Террористы? В каком смысле? Что вы делаете? Живете где-то вместе, коммуной? Или собираетесь раз в неделю, или что?

Задавая этот вопрос, я смотрел на Стива, но он тут же перевел взгляд на Филиппа. Они все смотрели на Филиппа.

— Это не работа такая, — сказал Филипп. — Это не то, чем мы занимаемся. Это то, кто мы такие.

Остальные согласно кивнули, но никто не пожелал ничего добавлять.

— Ты спросил, что мы делаем, — говорил Филипп, — где работаем. В этом-то и проблема. Боль-

Большинство людей идентифицируют себя со своей работой. Без своей работы они просто пропадают. Это для них источник идентичности. Это определяет, кто они такие. Большинство из них ничего вообще не знает, кроме работы. Им нужна какая-то структура, которая дает смысл их жизни, ощущение наполненности. Но насколько может наполнить жизнь работа секретаря? А когда твое время свободно, можешь делать что угодно! Ограничивает тебя только воображение. У большинства людей в жизни нет никакого смысла. Они не знают, почему находятся на своих местах, и им плевать. Но у нас есть шанс быть другими. Нам не надо постоянно себя занимать, убивать свое время, пока сами не умрем. Мы можем — жить!

Я вспомнил свои долгие выходные, утомительные отпуска. Я всегда был одним из тех, кто не может существовать вне структуры. Я оглядел лица моих товарищей по столу, Незаметных. Я знал, что и они когда-то были такими.

Но Филипп был прав. У нас есть шанс вырваться. Мы уже убивали. Каждый из нас за этим столом, тихий и симпатичный, такой на вид дружелюбный, кого-нибудь убил. Что же нам оставалось? Какие еще есть табу? Мы уже доказали, что не подчиняемся ограничениям общества.

Я кивнул Филиппу.

Он мне улыбнулся:

— Мы свободнее кого угодно, — сказал он. — Люди думают, будто то, что они делают, — важно, будто они сами играют важную роль. Но мы-то лучше знаем. Есть продавщицы, которые выходят на работу сразу после родов, потому что убеждены: их работа очень важна и ценна, их вклад

уникален, без них все рассыплется. А правда в том, что они — всего лишь винтики в машине. Уволься они или умри — на их место тут же встанет кто-то другой, и разницы под микроскопом не заметишь.

Вот почему мы благословенны. Нам показали, что мы — заменимы, никому не нужны. Мы освобождены для других дел, более великих.

— И что же мы делаем? — спросил я. — То есть что мы делаем в качестве террористов?

— Чего хотим, — ответил Бастер.

— Да, но чего мы хотим?

И снова все глаза повернулись к Филиппу.

Он выпрямился на стуле, явно наслаждаясь общим вниманием. Все это была его идея, его детище, и он им гордился. Он наклонился вперед, облокотившись на стол, и заговорил в скупой, но страстной манере лидера повстанцев, произносящего напутственную речь своим войскам. Он объяснил, что видит нас в роли мстителей. Мы узнали на себе угнетение со стороны известных, интеллектуальной и физической элиты. Мы узнали, каково это, когда тебя не видят, не замечают и видеть не хотят. И потому, говорил он, благодаря нашему опыту, благодаря испытанному нами унижению, поскольку мы видели общество с того конца плуга, куда лошадь запрягают, мы знаем, *что* нужно сделать. А он знает, *как* это сделать. Планирование и организация дадут нам внести в жизнь великие, великие перемены.

Все восторженно кивали, как истинные верующие — своему гуру, и у меня тоже внутри зашевелилась гордость. Но в то же время я спрашивал

себя, действительно ли у всех у нас в сердцах такая утопическая цель.

Или просто мы хотим быть частью чего-то хотя бы раз в нашей жизни?

— Но мы и в самом деле террористы? — спросил я. — Мы устраиваем взрывы, похищения, и вообще... совершаем террористические акты?

Филипп с энтузиазмом кивнул.

— Мы начинаем с малого, прокладывая себе дорогу вверх. Мы не так уж давно вместе, но мы уже разгромили «Макдоналдс», «Кей-Март», «Краун букс» и «Блокбастер-видео» — несколько из наиболее известных и узнаваемых фирменных марок. Изначально, как я уже указывал, наше намерение состояло в том, чтобы нанести удар нашим угнетателям, принести финансовый ущерб носителям известных имен, тем, кто поставил известных над неизвестными, но почти сразу мы поняли, что терроризм — это не более чем визитная карточка партизанской войны. Единственное его назначение — привлечь внимание к вопросу. Отдельные акты терроризма не могут вызвать постоянных, долговременных изменений, но могут осведомить о проблеме массы и привлечь к ней внимание широкой публики. Отвечая на твой вопрос, скажу: в нашем случае слово «террорист» — некоторое преувеличение. Мы ничего не взрывали, не похищали самолет, ничего такого. — Он усмехнулся и добавил: — Пока что.

— Пока что?

— Как я говорил, мы вырабатываем свой путь, проводя кампанию постепенной эскалации.

— И чего мы надеемся этим достичь?

Филипп с довольной улыбкой откинулся на спинку стула:

— Мы станем известными.

Официантка принесла еду и напитки, и я набросился на свой ленч, а разговор снова сполз от риторики, которая была выдана специально для меня, на более насущные дела или тривиальные личные вопросы.

В этом разговоре Филипп не участвовал. Он оставался вне его, над ним, и казалось, что он куда более знающий и мыслящий, чем все остальные.

Я доел пирог. Две официантки опустили шторы на западных окнах ресторана. Я посмотрел на стенные часы над кассой. Был четвертый час.

Оставалась еще одна вещь, которой я не знал, о которой не спросил и о чем никто не вызвался ответить. Я положил вилку и сделал глубокий вдох:

— А кто мы такие? Мы такими родились? Или стали с годами? Что же мы собой представляем?

Я оглядел стол, но никто не хотел встретиться со мной взглядом. Всем почему-то было неловко.

— Мы — другие, — ответил Филипп.

— Но какие?

Молчание. Даже Филипп, впервые с той минуты, как окликнул меня на улице, был не так уверен в себе.

— Мы — Незаметные, — сказал Бастер.

— Это я знаю... — начал я. Осекся и посмотрел на него. — Где ты взял это слово — «Незаметные»? Кто его тебе сказал?

Он пожал плечами:

— Не знаю.

Филипп понял, к чему я веду.

— Да! — воскликнул он. — Мы все придумали это слово, разве нет? Каждый из нас нашел его сам.

— Я не знаю точно, что оно значит, — сказал я. — И значит ли что-нибудь. Но слишком это необычно, чтобы быть просто совпадением.

— Оно значит то, что мы в него вкладываем, — ответил Филипп. — Оно значит, что мы предназначены быть террористами.

— Перст судьбы! — провозгласил Томми или Джон.

Мне такой разговор был не по душе. Я не чувствовал себя избранным для чего бы то ни было, я не думал, что Бог собрал нас для какой-то специальной-цели, и мысль, что есть какая-то ведущая нас сила, причина и воля, диктующая все наши действия, меня очень смущала.

Филипп посмотрел на часы.

— Становится поздно, — сказал он. — Нам пора бы двигаться.

Он вытащил из кармана двадцатку и бросил ее на стол.

— А этого хватит? — усомнился я.

Филипп улыбнулся:

— Неважно. Если не хватит, они все равно не заметят.

Мы расстались на автостоянке, договорившись встретиться на следующее утро в муниципальном суде Санта-Аны. Филипп сказал, что у него есть план, как сунуть гаечный ключ в механизм американского правосудия, и он хочет сделать небольшой эксперимент для проверки.

Он собирался ехать со Стивом, но вдруг повернулся ко мне.

— Ты с нами поедешь?

— Конечно, — сказал я.

Конечно.

Я убил человека сегодня утром, потом провел весь день с компанией людей, которых от Адама не знал и которые называли себя террористами, и я уже считаю себя одним из них, уже принимаю участие в их действиях, как будто это самая естественная в мире вещь.

— Заеду за тобой в полвосьмого, — сказал Филипп. — Где-нибудь перекусим.

— О'кей.

И я поехал домой.

На следующее утро они заявили в четверть восьмого. Все вместе, и ждали под моей дверью. Я только вылез из душа и одевался, поэтому открыл дверь в джинсах без рубашки. И обрадовался, когда их увидел. Почти всю ночь я провертелся без сна, пытаюсь понять, почему я не проявил большей подозрительности, большего любопытства, большего... еще чего-нибудь. Почему я принял террористов на «ура» и пошел с ними в ногу; но, когда я увидел их снова, все эти вопросы и рассуждения стали несущественны. Я был одним из них, и таково было мое ощущение. За всю свою жизнь я никогда не был частью чего-то большего, и приятно было знать, что есть еще такие же точно люди, как я.

И я был рад их видеть до глупости, и я широко ухмыльнулся и пригласил их войти. Все восемь набились в мою пеструю гостиную.

— Ух ты! — сказал Джеймс, любуясь. — Классный интерьер.

Я оглядел свою квартиру его глазами, и впервые за все время с тех пор, как я ее обставил, она показалась классной и мне самому.

Я оделся и причесался, и мы поехали есть в «Макдоналдс». На трех машинах. Мы с Джеймсом поехали в «дарте» Филиппа.

Было так, будто мы всегда друг друга знали. Со мной не обращались как с посторонним или новичком, и я себя таковым не чувствовал. Я сразу ассимилировался в группе, и с моими новыми друзьями мне было уютно; это было мое место в жизни.

Даже не с друзьями.

С братьями.

Суд начинался только в девять, но мы приехали раньше, в полдевятого, и Филипп вытащил из багажника большую брезентовую сумку. Мы спросили, что там, но он только улыбнулся и промолчал, и мы пошли за ним в здание и дальше по лестнице в зал суда, где разбирались нарушения правил движения. Там мы сели сзади на места, зарезервированные для подсудимых и публики.

— Что делать будем? — спросил Джеймс.

— Увидишь, — ответил ему Филипп.

Зал стал наполняться нарушителями правил и их семьями. Вышел клерк и прочел список фамилий. В зал вошел бейлиф, за ним судья, и бейлиф представил его как Достопочтенного Судью Селвея. Объявили первое дело, и вышли полисмен и перепуганный до потери пульса негр, сообщивший о себе, что он — водитель такси, и стали обсуждать подробности выполнения запрещенного поворота.

В обсуждении возникла пауза. И тут Филипп крикнул:

— Судья Селвей — поц!

Судья и остальные работники суда стали оглядывать сиденья. Народу было довольно много, но люди расселись по всему залу, а в нашей секции были только мы и какая-то испанская пара.

— А дочка твоя дрожит колбасой! — надрылся Филипп. Ткнув меня в ребра, он подмигнул: — Давай. Скажи чего-нибудь!

— Нас арестуют за неуважение к суду! — шепнул я.

— Они нас не видят. Они забывают, что мы здесь, как только отведут глаза. — Он снова подтолкнул меня под ребра. — Давай, скажи.

Я набрал побольше воздуха:

— Отсоси!

Судья ударил молотком и объявил:

— Хватит!

Он что-то сказал бейлифу, и тот пошел вдоль перил перед нами.

— Гвоздюк! — громко заявил Бастер.

— Хреносос вонючий! — выкрикнул Томми.

Судья снова грохнул молотком. Бейлиф смотрел на нас, сквозь нас, мимо нас. Испанская пара стала оглядываться вокруг — откуда шум.

— Гвоздюк! — снова завопил Бастер.

— Говноед! — крикнул я погромче. В моем голосе звучала злость, и в голосах остальных тоже. Я до тех пор не осознавал, что злюсь, но теперь понял. Я злился неимоверно. Злился на судьбу, на весь мир, на все, что сделало меня таким, и годы гнева и унижения вырывались из меня в крике.

— Я твоей сестре в рот нассал, и она еще попросила!

— Жирножопый пидор! — надсаживался Джеймс.

Филипп открыл свою сумку и вынул несколько упаковок яиц.

Я заржал от предвкушаемого удовольствия.

— Давайте быстро, — сказал он, пуская коробки по ряду.

Мы начали бросаться. У бейлифа яйцом сбило шляпу, и тут же еще одно разбилось об его лысину. Судья пригнулся от града обрушившихся на него и на стену яиц. Я пустил одно, стараясь угодить в него, и оно вlepило ему точно в грудь; на черной мантии разлетелось желтое пятно. Объявив перерыв, судья спешно скрылся в своей камере.

Почти тут же у нас кончились яйца, и Филипп подобрал сумку и встал.

— О'кей, ребята, пошли.

— Мы же только начали! — обиженно возразил Стив.

— Мы не невидимы, — объяснил Филипп. — Мы только Незаметны. Если посидим здесь еще немного, они нас поймают. Так что давайте отвалим.

Он вышел из зала суда, а мы за ним.

— Гвоздюк! — еще раз крикнул Бастер напоследок.

Я слышал, как орет что-то бейлиф, а потом дверь за нами закрылась.

В крови гулял адреналин, дух воспарял, мы тесной толпой шли через холл, возбужденно переговариваясь, повторяя понравившиеся реплики, придумывая, что еще надо бы сказать, чего мы не сказали вовремя.

— Получилось, — с удивлением произнес Филипп. И повернулся ко мне. — А теперь представь себе, что мы бы так прервали большой

процесс. Один из тех, что освещают журналисты. Подумай, какое это о нас объявление. Тогда мы точно в новости попадем.

— А что теперь? — спросил Стив, когда мы вышли из стеклянных дверей здания суда.

Филипп усмехнулся, обнял одной рукой за плечи Стива, другой — Джеймса.

— Не волнуйтесь, мальчики. Что-нибудь мы придумаем. Обязательно.

Глава вторая

Мои братья. Мы поладили сразу же. Хотя в компании было несколько террористов, которые мне нравились больше, но нравились мне они все. Честно сказать, я был так рад найти людей своей породы, других Незаметных, что был бы счастлив, если бы даже оказалось, что Филиппа и его последователей я терпеть не могу.

Но это было не так.

Я их любил.

И сильно.

У меня было такое чувство: что бы Филипп ни говорил, а до сих пор у них не было организации. Но с моим появлением что-то сложилось, что-то срослось. Я ничего особенного в группу не привнес, никаких идей или честолюбивых планов, но я оказался вроде катализатора, и из того, что было рыхлой компанией объединенных обстоятельствами людей, вдруг начала возникать спаянная общность.

Первую неделю Филипп почти все время проводил со мной, выясняя детали моей биографии,

пытаюсь меня просветить так, чтобы я видел вещи с его точки зрения. Казалось, для него важно, чтобы я поверил в его концепцию Терроризма Ради Простого Человека, и хотя я уже поверил и постоянно это ему говорил, ему надо было жевать это еще и еще, как будто он — миссионер, а я — заблудшая душа, которую он должен обратить.

Поначалу я боялся, что следы от убийства Стюарта могут как-то привести ко мне, что полиция сложит два и два и заметит, что с момента его убийства я на работе не появлялся. Когда в субботу Филипп заехал за мной утром и постучал в дверь, я наполовину ожидал, что это полицейские приехали меня допросить. Но Филипп мне объяснил, что никого из остальных террористов не поймали и даже не допрашивали, и что скорее всего мои коллеги полностью обо мне забыли и даже не упомянули при полиции.

Ни в «Орандж каунти реджистер», ни в «Лос-Анджелес таймс» об убийстве Стюарта не сообщали.

Неделю мы отдыхали и развлекались, пока Филипп разрабатывал дальнейшие террористические действия, и мне это показалось лучшей неделей моей жизни. В январе случился короткий период жары, и мы поехали на пляж. Раз нас никто не видит, объяснил Филипп, мы можем смотреть на что хотим и сколько душа пожелает. А там было изобилие женщин, доступных для нашего визуального наслаждения. Мы сравнивали их груди, оценивали фигуры и лица. Мы выбрали одну и следили за ней, пока она плавала, загорала, поправляла купальник, видели, как она тайком чесалась в паху, когда думала, что никто на нее не

смотрит. Кто-нибудь из нас все время комментировал каждое ее движение. Бастер, набравшись храбрости, сбежал вниз и развязал завязки на бикини у всех одиноко сидящих на одеялах женщин.

Мы проникли в Диснейленд через ворота для выхода, пока охранники смотрели в другую сторону. Мы ходили по торговым рядам и выносили товар, подзадоривая друг друга на вынос самых больших и громоздких вещей, и бежали, сломя голову и заливаясь смехом, когда Бастера заметили за попыткой вынести огромную звуковую колонку. Мы ходили в кино по одному билету — один заходил и открывал выход, а мы все проскальзывали внутрь. Это было как вернуться в детство, стать таким ребенком, каким у меня никогда не хватало духу быть, и это было здорово.

И все это время мы разговаривали. Мы говорили о своих семьях, о своей жизни и работе, о том, что такое быть Незаметным, о том, что мы можем сделать в качестве Террористов Ради Простого Человека. Как выяснилось, женаты были только Бастер и Дон. У Бастера жена умерла, а у Дона сбежала. Только у Филиппа и Билла были когда-то подружки. Остальных женщины игнорировали так же, как и все общество в целом.

Я все еще не верил в эту чушь с Перстом Судьбы, но начинал думать, что да, может быть, в этом смысл, почему мы созданы такими, как есть. Может быть, какая-то высшая сила предназначила нас для специальной цели, но что это за цель — то ли устремиться к величию, то ли быть юмористической сноской современной культуры — было неясно.

Мы всегда встречались у меня. Я предлагал, что подъеду и заберу Филиппа от его дома, но он

Билл Андерсон

отказывался. И другие тоже. Не знаю, то ли они еще не до конца мне доверяли, и это была какая-то параноидальная мера безопасности, или просто так само собой вышло, но за первую неделю я ни разу не видел, где живут мои братья-террористы. Кажется, им нравилась моя квартира, там им было удобно, и меня это радовало. Пару раз мы брали напрокат видеокассеты и смотрели их у меня в гостиной, а однажды все остались ночевать, повалившись на мой диван и на пол в спальне и в гостиной.

Приятно было быть частью чего-то.

На вторую субботу Филипп предложил, чтобы мы начали следующую кампанию вандализма, чтобы привлечь внимание к своему положению. Это тоже было у меня дома, где мы ели ленч, принесенный из «Тако белл»; я покачивался на стуле, придерживаясь одной ногой.

— О'кей, — сказал я. — Давайте. Какой план?

Филипп покачал головой:

— Не сейчас. Мы не на светский выход собрались, а на теракт. Мне нужно подготовиться.

— Куда мы собираемся ударить? С чего начать?

— Куда? По муниципалитету. Муниципалитету графства Орандж.

— А почему туда?

— Я там работал. У меня все еще есть ключ и пропуск. Так что легко будет проникнуть.

— Ты работал на муниципалитет Оранджа?

— Я был помощником одного из управляющих.

Это меня удивило. Не то, чтобы я думал, кем мог работать Филипп до того, как стать Террористом Ради Простого Человека, но такого я бы не предположил. Я бы предположил что-нибудь бо-

лее заметное или более опасное. Что-нибудь в кинобизнесе, может быть. Или в частном детективном агентстве. Хотя ничего удивительного. Для нас Филипп был лидером, но все равно он был Незаметным, безликой не-сущностью в глазах всего остального мира.

— А когда? — спросил Пит.

— Во вторник.

Я оглядел всю группу и кивнул.

— Вторник так вторник.

На встречу мы ехали по отдельности. Филипп не хотел, чтобы мы ехали вместе.

Когда я приехал, на стоянке уже были машины, и другие террористы уже крутились возле задней двери, где назначил нам встречу Филипп. Не было только самого Филиппа. Я поставил машину, вылез и подошел к остальным. Никто из нас ничего не говорил, и в воздухе висело напряженное ожидание.

Бастер привел с собой друга, тоже человека лет под семьдесят, одетого в форму служащих «Тексако» и с нашивкой «Джуниор»* на груди. Я не мог не улыбнуться этому несоответствию лица и имени. Старик улыбнулся в ответ, довольный, что его хоть так заметили, и я тут же пожалел, что над ним посмеялся.

— Мой друг Джуниор, — объяснил Бастер. — Он один из нас.

Очевидно, Джуниор не был еще представлен остальным, поскольку они все собрались и стали жать ему руку, говоря приветственные слова, и искусственное молчание, царившее минуту назад,

* Junior — младший (англ.).

разбилось. Я поступил так же. Странно было теперь изнутри выглядывать наружу. Только недавно я еще был на месте Джуниора, и смотреть с другой стороны было ново и непривычно.

Джуниор принял все. Очевидно, Бастер ему заранее рассказал о террористах — он не был ни смущен, ни удивлен, когда с нами встретился, и он улыбался, когда пожимал нам руки, а в глазах у него стояли слезы.

Вот тут и прибыл Филипп. В безупречном костюме дорогого фасона, с аккуратно подстриженными волосами, он был почти моделью современного лидера, и он прошел через автостоянку уверенным шагом человека, находящегося у власти.

При его приближении все смолкли. Когда Филипп уверенно перешагнул на тротуар, у меня по спине пробежал странный холодок возбуждения. Такой момент я еще никогда не переживал как участник — только как зритель. Чувство было, как в кино, когда музыка вдруг взбухает до невыносимой громкости, и герой начинает совершать героические поступки. Тут, наверное, впервые я ощутил, что мы — часть чего-то большого, немаловажного.

Террористы Ради Простого Человека.

Теперь это перестало быть для меня просто понятием. Наконец я понял, что с таким трудом пытался мне объяснить Филипп.

Он посмотрел на меня и улыбнулся, будто знал, о чем я думаю. Вынув из кармана электронный ключ и карту-пропуск, он сунул и то и другое в щель на стене рядом с дверью, и дверь щелкнула. Он толкнул ее, и она распахнулась.

— Заходим, — сказал он.

Мы вошли в здание следом за ним. Он остановился, закрыл и запер за нами дверь, и мы по темному коридору прошли к лифту. Филипп нажал кнопку вызова, и металлические двери разъехались. Свет в кабине показался резким и слишком ярким после полумрака коридора.

— Второй этаж, — объявил Филипп, нажимая кнопку.

На втором этаже было еще темнее, чем на первом, но Филипп шагнул в сторону и повернул выключатель, и замерцавший неоновый свет озарил большую комнату, разделенную перегородками на отсеки.

— Сюда! — позвал он.

Он провел нас мимо барьера, сквозь лабиринт перегородок с рабочими станциями на столах к закрытой деревянной двери в дальней стене. Открыв дверь, он включил свет.

У меня возник мимолетный приступ дежавю. Это был конференц-зал, пустой, если не считать длинного стола с телевизором и видеомэгнитофоном на металлической подставке у его конца. Он был почти близнецом того зала, где меня принимали в «Отомейтед интерфейс».

— В точности как конференц-зал любой фирмы, — сказал Дон.

— Как учебный класс в Отделении. — Томми.

— Как общий зал в муниципалитете графства. — Билл.

Филипп поднял руки:

— Я знаю. — Он помолчал, оглядел комнату и всех нас. — Мы — Незаметные. — Он оглядел

стол. Взгляд его упал на Джуниора, и хотя он ничего не сказал, он улыбнулся, молча приглашая старика в наш союз. И продолжал говорить: — Мы одной крови. Наши жизни шли по параллельным путям.

И для этого есть причина. Не по случайному совпадению наши жизни повторяют друг друга, не по случайному совпадению мы встретились и решили держаться вместе. Это предопределено. Мы избраны для особой цели, и нам был дан этот талант.

Многие из вас сначала не поняли, что это дар. Вы считали, что это проклятие. Но вы видели уже, на что мы способны вместе. Вы видели, где мы можем побывать, что можем совершить. Вы видели, какие перед нами открываются возможности. Он сделал паузу.

— Мы — не единственные в мире, кого в упор не видят. Есть и другие Незаметные, которых мы не знаем, быть может, не узнаем никогда, живущие полной отчаяния жизнью, и ради этих людей, как ради себя самих, должны мы бороться. Ибо у нас есть возможность, есть способности и есть обязательство объявить о правах меньшинства, о существовании которого даже не знает весь остальной мир. Сегодня мы здесь не только ради того, кто мы есть, но и ради того, чем мы избраны быть: Террористы Ради Простого Человека.

И снова пробежал приятный холодок возбуждения по моей коже. Я чуть не выкрикнул что-то одобрительное, и я знал, что то же чувство овладело и остальными. Да, думал я. Да!

— А что это значит — Террористы Ради Простого Человека? Это значит, что наша обязан-

ность — действовать от имени забытых и отторгнутых, неизвестных и неценных. Мы дадим голос людям, лишенным голоса. Мы принесем признание людям, которых не признают. Нас игнорировали всю нашу жизнь, но больше нас игнорировать не удастся! Мы заставим мир проснуться и нас заметить, мы будем кричать всем, кто будет слушать: «Мы здесь! Мы здесь!»

— Да! — Стив вдвинул кулак в воздух.

Я чуть не сделал того же.

Филипп улыбнулся:

— Как нам этого достичь? Как притянуть внимание общества, которое совсем не хочет обращать внимание на нас? Насилием. Творческим, конструктивным насилием. Мы будем похищать людей и держать в заложниках, мы будем взрывать дома, мы будем делать все, что должны будем сделать, чтобы заставить Америку продрать глаза и нас заметить. Разминка кончилась, ребята. Мы играем в высшей лиге. И пора за работу.

Филипп достал из-под дорожного пиджака молоток. Спокойно и хладнокровно он повернулся и разбил экран телевизора. С громким хлопком стекло брызнуло наружу дождем искр.

Тем же молотком он разбил видеоманитовый.

— Это попадет в «Орандж-сити ньюз». В короткой заметке буркнут, что неизвестное лицо или лица вломились в Сити-холл и разбили видеоаудиальную аппаратуру. Вот так. — Он сбросил телевизор на пол. — Все наши прежние попытки были любительскими и случайными. Мы не привлекли к себе внимания, которого зас-

луживаем, потому что неверно выбирали цели и недостаточно о себе заявили. — Он снова полез в карман пиджака. — На этот раз я заготовил карточки. Профессионально сделанные визитные карточки с названием нашей организации. Мы их оставим на месте преступления, чтобы знали, кто мы такие.

Он пустил карточки по кругу, и мы все на них посмотрели. Там было красными буквами написано:

ЭТОТ УДАР НАНЕСЕН ВО ИМЯ НЕЗАМЕТНЫХ

ТЕРРОРИСТЫ РАДИ ПРОСТОГО ЧЕЛОВЕКА

— Да! — крикнул Стив. — Да!

— Теперь: чем больше будет ущерб, тем больше будет статья о нас, тем больше внимания на нас обратят. — Он обошел вокруг стола мимо нас. — Пошли.

Мы вышли вслед за ним в зал с рабочими станциями. Он наклонился и включил терминал на столе.

— Они обо мне забыли, — сказал он. — Даже и не подумали изменить мой пароль. Ошибка с их стороны.

Он вызвал начальный экран, ввел свою идентификацию и пароль, и на экране появился список записей по недвижимости. В одной колонке шли имена владельцев, в другой — оценка имущества.

Филипп нажал две клавиши.

Записи были удалены.

— Все, — сказал он. — Теперь нас будут описывать как опытных хакеров, уничтоживших сот-

ни важных правительственных записей. Может, это попадет в «Реджистер». Или в местный выпуск «Таймс» в Орандже.

Он встал и стащил терминал на пол. Раздался грохот. Филипп ударил в экран ногой, потом рукой смел все со стола на пол.

— Можем творить что хотим, — крикнул он, — и им ни за что нас не поймать! — Он вспрыгнул на стол и воздел молоток в воздух. — Разнесем к чертям эту дурацкую контору!

Как крысы Уилларда, мы бросились выполнять его приказ. Я сам перескочил через перегородку и разбил там терминал. Я вытаскивал ящики для папок, выдергивая все, до чего дотягивались руки. Как это было прекрасно — это разрушение, воодушевление, которое мной владело, и мы забирали все шире, срывая накопившуюся агрессию на безымянных неодушевленных предметах в Сити-холле города Орандж.

Весь пол был усыпан мусором.

Через полчаса, потные и запыхавшиеся, отдуваясь и переводя дыхание, мы встретились у лифта.

Филипп посмотрел на разгром и широко улыбнулся:

— Это они заметят. Об этом сообщат. Это будут расследовать. Начало мы положили хорошее.

Он нажал кнопку лифта, двери открылись, и мы вошли.

В последнюю секунду перед закрытием дверей Филипп бросил свой ключ и пропуск на ковер второго этажа.

— Теперь возврата нет.

Филипп Антон

Глава третья

Я был как подросток, который вдруг стал неимоверно богат, или как обычный человек, который стал диктатором. Я опьянялся возможностями, рвался использовать новообретенную мощь.

Я думаю, что такое чувство было у всех, но мы просто об этом не говорили. Слишком ново было это чувство, слишком сильно и чисто, и вряд ли кто-нибудь хотел разбавлять его силу обсуждением. Я лично был заведен и по-дурацки счастлив, почти бредил. Я ощущал себя непобедимым, я мог все. Как предсказывал Филипп, наш погром в Сити-холле Оранджа попал не только в городские газеты, но и в «Таймс», и в «Реджистер». Хотя наши отпечатки были повсюду — от задней двери и до разбитых компьютеров, хотя Филипп бросил там свой ключ и пропуск, хотя мы повсюду рассыпали свои визитные карточки, в каждой статье ясно говорилось, что у полиции нет ни подозреваемых, ни версий.

Нас снова игнорировали.

Я вообще-то должен был бы испытать угрызения совести. Я был воспитан в уважении к чужой собственности, и до сих пор даже не мыслил разрушать что-либо, мне не принадлежащее. Но Филипп был прав. Нарушение закона оправдано, если оно ведет к искоренению большего зла. Это знал Торо. Это знал Мартин Лютер Кинг. И Малькольм Х. Гражданское неповиновение — американская традиция, а мы — всего лишь последние солдаты в долгой битве против лицемерия и несправедливости.

Я хотел разгромить еще что-нибудь.

Где угодно, все равно где.

Я просто хотел бить и ломать.

На следующий день мы встретились у меня. Все захлеб обсуждали, что мы сделали, каждый пересказывал собственные подвиги. И не было никого, кто шумел бы больше Джуниора, нашего самого нового террориста. Он все время хихикал — смешком пацана, а не старика, и было ясно, что это было самое захватывающее событие за долгие годы его жизни.

Филипп стоял одиноко рядом с дверью в кухню, и я подошел к нему.

— Что будем делать дальше? — спросил я.

Он пожал плечами:

— Кто знает? У тебя есть идеи?

Я покачал головой, удивленный не столько его ответом, сколько тоном. Остальные ликовали, наслаждались первым успехом и были готовы к следующему, но Филипп... скучал? Не могу сказать. Был разочарован? Иллюзии потерял? Все это вместе — и ничего из этого. Я посмотрел на него, и мне пришло в голову, что он может быть маниакально-депрессивным. Но и это не подходило. Такие больные либо в восторге, либо полностью подавлены. А он был слишком уравновешен.

Я подумал, нет ли у него угрызений совести.

Может быть, он чувствовал то, что полагалось чувствовать мне.

Я все еще хотел сделать налет еще куда-нибудь, нанести империи еще один удар, но подумал, что сейчас не время поднимать этот вопрос. На столе слева от меня лежала страничка «Реджистера» со зрелищными объявлениями, и я стал смот-

реть статью на первой странице. «Фэшион-Айленд» в Ньюпорт-Биче принимал свой ежегодный фестиваль джаз-концертов. Прошлой весной я был там с Джейн. Весь март и апрель каждый год там по четвергам на открытой сцене давались бесплатные концерты.

— Дай-ка я посмотрю, — сказал Филипп и взял у меня газету. Он начал читать у меня через плечо и, очевидно, что-то нашел для себя интересное. Просмотрев первую страницу, он широко улыбнулся, и в его глазах апатия сменилась оживлением.

— Ага, — сказал он.

Он вышел на середину комнаты и поднял газету.

— Завтра, — объявил он, — все идем на джазовый концерт!

Мы рассчитывали приехать пораньше, но, когда пробились через забитый фривей до «Фэшион-Айленда», было уже половина шестого. Концерт был назначен на шесть.

Там уже расставили скамьи и складные стулья, но они уже были заполнены, и люди скапливались по краям концертной площадки. Мы стояли перед витриной магазина мужской одежды, глядя на прохожих. Качественная толпа красивых людей, людей того типа, которых я никогда не любил. Женщины все тощие, как фотомодели, в коротких обтягивающих платьях и фирменных солнечных очках, мужчины молодые, атлетические, светловолосые, преуспевающие. В основном они говорили о делах.

Очевидно, Филипп чувствовал то же самое.

— Мерзопакостные ничтожества, — сказал он, глядя на толпу.

Конферансье представил оркестр — эклектическую группу длинноволосых парней и стриженных девок, вылезших на сцену. Началась музыка — что-то с латиноамериканским привкусом. Я посмотрел на Филиппа. Он явно что-то на этот вечер запланировал, но никто из нас пока не знал, что именно. Он выпрямился, двинулся вперед, и я ощутил прилив адреналина.

Он прошел мимо самодовольного вида бабы, одетой в теннисный костюм с эмблемой фирмы, — модную болтушку, которая не перестала трепаться с точно так же одетой соседкой, даже когда заиграла музыка. Филипп повернулся к ней.

— Вы не могли бы вести себя тише? — спросил он. — Я хотел бы услышать концерт.

И он тыльной стороной ладони дал ей пощечину.

Она слишком ошалела, чтобы среагировать. Когда она поняла, что случилось, Филипп уже отступил туда, где стояли мы все. Женщина смотрела на нас — сквозь нас, мимо нас, — выискивая взглядом, кто ее ударил. На лице ее был написан испуг, и правая щека горела огнем.

Они с подругой быстро удалились, направляясь к охранникам, стоящим возле скамей.

Филипп усмехнулся мне. За своей спиной я слышал хихиканье Билла и Джуниора.

— Так что нам делать? — спросил Джеймс.

— Делай, как я, — ответил Филипп.

Он ввинтился в толпу поближе к складным стульям и остановился возле молодого турка в стильном галстуке, который обсуждал со своим приятелем какие-то акции.

Филипп схватил его за волосы и дернул. Как следует.

Турок завопил от боли и резко повернулся, стиснув кулаки.

Стив ударил его в брюхо.

Турок упал на колени, ловя ртом воздух и хватаясь руками за живот. Его приятель посмотрел на нас испуганными глазами и начал пятиться.

На него накнулись Билл и Джон.

У меня было странное чувство. На подъеме после нашей эскапады в Сити-холле я хотел сделать что-нибудь еще в этом роде, но такое бессмысленное насилие было мне крайне неприятно. Ведь не должно было бы — я уже убил человека, разгромил общественное здание. И начать с того, что этих яппи я на дух не выносил, — и все равно было у меня такое чувство, что мы поступаем плохо. Если бы эти действия были бы хоть как-то спровоцированы, я бы мог их оправдать, но сейчас мне было только жалко женщину, которой Филипп дал по морде, человека, на которого он напал. Слишком часто я сам бывал жертвой, чтобы не симпатизировать другим.

Турок начал подниматься, и Филипп снова сбил его с ног. Потом повернулся ко мне.

— Давай за Биллом и Джоном. Отметельте его дружка.

Я остался на месте.

— Давай!

Билл и Джон схватили второго. Кто-то бросился на помощь. Дело превращалось в общую свалку.

— Туда давай! — приказал Филипп.

Я не хотел «туда давать». Я не хотел...

Какой-то хмырь в костюме от «Армани» влетел в меня на полном ходу. Он рвался к схватке,

предвкушая хорошую драку. Конечно, меня он не видел и налетел на меня случайно, но даже и не думал извиняться. Вместо этого он рывкнул:

— С дороги, мудака! — и сунул мне в лицо сжатый кулак.

Этого мне и не хватало.

Толпа вдруг обрела для меня лицо. Этот человек в костюме от «Армани» тут же стал для меня символом всего, что было в этих людях плохого, всего, что я в них ненавидел. Они больше не были невинными жертвами немотивированных нападений Филиппа. Это были люди, которые получали, что заслужили — по справедливости.

И я сильно ткнул этого «Армани» в спину.

Он споткнулся, выругался, повернулся резко, но Дон тут же двинул его в живот. Мужик сложился пополам, но выдержал и уже был готов дать сдачи, как Бастер ударил его сзади под колено.

Он свалился.

— Отходим! — внезапно объявил Филипп. — Давайте назад!

Я проследил, куда он показал кивком головы. Драка все еще продолжалась, хотя дрались уже незнакомые люди. Два подбежавших охранника пытались их растащить.

Никто не заметил нашего отсутствия.

До меня дошло.

Филипп перехватил мой взгляд, ухмыльнулся и кивнул, увидев, что я понял.

— Мы рассыплемся и будем устраивать потасовки по всей толпе. Билл и Джон, вы давайте на ту сторону «Ниман Маркуса». Джеймс, Пит, Стив, устройте что-нибудь возле «Силвервуда». Бастер и Джуниор, вы мутите воду возле дальних скаме-

ек. Томми и Дон! Вы туда, ближе к кассе. А мы с Бобом поработаем здесь.

План работал без сучка и задоринки. Мы выбирали одного, наваливались и начинали метелить. Тут же в драку влезали другие, она ширилась, а мы отваливали.

Вскоре в толпе образовалось несколько очагов кучи-малы, а в центре были невидимые мы.

Оркестр уже прекратил играть, и конференсье со сцены объявил, что если немедленно не восстанвится порядок, концерт будет отменен.

А драка продолжалась, и все больше охранников подбегало откуда-то из резерва, пытаясь взять толпу под контроль.

Филипп смотрел на всю эту сцену, удовлетворенно кивая, потом бросил на землю горсть наших карточек, некоторые положил на сиденья.

— Неплохо вышло, — сказал он. — Теперь пошли. Нас тут нет.

На следующий день мы оказались на первой странице «Реджистера». Заголовок гласил:

РАЗБОРКИ БАНД НА БЕСПЛАТНОМ КОНЦЕРТЕ

Джуниор засмеялся:

— Разборки банд, надо же!

В «Таймсе» о нашей выходке упоминания не было.

— Спонсором концерта был «Реджистер», — сказал Джон. — Вот в чем дело.

— Урок первый, — отозвался Филипп. — Избегать недостаточно популярных мероприятий.

Мы все расхохотались.

— Надо завести альбом, — предложил Джеймс. — И вырезать туда из газет все статьи о нас.

— Отличная идея, — кивнул Филипп. — Вот ты и займешься. — Он повернулся ко мне: — А у тебя самый лучший видеомагнитофон, так что тебе поручается записывать все местные новости, если там будут говорить о нас.

— О'кей, — согласился я.

Но он не отвел глаз:

— Кстати, ты знаешь, какой сегодня день?

Я покачал головой.

— У тебя месячный юбилей.

Он был прав. Как я мог забыть? Ровно месяц назад я убил Стюарта.

Светлое утреннее настроение немедленно испарилось. У меня вспотели руки и напряглась шея, когда я вспомнил сцену в кабинке туалета. Я снова услышал запах крови, почувствовал, как нож трудно входит в мышцы и упирается в кость.

В это время ровно месяц назад я сидел у себя за столом в костюме клоуна. И ждал.

Костюм клоуна все еще валялся у меня в шкафу.

— Давай туда сходим, — предложил Филипп. — Посмотрим, как там теперь.

— Нет! — воскликнул я с ужасом.

— А почему? Ты же не скажешь, что тебе это неинтересно?

— Ага, — подхватил Дон. — Давайте сходим. Классно будет.

— А что он сделал месяц назад? — спросил Джуниор.

— Убил своего босса, — объяснил Бастер.

У старика глаза полезли на лоб:

— Убил своего босса?

— Мы все это сделали, — сказал Бакстер. — Каждый из нас убил своего босса. Я думал, ты знаешь.

— Нет, я не знал. — Он минуту помолчал. — Я тоже убил босса. Но я боялся вам сказать.

Филипп не отводил от меня взгляда.

— По-моему, нам надо сходить в твою бывшую компанию. Давай навестим «Отомейтед ин-терфейс, Инкорпорейтед».

Даже от названия у меня пробежала по телу странная дрожь.

— Зачем? — спросил я. Руки у меня дрожали, и я пытался этого не показать. — Что это нам даст?

— Катарсис, который тебе нужен. Ты вряд ли сможешь это преодолеть, не взглянув в лицо проблеме.

— Это из-за вчерашнего вечера? Когда я не хотел бить людей без причины?

Он пожал плечами:

— Может, и так. В террористической организации слабакам не место.

У меня были на это тысячи ответов, которые я мог высказать, должен был высказать, но почему-то я отступил. Я отвел глаза, опустил их вниз и покачал головой.

— Не хочу я туда ехать.

— Мы поедem, — просто сказал он. — Хочешь ты того или нет. Поведу я.

Джеймс, сидя на диване, поднял глаза от газеты.

— Мы все едем?

— Нет, только мы с Бобом.

Я хотел возразить, хотел отказаться, но против своей воли кивнул.

— О'кей.

По дороге Филипп разговорился. Впервые с того момента, как он подошел ко мне на улице после убийства Стюарта, мы были одни, и он явно хотел мне объяснить важность того, что он называл «наша работа».

— Я понимаю, — сказал я.

— Действительно? — Он качнул головой. — Я никак не могу тебя понять. Джон, Дон, Билл, все прочие — с ними мне все ясно, я всегда знаю, что они думают. Но ты для меня загадка. Может быть, поэтому мне так важно, чтобы ты понял, почему мы делаем то, что делаем.

— Я понимаю.

— Но не одобряешь.

— Да нет, одобряю. Я просто... ну, не знаю.

— Знаешь.

— Иногда... иногда это все кажется мне неправильным.

— У тебя все еще те же старые ценности, старая система верований. Но ты это преодолеешь.

— Может быть.

Он бросил на меня косой взгляд.

— Но ты этого не хочешь?

— Не знаю.

— Но ты с нами? Ты один из нас?

— Навсегда. Что у меня еще есть?

Он кивнул:

— Что еще есть у любого из нас?

Остаток пути мы проехали в молчании.

Странно было снова приехать в «Отомейтед интерфейс», и у меня ладони стали влажными, когда мы заезжали на стоянку. Я вытер их о штаны.

— По-моему, все-таки не надо.

— Ты думаешь, что они тебя увидят, немедленно сложат два и два и арестуют тебя за убийство твоего начальника? Да эти люди даже тебя не вспомнят. Они вряд ли могли бы описать тебя даже для спасения своей жизни.

— Некоторые могли бы.

— Не очень на это рассчитывай.

Все места на стоянке были заняты, и Филипп заехал на неудобную стоянку для посетителей возле входа и выключил мотор.

— Пошли.

— Я не...

— Если ты не помотришь проблеме в лицо, ты ее не преодолеешь. Нельзя дать памяти о том, что случилось, сломать всю твою оставшуюся жизнь. Ты поступил правильно.

— Я это знаю.

— Тогда почему ты чувствуешь себя виноватым?

— Да нет, не в этом дело... я просто боюсь.

— Бояться нечего. — Он открыл дверь и вышел. Я неохотно последовал его примеру. — Вот такие конторы и сделали нас такими, какие мы есть. И по ним мы в первую очередь должны бить.

— Я всегда был Незаметным, — напомнил я ему. — Это не работа сделала меня таким.

— Но она это усугубила, — возразил он.

У меня не было сил спорить. Я не знаю, верил ли я ему, но не мог дать ему отпор.

— Этого гада ты должен был убрать. Ничего другого тебе не оставалось. И поэтому ты теперь тот, кто есть. Поэтому ты теперь со мной. Поэтому ты теперь и террорист. Это часть плана.

Я улыбнулся:

— Перст Судьбы?

— Если тебе так хочется. — Он тоже улыбнулся. — Ладно, пошли.

Мы вышли на тротуар, вошли в вестибюль. Охранник был на посту. Как всегда, он меня в упор не видел. Я уже прошел было мимо него к лифту, как вдруг остановился и повернулся к Филиппу.

— Терпеть не могу этого типа.

— Тогда сделай что-нибудь.

Я протянул руку и надвинул охраннику фуражку на лоб, сказав:

— Мудак!

Тут он меня увидел.

Он подпрыгнул на стуле, потянулся через стол схватить меня за руку.

— Ты что себе думаешь, ты...

Я шагнул назад к Филиппу, и охранник застыл в недоумении.

Он меня уже не видел!

— Приятно вернуться назад, — сказал Филипп. — Как тебе кажется?

Я кивнул. Это было приятно. И я был рад, что Филипп меня заставил.

Мы прошли к лифту, и я рискнул оглянуться на охранника. У него на лице недоумение уже смешалось с испугом.

— Можем сделать все, что захотим, — сказал Филипп и многозначительно посмотрел на меня. — Буквально все.

Двери открылись, мы вошли, и я нажал кнопку четвертого этажа. Окрыленный успехом с охранником, ободренный поддержкой Филиппа, я подумывал убить Бэнкса. Еще до того, как я ушел, он меня долгое время уже не видел, но еще когда

он мог видеть меня, он меня не любил. Он был союзником Стюарта. Он даже, помню, посмеялся над моей прической.

Я ему сделаю прическу.

Я с него скальп сниму.

Но я вспомнил Стюарта и как он умирал, как лягался и пытался меня ударить, пока я бил его ножом, как хлестала на меня кровь из его тела, и я понял, что больше не способен убивать.

Восторг прошел так же быстро, как появился. Зачем я здесь? Чего я хочу этим добиться? Филипп в машине говорил, что мы должны насыпать песочку в этот механизм, но я не видел, как бы я мог причинить серьезный ущерб. Слишком мало я для этого знал.

Мы вышли на четвертом этаже. Я направился к секции программистов. В бывшем офисе Стюарта свет не горел. Очевидно, его не заменили. Зато все остальное было точно как прежде. Я провел Филиппа мимо стола Стейси, потом Пэм и Эмери. Никто из программистов на нас даже не взглянул.

Атмосфера была гнетущей, густой и тяжелой, воздух был слишком горяч, и я сказал Филиппу, что хочу уйти, но он сначала попросил меня показать, где я убил Стюарта.

Я отвел его в туалет.

Странно было попасть туда снова. Конечно, тела уже не было, и кровь тоже смыли, но все равно это место казалось мне оскверненным, грязным. Я дрожащими руками открыл дверь первой кабинки. Филипп заставил меня пересказать все подробно, и при этом кивал, касаясь металлической

стенки, на которую я отбросил Стюарта, наклонялся посмотреть на унитаз, куда я свалился.

Когда я кончил свой рассказ, он сказал:

— Неплохо. Ты сделал все, что тебе полагалось.

Я с этим не был согласен, но кивнул.

Он деликатно вытолкнул меня из кабинки.

— Извини, на минуточку...

— А что?

— Мне надо поссать.

И он закрыл дверь.

Я услышал звук расстегиваемой молнии и журчание струи.

И это сработало.

Прийти сюда, все увидеть, все проиграть снова — ничто из этого не могло стереть тяжелого чувства. Но слышать, как Филипп отливает в той же кабинке, где я убил Стюарта — от этого все прошло. Каким-то причудливым образом это дало мне понять, что прошлое закончено и меня ждет будущее, и это хорошее будущее.

Будущее — это были мы.

Когда Филипп спустил воду и вышел, я встретил его улыбкой.

— Все о'кей? — спросил он.

— Все отлично, — ответил я.

— Давай посмотрим твой офис.

Я повел его по коридору. Мой офис, как и офис Стюарта, был пуст. Мне еще не нашли замену. Черт побери, они небось даже не заметили еще, что меня нет. Бумаги на моем столе лежали нетронутыми точно так, как месяц назад я их оставил.

Филипп оглядел клетушку офиса.

— Господи, ну и мрак!

— Ага, — согласился я.

Бенджамин Линкольн

— Ты ведь ненавидел эту работу?

Я кивнул.

Он посмотрел на меня и бросил мне коробку спичек.

— Так сделай что-нибудь.

Я понял, что он имеет в виду, и кровь в моих жилах побежала быстрее. «Да, - подумал я. - Так и надо».

Он вышел из офиса в коридор.

Это было то, что я должен был сделать сам.

Я минуту постоял, потом зажег спичку, коснулся пламенем края служебной записки, потом какого-то руководства. Пламя медленно переползало с бумаги на бумагу, расходясь по столу. Я вспомнил о карточках, своих визитных карточках, быстро открыл ящик, куда я их сунул, и вытащил всю коробку. Весь стол уже горел, и я вывернул карточки в огонь. Они занялись, скрутились, почернели — и все. Их больше не было.

Моя старая жизнь закончилась.

По-настоящему.

Я уже не мог вернуться.

Я вышел в коридор, кивнул Филиппу, и мы вдвоем медленно и спокойно пошли по коридору, оставили карточки террористов, а вокруг нас гудели сигналы пожарной тревоги и срабатывали огнетушители.

Глава четвертая

И снова я думал, кто я. Кто мы. У нас что гены и хромосомы не такие, как у других? Есть ли вообще у всего этого научное объясне-

ние? Может, мы — потомки пришельцев или отдельная раса? Глупой казалась мысль, что мы не люди — хотя бы потому, что мы были такими типичными, стереотипными и средними во всем, но одно было ясно: что-то есть, отделяющее нас от всех окружающих. Может ли быть, что каждый из нас по случайному совпадению так отвечал общественным нормам, был так точно сформирован своей биографией и средой, что мы все попали на этот путь и теперь не замечаемы в культуре, обученной искать необычное и не обращать внимания на очевидное? Или мы действительно новая порода, и мы излучаем какой-то психический сигнал, принимаемый окружающими и делающий нас незаметными?

Ответов у меня не было — одни вопросы.

Не уверен, что остальных это интересовало так же сильно, как меня. По-видимому, нет. Разве что Филиппа. Он был глубже нас всех, талантливее, честолюбивее, серьезнее, философичнее. Все остальные в чем-то были как дети, и мне казалось, что пока у них есть Филипп, заменяющий родителей, думающий и планирующий за них, они довольны. Филипп же утверждал, что раз мы — Незаметные, раз мы выпадаем в щели, мы не должны придерживаться условностей, стандартов или идей общества о том, как следует себя вести. Мы свободны быть самими собой, мы свободны быть личностями. Но другие террористы личностями не были. Просто вместо того, чтобы идентифицировать себя своей работой, они стали идентифицировать себя как террористы. Одну групповую идентичность они сменили на другую.

Только я не решался сказать этого Филиппу. .

Был ли Андрей

Пусть думает, что мы — те, кем он хочет нас видеть.

После визита в «Отомейтед интерфейс» мы с Филиппом стали ближе друг другу. У террористов не было официальной иерархии: Филипп был лидером, а мы все — последователями, но если бы она была, — я был бы вице-президентом или первым заместителем. Я был тем, к кому он обращался, если хотел услышать какое-то мнение, кроме своего, я был тем, чей совет ему был чаще всего нужен. Все прочие террористы, кроме Джуниора, были с Филиппом дольше меня, но как-то оказалось вполне приемлемым, что я был более равным среди равных. По этому поводу не было недовольства, и все шло так же гладко, как всегда.

В следующие недели мы навестили все бывшие места работы террористов.

И с удовольствием их разгромили.

Но, хотя мы и оставляли повсюду наши карты, никто нам эти действия не приписывал.

Хотя в нашем альбоме появились новые вырезки, в телевизионные новости мы пока что не попали. Но Филипп уверял, что это в конце концов случится, и я не сомневался, что он прав.

Я начал выходить на прогулки. После трудового дня, когда остальные террористы уходили или просто подбрасывали меня до дому, я все еще не чувствовал усталости. И чаще всего мне не хотелось сидеть дома одному. Неблагополучный район, где был мой дом, не был самым лучшим местом для прогулок в мире, и я должен был бы чувствовать себя неуютно, бродя в одиночку без защиты. Но я знал, что никто меня не замечает,

не видит, и мне было вполне спокойно бродить по улицам Бри.

Прогулки меня успокаивали.

Однажды вечером я прошел пешком весь путь до дома родителей Джейн на другом конце города. Не знаю, чего я ждал — может быть, увидеть ее автомобиль на подъездной дорожке, увидеть, как она мелькнет в открытом окне. Но подъездная дорожка была пустой, окна темными.

Я стоял на другой стороне улицы, вспоминая, как я впервые заехал за Джейн, как мы потом провели время в припаркованном автомобиле за два дома от ее родителей, чтобы нас не было видно из окна. Одно время, пока мы не стали жить вместе, этот дом был почти что моим вторым домом. Я проводил здесь не меньше времени, чем у себя.

Теперь это был незнакомый дом.

Я стоял, ждал и смотрел, пытаюсь собраться с духом, чтобы подойти к двери и постучать.

Вернулась ли она к своим родителям? Или живет где-то в другом месте? Даже если она в другом городе, в другом штате, ее родители должны знать, где она.

Но вроде бы ее родителей дома не было.

А если даже они дома, и я их спрошу, они мне ответят? Узнают меня? Увидят ли меня вообще?

Я стоял довольно долго. Стало прохладнее, руки начали ощущать холод. Надо было захватить пиджак.

Наконец я решил уходить. Родители Джейн еще не вернулись, и я не знал, вернутся ли вообще. Может быть, они уехали в отпуск. Или в гости к Джейн.

Я повернулся и пошел обратно той же дорогой. Улицы были пусты, на тротуарах — никого, но в домах занавески были подсвечены огнями телевизоров. Как это говорил Маркс? Религия — опиум народа? Неправда. Телевизор — вот опиум народа. Ни одна религия никогда не могла собрать такой большой и преданной аудитории, как этот ящик. Ни одному папе и не снилась такая кафедра, как у Джонни Карсона.

Я вспомнил, что ни разу не смотрел телевизор с тех пор, как стал террористом.

Значит ли это, что больше никто вообще телевизор не смотрит? Или это я перестал быть средним?

Столько есть такого, чего я не знаю и вряд ли узнаю когда-нибудь. Мелькнула мысль, что было бы лучше посвятить наше время поиску ответов на эти вопросы, чем пытаться привлечь к себе внимание. Но тут же я подумал, что привлечь внимание к нашему делу, дать людям знать о нашем существовании — это заинтересовать внимание и более сильных умов. Людей, которые смогут изменить нас, спасти нас от нашей судьбы.

Спаси нас.

Вот так я до сих пор думаю? Несмотря на уверения Филиппа, что мы — особые, избранные, что мы счастливее других, несмотря на алмазную твердость этой своей веры, я все это немедленно готов отдать за то, чтобы быть, как все, чтобы вписаться в этот мир?

Да.

Только после полуночи я добрался до своего дома. По пути я много думал, проигрывал в голове разные сценарии, строил планы. Раньше, чем

успел передумать, пойти на попятный, я набрал номер родителей Джейн. Раздались гудки. Один. Другой. Третий.

Я повесил трубку после тридцатого звонка.

Я разделся и лег. Впервые за долгое время я занялся онанизмом.

Потом я заснул, и мне снилась Джейн.

На следующий вечер после разгрома автомата, где работал Джуниор — мы разливали масло и тормозную жидкость на цементный пол, высаживали окна, крушили аппаратуру, лупили кувалдами по машинам, — Филипп решил, что можно взять выходной, слегка развеяться. Мы это заслужили. Джон предложил пойти в кино, и идея была одобрена единогласно.

На следующий день мы встретились у кинотеатра.

Там на шести экранах шли четыре фильма, и хотя обычно мы приходили к согласию почти обо всем, тут мы долго не могли решить, какой фильм выбрать. Томми, Джуниор, Бастер, Джеймс и Дон хотели посмотреть новую комедию. Остальные желали пойти на ужастик.

Я полагаю, что эти два фильма делили первое место в рейтинге недели.

Филипп купил билет, и пока контролер в дверях отрывал контроль, мы все безмолвно просочились мимо него. Ужастик уже начался, до комедии было еще десять минут, и мы разделились на две группы, и каждая прошла в свой зал.

Кино было ничего себе, но не шедевр, хотя Биллу оно понравилось неимоверно. Интересно, каков будет его рейтинг в «Энтертеймент тунайт».

Было у меня такое чувство, что каждый четвертый признает его «выше среднего или выдающимся».

Выйдя после кино, мы четверо стали ждать остальных. Билл сказал, что хочет есть, и мы посмотрели на расписание над кассой — узнать, когда кончится комедия. Выяснив, что у нас есть еще двадцать минут, мы, не торопясь, побрели в «Баскин-Роббинс». Мимо нас прошли две блондиночки, чирикавая на жаргоне.

— Вот этой бы я сунул в рот свой рожок с мороженым, — сказал Стив.

— Которой? — спросил Джон.

— Любой из них. Обеим.

Мы засмеялись.

Филипп остановился.

— Изнасилование — власть! — сказал он.

Остальные тоже притормозили и переглянулись, не понимая, шутит он или всерьез.

— Изнасилование — оружие!

Он говорил серьезно. Я посмотрел на него с отвращением.

— Не гляди ты на меня святошей! Все дело в этом — сила и власть. Это то, чего нет у нас, Незаметных. Это то, что мы должны научиться брать.

— Ага, — подхватил Стив. — К тому же когда ты последний раз кого-нибудь имел?

— Великолепная идея! — саркастически сказал я. — Вот как мы заставим женщин нас замечать. Просто изнасилуем.

Филипп посмотрел на меня спокойным взглядом:

— Нам уже приходилось.

Это меня остановило. Я в шоке посмотрел на Филиппа, на Стива, на остальных. Я убивал, я напа-

дал, я громил. Но это все было для меня вполне оправданным, вполне законным. А это... это неправильно. И то, что мои друзья, братья, товарищи-террористы на самом деле насильвовали женщин, заставило меня посмотреть на них в ином свете. Впервые я понял, что не знаю этих людей. Впервые я оказался с ними не в фазе.

Наверное, Филипп почувствовал мое смятение. Может быть, оно отразилось у меня на лице. Он мягко улыбнулся и потрепал меня по плечу.

— Мы — террористы, — сказал он. — Ты это знаешь. А террористы это делают.

— Но мы же — Террористы Ради Простого Человека. Чем это поможет простому человеку? Чем это продвинет наше дело?

— Пусть эти сучки знают, кто мы, — ответил Стив.

— Это дает нам власть, — ответил Филипп.

— Не нужна нам такая власть!

— Нужна. — Филипп стиснул мое плечо. — Я думаю, пришло время твоей инициации.

Я вырвался.

— Нет!

— Да. — Филипп оглянулся. — Давай вот эту.

Он показал на молодую азиатку, вышедшую из галантерейного магазина с небольшой сумкой. Женщина была великолепна: высокая, как модель, со скульптурными чертами лица, темными миндалевидными глазами и красным напояженным ртом, длинные черные волосы висели почти до талии. Тонкие блестящие брюки в обтяжку четко обрисовывали контур трусов.

Филипп увидел выражение моего лица.

— Давай, вали ее.

— Но...

— Если не будешь, мы это сделаем.

Остальные с энтузиазмом закивали.

— Среди бела дня!

— Тебя никто не увидит.

Я знал, что он прав. Меня так же не будут замечать за изнасилованием, как за любым другим занятием.

Женщина миновала нас и направлялась к переулку в середине квартала.

— Эту женщину сейчас изнасилюют, — сказал Филипп. — Ты или мы. Решать тебе.

На это я поддался, в своем самодовольстве веря, что быть изнасилованной мной — это лучше, чем Филиппом, Стивом или Джоном. Я же хороший, просто поступаю по-плохому. И будет не так ужасно, если это сделаю я, а не другие.

Джон хихикнул:

— Лезь на нее. И кинь ей палку за меня тоже.

Я сделал глубокий вдох и пошел к женщине. Она не видела меня, пока я не оказался совсем рядом, пока не схватил ее за плечо и поволок в переулок, закрыв рот другой рукой. Она уронила сумку, оттуда высыпались черные кружевные трусы и красная шелковая комбинация.

Ужасное было чувство. Наверное, в неисследованных глубинах моего подсознания агрессивного самца варилась мысль, что ей это может понравиться, что пусть это будет мучительно в смысле чувства, физически это может доставить ей удовольствие. Но она была в слезах, в ужасе и явно в гневе, и, прижимаясь к ней, я уже знал, что ей будет противно и это, и я сам.

Я остановился.

Этого я не мог.

Я ее выпустил, и она упала на асфальт, всхлипывая и судорожно ловя ртом воздух. Я чувствовал себя последним дерьмом, уголовником, которым я и был. Желудок свело судорогой, меня тошнило. Да что со мной такое? Как я вообще мог в это ввязаться? Как я мог оказаться настолько слабо морально, настолько жалок, чтобы не пытаться отстаивать свои моральные убеждения?

Я был не тем человеком, кем себя считал.

Перед моим мысленным взором возник образ Джейн, которую какой-то незнакомец затаскивал в переулок и насиловал.

У этой женщины есть муж? Приятель? Дети? Родители есть?

— Ты упустил свой шанс, — сказал Филипп. Он бежал в переулок, расстегивая штаны.

Я бросился к нему, но голова моя кружилась, меня тошнило, и я привалился к стене.

— Не смей!

Он посмотрел мне в глаза:

— Ты знал правила игры.

Он схватился спереди за ее брюки, рванул и оторвал лоскут.

Остальные террористы смеялись. Женщина жалобно хныкала, отчаянно пытаясь не дать стянуть с себя брюки, защищая остатки своего поруганного достоинства, но Филипп встал на колени и грубо раздвинул ей ноги. Я услышал звук рвущейся материи. Она кричала, плакала, по ее покрасневшему лицу лились слезы, и была она маленькой перепуганной девочкой, и никем другим. И в глазах ее был ужас — голый, презренный ужас.

— Отпусти ее! — крикнул я.

— Нет.

— Я следующий! — крикнул Стив.

— Нет, я!

Я вышел из переулка, шатаясь. За спиной я слышал их смех и ее крики.

Я не мог с ними драться. Я ничего не мог сделать.

Я вышел и сел на узкий выступ под окном «Баскин-Роббинса». Стекло витрины холодило спину. Я заметил, что руки у меня трясутся. Я все еще слышал ее крики, хотя они были заглушены шумом города, людей, машин. Открылась дверь, и из нее вышел Билл с большим рожком шоколадного мороженого в руках.

— Сделал? — спросил он.

Я покачал головой.

Он нахмурился:

— Нет?

— Не смог, — ответил я, борясь с тошнотой.

— А где все?

— Там.

— А! — Он лизнул мороженое и направился к переулку.

Я закрыл глаза, пытаюсь слышать только шум машин. Филипп — зло? Все мы — зло? Я не знал. Вся мою жизнь меня учили, что зло банально. Такая теория возникла из-за нацистов и их институционализированного ужаса, и за всю мою жизнь я до тошноты слышал, что зло не бывает талантливым, зрелищным или величественным — только маленьким, обыденным, ordinary.

Мы были маленькие, обыденные, ordinary.

Были ли мы злом?

Филипп считал, что мы — добро, верил, что мы можем делать все, что захотим, и это будет правильно. Нет морального авторитета, перед которым мы в ответе, нет этической системы, которой мы обязаны придерживаться. Мы над всем. Мы сами решаем, что добро, а что зло.

И я решил, что это не добро.

Почему мы не все с этим согласились? Почему у нас разные убеждения? Почти во всем остальном мы думали и чувствовали заодно. Но в этот момент я был так же чужд моим собратьям Незаметным, как и нормальным людям.

Филипп говорил, что я все еще цепляюсь за мораль и условности общества, которое оставил позади.

Может, он и был прав.

Через несколько минут они вышли из переул-ка. Я хотел зайти, посмотреть, что с женщиной, как она, но остался сидеть, прислонившись спиной к витрине «Баскин-Роббинса».

— А кино, наверное, уже кончилось, — сказал Филипп, поправляя ремень. — Давайте вернемся к кинотеатру.

Я кивнул, поднялся, и мы пошли обратно. Я по дороге заглянул в переулок, но ничего не увидел. Наверное, она убежала в другую сторону.

— Ты один из нас, — сказал Филипп. — Ты тоже в этом участвовал.

— Разве я что-нибудь сказал?

— Нет, но подумал. — Он посмотрел на меня. — Мне нужно, чтобы ты был с нами.

Я не ответил.

— Ты убиваешь, но не насилуешь?

— Там было другое. Личная вражда.

— Все личное! Мы сражаемся не с отдельными людьми, а с системой. И должны нападать, когда и где можем.

— Я это понимаю не так, — сказал я.

Он остановился.

— Значит, ты против нас.

Я замотал головой:

— Я не против вас!

— Тогда ты с нами.

Я не ответил.

— Ты с нами, — повторил он.

Я кивнул. Медленно. Да, наверное. У меня не было выбора.

— Да, — ответил я.

Он улыбнулся и обнял меня за плечи.

— Один за всех и все за одного! Как три мушкетера.

Я заставил себя улыбнуться, хотя улыбка вышла кривая и немощная. Чувство было такое, что я измазался в липкой грязи, и противна была его рука у меня на плечах, но я ничего не сказал.

Я был с ними. Был одним из них.

Что еще у меня было?

Кем еще мог я быть?

И мы пошли в сторону кинотеатра.

Глава пятая

Мы жили в собственном мире — подпольном мире, занимающем то же пространство, что и обычный, только отстающем от него на пару тактов. Это напомнило мне эпизод из «Внешних границ», когда время остановилось и

все в мире застыли, кроме мужчины и женщины, которые остались этим не затронуты и жили вне времени, между секундами.

Только те люди, с которыми мы сталкивались, не были застывшими во времени.

Они просто нас не замечали.

Странное это чувство — когда тебя не видят люди, с которыми ты соприкасаешься. Я уже привык к тому, что я — Незаметный, но это было другое. Будто я был по-настоящему невидимкой, призраком. До того я ощущал себя частью мира. Меня не замечали, но я существовал. Теперь же... я будто не существовал, или существовал на другом уровне. Будто обычная жизнь — это кино, а я — зритель: могу смотреть, но не участвовать.

И лишь тогда я чувствовал себя живым, когда был с другими террористами. Мы были оправданием существования друг друга. Мы были островком реальности в нереальном мире, и по мере того как во мне росло чувство отчуждения от мира людей, я все больше и больше времени проводил с террористами и все меньше и меньше — один. Приятно было, когда остальные были рядом как доказательство, что я не одинок. Шли дни, недели, мы все чаще ночевали друг у друга, не расставаясь на ночь, а держась вместе круглые сутки.

И не то, чтобы мы, все одиннадцать, сбились в кучку в холодном и враждебном мире. Нам было весело вместе. Были плюсики, небольшие преимущества жизни. Мы заходили в рестораны, заказывали что душа пожелает, сидели сколько хотели, и ни разу нам не пришлось платить. Мы заходили в магазины и брали любые вещи, которые нам

были нужны. Мы бесплатно ходили в кино и на концерты.

Но во всем этом было что-то беспокойное; чего-то не хватало — по крайней мере мне. И несмотря на все наши попытки убедить себя в обратном, несмотря на все наши усилия уверить себя, что мы довольны, что мы счастливее кого угодно, я не думаю, что хоть кто-нибудь из нас искренне в это верил.

Конечно, мы никогда не скучали, никогда не томились бездельем. Мы были средними представителями нации, и Америка была создана для нас. Мы любили ходить по магазинам. Мы любили есть в ресторанах. В парках развлечений мы развлекались, приманки для туристов нас манили, популярная музыка была у нас популярна, впечатляющие фильмы впечатляли. Все это было рассчитано на наш уровень.

А когда нам надоедала законопослушная жизнь, мы могли всегда грабить, красть и громить.

Мы всегда могли быть террористами.

После изнасилования мы на пару недель затаились. О нем не сообщали в газетах или по телевизору — вряд ли о нем вообще знали; но не опасность поимки заставила Филиппа взять тайм-аут.

Он хотел вновь завоевать мое доверие.

Глупо, но это было так. Ему было важно мое мнение. Почти все остальные от этого события пришли в восторг. Они листали «Плейбой» и «Пентхауз», «Хастлер» и «Кавалер», выбирая тип женщин, которые будут следующими, но Филипп ясно дал им понять, что больше сексуальных нападений не будет. По крайней мере пока. Тем време-

нем он пытался меня убедить, что изнасилование — вполне законное оружие в нашем арсенале. Он, кажется, сознавал, что мое мнение о нем сильно упало, что у меня нет того уважения к нему, какое было раньше, и он очень старался восстановить себя в моих глазах.

Это не был, конечно, взрыв самолюбия. Такое личное отношение заставляло меня ощущать собственную важность. И должен заметить, что его доводы были убедительны. Я понимал его логику, и даже соглашался с ней — на теоретическом уровне. Но я твердо верил, что нельзя наказывать невиновных одиночек за зло, приносимое той группой, к которой они принадлежат, и, мне кажется, я сумел дать ему понять мою точку зрения. Я заставил его согласиться, что к изнасилованию азиатки политика имела лишь очень малое отношение, и он заявил, что теперь мы будем использовать изнасилования лишь тогда, когда оно будет полностью и конкретно отвечать какой-то нашей цели.

А если надо будет сбросить пар, будем ходить к проституткам или еще что-нибудь вроде этого. Мы согласились, что это правильно.

В июле мы совершили наш первый крупный теракт и попали на телевидение.

Мы ночевали у Билла в его комфортабельном доме на три спальни в Фаунтейн-Вэлли, и утром проснулись от шума бензопилы. Шум был оглушительно громким и пугающе близким. Я выскочил из спального мешка и открыл дверь спальни.

В коридоре стоял Филипп, держа пахнущую горелым маслом бензопилу, и размахивал ею, как

Человек С Кожаным Лицом. Увидев меня, он широко улыбнулся.

Из спальни вслед за мной выскочил Джеймс с перепуганными глазами. Остальные повыскакивали из гостиной и других спален.

Филипп опустил пилу и выключил ее. Улыбка его стала еще шире.

— Одеваться, ребятишки! Мы едем в город.

У его ног лежали молотки и отвертки, монтировка, топор и бейсбольная бита. У меня в ушах еще стоял визг пилы.

— Чего? — спросил я.

— Одевайтесь — и на выход, — повторил он. — У меня есть план.

Мы поехали в Лос-Анджелес тремя машинами, Филипп на своем «додже» вел колонну. Дело было в воскресенье, на дороге было свободно. Ночью было ветрено, и сейчас одновременно были видны и горы Сан-Габриэль, и Голливудские холмы. Горизонт Лос-Анджелеса выглядел, как в кино или в телевизоре на фоне бледно-голубого неба, и только легкая дымка скрывала детали домов.

Следуя за машиной Филиппа, мы съехали с фривея на Вермонт-Авеню, проехали через испи-санные ребячьими бандами кварталы, мимо дышащих на ладан бакалейных лавок и обветшалых гостиниц сомнительной репутации. Потом мы свернули на Сансет и через Голливуд проехали в Беверли-Хиллз. Бензопила с инструментами лежали у меня в багажнике, и на каждой выбоине они грохали, на каждом повороте перекачивались. Бастер сидел рядом со мной на пассажирском сиденье, держа на коленях фотоаппарат «никон». Филипп велел ему принести фотокамеру.

— Как ты думаешь, что он задумал? — спросил Бастер.

Я пожал плечами:

— Кто может знать?

— А здорово, правда? Тебе нравится? — Старик хохотнул. — Сказал бы мне кто, что я в моем возрасте буду разъезжать с... с бандой, устраивая драки и поднимая шум, я бы ответил, что... что человеку надо прочистить у себя на чердаке.

Я засмеялся.

— Я такой сейчас молодой! Ты понимаешь?

Правду сказать, я ощущал то же самое. Я был молод — по крайней мере, если сравнивать с Бастером, но быть террористом — это дело другое. Это возбуждало, радовало, наполняло восторгом. Хорошо мне было в это утро, просто танцевать хотелось, и я знал, что у других так же.

— Ага, — сказал я и кивнул. — Понимаю.

Мы проехали коричневый плакат ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ В БЕВЕРЛИ-ХИЛЛЗ, миновали несколько магазинов импортных автомобилей. Филипп замигал сигналом правого поворота и высунул руку из окна, показывая через крышу на указатель на углу: РОДЕО-ДРАЙВ.

На эту улицу он повернул и припарковался.

Я встал за ним и вышел. Конечно, о Родео-Драйв я слышал, но никогда не был, и это было не совсем то, что я думал. Магазины выглядели обыкновенно, буднично, похожие на магазины в деловой части любого большого города, без того блеска и роскоши, которые ожидаешь от самого эксклюзивного торгового района в мире. Все это вместе было чуть более убого, чем внушала репутация этого места, и, несмотря на имена на вывесках —

Гуччи, Картье, Армани, — я все равно был слегка разочарован.

Филипп подошел к моей машине в сопровождении Дона, Билла и Стива.

— Открывай багажник, — сказал он. — Будем доставать барахло.

— А какой у нас план? — спросил я, открывая багажник.

— Ограбим магазин «Фредерикс».

— «Фредерикс»? — нахмурился я. — Зачем? С какой целью? И куда денем краденое белье?

— Зачем? Для смеха. С какой целью? Показать им, что мы можем. Белье? Оставим себе, что захотим, а остальное выбросим. Подарим. Оставим на улице, отдадим на благотворительность.

— Как Робин Гуд! — встрял Стив.

— Ага, как Робин Гуд. Отберем у известных и отдадим Незаметным. — Филипп вытащил из багажника бензопилу. — «Фредерикс» известен по всей стране, а поскольку он торгует сексуальным бельем, достаточно известен, чтобы попасть в новости. Это будет замечено.

Тут как раз подошли остальные террористы.

— Чего? — спросил Джон. — Грабим «Фредерикса»?

— Ага, — сказал я, беря бейсбольную биту.

— Давайте почистим всю эту гребаную улицу! — предложил Джуниор, и в глазах у него появился блеск, которого я раньше не видел и который мне не слишком понравился.

Филипп отрицательно мотнул головой.

— Копы появятся к тому времени. Мы берем один магазин, делаем, что успеваем, а потом уносим ноги.

Я посмотрел вдоль Родео-Драйв. Уже было больше десяти утра, но все магазины были еще закрыты. Было непонятно, то ли они открываются после полудня, то ли вообще в воскресенье не работают. По тротуару шли две пары и одинокий прохожий. Иногда проезжали машины.

— Поехали, — сказал Филипп. — А то уже поздно. Давайте к делу.

Он шагнул в сторону, и остальные стали брать инструменты из багажника.

Никто из нас не знал, где находится «Фредерикс», и мы пошли по улице, пока не дошли до него. Я не мог избавиться от мысли, до чего у нас нелепый вид — одиннадцать человек в воскресенье утром идут по Родео-Драйв с битами, топорами и бензопилами, — но на нас, как всегда, никто не обратил внимания.

Проехала патрульная полицейская машина, мигнула левым поворотом и свернула в переулок.

Мы остановились посередине квартала перед окном, где очень натуралистические манекены демонстрировали красные набедренные повязочки, кружевные лифчики и черные трусы с отверстием. Все посмотрели на Филиппа. Он кивнул Дону, который держал топор.

— Тебе принадлежит эта честь, — сказал он.

— А что мне...

— Разбей стекло.

Дон встал перед дверью, занес топор и обрушил его на уровне груди. Стекло брызнуло внутрь тысячей осколков. В магазине вспыхнул свет и завывала сирена. Ряды камер наблюдения подозрительно вильнули в нашу сторону. Филипп просунул руку в дыру, открыл замок, толкнул дверь и

вошел. С рамы осыпалось еще несколько осколков стекла.

Филипп ничего не сказал, только включил бензопилу.

Я не знал, собирается ли кто-нибудь другой что-нибудь сделать с этими камерами наблюдения, и потому я подошел к полке, где они стояли, и начал крушить их бейсбольной битой. Незаметные или нет, а после пяти минут видеозаписи нас бы идентифицировали. Закончив с камерами, я огляделся, нашел сирену — белую пластиковую коробочку над примерочными, — подошел, подпрыгнул и разбил ее к чертовой матери.

Когда я обернулся, Филипп распиливал прилавок, уже покончив с кассой. Билл и Дон ломали витрины, Джеймс, Джон и Стив крушили полки, остальные набивали сумки бельем. Я подошел к манекену, отстегнул на нем лифчик и сорвал трусы.

Вдруг Филипп выключил пилу. Тишина упала оглушительно. Мы все посмотрели на него. Он склонил голову, прислушиваясь.

Снаружи с нескольких сторон приближались сирены.

— Быстро они реагируют в приличных районах, — заметил Бастер.

— На улицу! — велел Филипп. — Все на улицу!

Мы быстро выбежали, разбрасывая по дороге свои карточки по полу и по тому, что осталось от прилавка.

— Оставьте инструменты! — командовал Филипп. — Бросайте их, где стоите! Мы не можем позволить себе привлекать внимание — здесь через пару минут копов будет, как грязи.

— А с этим бараклом что делать? — спросил Томми, показывая на свою сумку с бельем.

— Бросай, — сказал Филипп. — Выбрось на улицу. Все, что можешь, — на улицу. Картинка в новостях будет красивее.

Мы набрали по горсти комбинаций и сорочек. Выходя из магазина, мы бросали их в воздух, на тротуар, на мостовую.

Из-за дальнего угла вывернули два полицейских джипа.

— Стоять спокойно, — сказал Филипп. — Непринужденно. Вот они.

На Родео-Драйв мы были единственными пешеходами, но копы нас не заметили. Они пролетели мимо, с визгом затормозили у магазинов напротив «Фредерикса» и вылетели из своих машин, вытаскивая на ходу револьверы. С другой стороны, тоже на полной скорости, вырулили еще два джипа.

Мы ничего не говорили — вообще не разговаривали, и медленно, но уверенно направлялись к своим машинам. Я вынул ключи, открыл свою дверь, сел. Открыл пассажирскую дверь для Бастера. Сквозь ветровое стекло я видел трех полисменов с револьверами в руках. Они входили в магазин, а остальные стояли полукругом перед входом.

Вслед за Филиппом мы повернули за угол и поехали по Сансет туда, откуда приехали.

Дома, в округе Орандж, мы пошли, как всегда, отмечать к «Денниз». Филипп встал на пути нашей обычной официантки, попросил ее принять у нас заказ. Как всегда, она удивилась, когда нас

увидела, и как всегда, приняла и принесла заказ и тут же о нас забыла.

Мы заняли заднюю кабинку, смеясь и громко разговаривая. Мы были горды и рады тем, что мы сделали. На прежних местах работы мы навредили куда больше, куда тщательнее, но ни один из этих инцидентов не имел той рыночной цены, что эта эскапада, и мы продолжали гадать, что творится сейчас в Беверли-Хиллз, что делает полиция, что они прямо сейчас говорят прессе.

Джунитор со смехом описывал особо экзотический предмет белья, на который он наткнулся при грабеже, когда мне вдруг пришла в голову идея.

— А давайте напишем им письмо, — сказал я.

— Мы же оставили карточки, — напомнил Дон.

— Карточки пока еще ни разу не сработали.

Нужно попробовать что-нибудь еще.

Взгляды всех обратились к Филиппу. Он медленно кивнул.

— Неплохая мысль, — признал он. — Нам нужно, чтобы знали, что это мы. Даже если они найдут карточки, будет дополнительная страховка.

— Вот ты и напишешь, — сказал мне Филипп. — Направь его начальнику полиции Беверли-Хиллз. Напиши ему, кто мы, что мы делаем. Ясно дай понять, что мы будем действовать снова. Я хочу, чтобы эти гады про нас знали.

Я кивнул.

— Я хочу его прочесть перед тем, как ты его отправишь.

— О'кей.

Он улыбнулся про себя и кивнул.

— Скоро они все узнают о Террористах Ради Простого Человека.

Разгром «Фредерикса» попал в местные выпуски «Эн-би-си» и «Эй-би-си». Оба репортажа были короткими, с множеством подмигивающих инсинуаций и недостатком фактических деталей, но были помещены на почетном месте и повторены в обоих одиннадцатичасовых выпусках. Я написал оба.

Канал «Си-би-эс» до таких дешевых сенсаций не опустился.

В тот же вечер я написал письмо, Филипп его прочел, мы все подписались, и я его отправил.

Мы ждали.

День. Два. Четыре. Неделю.

Ничего — ни в продолжениях новостей, ни в газетах.

В конце концов я, по указаниям Филиппа, анонимно позвонил в полицейский департамент Беве́рли-Хиллз из уличного автомата. Я признал нашу ответственность за разгром «Фредерикса» от имени Террористов Ради Простого Человека.

Сержант на том конце заржал:

— Молодец, парень! Но мы этих хмырей поймали еще три дня назад. Удачи тебе в следующий раз. И повесил трубку.

Я медленно положил трубку в гнездо. Повернулся к остальным.

— Он сказал, что они поймали тех, кто это сделал. Уже три дня назад.

— Этого не может быть! — воскликнул Джуниор. Стив скривился:

— Позвони им еще раз. Скажи, что они поймали не тех.

Бенджамин

Филипп покачал головой:

— Это все. Дело закрыто.

— Наверное, они не получили моего письма, — сказал я.

— Получили, — тихо сказал Филипп. — Они его просто игнорировали. Этого я и боялся.

Он пошел в «Семь-одиннадцать», а мы остались стоять, смущенные и безмолвные, ожидая его, и нас обтекла вокруг группа вылетевших после занятий школьников. Они бежали туда же поиграть в видеоигры, и на нас не обратили ни малейшего внимания.

Глава шестая

В тот вечер Филипп ушел один и не возвращался почти до рассвета, но вернулся уже в своем обычном виде. Мы ночевали в эту ночь у меня, а утром ушли, еще не решив, где будем завтракать. Я так редко бывал последнее время дома, что ничего не покупал, и еды у меня не было. Как всегда, ситуацию разрешил Филипп.

— У нас три варианта. Можем наскоро перекусить в забегаловке, можем пойти в кофейню. — Он сделал паузу. — А можем добыть себе новые автомобили.

Бастер прищурился:

— Новые автомобили?

Филипп усмехнулся:

— Наши колеса прилично поистрепались. Пора, по-моему, завести себе новые. Я бы ничего не имел против «мерседеса».

— Ты о чем? — спросил Дон. — Чтобы мы украли себе новые машины?

— У меня есть план, — сказал Филипп. — Расскажу за завтраком. — Он оглядел всю группу. — Кто за «Голодного Джека», кто за «Дом блинчиков»?

У него действительно был план. И хороший.

Мы поели в «Международном доме блинчиков», сдвинув два стола в глубине ресторана, и он нам объяснил, что собирается сделать. План был вполне реален, замечательный своей простотой, и заманчив еще и тем, что только мы во всем мире могли его выполнить.

После завтрака мы пошли смотреть автомобили. Магазины дилеров были еще закрыты — до десяти, но это нам не помешало полюбоваться на машины через окна. Мы выехали на Площадь автомобилей — два квартала в городе Серритос, отведенные для торговцев автомобилями. Мы прошли мимо выставочного зала «мазды», продавцов джипов, «порше», «понтиаков», «мерседесов», «ниссанов», «фольксвагенов», «шевроле», «линкольнов» и «кадиллаков». Когда мы миновали стоянку «кадиллака», было уже десять часов, и магазины стали открываться.

— Сюда мы приехали на трех машинах, а здесь сегодня обречем три новых, — сказал Филипп. — Все уже решили, чего хотят? Я по-прежнему за «мерседес». Вот тот светло-синий, что мы видели, мне понравился.

Мы выбрали этот «мерседес», красный джип «рэнглер» и черный «280Z».

Потом разбились на пары. Филипп и я будем брать «мерседес», Билл и Дон возьмут джип, а Джон со Стивом займутся «280Z». Остальные отведут домой старые наши машины.

— А почему без нас? — обиженно спросил Джуниор.

— В следующий раз, — пообещал Филипп.

Мы разделились, и я вместе с Филиппом пошел к дилеру «мерседесов». На всех входящих тут же набрасывались продавцы, но у нас такой проблемы не было. На самом деле Филиппу пришлось отлавливать продавца прямо в офисе. Это был скользкий, низкопробный тип в непомерно дорогом костюме и с внушительным набором толстых золотых колец. Он представился как Крис, энергично и радостно потряс руки нам обоим, спросил, какая машина нас интересует. Филипп показал на тот синий, что мы выбрали.

— Вон та машина.

Крис оглядел его сверху донизу, оценил его джинсы, линялую футболку, ветровку и снисходительно улыбнулся.

— Это наша самая старшая модель. Могут ли я спросить, на какой ценовой диапазон вы ориентируетесь?

Филипп отвернулся:

— Я пришел покупать автомобиль, а не выслушивать замечания по поводу собственной внешности. — Он махнул мне рукой, предлагая следовать за ним. — Пойдем к дилеру «порше».

— Но... но простите... — заленетал продавец, и его фальшивая улыбка погасла.

— Я все равно бросил бы монету. Вы это сделали за меня и попали в «порше». Спасибо. Вы помогли мне сделать выбор.

— Постойте! — отчаянно позвал продавец.

— Да? — холодно оглядел его Филипп.

— Дайте нам второй шанс. Я знаю точно, что вас куда больше устроит «мерседес-бенц», и я вам устрою чертовски хорошую покупку.

Казалось, Филипп минуту раздумывал.

— Ну, ладно, — сказал он. — Давайте сделаем пробную поездку на этой синей малышке.

— Сейчас, сэр. Я только принесу ключи.

Когда Крис исчез в офисе, мы переглянулись, и я отвернулся, чтобы не взорваться смехом.

А продавец, почти запыхавшись, уже летел обратно.

— Давайте покатаемся, мистер?..

— Смит, — сказал Филипп. — Дуг Смит.

Мы прошли к машине, Филипп сел на водительское сиденье, продавец рядом с ним; я сзади. Мы с Филиппом надели ремни безопасности, продавец этого не сделал, явно желая сохранить свободу движений, чтобы показать нам чудеса своей машины. И тут же, естественно, заговорил, повернувшись к Филиппу.

— Кондиционер стандартный. И магнитола тоже.

Филипп тронул машину.

— Выезжайте вон туда, — сказал продавец, показывая на выезд с площадки. — Объедем вокруг квартала.

Филипп последовал его инструкции. Продавец все жужжал о достоинствах автомобиля.

Мы подъехали к светофору.

— Здесь налево, — сказал продавец. Он вцепился в приборную панель, когда Филипп заложил поворот. — Смотрите, как плавно она берет повороты!

Филипп ударил по тормозам.

Крис отлетел в сторону, чуть не вылетев с сиденья, стукнулся головой о мягкую обивку приборной панели.

— Хорошие тормоза, — сказал Филипп.

Продавец, явно потрясенный, забирался обратно на сиденье, пытаясь восстановить профессиональную непринужденность.

— Не надо так рез...

— Вылезай, — сказал Филипп.

— Что?

— У меня пистолет в кармане. Вылезай из этой дурацкой машины, или у тебя в брюхе появится лишняя дырка.

Филипп сунул руку в карман ветровки и там держал, оттопыривая карман пальцем.

Из голоса продавца исчез малейший намек на елейность. Это был перепуганный младенец, и он просто лепетал, возясь с дверным замком.

— Только не убивайте меня... я уйду... берите машину... только не надо... только не стреляйте...

Он сумел наконец открыть дверь и выпал наружу, закрыв дверь за собой.

Филипп тронулся с места.

Гоня по улице к фривею, он смеялся:

— Ну и мудак!

Сквозь заднее стекло я видел, как продавец убегает по тротуару от нас подальше.

— Как ты думаешь, он нас запомнил? — Тут я посмотрел вперед и увидел в зеркале глаза Филиппа. — Ох, прости. Дурацкий вопрос.

Из владельцев новых автомобилей мы были первыми, кто приехал к дому Билла, где мы договорились встретиться. Остальные уже были там и стояли у крыльца, а увидев новый «мер-

седес», бросились через лужайку рассмотреть его поближе.

Примерно через пятнадцать минут прибыли Джон и Стив на своем «280Z», и почти сразу за ними — Билл и Дон на джипе.

Дон потрепал джип по капоту:

— Мы поднимаемся по общественной лестнице.

Филипп пошел в дом взять пиво, потом вышел, глотая прямо из бутылки. Он встал рядом с Джуниором, оглядел новые машины и покачал головой.

— Знаете, ребята, — сказал он, — это стыд и срам — дать простаивать этим новым колесам. Давайте пристроим их к делу.

— Поедем кататься! — предложил Джон.

— Я думал о чем-нибудь более подобающем Террористам Ради Простого Человека.

— Например? — спросил Пит.

— Например, ограбить парочку банков.

Молчание.

— Банков? — нервно переспросил Джеймс.

— Ну, банкоматов. Без разницы.

Никто ничего не сказал.

— Вы что, кучка старух? Давайте, слабаки, подбодритесь! Мы только что украли на сто тысяч долларов машин, и вы боитесь вытащить несколько купюр из банкомата?

— Грабить банк? — переспросил Джеймс.

— А ты думаешь, мы сможем?

— Сможем, — сказал я. — Мы убивали, и нас не поймали. Мы громили помещения, мы воровали в магазинах, мы грабили на Родео-Драйв. И уж точно можем подломить пару банкоматов.

— Это так, — признал Джеймс.

— Вроде бы он правду говорит, — согласился Стив. Джуниор испустил вопль:

— Давай!

— Давай, — согласился Филипп.

Сначала мы заехали в скобяную лавку и вышли с молотами и ломами, пройдя через задний вход. Потом мы поехали по округу Орандж, выбирая банки в малолюдных, незаметных районах, у которых банкоматы были бы скрыты деревьями и кустарниками. Под предводительством Филиппа мы шли прямо к банкоматам, отпихивали в сторону всех, кто там был, и колотили по ящикам молотами. В этот момент обычно включалась сирена, и другие клиенты разбегались, но мы продолжали лупить, пока не отлетала к чертовой матери вся передняя стенка, мы забирали деньги, оставляли свои карточки и спокойно рассаживались по машинам.

За первый день мы сделали шесть банков.

За второй еще десять.

И добыли где-то около сорока тысяч долларов.

Их мы поделили и положили на депозит уже в свои банки.

Ограбление банкоматов — это были серьезные события, настоящие новости, и о нас стали постоянно появляться статьи в газетах, мы смотрели по телевизору, как рассказывают о наших налетах на банки. Это было жутковато. Были люди, которые видели, как мы совершали преступления, наблюдали, что мы делали, и они ничего не помнили. Кое-кто вспоминал, что видел группу людей, но не мог сказать ничего конкретного. Некоторые просто сочиняли — обычно пожилые белые настоя-

щие мужчины, которые неизменно упоминали черную или испаноязычную банду.

— Ага! — глумился в таких случаях Филипп, бросаясь в телевизор отломками крендельков. — Валите все на меньшинства!

Мы сильнее занервничали, когда через несколько дней показали арест полицией двух латиноамериканцев за совершенные нами ограбления. Это были крутые на вид ребята, явно не самые законопослушные граждане, и если бы я не знал правды, я бы вполне поверил.

Я вспомнил «Фредерикс» — как там «поймали» тех «хмырей».

— Я так понимаю, что они нашли козлов отпущения, — спокойно сказал Джеймс.

— Ну и хрен с ними, — сказал Филипп. — А мы покажем, что эти ребята ни при чем. Подложим еще несколько банкоматов.

— Когда-нибудь нас заснимет одна из этих сторожевых видеокамер, — сказал Дон. — И что тогда будем делать?

— У них уже есть наши портреты. Но никто не может вспомнить, как мы выглядим. Так что не волнуйся.

На следующий день мы ограбили три банкомата, все в Лонг-Биче, а вечером у меня дома смотрели новости, подготовив видик для записи. Ограбление банкоматов не было главной новостью — около кинотеатра «Вествуд», где показывали новый гангстерский фильм, произошла перестрелка, — но попали на второе место, и представитель полиции с явной досадой признал, что арестованных вчера в связи с этим преступлением сейчас освобождают.

— Утерли мы им нос, — улыбнулся Филипп.

— Но нас все равно не признают, — напомнил я. — Мы устроили целую эпидемию преступлений, и все равно к нам их не относят.

— Может, полиция не хочет сообщать наши имена по новостям, — предположил Бастер. — Может, они не хотят давать нам рекламы.

— Может быть, — согласился я.

Джеймс сидел в кресле, задумчиво глядя в телевизор, а камера показывала, как полиция в Комптоне окружает подозреваемых в распространении наркотиков.

— А знаете, — сказал он, ткнув в телевизор, — мы могли бы эту проблему решить.

— Что? — повернулся к нему Филипп.

— Мы можем попасть туда, куда даже копы не попадут. Мы можем войти, собрать оружие и наркотики и выйти.

— Дурак, мы же не супергерои. Мы средние, не запоминающиеся, не оставляющие впечатления, но мы же, мать твою, не невидимки!

— Чего ты вскинулся? — спросил я у Филиппа. — Он же только предложил.

Он повернулся ко мне, и наши взгляды встретились. Мне показалось, будто он ожидал, что я пойму, отчего он рассердился, что его беспокоило, но я ничего не понимал, и потому отвел глаза в сторону.

Кажется, я чего-то не заметил.

— Что с тобой? — спросил я.

— Ничего.

Вдруг у него сделался очень усталый, измотанный вид.

— Увидимся утром, ребята, — вяло сказал он. — Я спать пошел.

Никто ничего не успел сказать, а он уже пошел в спальню.

— Что за чертовщина? — озадаченно посмотрел Томми ему вслед.

Я пожал плечами:

— Понятия не имею.

Джон заговорщицки огляделся.

— Ты думаешь он... того?

Он постучал себя по лбу и закатил глаза.

Джуниор посмотрел на него с отвращением:

— Заткнулся бы ты.

Я пошел в кухню, вытащил из холодильника банку пива, открыл и выпил. У меня горело лицо, и его приятно обдувала прохлада из холодильника.

В кухню вошел Стив.

— А можно и мне?

Я вытащил банку и протянул ему..

Он минуту постоял, вертя ее в руках.

— Слушай, — сказал он, помолчав. — Я знаю, что ты об этом думаешь, но мог бы ты пересмотреть свою точку зрения?

Я выглянул из-за дверцы холодильника.

— На что?

— На изнасилования. — Он протянул руку, предупреждая мой ответ. — Я знаю, что ты хочешь сказать, но ты посмотри на это с нашей стороны. Уже много времени прошло, как у нас совсем не было секса. Его всегда бывало немного, если уж на то пошло. И ты знаешь, о чем я говорю. Ты знаешь, каково это. — Он помолчал. — Я чего говорю... не отнимай нашу единственную возмож-

ность. Филипп тебя слушает. И потому он наложил табу на секс — потому что ты против.

Я вздохнул. Совсем не хотелось мне сейчас в это лезть снова.

— Я не против секса. Я против изнасилований.

— Ладно, тебе же не обязательно в этом участвовать. Ты даже знать не будешь, когда мы это будем делать. Если хочешь, мы от тебя будем скрываться. Только не... не заставляй нас вести себя точно так, как ты. — Он снова помолчал. — Некоторые женщины любят насилие. Какая-нибудь жирная корова, которая знает, что иного секса у нее не будет. Она нам еще спасибо скажет. Ей понравится.

— Тогда спроси ее, хочет ли она. Если она согласна, то нет проблем.

— Но она же не будет согласна. Остальной мир... они не так раскованны, как мы. Они не могут чувствовать то, что мы, они должны говорить то, что от них ждут. Вот эта жирная корова — она наверняка фантазирует, как ее зажмет группа молодых здоровых жеребцов вроде нас.

Он улыбнулся, пытаясь сделать свою улыбку победительной, но вышла она болезненной и жалкой.

Я посмотрел на Стива, и мне его стало жаль. Он говорил всерьез и сам верил в свои доводы. Для него серьезная теория Филиппа о нашем существовании и назначении была не более чем оправданием его ничтожных действий и мелких желаний. Очень ограничен был его ум, его мир и его кругозор.

«Может быть, вообще нет никакого предназначения», — подумал я. Может, нет причины у всего этого. И остальные правы, что мы должны делать

все что хотим, просто потому, что мы это можем. Может быть, нам и не полагается тормозов, искусственно наложенных ограничений.

Стив все еще крутил пивную банку, нервно ожидая моего ответа. Он и в самом деле верил, что живет без секса потому, что я против изнасилований. Я посмотрел на него. Да, между нами были различия. Большие различия. Оба мы были Незаметные, и во многом — почти во всем — одинаковы, но в наших системах ценностей, в наших убеждениях много было определено разного.

С другой стороны, вот я: убийца, вор, террорист. Кто я такой, чтобы наводить мораль? Кто я такой, чтобы говорить своим собратьям: делай то, не делай того? Я захлопнул дверцу холодильника.

— Вперед, — сказал я Стиву. — Насилуй хоть всю улицу.

Он посмотрел на меня с удивлением:

— Правда? Ты не шутишь?

— Трахай кого хочешь. Это не мое собачье дело.

Он расплылся в улыбке и хлопнул меня по плечу.

— Ты герой и настоящий мужчина!

Я вяло улыбнулся:

— Знаю.

Мы вернулись в гостиную.

На следующее утро мы проснулись, позавтракали на скорую руку, поехали побродить по торговым рядам и попали на утренний сеанс дерьмового научно-фантастического фильма. Когда он кончился, мы вышли на солнечный свет. Филипп заморгал, вытаскил темные очки и надел. После минутной паузы он предложил:

— Поехали ко мне.

Мы вдруг затихли.

К нему домой.

К Филиппу.

Я видел, что другие поражены не меньше меня. За последние месяцы мы постепенно привыкли гостить друг у друга. У каждого, кроме Филиппа. Конечно, для этого были причины. Хорошие причины. Логичные. Но у меня всегда было чувство, что Филипп *подстраивал* так, чтобы к нему заезжать оказывалось неудобным, что он, по какой-то странной причине, не хочет, чтобы мы видели, где он живет. Подозреваю, что это чувство было у всех.

Филипп лукаво покосился на меня:

— Если не хочешь, можем поехать к тебе.

— Нет-нет, — торопливо возразил я. — К тебе — это отлично.

Он хихикнул, явно радуясь моему остолбенелому удивлению.

— Я так и думал.

И мы поехали к нему.

Не знаю, чего я ожидал, но это был не одинокий дом при дороге. Дом стоял в Анахейме, в типично среднем районе, окруженный рядами других домов точно такого же вида. Филипп заехал на подъездную дорожку, припарковался, и я встал за ним. Остальные поставили машины на улице.

Я был... ну, разочарован. После всех этих ожиданий, этой таинственности, я ожидал чего-то другого. Чего-то большего. Чего-то лучшего. Чего-то, что действительно стоило бы тайны.

А может, именно поэтому он и тайлся.

Не дожидаясь нас, Филипп вышел из машины, прошел к двери, открыл ее и вошел. Я поспешил за ним.

Интерьер дома был столь же разочаровывающим. И даже более, если это возможно. В большой тусклой гостиной было удручающе мало мебели. Были часы и лампа на простом фанерном столе, неопределенного вида диван, длинный неотделанный кофейный столик и телевизор в деревянном ящике. Точка. На стене висела одна картина — из тех, что продаются прямо с рамами: мальчик идет по сельской дорожке с удочкой на плече, а рядом с ним бежит собака. Других украшений в комнате не было. Все это было чем-то неприятно похоже на что-то из старого дома моих бабушки с дедушкой.

Я ничего не сказал и попытался не выразить эти чувства на своем лице, но внутри у меня была странная пустота. И неприятное, незваное, мелкое чувство превосходства. Я-то думал, что вкус Филиппа будет... отличаться. Будет смелее, новее, моложе. Экстравагантнее, ярче. Что-то в этом роде. Я не ожидал увидеть дом старой леди с мебелью в стиле Джунa Кливера и с его оглушающей ординарностью.

— Сейчас вернусь, — сказал Филипп и вышел в холл.

Я кивнул. Остальные террористы вошли за мной. И ничего не сказали. Только Бастер разливался, как ему здесь нравится. Я видел, как Джеймс закатил глаза к небу.

Вернулся Филипп.

— Будьте как дома, ребята. В холодильнике есть чего поесть и выпить. А мне только надо кое-что сделать.

Он снова исчез в холле, а Джуниор, Томми и Пит пошли на кухню. Джон включил телевизор, нашел дневное ток-шоу. Я сел на диван.

Рядом со мной на полу, наполовину задвинутая под стол, лежала пачка исписанных листов из блокнота. Верхний лист был похож на черновик отчета или доклада. Я нагнулся, поднял лист и прочел, что осталось после зачеркиваний и вставок: «Мы — благословенные. Нам показали, что мы — ненужные, использованные, выброшенные. Мы освобождены для других, более великих дел».

Это была речь, которую Филипп в тот первый день произнес в «Деннизе». Яркий, взволнованный, вдохновенный экспромт.

Он ее всю написал заранее и выучил.

Я поднял остальные листы и пробежал по строкам: «Мы одной крови. Наши жизни шли параллельными путями»... «Изнасилование — наше законное оружие»... «Такие конторы и сделали нас тем, что мы есть. Против них мы должны направить наш удар».

Почти все, что он нам говорил, каждый приведенный им аргумент, каждая изложенная им идея — все было здесь, в пачке бумаг, заготовленное и записанное.

Из кухни вернулись Джуниор, Томми и Пит с банками кока-колы в руках.

— Пива нет, — сообщил Джуниор. — Взяли, что есть.

Осторожно и незаметно я положил бумаги на пол, где они лежали. Внутри меня был холод и пустота. Я все еще уважал Филиппа, все еще считал, что он среди нас единственный, у которого есть идеи и общий взгляд, воля и смелость проводить их в жизнь, но что-то было печальное и жалкое в том, как он готовил свои речи в этом старушечь-

ем доме; это меня удручало, и ничего с этим я поделать не мог.

Через пару минут появился из холла Филипп с двумя уложенными чемоданами.

— Порядок, — сказал он. — Я готов. Поехали.

— Поехали? — спросил я. — Куда?

— Куда-нибудь. С этим всем покончено. Время отсюда двигаться.

Я посмотрел на Джеймса, Стива и других. Они были так же удивлены и захвачены врасплох, как и я. Я снова повернулся к Филиппу:

— Ты хочешь переехать? В другой дом?

— Идея неплохая. Но я не об этом. Я хочу путешествовать.

— Путешествовать?

— Я думаю, нам всем надо поездить.

— Зачем?

— Последнее время мы слишком шустрили. Надо бы передохнуть и дать волнам улечься. Мы стали привлекать к себе внимание.

— Но это же и была наша цель!

— Не то внимание.

— Что все это значит?

Он посмотрел на меня серьезно и многозначительно, и я понял, что он не хочет говорить об этом при остальных.

— Это значит, что мы берем отпуск.

— Как надолго? — спросил Бастер.

Филипп покачал головой.

— Не знаю.

Мы все молчали. Я представил себе, как мы снимаемся, переезжаем в какой-нибудь маленький город на северо-западе, в поселок лесорубов, где жизнь течет медленно и все друг друга знают.

Я подумал, будем мы сливаться с фоном повсюду или только в больших городах? Не получится ли, что жители малого городка в конце концов будут нас знать? Заметят?

Вряд ли.

— Поехали, — сказал Филипп. — Заедем к каждому. Возьмете то, что вам нужно и что поместится в машины — и в дорогу.

— Куда? — спросил Пит.

— Неважно.

— На север, — сказал я.

Филипп согласно кивнул:

— На север так на север.

Мы решили, что каждый возьмет не больше двух чемоданов — это легко входило в багажники автомобилей. Сначала мы заехали к Томми, Джеймсу, Джону и Джуниору, а потом ко мне. Я не знал, что мне взять, но не хотел терять времени на обдумывание, и потому быстро просмотрел шкафы, пробежался по полкам, взял шампунь, трусы, рубашки и носки. В шкафу мне попалась та самая пара старых трусов Джейн, и меня окатила волна ностальгии, или меланхолии, или чего-то в этом роде, голова закружилась, мне даже пришлось присесть на кровать. Я взял трусы, повертел в пальцах. Неизвестно, где теперь Джейн. Я пытался позвонить ее родителям через неделю после похода к их дому, но ответил ее отец, и я повесил трубку.

Мне хотелось бы сейчас с ней связаться и дать ей знать, что я уезжаю. Глупо, но почему-то мне это было важно.

— Ты скоро? — крикнул Билл из гостиной.

— Скоро!

Я встал, бросил трусы в чемодан и закрыл его.

Потом оглядел комнату в последний раз. Я не знал, действительно ли мы уезжаем на время, пока буря не уляжется, или это насовсем и я никогда больше этой комнаты не увижу. При этой мысли меня охватила неуместная грусть. Здесь оставалось столько воспоминаний, и мне на глаза навернулись слезы.

— Боб! — позвал Джонс.

— Иду!

Я бросил последний взгляд вокруг, закрыл чемоданы, подхватил их и быстро вышел.

Глава седьмая

Мы уехали на три месяца.

Сначала мы поехали на север по всей Калифорнии, останавливаясь у туристских достопримечательностей. Зашли в Сан-Симеон, бесплатно прицепившись к группе платных туристов. Посетили Уинчестер Мистери Хаус, незаметно отделились от туристской группы и провели в старом замке несколько ночей. Заехали в Санта-Круз покататься на русских горках, остановились в Бодега-Бэй посмотреть на птиц.

Почти все время мы жили в мотелях — этих величественных памятниках безликости. Мы ни разу не видели ни поваров, готовящих нашу еду, ни горничных, которые ее приносили. И когда они меняли у нас полотенца или стелили кровати, нас тоже не было.

Сами комнаты были тоже взаимозаменяемы, отделаны безымянными фирмами, которые выпол-

няли заказы оптом. Всегда там были одинаковые двуспальные кровати, рядом хорошо закрепленный торшер, длинный ящик для белья и на нем телевизор на шарнире, закрепленный болтами. И неизменная Библия.

Я хотел все это ненавидеть; знал, что следовало бы, но не мог. Я это любил. Как и все мы. Нам не надоедала ни еда, ни обстановка. Это была наша среда, наша родная стихия, и мы ею наслаждались. Обыкновенное, среднее, стандартное, это было то, где нам уютно, и, хотя мы не лезли в пятизвездочные отели и держались мотелей со скромными ценами, с нашей точки зрения, мы просто попали в рай для свиней.

Мы не платили за еду или проживание, но если не считать этого и прихваченных мелких сувениров, свою незаконную деятельность приостановили. Мы в самом деле были в отпуске — и от нашей обычной жизни, и от роли террористов, и это было здорово.

Мы переехали в Орегон через Вашингтон, потом в Канаду, потом повернули назад. Я никогда не выезжал из Калифорнии, и мне интересно было побывать за пределами штата. Я видел то, чего раньше не видал, о чем только читал, и теперь я стал более развитым, более космополитичным, и это было мне приятно.

Мне понравилось путешествовать, бывать во всех этих местах, но главным были наши ночные разговоры, которые давали мне ощущение цели в жизни. Потому что именно в них впервые мы стали обсуждать, кто мы такие, зачем мы, как себя ощущаем, что это такое — быть Незаметным. Мы пытались найти смысл своего существования, и

уже не Филипп рассказывал нам, что мы должны чувствовать, но каждый из нас выражал свои чувства и мысли, и этот смысл жизни мы искали все вместе.

Я никогда до того не бывал частью группы, никогда не принадлежал клике или кружку, и это было ново и хорошо. Теперь я понял, что находят люди в командах и братствах, какую ощущают связь с единомышленниками, и это тоже было чудесно. Я был свободен быть самим собой, потому что я был среди людей, имеющих одни со мной чувства. Атмосфера была дружеской и свободной. Мы говорили серьезно и честно, но не торжественно и напыщенно, и нам было весело друг с другом. Часто мы хвастались друг другу сексуальными подвигами — юношеская, школьническая манера преувеличений. Все мы знали, что во всем этом нет ни слова правды, и это могло бы выглядеть жалко в нашем возрасте, но почему-то так нам было лучше. Филипп, бывало, оттягивал штанину ниже колена, делая вид, что дотуда свисает его член, и говорил:

— За что Господь благословил меня таким?

А Бастер отвечал:

— Вот этим карандашиком? Когда я ложусь, собаки путают его с пожарным шлангом.

И мы все ржали.

Мы так часто были вместе и так редко порознь, что у меня долго не было возможности спросить Филиппа, почему на самом деле он хотел увезти нас из Южной Калифорнии. Несколько раз было у меня искушение его спросить, но всегда при этом нас могли услышать остальные, а я помнил, как он посмотрел на меня там, у себя дома, и каж-

дый раз я откладывал вопрос до более удобного случая.

Такой случай настал наконец возле Маунт-Шаста. В этот раз *все* остальные отправились на прогулку по тропе, а Филипп остался в машине и разглядывал карту, решая, куда ехать дальше. Я остался с ним и дождался, пока все не скроются из виду.

— Так почему, — спросил я, — на самом деле мы сюда поехали?

Он сложил карту и посмотрел на меня.

— Я все гадал, когда ты задашь мне этот вопрос.

— Сейчас и задаю.

Он медленно и задумчиво покачал головой.

— Сам не знаю.

— Знаешь.

— Честное слово, не знаю. По-настоящему. Просто было у меня такое чувство... — Он сам себя перебил: — Бывают у тебя такие вроде наплывы интуиции или... предчувствия? Когда ты знаешь, что вот-вот что-то случится, и так оно и бывает?

Я покачал головой.

Он облизал губы:

— А у меня бывает. Я не знаю, совпадения это или что, но иногда бывает у меня такое чувство... Как в тот раз, когда я убил своего босса. Я уже за месяц до того это знал, еще раньше, чем мне этого захотелось, и так, конечно, и случилось. И потом — когда я тебя встретил. Что-то меня заставило в тот день поехать на Сауз-Коаст-Плаза. Что — не знаю. А когда я приехал, та же интуиция подсказала мне кого-то искать. Будто... будто меня что-то вело.

Я рассмеялся:

— У тебя развивается мания мессианства!

— Может быть, — согласился он.

Я перестал улыбаться:

— Я же пошутил!

— А я — нет. — Он посмотрел на меня: — Иногда бывает у меня такое чувство. Будто я — человек, на которого нагрузили роль бога, а я к ней не готов. — Он закрыл дверь и запер ее. — В общем, поэтому я и решил организовать эту поездку. Что-то мне подсказало, что пора сматывать удочки. Было такое смутное ощущение, что за нами наблюдают, что кто-то подбирается к нам, и нам надо отсюда убраться. Я не знал, на какое время, чувствовал только, что надо ехать. И быстро.

— Кто же, по-твоему, мог к нам подбираться? Копы?

— Может быть.

Он пожал плечами.

— Но ты так не думаешь.

Он снова посмотрел на меня:

— Нет, я так не думаю.

— А мы вернуться собираемся хоть когда-нибудь?

— Ага, — ответил он. — Скоро. Я думаю, все должно было уже затихнуть. Через месяц-другой будет уже безопасно.

Мы пошли вдоль перил туда, куда скрылись наши товарищи. Шагая по земляным ступенькам, я посмотрел на Филиппа.

— Слушай, вот твой дом... — начал я.

— Да?

— Это был дом твоей матери?

— Нет, мой. Я его купил.

— Тогда извини. Просто у него такой вид, что он мог бы быть домом твоих родителей.

Наступила пауза.

— А где твоя мать? — спросил я.

— Не знаю.

— Ладно, а когда ты последний раз ее видел?

— Не знаю.

— А отец? .

— Я не хочу об этом говорить.

Дальше мы пошли молча, только гравий тропы поскрипывал под ногами, да иногда доносился дальний птичий крик.

— Я — Незаметный, — сказал Филипп. — И ты — Незаметный. И такими мы были всегда. Не ищи ответов в детстве или в семье. Их там нет.

Я кивнул и ничего не сказал.

Впереди на тропе показались наши товарищи, и мы поспешили их догнать.

К нашей группе добавились два новичка.

Пола мы выбрали в Йосемите по дороге домой. Он стоял на мостках под водопадом, голый, как олень, и орал ругательства во всю глотку. Через мостки шел постоянный поток туристов, разглядывающих и фотографирующих водопад. Люди из других штатов, других стран. Англичане, немцы, японцы.

А Пол стоял посередине, и член с яйцами у него болтались при каждом его прыжке. И орал ругательства.

Мы постояли минуту у начала моста, глядя на него.

— Забавно, — сказал Филипп. — Они на него налетают, а он им в уши орет, а они все равно его не видят.

Стив и Билл ржали. Будто никогда в жизни не видели ничего смешнее.

А мне это казалось нереальным, будто я смотрю фильм Дэвида Линча. Человек стоял на мосту, голый и вполне видимый, а туристы в шортах шли мимо, налетали на него, не замечая, даже иногда небрежно отодвигали в сторону, чтобы не закрывал кадр. Шум водопада оглушал, не давая разговаривать, но что странно, в унисон с движением рта голого доносилось одно и то же явно слышимое непристойное слово.

Это был очевидный крик о помощи, отчаянная мольба доведенного до крайности человека, чтобы его заметили, и я подумал, что если бы мы все не нашли друг друга, если бы террористы не собрались вместе, это мог бы быть любой из нас.

— Он свихнулся, — сказал Джеймс. Кажется, он тоже понял серьезность ситуации. — Он свихнулся окончательно.

Я кивнул.

— Нет, — сказал Филипп.

Он пошел с потоком туристов на мост и подошел к этому человеку. Он заговорил с ним, сказав что-то, чего мы не расслышали. И тут же человек перестал вопить и заплакал, всхлипывая и смеясь одновременно. Он обнял Филиппа, и все тело его трясло.

Филипп увел его с моста.

Человек вытер слезы руками, вытер нос о то место, где мог бы быть рукав, и тут он увидел нас. Он посмотрел на нас на всех по очереди, и тут на его лице появилось понимание.

— Вы что... все Незаметные?

Мы кивнули.

Человек упал на колени, снова заплакал, выкрикивая между всхлипами: «Слава Богу!»

— Ты не одинок, — сказал ему Филипп, кладя ему руку на плечо. Человек поднял глаза. — Его зовут Пол, — обратился к нам Филипп.

Пол не свихнулся, как подумали было мы с Джеймсом. Ему действительно не просто было приспособиться — он уже слишком давно был один, — но когда мы вернулись в Южную Калифорнию, он уже совсем оправился.

Нашего второго рекрута мы нашли, когда вернулись в округ Орандж.

В первый раз мы его увидели в торговом ряду Бри где-то через неделю после возвращения. Он сидел на полу возле полок книжного магазина и читал «Пентхауз». Он был молод, не старше девятнадцати или двадцати, одет он был в футболку и джинсы, а длинные волосы были связаны в пучок на затылке. Мы шли за едой, когда Филипп его заметил и вдруг остановился. Не заходя в магазин, он смотрел на этого человека, явно замечаящего наше присутствие: он поднял глаза и стал смотреть на нас.

— Еще один, — сказал Филипп. — Посмотрим, на какой он стадии. — Он велел остальным идти дальше, а меня попросил остаться с ним. — Встретимся через полчаса в продуктовом.

Как только остальные ушли, Филипп вошел в магазин, подошел к стойке журналов и взял номер «Пипл». Молодой человек в панике засунул свой «Пентхауз» обратно на полку и выбежал.

— Вот такой и ты был сначала, — сказал Филипп, откладывая журнал. — Пошли. Проследим за ним.

Это оказалось неожиданно легко. Он пытался ускользнуть от нас почти как персонаж мультфильма. Быстро протискиваясь сквозь толпу покупателей, он постоянно оглядывался через плечо — не идем ли мы за ним, он прятался за парочками и группами подростков и тут же выглядывал, не видим ли мы его.

Я должен признать, что сам его страх дал мне щекочущее нервы ощущение силы, собственной значимости и превосходства. Я шел по рядам уверенно, с гипертрофированной оценкой собственного авторитета, и сам себе казался персонажем Арнольда Шварценеггера, медленно и неуклонно идущего по следам врага.

— Он еще не прошел инициации, — сказал Филипп, пока мы шли за парнем через «Зирс». — Он еще не стал одним из нас.

— Инициации?

— Он еще не убил.

Человек выскочил из «Зирса» и побежал по первому пролету автостоянки. Я чуть не побежал за ним, но Филипп остановил меня протянутой поперек груди рукой:

— Не надо. Ты его не поймашь. Лучше постарайся запомнить его машину.

Мы стояли на тротуаре перед магазином. Человек нырнул между двумя машинами примерно в середине пролета, и через секунду желтый «Фольксваген»-жук выехал оттуда.

— Он проедет мимо нас, — сказал Филипп. — Он хочет нас увидеть. Постарайся запомнить номер.

И точно, вместо того чтобы выехать в другую сторону пролета, он промчался мимо нас. За секунду до поворота я увидел за ветровым стек-

лом глядящие на меня дикие глаза из-под широкого лба.

И он исчез.

— Ты запомнил номер?

— Частично, — ответил я. — ПТЛ-что-то. Кажется, следующая цифра — пять, но не уверен. Точно не шесть.

— Довольно близко. Я заметил у него на бампере наклейку парковки Фуллертон-колледжа. Найти на парковке Фуллертон-колледжа желтого «жука» с номером, начинающимся с ПТЛ, проще простого.

Мы пошли обратно в торговые ряды, через «Зирс» к продуктовым магазинам.

— А откуда ты знаешь, что он еще не убил своего босса? — спросил я.

— Это видно. Во время инициации что-то происходит. На физическом или биологическом уровне. Что-то меняется внутри нас при убийстве. Чувствуется разница в образе действий. Не могу объяснить, но я это знаю. Это вещь реальная, конкретная. — Мы заметили своих товарищей, и Филипп поманил их к нам. — Мы будем следить за этим парнем, держать его под наблюдением. Через пару недель или чуть больше он будет готов вступить в наше братство.

— Ты же о нем ничего не знаешь, — усомнился я. — Ты не знаешь ни его, ни его семьи, ни положения на работе. Откуда ты знаешь, что он убьет босса?

— Мы все это делаем, — сказал Филипп с оттенком грусти в голосе. — Все.

Примерно через неделю мы стояли возле автостоянки Фуллертон-колледжа. «Фольксваген» мы

нашли без проблем, и сейчас все ждали по своим машинам, а Томми, самый молодой из нас, стоял возле «жука».

Через пару минут после полудня со стороны математического факультета прошел человек со стопкой книг под мышкой. Оттуда же шли еще студенты, группами и по двое, но наш человек шел один.

Он дошел до «фольксвагена» и открыл дверь.

— Эй! — позвал Томми. — Это твоя машина?

Человек посмотрел на Томми. На его лице сменяли друг друга противоречивые чувства: удивление, облегчение, страх. Победил страх, и не успел Томми ничего к своим словам добавить, тот прыгнул в машину, захлопнул дверцу и завел мотор.

— погоди! — крикнул ему Томми.

Но тот уже поехал.

Мы все повыходили из своих укрытий.

— Он созревает, — сказал Филипп. — В следующий раз он уже будет готов.

По чистому везению мы выбрали день удачно. Примерно через две недели мы пришли на ту же автостоянку. На этот раз этот человек был не на занятиях, а сидел в машине.

И на его лице была маска Франкенштейна.

У меня по спине пробежал холодок. Я точно знал, что он собирается сделать. Я знал, что он чувствует, что испытывает, но было странно смотреть на это со стороны. Как будто я смотрел кино о том, как сам подстерегал Стюарта. Я помнил, как одинок тогда был — как думал, что одинок, — как уговаривал себя, что я невидим, и знал, что с этим парнем сейчас то же самое. Он не догадывался, что мы за ним наблюдаем, но мы знали,

что он собирается сделать, и ждали, пока он это сделает.

Я хотел подойти к его машине, сказать ему, что он не одинок, что я и все другие уже через это прошли. Но я знал и то, что Филипп был прав: это то, через что он должен пройти сам. Это его посвящение.

Он вылез из «жука», стискивая обрез охотничьего ружья.

Мы смотрели, как он идет через стоянку к корпусам.

Через несколько минут из одного здания донесся громоподобный выстрел охотничьего ружья, и почти сразу за ним — еще один. Приглушенно, издалека, будто из-под глубокой воды, долетели крики.

— О'кей, — сказал Филипп, — я останусь здесь. Вы меня ждите у «Денниза». Я с ним поговорю и приведу его с собой.

Мы кивнули, Стив сказал:

— Ладно.

В зеркале заднего вида «бьюика» я увидел человека, оглушенного и потерянного, выходящего на автостоянку и все еще не снявшего маску Франкенштейна. Обрез он уже где-то бросил.

Филипп пошел к нему, улыбаясь и махая рукой.

Когда через час они приехали к «Деннизу», он уже был одним из нас.

Его звали Тим, и он влился в нашу группу так же быстро и удачно, как в свое время я. Он понимал нас, он был одним из нас, и он стал энтузиастом Террора Ради Простого Человека. Он считал это выдающейся идеей.

Еще он нам нашел место, где жить.

После своего возвращения мы жили по разным отелям и мотелям. Филипп не хотел, чтобы мы вернулись по своим прежним домам; считая, что это может быть небезопасно, и мы искали новое место, где могли бы жить все вместе.

Тим нам рассказал, что живет в модельном доме уже два месяца.

— Там построили квартал Чепмена в Орандже — там, где он переходит через холм в сторону Ирвайна. Днем там довольно противно, потому что все время народ мимо топает, но ночью там пусто и отлично. Он меблирован в стиле «Архитектурный дизайн», и ванная великолепная с бассейном в полу. Жить там — класс. Мой дом — в тупике с еще четырьмя такими же. Все двухэтажные, в каждом от трех до шести спален. Можем просто занять их все.

— Звучит заманчиво, — сказал я.

— Отличное место, и там есть ворота, чтобы хулиганы не лазили. Жить там хорошо.

— Да, звучит приятно, — согласился Филипп. — Давайте посмотрим.

Был будний день, и никто не занимался покупкой домов, но через офис продавцов мы все равно прошли незамеченными. Все мы взяли по рекламному проспекту и прошли в тупик посмотреть нашу первую модель.

Все дома были чудесные, все очень дорогие и дорого обставленные. Всего было пять больших домов, а нас тринадцать, и потому жизненного пространства хватало. Филипп выбрал самый большой из домов, где жил Тим, и сказал, что будет там жить с Тимом и Полом, чтобы быть под рукой, если им понадобится помощь или возникнут

вопросы. Мы с Джеймсом и Джоном поселились в соседнем доме псевдотюдоровского стиля.

Потом мы поехали туда, где остановились — «Холидей инн» в Тастине, — и собрали вещи. Дело шло к вечеру. Уже было начало шестого, и я хотел вернуться прямо домой, но Джеймс еще решил пробежаться по магазинам, а Джон — поехать к Стиву и прихватить его фургон, который все еще оставался в нашем прошлом мотеле, так что я дал Джеймсу ключи от машины и поехал с Джуниором на его новом «ягуаре», который он добыл в нашем последнем налете.

Мы с Джуниором поехали в свой новый дом и вытащили из тесного багажника чемоданы.

— У тебя в отеле что-нибудь осталось? — спросил он.

— Еще чемодан.

— У меня тоже. Съездим завтра?

Я кивнул.

— Тогда я тебя прихвачу по дороге.

— Пока.

— Пока.

Я шел к своему новому дому по пустому тротуару. Начинало темнеть, автоматический таймер, который включал уличные фонари, сработал, включив фонарь перед подъездом и освещенные подъездной дорожки.

Тим говорил, что сопрет ключи от домов в конторе продавцов, и теперь ключ от дома торчал в замке. Я их вытащил, нажал на увеличенную защелку и вошел.

В свой дом.

Точнее, наш дом. Но почему-то я думал о нем как о своем доме, а о Джоне и Джеймсе — как о своих гостях.

Поставив чемодан в вестибюле, я щелкнул выключателем. Зажглись скрытые флюоресцентные лампы холла и прихожей, а с ними торшеры в гостиной и спальне и люстра в столовой. Я вдохнул воздух и застыл. В этом доме даже пахло отлично.

Сверху донесся шум, похожий на стук.

— Эй! — крикнул я. — Есть кто дома?

И подождал, прислушиваясь.

Ничего.

Подхватив чемодан, я отнес его наверх и вывалил на пол в главной спальне. Может, потом будет спор, где чья комната, но пока что кто первый пришел, первый и схватил, и от своих прав я отказываться не собирался.

Как и говорил Тим и как мы уже увидели днем, ванная была великолепна. Сама ванна была утоплена в приподнятом помосте и размером была с джакузи. У ее изголовья на подоконнике толпились комнатные цветы. Матовые стекла выходили на передний двор.

Мне надо было отлить, и должен сказать, что более тихого унитаза я в своей жизни не видел. Вернувшись в спальню, я плюхнулся на кровать. Отлично. Просто здорово. Каждый дом имел свое лицо, мебель и обстановку поставляли разные фирмы, и их названия были написаны на прикрепленных табличках рядом с урнами у входной двери, но они явно собирались произвести на людей как можно лучшее впечатление, и тот слой, на который это впечатление было рассчитано, — это как раз мы.

Очень мне эти дома понравились.

В особенности мой.

И снова что-то где-то стукнуло. Я сел и прислушался. Вроде бы из соседней комнаты. Что за ерунда? Крысы? Водопровод течет? Я встал и улыбнулся при мысли, что надо бы подать жалобу в компанию. Я вышел в холл и сунулся в соседнюю комнату. Это явно должна была быть спальня для девочки. На стене плакаты с балеринами, на белом столике куклы, мягкие игрушки на розовой спинке кровати. Я оглядел комнату, но не увидел ничего, что могло издавать этот звук. Может, где-то в стене между двумя комнатами...

Из чулана выпрыгнула женщина.

Я вскрикнул и попятился, чуть не полетел, споткнувшись. Она стояла у кровати и глядела на меня настороженно. В ее глазах был гнев, но был еще и страх, и никто из нас не сделал шага навстречу друг другу.

— Кто ты? — спросил я.

— Нет, это ты кто?

Я вдруг понял, что она меня видит. Она меня слышит.

И я присмотрелся пристальнее. Она была старше меня, где-то между тридцатью пятью и сорока, наверное, и, несмотря на дикие глаза и растрепанные волосы, было в ней что-то смиренное, определенная застенчивость. А решительность казалась деланной, агрессивность — искусственной.

— Ты — Незаметная? — спросил я.

— Откуда... откуда ты знаешь это слово?

— Я тоже Незаметный. Мы все Незаметные.

— Все?

— Нас тринадцать. Мы перебрались сюда жить.

Она еще несколько секунд на меня смотрела, потом тяжело села на кровать. И стала смотреть

на стену, а я — на нее. Она была привлекательна. Какая-то приятная мягкость была в чертах ее лица, в глазах — очевидная разумность. Губы у нее были темно-красные, не слишком большие и не слишком маленькие, и в чем-то чувственные. Волосы у нее были светло-каштановые, а среднего размера груди — совершенными по форме.

Тянуло ли меня к ней? На самом деле нет. Она была симпатичная, но между этой женщиной и мной не проскочила та искра, которая ударила между мной и Джейн в минуту нашей первой встречи. И все равно в штанах у меня зашевелилось. Так давно я не был наедине с женщиной, не говорил с женщиной, что даже такая встреча мельком меня возбудила.

— Как тебя зовут? — спросил я.

— Мэри.

— Ты здесь живешь?

— Жила. Боюсь, больше уже не живу.

Я не знал, что на это ответить, и хотел, чтобы тут со мной был Филипп.

— А ты откуда?

— Отсюда. Из Калифорнии. Коста-Меса.

— Ты здесь одна?

Она бросила на меня подозрительный взгляд:

— А тебе какое дело?

— Я в том смысле, есть здесь еще такие, как ты?

Она медленно покачала головой.

Я подумал, что надо бы предложить ей присоединиться к нам, но я не был уверен, что у меня есть на это полномочия. Это решать Филиппу. Я смотрел на нее, она на меня. Вот так мы и смотрели тупо друг на друга. Это была первая женщина из Незаметных, которую я видел, и тот факт, что

они вообще существуют, застал меня совершенно врасплох. Наверное, я полагал, что быть Незаметным — это судьба исключительно мужчин, что намеренно это так сделано или случайно, но стать Незаметным может только человек мужского пола.

Но я был рад, что ошибся. Я уже думал о будущем, когда мы найдем себе подружек, любовниц, жен — для всех нас. Будем жить сравнительно нормальной эмоциональной и половой жизнью с нормальными и счастливыми отношениями.

Да, но какие будут дети? Если Незаметность — явление генетическое, то рецессивный этот ген или доминантный? Могут у нас быть нормальные дети? Или они будут еще хуже нас? Совсем невидимыми?

Все это мелькнуло у меня в голове за краткие мгновения, пока мы глядели друг другу в глаза. Потом она встала, нарушив оцепенение, и пошла к двери.

— Ладно, я, наверное, лучше пойду.

— Подожди! — сказал я.

— Она остановилась на полушаге:

— Чего?

— Не уходи.

Она посмотрела на меня со страхом:

— Почему?

— Дай я хотя бы с ними поговорю.

Она шагнула назад и снова села на кровать. И медленно кивнула.

— Я вернусь через несколько минут. Ты подождешь здесь?

— А куда же мне еще деваться?

Я выскочил из комнаты и побежал в дом Филиппа рассказать ему о Мэри.

— Женщина? — с энтузиазмом воскликнул Филипп.

— Женщина? — со страхом повторил Пол.

— Я думаю, это надо обсудить, — сказал я.

— Ты прав, — кивнул Филипп.

Он немедленно послал Тима обойти все дома и собрать всех, и через пару минут мы собрались в гостиной Филиппа. Джон, Джеймс и Томми все еще не вернулись, но остальные собрались все, рассевшись на креслах, диванах и на полу.

Я быстро рассказал, как нашел Мэри в чулане, и о нашей короткой беседе.

— Она здесь живет? — спросил Филипп.

— Похоже на то.

Он обернулся к Тиму:

— И ты ее никогда не видел?

Тим покачал головой.

Последовала быстрая дискуссия.

Я прокашлялся:

— Я считаю, ее надо принять.

— Нет! — Пол.

— А я считаю, ее надо выдрать хором и бросить на обочине. — Стив.

— Проголосуем, — предложил Бастер.

Тут я встал:

— А чего тут голосовать? Она одна из нас. У нас тут что, братство монахов? Или общественная организация? Я даже не знаю, хочет ли она быть террористкой. Я не спросил. Но наверняка хочет. Каждый Незаметный этого хочет. — Я встряхнул головой. — Вот что: мы можем ей сказать, что ей не место в нашей компании — если мы решим быть такими мелочными и заносчивыми, но не нам решать, кто Незаметный, а кто нет. Ты либо Не-

заметный, либо нет. Она — да. И по-моему, этого достаточно, чтобы признать ее нашей.

— Боб прав, — сказал Филипп. — Мы ее принимаем.

— И к тому же, — добавил Джеймс, — пока что бабы не выбивают наши двери в надежде с нами остаться. Так что лучше не упускать шанса, когда он есть.

И мы все десять пошли в соседний дом. Я рванулся вперед, оставив остальных позади, и заглянул в комнату, где ее оставил. Она сидела на той же кровати, не пошевелившись.

— Мы все здесь, — сказал я. — Хочешь познакомиться с остальными?

Мэри пожала плечами. Страх ее исчез, но его сменила странная апатия.

Говорил, как всегда, Филипп. Он рассказал о Терроризме Ради Простого Человека, о том, кто мы, и спросил, хочет ли она быть в нашей компании.

— Не знаю, — ответила она.

— Ты предпочитаешь быть одна?

Она пожала плечами.

Филипп посмотрел на нее повнимательнее.

— Я тебя где-то видел. Никогда не забываю лиц. Ты где работала?

Она неловко поежилась:

— А тебе чего?

— Харбор! — сказал он, показывая на нее пальцем. — Ты работала на бульваре Харбор.

— Я не знаю, о чем ты говоришь.

— Я тебя там видел.

— Не мог ты меня там видеть.

— Ты была проституткой. Я тебя видел.

Казалось, из нее выпустили воздух, и она осела. Голова ее кивнула, нижняя губа слегка дрожала.

— Я это пробовала недолго, — сказала она. — Я думала... думала, так меня кто-нибудь заметит. — В покрасневших глазах стали набухать слезы. — Но никто, никто меня не видел...

— Я видел, — спокойно сказал Филипп. — Я думал, ты — одна из нас, и начал за тобой следить. Но ты исчезла, и я про тебя забыл. Что случилось?

Слеза сорвалась вниз по ее правой щеке. Она смахнула слезу рукой.

— Я убила своего первого и единственного клиента.

Она стала всхлипывать, трясясь всем телом, и слезы ручьем хлынули из-под закрывших лицо рук.

Филипп обнял ее одной рукой за плечи, притянул к себе.

— Ничего, — сказал он. — Все в порядке.

Мы все неловко переминались с ноги на ногу.

— Я его зарезала?

— Ничего, — сказал он. — Мы не судим. Каждый из нас что-нибудь такое сделал.

Она подняла лицо, вытирая слезы.

— Я убил своего босса и его босса, — сказал он. — Перерезал им глотки.

— И вам все равно, что я сделала?

— Мы все сделали что-то похожее.

Она шмыгнула носом:

— Значит... значит, вы меня принимаете?

— Ты — одна из нас, — ответил Филипп. — Что же нам еще делать?

Глава восьмая

И мы счастливо зажили в наших модельных домах, уходя каждое утро до их открытия в десять и возвращаясь после пяти, когда их закрывали. Это у нас было что-то вроде коммуны. Один за всех и все за одного.

У нас все было общее, даже секс, но секс не сопровождался чувствами или увлечением. Это был чисто физический акт, как еда или испражнение, которому не придавалось особого значения. Я участвовал в нем больше по обязанности, чем из желания, но, хотя это всегда было физически приятно, у меня оставалось после него чувство внутренней пустоты.

Сначала мы просто спали с Мэри по очереди. Если ни у кого из нас давно не было секса, то у Мэри — тоже, и она изголодалась. Она ясно дала понять, что отношения с кем-либо из нас ее не интересуют, но она не возражает против ни к чему не обязывающего и не налагающего ограничений секса.

Одну ночь с ней спал Филипп, другую — я, третью — Джон и так далее. Бастер обычно пропускал свою очередь, отговариваясь, что не хочет изменять памяти своей покойной жены, но Джуниор с увлечением воспринял ход вещей, таская руководства по сексу и приспособления для него, испытывая все способы и позы, которые мог придумать или найти.

Потом мы стали делать это группами. Мне это не особо нравилось, и я старался не участвовать, но почти все остальные делали это с удовольстви-

ем. Даже Джеймс и Джон спали с Мэри на пару в моем доме, и звуки, производимые этой троицей, мешали мне заснуть.

Наутро я встретился с Мэри за завтраком, пока Джеймс и Джон еще дремали. Я налил ей чашку сваренного мной кофе и сел рядом. Какое-то время мы молчали.

— Я знаю, что ты этого не одобряешь, — сказала она, нарушив молчание.

— Это не мое дело — одобрять или не одобрять.

— Но ты не одобряешь. Признайся.

— Я просто не понимаю, зачем ты... зачем ты это делаешь.

— А может, мне нравится.

— В самом деле?

— Честно говоря, нет, — ответила она, пригубливая чашку. — Но нельзя сказать, что и не нравится. Способ как способ. Кстати, все при этом довольны.

— А ты при этом не чувствуешь себя вроде... ну, шлюхи?

Она пожала плечами:

— А я шлюха и есть.

— Нет, неправда. — Я поставил чашку на стол. — Тебе не надо с нами спать, чтобы мы тебя замечали. Мы тебя и так видим.

— А так вы замечаете меня лучше. — Она улыбнулась. — И я что-то не помню, чтобы ты отказывался от дармовщинки.

Я промолчал. Тут нечего было сказать. Мне почему-то стало грустно, и я решил пойти пройтись. Оттолкнув кресло, я потрепал Мэри по плечу и вышел наружу. За домом Билла и Дона началось строительство третьей очереди модель-

ных домов, и прибывшие рабочие уже запустили бетономешалку и собирали их фрагменты.

Я пробежался по кругу, вышел через ворота и побегал 'вдоль Чэпмена к недавно построенной бензозаправке. Я вошел в магазинчик, взял себе фруктовый пирог и вышел. У двери я минуту постоял, глядя на оживленное движение на улице. Почему-то мне сегодня не хотелось держаться вместе с остальными террористами. Мне нужно было от них отдохнуть. Слишком много времени я провел уже вместе с ними — после нашей поездки почти каждый день, и я поймал себя на мысли, что мне хотелось бы вернуться к прежнему режиму — когда мы делали что-нибудь все вместе, но у каждого из нас была своя берлога, где можно было укрыться.

Мне не хватало личного времени, времени чисто своего.

И я решил, что сегодня будет день моего личного времени. Я беру отпуск от работы Террориста Ради Простого Человека. Сегодня я буду просто добрый старый Незаметный я.

Я побегал обратно к модельным домам, пробежал к дому Филиппа и впустил себя внутрь. Филипп с Полом смотрели «Доброе утро, Америка» и хрустели вафлями на диване.

— Эй, — спросил Филипп, — что стряслось?

— Я сегодня беру выходной. Хочу побыть один. Мне нужно время подумать.

— О'кей. Мы на сегодня не планировали ничего такого сногшибательного. Когда вернешься?

— Еще не знаю.

— Ладно, тогда и увидимся.

Я вернулся к своему дому, схватил бумажник и ключи и выехал на своем «бьюике».

И просто поехал. И целый день ехал. Когда нужен был бензин, я заправлялся. Когда проголодался, остановился у забегаловки на ленч. Но остальное время просто ехал. Проехал весь хайвей Пасифик-Коаст до самой Санта-Моники, свернул от побережья и вдоль подножий холмов и гор проехал в Помону. Хорошо было быть одному на дороге, и я врубил радио, опустил стекла и лупил по хайвею, ощущая ветер в лицо, притворяясь сам перед собой, что я не Незаметный, а обыкновенный человек, часть того мира, сквозь который я еду, а не невидимая тень у края его.

Домой я приехал поздно, и хотя в других домах еще горел огонек-другой, в моем доме было уже темно. И это тоже было хорошо. У меня душа не лежала трепаться сегодня с Джоном или Джеймсом. Я хотел только спать.

Тихо пройдя в дверь, я поднялся к себе в спальню.

Где на моей кровати сидели голые Филипп и Мэри. Я повернулся уходить.

— Куда ты? — спросил Филипп.

Я неохотно обернулся:

— Найти себе место, где поспать.

— А ты будешь спать с нами.

Я покачал головой.

— А чего нет?

— Не хочу.

— Это же не изнасилование, — заметил Филипп. — Против этого ты же не можешь возражать. Мы здесь все совершеннолетние, добровольно согласные.

— Я не согласный.

— А я тебе говорю, чтобы ты согласился.

— Но...

— Никаких «но». Ты все еще цепляешься за свою старую мораль. Ты все никак не поймешь, что мы ушли вперед, что весь этот хлам остался за спиной. К нам не применимы обычные правила. Мы вне их.

Но я не был вне их.

Я потряс головой, пятясь прочь.

Ночь я провел внизу, в холле, на диване.

Глава девятая

Наступил ноябрь. Нашим машинам некоторым уже исполнилось по полгода, и новизна их стерлась. Нам они слегка поднадоели. И потому Филипп решил, что мы их выбросим и наберем других.

А при этом получим еще и немножко рекламы.

Мы устроили гонку на уничтожение на джипе, «мерседесе» и трех спортивных машинах. В среду вечером мы проехали по фривею 405 возле Лонг-бич, поставив фальшивое полицейское перекрытие, по трое в ряд перекрывая полосу движения, ускоряясь и давая задний ход, подрезая все машины, которые нам попадались. Первым разбили «порше», измолотый с двух сторон Филиппом на «мерседесе» и мной на джипе, и Джуниора на его автомобиле сменил Стив на «280-Z». Теперь они полезли на меня, и хотя я отбивался храбро, заставив Стива съехать с полотна и чуть не вбив

Филиппа в фонарный столб, в конце концов меня загнали на разделительную полосу, и джип сдох.

Победителем дерби оказался Филипп, и хотя по нашим наскоро выработанным правилам он имел право оставить «мерседес» за собой, он предпочел бросить его на фривее с остальными. Направив его на среднюю полосу, он выпрыгнул из машины.

«Мерседес» сначала ехал прямо, потом резко свернул вправо, подпрыгнул на незаметном бугорке и врезался в ограждение. Мы слышали, как он стукнулся и заглох и ждали взрыва, но взрыва не было.

— Вот и все, — сказал Филипп. — Игра окончена. Поехали домой.

За перекрытием образовалась массивная пробка, и мы прошли мимо полицейских постов, мимо гудящих автомобилей к центральной разделительной полосе, где оставили свои автомобили для отхода.

Домой мы ехали в хорошем настроении.

Наша небольшая эскапада попала в местные новости, и мы собрались в доме Филиппа, радостными криками приветствуя показ разбитых автомобилей по телевизору.

— Причина возникновения пробки и принадлежность автомобилей полиция считает загадкой, — закончил комментатор.

Мэри, сидя на подлокотнике кресла Дона, усмехнулась.

— Класс! — сказала она. — Что хорошо, то хорошо.

Я записал выпуск новостей, как требовала моя обязанность.

После этого мужик-ведущий обменялся с байбой-ведущей какой-то шуткой насчет наших машин, и начался прогноз погоды.

Остальные террористы возбужденно обсуждали и гонку на уничтожение, и выпуск новостей, а я стоял с пультом от видека и смотрел прогноз погоды. Мы — не Террористы Ради Простого Человека, понял я. Ничего такого благородного или романтического. Мы — жалкая группка неизвестных, отчаянно пытающихся, чтобы общество нас заметило, использующих для этого все доступные нам средства, чтобы люди узнали о нашем существовании, чтобы добиться хоть какой-то известности.

Мы — клоуны. Комическая интермедия среди настоящих новостей.

Осознание было ошеломляющим, и я не был к нему готов. Хотя после первых нескольких недель я не очень много значения придавал всем этим террористским делам. Я просто купился на концепцию Филиппа и считал, что все, что мы делаем, — настоящее, законное и стоящее. Никогда я не переставал анализировать, чего же мы достигли. Но сейчас я оглянулся назад на все, что нами было сделано, и в первый раз увидел, как же это на самом деле мало, и как удручающе жалки наши иллюзии собственного величия.

Филипп был зол на то, кем он стал, и эта злость его вела, была горючим для его страсти и его усилий свершить что-то крупное, что-то важное для его жизни. Но у остальных такой движущей силы не было. Мы были овцами — все мы. В том числе и я. Может быть, вначале я и был зол, но этого чувства больше не было. Вообще никаких чувств

не было, и мимолетного удовольствия, которое я получал от наших выходов, тоже давно не было.

Какой же во всем этом смысл?

Я выключил видик, вложил ленту в коробку и побрел в одиночку домой. Долго стоял под горячим душем, потом натянул пижаму и вышел в спальню. Мэри ждала меня на моей кровати, одетая только в белые шелковые трусы.

— Не сегодня, — устало сказал я.

— Я хочу тебя, — произнесла она хриплым голосом, полным деланной страсти.

Я вздохнул и снял пижаму.

— Ну, ладно.

Я вытянулся на кровати рядом с ней, и она взобралась на меня и стала целовать.

В ту же секунду я ощутил давление на изножье кровати. Вдруг чьи-то грубые руки взяли меня за пенис.

Мужские руки.

Я дернулся, пытаюсь вырваться. Мне было противно. Я знал, что нельзя быть таким ограниченным, но такой уж я был.

На своем органе я ощутил чей-то рот.

Мэри сковывала мои движения, и я пытался вырваться, но ее руки и ноги обвили меня, и стряхнуть ее я не мог.

Неразборчивое уханье мужским голосом, который я узнал, и я понял, что это Филипп трудится надо мной там, в ногах кровати.

В черном глубоком отчаянии я закрыл глаза.

И подумал о Джейн.

Рот Филиппа выпустил меня, и в ту же минуту Мэри напряглась, застонала, сильнее надавила на мое тело. Сильнее, слабее, сильнее, слабее, и она с

судорожным вздохом дернулась вперед, рухнув на меня.

Тут я откатился в сторону, чувствуя себя так мерзко, как никогда в жизни. Филиппа я ненавижу, и мне хотелось сесть, схватить его руками за шею и выдавить из него жизнь.

Я хотел, чтобы он убрался, но он стоял возле кровати и смотрел на меня.

— Убирайся, — сказал я.

— А это было не так уж плохо. Точно могу сказать, что тебе понравилось.

— Это была автоматическая реакция.

Филипп присел рядом со мной. В его глазах было что-то вроде отчаяния, и я понял, что глубоко в душе, несмотря на все его разговоры о свободе от нравственности и морали, у него сейчас те же чувства, что и у меня.

Я вспомнил его старушечий дом.

— Может быть, тебе и было противно, — сказал он. — Но ты же ожил, верно? Это заставило тебя ожить.

Я посмотрел на него и медленно кивнул. Это была неправда, и мы оба знали, что это неправда, но оба притворялись.

Он кивнул в ответ.

— Вот это и важно, — сказал он. — Только это действительно важно.

— Ага, — согласился я. И отвернулся от него, закрыв глаза и наворачивая на себя одеяло. Я слышал, как он говорит с Мэри, но слов разобрать не мог, да и не хотел.

Крепко зажмурившись, завернувшись в одеяло, я в конце концов заснул.

Глава десятая

Иногда я думал, что случилось с Джейн.
Нет. Не иногда.

Всегда.

Не прошло ни одного дня, чтобы я о ней не думал.

Уже полтора с лишним года прошло, как мы разошлись, как она меня бросила, и я все гадал, нашла ли она себе за это время другого.

Я гадал, вспоминает ли она обо мне.

Видит Бог, сколько я о ней думал. Но должен признать, что со временем ее образ в моей памяти начал тускнеть. Я уже не мог точно вспомнить цвет ее глаз, увидеть неповторимые черты ее улыбки, те манеры, которые были свойственны ей и только ей. Куда бы я ни смотрел, в какую бы толпу, там всегда было хоть одно молодое женское лицо, напоминавшее мне Джейн, и я думал: а узнаю ли я ее, если встречу?

Если она сменила прическу или носит одежду другого стиля, я, быть может, пройду мимо и не замечу.

И от этой мысли становилось невыразимо печально.

О Боже, как ненавистно мне было быть Незаметным.

Ненавистно.

Не то, чтобы я сильно не любил своих товарищей-террористов или не радовался, когда был с ними. Нет. Я... я не хотел, чтобы мне нравилось быть с ними. Я не хотел радоваться тому, чему радовался. Я не хотел быть тем, кем я был.

Бенджамин Линкольн

Но это было то, чего мне не дано будет изменить никогда.

После опыта с Мэри и Филиппом я оставил секс. Ушел из расписания. Мэри все еще проводила ночи в разных домах, но ее походы в мой дом были ограничены спальнями Джона и Джеймса. Она со мной была вежлива, как и я с ней, но по большей части мы старались друг другу на дороге не попадаться и друг друга не замечать.

Кажется, отношение Филиппа ко мне тоже переменялось. Мы уже не были так близки, как раньше. Будь у нас иерархия, я по-прежнему был бы, наверное, вторым человеком, но он бы меня за это не любил.

Как и с Мэри, мы с Филиппом были друг с другом вежливы, но то истинное товарищество, которое было раньше, пропало. Филипп теперь казался более жестким, более деловым, меньше склонным шутить или веселиться. И меня это тоже коснулось. Это коснулось каждого. Даже Джуниор это заметил.

Но, естественно, никто не смел сказать ему это прямо.

У меня создавалось впечатление, что Филипп пришел к тем же выводам о действенности нашей организации, что и я. Почти всю следующую неделю он провел наедине с самим собой у себя в комнате, у себя в доме. В субботу мы съездили в Гарден-Гроув к автомобильному дилеру и взяли несколько новых машин, но в остальном мы сидели тихо, и Филиппа видели только за обедом.

В следующий вторник он нас созвал на собрание в конторе продавцов. До этого он послал Пола обойти все дома и разнести личные письменные

приглашения каждому, и явно указал, что явка обязательна, — он имеет объявить нечто важное.

В назначенное время — восемь часов вечера — мы с Джеймсом и Джоном перешли через улицу. Очевидно, Филипп, или Пол, или Тим украли ключ или сумели взломать замок, потому что дверь конторы была открытой и все лампы включены. На столе посередине комнаты поверх карты нашего района была разложена карта округа Орандж. Вокруг стола стояли тринадцать кресел.

Мы сели рядом с Тимом, Полом и Мэри, поджидая остальных.

Филипп не начинал говорить, пока все не собрались и не расселись. Тогда он приступил прямо к делу.

— Вы знаете, зачем мы объединились. Вы знаете нашу цель. Но в последнее время мы выпустили эту цель из виду. — Он оглядел комнату. — Что мы все это время делали? Мы называем себя террористами, но кого мы терроризировали? Какие террористические акты мы выполнили? Мы играем в террористов, развлекаемся, делаем что хотим с той свободой, которая нам дана, и притворяемся, что наши действия имеют смысл.

Свобода, которая нам дана.

Филипп это отрепетировал. Он написал это заранее. Меня окатило волной холода. Я вдруг понял, что будет дальше.

— Мы должны принять свою роль всерьез. Если мы называем себя террористами, то и действовать должны, как террористы. Мы должны привлечь внимание к нашему делу, как мы собирались с самого начала. Мы должны заявить о себе. Заявить смело, так, чтобы привлечь внима-

Тимоти Андерсон

ние всей страны. — Он помолчал, и в его острых глазах сверкнула искра возбуждения. — Я считаю, что мы должны взорвать Фэмилиленд.

Когда я услышал название этого семейного парка развлечений, в животе у меня заныло. Я оглядел всю нашу группу, и увидел, что то же чувство испытывают Джеймс, Тим, Бастер и Дон. Но на лицах других, в частности, Стива и Джуниора, я увидел лишь предвкушение и интерес.

Филипп показал на лежащую перед нами карту.

— Я разработал план, и я думаю, он сработает.

Он изложил свою идею. Взрывчатка, говорил он, будет взята у команды дорожных рабочих, которые сейчас взрывают холмы на строительстве нового хайвея. С ней мы поедем в Фэмилиленд группами по двое, прибудем в разное время в разных машинах и через разные входы. У каждого будет взрывчатка и взрыватели дистанционного действия, и в назначенное время мы все окажемся на разных аттракционах, заложим заряды и встретимся на поезде, а там, проехав Страну Динозавров, одновременно подорвем заряды. С поезда мы сойдем на входе у Старого Города и спокойно поодиночке разойдемся по своим машинам.

Он же заранее разошлет письма в полицию, газеты и на телевидение, беря на себя ответственность за нападение от имени Террористов Ради Простого Человека.

— Ух ты! — завопил Стив. — Идея — блеск!

Дискуссии по плану не было. Филипп объявил, что заседание закрыто, потом, как генерал, коротко нам кивнул, крепко сцепил руки за спиной и вышел один в ночь.

Мы все переглянулись, посмотрели на карту на столе, но никто ничего не сказал.

Мы разошлись.

И тоже одиноко ушли в ночь.

Глава одиннадцатая

Я был будто в трансе, будто лишен собственной воли.

В следующие две недели мы с остальными террористами готовили нападение на Фэмилиленд по плану Филиппа. Я этого не хотел, я считал, что так нельзя, но я был овцой и не сказал ничего, и шел за Филиппом и делал то, что мне говорили. Ночью, один в кровати, я говорил себе, что хочу уйти, что мне больше нечего делать с террористами, что я просто хочу вернуться к прошлому и мирно жить своей анонимной жизнью.

Это я себе говорил.

Но это не было правдой.

Я в душе протестовал против плана Филиппа, я в самом деле думал, что мы задумали неправильную вещь, но в то же время мне нравилось вливать свои силы в силы группы, играть свою роль в общем деле.

Мне все еще нравилось быть террористом.

Я объявлял о своем несогласии, пытался привлечь на свою сторону других Незаметных, но я уже не властвовал вместе с Филиппом, а у других духу не хватило бы против него пойти.

Дату назначили на воскресенье после Дня Благодарения. В Фэмилиленде народу будет под за-

вязку. Новость будет ошеломляющей, нас ждет колоссальная известность.

В четверг Мэри сделала торжественный обед по случаю Дня Благодарения, и мы пообедали в доме у Филиппа, глядя телевизор и переключаясь между футболом и бесконечным сериалом «Сумеречной зоны». Филипп присоединился к нам за обедом, но остальное время провел у себя наверху за работой.

Вечером в пятницу, накануне нападения, мы снова встретились в конторе — или, как называл ее Филипп, — в зале военного совета. На этот раз он разложил карту Фэмилиленда, и некоторые точки этого парка развлечений отметил красными флажками.

Он не стал тратить время на приветствия или формальности.

— Вот задания, — сказал он. — Стив и Мэри, Билл и Пол, Джуниор и Тим, Томми и Бастер, Дон и Джеймс, Пит и Джон, Боб и я. Вот автомобили, которые мы возьмем, и маршруты, а вот аттракционы, где будем закладывать...

Он изложил план в деталях и заставил каждого из нас вслух повторить свою часть. Я должен был ехать с Филиппом на «мерседесе». Мы прибывали в полдень, заходили в ворота возврата, я с зарядами взрывчатки, Филипп с детонатором. Там мы должны были слоняться часа два, катаясь на аттракционах, заходя в магазины и вообще изображая нормальных туристов, затем ровно в четырнадцать пятнадцать мы должны были сесть на «Сумасшедшее путешествие мистера Бэджера». В конце поездки, когда автомобиль выписывает петли по аду, я из него выпрыгну, заложу заряды

за одной из фигур дьяволят и быстро прыгну обратно. Потом мы выходим, идем к железнодорожной станции возле американских горок и залезаем на поезд. Там мы остаемся, объезжая парк, пока не соберутся все террористы. Тогда Филипп подрывает наши заряды, остальные, у кого будут пульта управления детонаторами, подрывают свои, мы слезаем с поезда у Старого Города и выходим из парка.

Я смотрел, как Филипп излагает, как он заставляет других повторять последовательность и время их действий, и думал, почему он выбрал своим партнером меня. Уж точно не потому, что я его правая рука.

Скорее, чтобы за мной присмотреть, потому что он мне больше не доверял.

После собрания, когда мы уже вставали и расходились, он назвал меня по имени и попросил остаться. Я ждал, слоняясь по комнате, пока остальные расходились по своим домам.

Филипп вытащил булавки из карты, убрал карту со стола и стал складывать.

— Я знаю, что ты об этом думаешь, — сказал он. — Но я хочу, чтобы ты был с нами.

Он произнес это, складывая карту и не глядя на меня, и я понял, что он по-своему хочет со мной помириться. Он пытался извиниться. Я прислонился к стене, не зная, что сказать.

Он посмотрел на булавки у себя в руке, поиграл ими.

— Непросто быть теми, кто мы есть, — сказал он. — Тем, что мы есть. Здесь нет ни правил, ни традиций. Мы сами их создаем на ходу. Иногда мы ошибаемся. Иногда мы не видим своих оши-

бок, пока они не становятся фактами. — Он поднял глаза на меня. — Это все, что я хотел сказать.

Я кивнул. Я не совсем понимал, чего он от меня хочет. Я не до конца понимал даже, что он сказал.

Мы посмотрели друг на друга.

Потом я вышел из конторы и пошел домой.

В Фэмилиленд мы ехали в молчании, и молчание это было напряженным. Филипп включил радио. Я не любил эту станцию, но ничего не сказал, поскольку это было лучше, чем тишина.

Мы поставили машину под фонарным столбом и через стоянку прошли ко входу.

Когда мы вошли в парк, до меня дошла чудовищность того, что мы собирались сделать, и мне пришлось на минуту остановиться, закрыть глаза и перевести дыхание. Голова кружилась. Я открыл глаза, увидел людские толпы, идущие по Старому Городу, мимо волшебной лавки, мимо Зала Истории. Мимо проехала запряженная лошадью тележка, позвякивая колокольчиками. Прямо передо мной поднимались изящные шпили Замка Волшебной Сказки.

Мимо нас прошла семья. Мальчик спрашивал у папы, можно ли мороженое.

Это было всерьез. Это было взаправду. Я ни на что такое не договаривался. Никто из нас на это не был готов. Кроме, быть может, Филиппа.

Я уже убил когда-то человека, но здесь было другое. Там было дело личное. Здесь будет хладнокровное убийство невинных неизвестных мне людей. Матерей. Семей. Детей.

Я понял, что не хочу быть Террористом Ради Простого Человека. Хулиганом Ради Простого Человека — да. Саботажником Ради Простого Человека — да. Но дальше этого я идти не хотел.

— Я не могу, — сказал я Филиппу.

— Можешь и будешь.

— А если нет?

— Тогда я тебя убью. Я поставил взрыватель, и твой заряд с тем же успехом разнесет твою задницу.

— И ты это сделаешь?

— А ты проверь.

Я покачал головой:

— Не могу я убивать невинных людей.

— Нет в мире невинных.

— А не могли мы, что ли, сделать это где-нибудь еще, где это никому настоящего вреда не причинило бы? Мы бы заявили о себе, привлекли бы то внимание, которое хотим, но никого не убили бы.

— Они отнесутся к нам куда серьезнее, если мы кого-нибудь убьем.

— Ты разослал письма?

— И наши карточки. Вчера. В дирекцию парка, в полицию Анахейма, в местные газеты и на телестудии.

— Этого должно хватить. Они получают письма, мы заложим заряды, они их ищут и находят, и нам вообще не надо никого взрывать. Мы привлекаем внимание к нашему делу...

— Почему вы все такие? — спросил Филипп.

— Какие?

— Какое вам дело до всех этих людей? Им до тебя дело есть? Они тебя хотя бы замечают?

— Нет, — признал я. — Но они мне и вреда никакого не делают.

— Для тебя в этом должно быть личное чувство, так?

— Так.

— Вот этого я в тебе терпеть не могу, — вздохнул он. Он поглядел вдоль Мэйн-Стрит. Вздохнул еще раз. — Но иногда мне самому хочется быть таким.

— Ты действительно хочешь все это проделать? — Я показал рукой вокруг нас. Ведь это же Фэмилиленд — семейный парк. Ты в самом деле хочешь взорвать семейный парк?

Он собирался было ответить, но вдруг закаменел и стал незаметно оглядываться.

— Что такое?

— Что-то переменилось. Ты не чувствуешь?

Я покачал головой.

— Они знают. Они нас ищут.

— Что?

— Очевидно, письма дошли рано. Проклятая, гнусная почта. — Он поглядел вдоль улицы, разглядывая толпу. — А, черт! Вот они.

Я огляделся и увидел на тротуарах и на улице парней с короткой стрижкой и в серых костюмах. У некоторых были уоки-токи на поясе, и они что-то говорили в транзисторные наголовные микрофоны. Они рассосались в толпе так, что я даже их не заметил.

Мы прошли через Старый Город в Землю Будущего, где Билл и Пол должны были заложить заряды под сиденье аттракциона «Полет на Юпитер».

— Кто эти ребята? — спросил я.

Филипп покачал головой.

— Не знаю.

— Я их не видел, пока ты не сказал. Их почти так же трудно заметить, как нас.

— Вот это меня и пугает.

Мы нашли Билла и Пола в очереди на «Полет на Юпитер». Мы рассказали им, что случилось, и все четверо поспешили к «Подводной лодке» найти Мэри и Стива. Люди в серых костюмах были повсюду.

— Они работают в Фэмилиленде? — спросил Билл. — Или это копы?

— Не знаю, — повторил Филипп. Голос его звучал напряженно.

Эти люди были всюду, но нас они не замечали. Я даже не уверен, что они знали вообще, кого ищут. Мы выбрали Мэри и Стива и собирались к Волшебной Горе, когда вдруг из спрятанных громкоговорителей парка заговорил спокойный, внушающий уверенность, серьезный, но вместе с тем дружелюбный голос:

«В связи с непредвиденными обстоятельствами Фэмилиленд через пять минут закрывается. Просим пройти к главному выходу».

Вокруг нас стали останавливаться аттракционы. Людей уверенно выводили приветливые и дружелюбные мужчины и женщины в красных куртках.

«Всем гостям в компенсацию будут выданы пропуска на возврат, действительные в течение двух дней. Ждем вас в Фэмилиленде — доме веселья!»

Пит и Джон ждали возле Африканской Принцессы, Дон и Джеймс стояли перед аттракционом «Приключения в открытом море». Теперь в пар-

ке почти не осталось обыкновенных посетителей. Повсюду ходили группы ребят в серых костюмах, сопровождаемые полисменами в форме, они патрулировали все аллеи и магистрали, заглядывая во все аттракционы и магазины.

Филипп посмотрел на часы.

— Так и есть, — сказал он. — Остальные пока еще снаружи. Давайте выбираться на фиг отсюда.

И мы вдесятером побежали через Дикий Запад, несясь мимо магазинов и аркадных игр.

И увидели, как Томми с Бастером через главный вход парка входят в Старый Город.

Они успели пройти несколько ярдов, и их засекли. Серые костюмы лихорадочно заговорили в наголовные микрофоны, мундиры стали доставать пистолеты, изготовившись к стрельбе.

— Бегите! — заорал Филипп.

— Смывайтесь! — выкрикнул я.

Мы все орали на пределе своих легких, чтобы они сматывались к чертовой матери, но они нас просто не слышали, и не замечали, что Фэмилиленд почти пуст, если не считать их самих, серых костюмов и мундиров.

Пара серых костюмов оглянулись на наши крики, но мы нырнули в какую-то дверь, на секунду затихли, и про нас забыли.

— Стойте, где стоите! — сказал голос из громкоговорителя.

Мы высунулись из укрытия и увидели, как Томми во все лопатки лупит обратно ко входу, явно сообразив, что дело идет не по плану. А Бастер смешался. Он стоял на месте, поворачиваясь то к Томми, то к людям, не двигаясь ни туда, ни сюда.

— Сдайте оружие! — потребовал громкоговоритель.

Это на момент стало похоже на сцену из немой кинокомедии. Озадаченный Бастер стоял, озираясь, ища глазами, кто это должен сдать оружие. Потом вопросительно показал на себя, будто говоря:

«Кто, я?»

Потом был выстрел.

И Бастер упал.

— Нет! — вскрикнул я.

Я бросился к нему, но Филипп поймал меня за шиворот и отшвырнул назад.

— Не дури! — прошипел он. — Ему уже ничем не поможешь. Надо спасать себя самих.

— Он же может быть еще жив!

— Если так, они его возьмут. Пошли.

Мы срезали путь через внутренний двор ресторана, пробежали по боковой дорожке мимо туалета и выскочили в ворота с надписью «ТОЛЬКО ДЛЯ ПЕРСОНАЛА».

— А как же Томми? — спросила Мэри.

— Он доберется, — ответил Филипп. — Он парень сообразительный.

Мы находились за ложным фасадом Фэмилиленда, вроде бы на автостоянке среди офисных зданий, и побежали туда, где, по нашим понятиям, была главная автостоянка для посетителей. Рванувшись мимо одного из домов, мы выбежали через не охраняемые открытые ворота и оказались перед Фэмилилендом. До наших машин было далеко, но по какому-то административному идиотизму стоянку не перекрыли, и мы добрались до машин не замеченными.

Девил Антон

Томми ждал рядом с «мерседесом», а Джуниор с Тимом припарковались неподалеку. У них был вид обеспокоенный и перепуганный, и Филипп им крикнул убираться к чертовой матери и проверять, что за ними нет хвостов.

Я прыгнул в «мерседес» вместе с Филиппом, и мы перелетели через тормозящие бугры у въезда на стоянку и с грохотом выскочили на дорогу. Филипп повернул, рванул машину в сторону фривея, виляя, проскочил жилые кварталы, промчался всю дорогу от Линкольна до Лос-Аламитоса и лишь тогда развернулся, заехал в Чепмэн и повел машину домой. За нами никто не следовал.

Когда мы приехали, остальные уже ждали, и Филипп поставил машину перед конторой и велел всем собрать вещи — пора уезжать.

— А куда мы? — спросила Мэри.

— Найдем что-нибудь.

— Они нас здесь вряд ли найдут.

— Мы не можем рисковать! — отрезал Филипп. Он быстро оглядел группу. — Заряды и детонаторы у всех остались?

Мы все кивнули.

— Отлично. Разнесем здесь все. Я не хочу оставлять следов.

— Сейчас день, — напомнил Тим. — Все модели открыты для осмотра.

— Делай, тебе говорят!

Мы заминировали свои дома. Джеймс, Джон и я быстро выгрузили все мусорные ведра — использованные бумажные салфетки, картонные коробки от еды, старые газеты — на пол в кухне. Я полил все это бензином для зажигалок, остатки выплеснул на ковры вниз.

Отъехав на квартал от домов, мы привели в действие детонаторы.

Это не было запланировано, но дома взорвались по очереди, слева направо, и зрелище было поистине величественным. Взрывчатка оказалась очень мощной. Стены выбило наружу, крыши взлетели на воздух, и через несколько секунд от домов остались только кучи изломанных бревен.

Продавцы бежали прочь от конторы, крича друг на друга, бестолково мечась. Я знал, что кто-то из них уже вызвал полицию и пожарных, и загудел клаксоном, показывая на дорогу. Филипп кивнул. Выставив голову из окна, он заорал:

— Давайте за мной!

Мы выехали из района в Чепмэн, и остальные пристроились за нами. Сразу за Тастин-авеню нам навстречу пронеслась флотилия полицейских и пожарных машин.

Мы выбрались на фривей Коста-Меса и показали на юг.

С Пятьдесят пятой мы свернули на Четыреста пятую и не останавливались, пока Филипп не завернул на заправку в Миссион-Вьехо. Очевидно, он что-то обдумывал, пока вел машину, и сейчас подошел к каждой машине и велел нам заправиться. «Мы едем в Сан-Диего на несколько дней, — так он нам сказал, — останавливаемся в мотеле и сидим тихо». Он все еще был потрясен и напуган, и велел нам платить за бензин наличными, а не воровать — мы не можем позволить себе оставить след.

— Ты знаешь Сан-Диего, — сказал мне Филипп. — Так что vedi. Найди нам какой-нибудь незаметный мотель.

Мы поехали дальше, и я показал дорогу к ряду мотелей. Мы выбрали «Хайатт» — один из мотелей побольше и лишенный индивидуальности; украли ключи из тележки горничной и взяли комнаты на одном из средних этажей. Разнеся чемоданы по комнатам, мы собрались у Филиппа посмотреть новости из Лос-Анджелеса по кабельному телевидению.

О событиях в Фэмилиленде не было сказано ни слова.

Мы посмотрели пятичасовые новости, выпуск в пять тридцать, в шесть, переключаясь с канала на канал.

Ничего.

— С-суки! — сказала Мэри. — Они это закрыли.

— А что случилось с Бастером? — спросил Джуниор. Он заговорил впервые с момента отъезда из Фэмилиленда, и голос его был тихим и неестественно спокойным.

— Не знаю, — признался Филипп.

— Ты думаешь, он погиб?

Филипп кивнул.

— А кому, кроме нас, есть до этого дело? — спросил Джеймс. — Кто мог хотя бы заметить?

Мы помолчали, каждый думал о Бастере. Я вспоминал, как он радовался, когда мы громили магазин «Фредерикс», как он говорил, что с нами чувствует себя молодым.

Мне хотелось плакать.

— Если даже никто не заметил, что его убили, сам по себе факт, что Фэмилиленд закрыли и всех оттуда вышибли, — это уже новости, — сказал Филипп. — Либо у компании хватило сил не пустить это в новости... либо у кого-то другого.

— У кого? — спросил Стив.

Филипп потряс головой.

— Не знаю. Но мне это очень не нравится.

Следующий день мы провели в мотеле, следя за выпусками новостей, читая газеты.

На следующий день мы поехали в Мир Моря.

Филипп необычайно быстро смог избавиться от нервозности и паранойи, и в этот второй день от них и следа не осталось. Это по его настоянию мы поехали в Мир Моря. И он, и все остальные считали это совершенно обычным днем, нормальным выходным днем, увлеченно вычитывали расписание представлений дельфинов и косаток, бегали посмотреть на аквариум с акулами. Я не мог поверить, что они так легко забыли Бастера, что они так небрежно отреагировали на его смерть, и это меня угнетало чертовски. Пусть гибель Бастера и прошла незамеченной в большом мире, но хоть на его собратях Незаметных она должна как-то сказаться? Или все мы настолько никому не нужны? И жизнь каждого из нас лишена смысла и значения?

На представлении косатки Шаму я не выдержал и напомнил. Мы сидели в переднем ряду, и только что нас окатил фонтан от плюхнувшейся в воду перед нами косатки, и все террористы хохотали так, что животики можно надорвать.

— Класс! — сказал Пол. — Отлично, что мы поехали в Сан-Диего!

Вот тут меня и прорвало.

— Мы сюда приехали, потому что обосрались, когда хотели взорвать Фэмилиленд, и Бастера там пристрелили, и те же самые хмыри готовы были

пристрелить нас ко всем чертям. А для вас, мать вашу так и этак, это теперь каникулы!

— Ты это чего? — спросил Филипп. — Остынь.

— Остынь? Два дня назад ты заставил нас взорвать эти гадские дома, потому что за нами гнались эти гады в штатском...

— То было два дня назад.

— А Бастер погиб, и мы тут развлекаемся в этом свинском Мире Моря!

— Он ведь погиб не зря.

— Что?!

— Он отдал свою жизнь ради дела.

— Ага, и теперь мы все должны быть счастливы пожертвовать своей жизнью ради «Дела»! Маленькие издержки в нашем большом бизнесе. Я-то думал, что наша главная цель — освободить нас, чтобы мы не были винтиками в машине, деталями большой организации. Я думал, это битва за права личности. А теперь, оказывается, нам предлагается растворить свою индивидуальность в группе. В твоей группе. — Я посмотрел ему прямо в глаза. — Лично я не собираюсь умирать. Ни за какое «Делб». Я хочу жить. — Я сделал театральную паузу. — И Бастер тоже хотел жить.

— Бастер погиб, — ответил Филипп. — И нам его никак не вернуть. — Он встретил мой взгляд. — И чего нам переживать? За что чувствовать себя виноватыми? Когда он был жив, мы всегда были с ним. Мы были его друзьями, его семьей, среди нас было его место, и он это знал. С нами он был счастлив.

Я не хотел верить Филиппу, но не мог не верить. Помогите мне Боже, я верил. Я говорил себе, что он понимает мой образ мыслей, что он умеет

мной манипулировать, потому что слишком хорошо меня знает, но в это я себя заставить поверить не мог. Да, Филипп прав. Бастер в последние дни своей жизни был счастливее, чем когда-либо раньше, и все это из-за нас.

Филипп смотрел на меня спокойным взглядом.

— Я думаю, нам надо убить какую-нибудь знаменитость.

Я моргнул, захваченный врасплох.

— Чего?

— Я уже об этом думал. Как ты правильно сказал, мы в Фэмилиленде обосрались. Мы даже близко ничего не сделали такого, что нам полагается как террористам. Но я думаю, что убийство знаменитости даст нам аудиторию. Мы сможем преподнести наше дело общественности.

— Я не хочу убивать, — ответил я. — Вообще никого.

— Хочешь.

— А я говорю, нет!

Но снова какая-то тайная часть моей души соглашалась с аргументами Филиппа, думала, что он предлагает обоснованный образ действий.

— И я не хочу, — сказал Тим. — Чего просто не поймать знаменитость женского пола и не изнасиловать?

— А еще лучше похитить знаменитость, — предложила Мэри. — Так мы получим колоссальную рекламу. И не придется ни у кого отнимать жизнь.

— Мы все отнимали жизнь, — напомнил Филипп холодным и твердым голосом. — Кажется, вы с удовольствием об этом забыли. Среди нас девственниц нет. Ни одной.

— Но некоторые из нас извлекли уроки из своих ошибок, — возразил я.

— И что ты тогда предлагаешь делать? Ничего? Великие перемены требуют великих действий...

— Какие перемены? Кого мы тут дурим? Ты думаешь, убить кого-нибудь знаменитого переменит то, кто мы есть? Мы — Незаметные! И всегда будем Незаметными — незамечаемыми. Это факт, друг мой, и тебе лучше к этому привыкнуть.

Толпа за нами разразилась восторженными криками — Шаму проскочил через несколько горящих обручей.

— Знаменитость, — произнес Филипп с отвращением. — Мы сражаемся против самого этого понятия. Это — самая сердцевина несправедливости. Почему одних людей узнают чаще, чем других? Почему нельзя замечать всех одинаково? Горькая ирония в том, что убийство знаменитости сделает *тебя* знаменитостью в этом больном обществе. Марк Дэвид Чэпмен? Мы знаем его потому, что он убил Джона Леннона. Джон Хинкли? Он пытался убить Рональда Рейгана и был одержим Джоди Фостер. Джеймс Эрл Рей? Ли Харви Освальд? Сирхан Сирхан? Если мы убьем знаменитость, кого-нибудь достаточно крупного, мы нанесем удар по лагерю врага, и мы станем известными, мы сможем дать людям знать, что мы существуем, что мы есть.

— Это если нас поймают, — спокойно заметил Пит.

— Что?

— Аудиторию мы получим, только если нас поймают. Единственный способ привлечь к нам внимание прессы и телевидения. Иначе мы оста-

немся так же неизвестны, как и сейчас. Полиция наверняка пачками получает письма, где люди берут на себя ответственность за такие вещи. Даже если мы позвоним или пошлем письмо, оно в этой гряде потеряется.

Было очевидно, что Филипп об этом даже не подумал, и на секунду это выбило его из колеи, но он оправился в тот же миг.

— Тогда права Мэри. Мы должны похитить знаменитость. Тогда мы дадим копам послушать его голос — пусть знают, что он жив. Тогда-то они обратят на нас внимание. Мы будем грозить, что убьем его, если не выполнят наши требования. Это даст нам результат.

— Еще мы можем записать его на видео, — предложил я. — И послать копам запись.

Филипп повернулся ко мне, и его лицо медленно расплылось в улыбке.

— Отличная идея.

Он улыбался мне, и я обнаружил, что я улыбаюсь ему в ответ, и его прежняя магия снова на меня действует. Мы снова стали одной командой.

Представление Шаму закончилось, и после долгих аплодисментов люди потянулись к выходам, собирая портфели и сувенирные сумки, устремляясь по амфитеатру и обтекая нас с боков. Мы остались на месте.

— И куда же нам теперь? — спросил Джуниор. — Голливуд? Беверли-Хиллз?

Филипп покачал головой.

— Это для туристов. Знаменитости там появляются только на премьерах или вроде того, и там слишкомлюдно и охрана слишком плотная. Я

думаю, лучше Палм-Спрингз. Там они живут. Там до них легче добраться, легче застать врасплох.

— Звучит здраво, — ответил я

Стив тоже кивнул.

— Ага. Давайте так и сделаем.

Филипп оглядел группу:

— Все согласны?

Хор «да» на разные голоса и кивающие головы.

— Значит, завтра, — сказал он. — Завтра пакуем шмотки и едем в Палм-Спрингз. — Он усмехнулся: — Выловим себе кинозвезду.

Глава двенадцатая

Палм-Спрингз.
Этот город был точно таким, как я себе представлял.

Может быть, чуть жарче.

Если Родео-Драйв показался мне слишком потрепанным, то Палм-Спрингз своему образу более чем соответствовал. Солнце яркое, в небе ни смога, ни туч, и все чище, яснее, ярче, чем в Лос-Анджелесе или в округе Орандж. Улицы здесь были широкие, дома низкие, глянцевитые и новые, люди выглядели отлично и были хорошо одеты. Единственной уступкой времени года были проволочные фигуры в форме рождественских елок, свисавшие с фонарных столбов и время от времени — стекла с искусственными морозными узорами на маленьких лавчонках. Если бы не эти напоминания, я мог бы решить, что сейчас лето.

Мы на четырех машинах кружили по главным улицам — Джин-Отри-Трэйл, Палм-Каньон-

Драйв — следом друг за другом, ища места, где разбить наш лагерь. Наконец мы выбрали ничем не примечательный «мотель-шесть» возле Фривея подальше от основного движения и нашли себе комнаты, разгрузили коробки и чемоданы, а потом отправились в город за продуктами.

Набрали себе еды, а еще прихватили веревку и видеокамеру.

— Так где будем искать нашу знаменитость? — спросил я, когда мы вернулись в мотель. — Что будем делать? Выбирать дома с воротами и сторожевыми будками и врываться туда, или подглядывать в окна, пока не выловим кого-нибудь известного?

— А неплохая идея! — рассмеялся Филипп. — Но я думал начать с ближайших ночных заведений. Можем кого-нибудь заметить в танцевальном клубе или в ресторане. А потом проследить до дома и там скрутить.

— А что потом? — спросил Томми. — Привезти его сюда, в мотель?

— Может быть, — ответил Филипп. — Или можно найти себе другое место, где жить. — Он повернулся к Тиму: — Сегодня вы с Полом найдите модельный дом, или такой, который сдается, или... в общем, место, где мы можем поселиться.

— А что ты будешь делать?

— Остальные разделятся, побродят вокруг, заглянут в бутики и рестораны, держа глаза и уши открытыми, посмотрят, где сегодня будет что-нибудь интересное. Мы сможем сократить количество проб и ошибок за счет небольшой разведки на месте.

Мы пообедали в «Дель Тако», потом разъехались в разные стороны. В нашей машине были мы с Филиппом, Джон и Билл, и мы припарковали ее возле пассажа из нескольких магазинов, построенного в юго-западном стиле. Рядом была библиотека, и Филипп велел мне отправиться туда, посмотреть местные газеты и журналы и проверить, есть ли на неделе какие-нибудь события, которые должны были бы привлечь знаменитостей.

— Например? — спросил я.

— Ну, там, матчи по гольфу, открытие большого магазина — не знаю. Что угодно. Просто ищи знаменитые имена.

Остальные трое собирались разделиться и побродить по магазинам. Все мы должны были через час встретиться у нашей машины.

В библиотеке я пошел прямо в раздел периодики и взял подшивки трех местных газет за последнюю неделю. Вытащив их в зал, я быстренько просмотрел заголовки и объявления, высматривая фотографии.

На третьей странице четвертой газеты я увидел фотографию, которая заставила меня остановиться.

Это было фото мужчины. Джо Хорта, как глаasil заголовок. Мэра Дезерт-Палмз.

И он был Незаметным.

Я не знал, откуда я это знаю — просто знал, и все. Что-то было в чертах лица, какая-то нехватка харизмы, то, что я немедленно узнал, что передавалось даже в пуантилизме черных точек газетной фотографии. Я все смотрел на портрет. Раньше я никогда не видел фотографии Незаметного, и я не понимал, что все это так очевидно.

Я быстро прочитал статью. Я знал, что должен копаться в газетах дальше, разыскивая новости о знаменитостях, но это было слишком важным, чтобы отбросить, и я вырвал эту страницу, сложил пополам и вынес из библиотеки в руке.

Я побежал мимо цепочки магазинов, заглядывая в окна, пока не увидел Филиппа. Он стоял в антикварном магазине, делая вид, что рассматривает визитные карточки викторианской эпохи, а на самом деле слушая разговор двух модно одетых молодых женщин.

— Я кое-что нашел, — сказал я ему.

— Что?

Он положил наверх стопки карточку, которую держал в руке.

— Есть наводка на одного нового.

— Нового кого?

— Нового террориста. Некого Незаметного.

— О! — Вид у него был разочарованный. Он посмотрел мне за спину: — А где он? Или она?

— Он. Джо Хорт. Мэр Дезерт-Палмз. — Я протянул ему газету. — Вот.

— Дезерт-Палмз?

— Соседний город. Насколько я знаю, еще более эксклюзивный, чем Палм-Спрингз. Он новее, не так хорошо известен, но полон знаменитых типов.

— Дай-ка посмотреть.

Филипп взял у меня газетный лист. Посмотрел на портрет, прочитал статью, и я увидел, как его лицо вспыхнуло интересом и готовностью к действию.

— Он собирается произносить речь на обеде Фонда инвалидов Дезерт-Палмз сегодня вечером. На такие благотворительные мероприятия всегда

стремятся знаменитости. Бесплатная реклама и имидж добросердечных гуманитариев. — Он сложил газету. — Этот парень может дать нам водку на одного из них. Ты нашел действительно ценную вещь. Отлично.

— А где этот обед?

— Место называется «Ла Амор». В семь часов. — Он положил газету в карман. — Давай выбираться. Надо найти несколько смокингов. Мы должны там быть.

Обед был только по пригласительным билетам, но мы прошли в «Ла Амор» без проблем. У дверей стоял человек в униформе и отсеивал не членов и не приглашенных, но мы легко его миновали и заняли места у стойки бара.

Ресторан был довольно большой и выглядел, как ночной клуб в фильме сороковых годов. Столы расставлены амфитеатром, расходящимся от сцены вверх, а на сцене играл джаз. Приглушенный свет под потолком, настольные лампы на каждом столике. Официанты во фраках. Официантки в мини.

Филипп был прав. На милосердие сплывалась крупная рыба. Здесь был Боб Хоуп. И Чарльтон Хестон. И Джерри Льюис. И стая светил поменьше, выделяющаяся на фоне не знаменитостей.

Мы сидели у бара, смотрели на действие издали, слышали только обрывки разговоров — большая часть которых касалась работы фонда, — когда пара за парой подходила к бару выпить.

Как всегда, мы ждали указаний от Филиппа, а он — странно — оставался спокоен. Казалось, что его несколько подавило такое шикарное место, такое блестящее общество.

Подали обед, но у нас не было стола, поэтому нам не досталось. Оркестр сделал перерыв, и музыке сменило звяканье бокалов и приборов и тихое жужжание разговора.

Бармен нагружал официантам подносы для столов, и мы сперли себе пару бокалов.

На середине обеда начались речи. Все ораторы были одинаково скучны и почти неотличимы друг от друга. Сначала говорил президент фонда. Потом основатель. Потом местный воротила бизнеса, который пожертвовал кучу денег. Потом отец мальчика-инвалида.

Потом — мэр Хорт.

Мы смотрели на сцену, когда мэр взошел на подиум и начал речь. Остальные гости обратили на него еще меньше внимания, чем на других ораторов. Это не было удивительно. Удивительным было то, что говорил мэр.

Он начал с восхваления Фонда инвалидов Дезерт-Палмз и его дела, сказав, как ему нравилось работать со всеми людьми, которые почтили обед своим присутствием. Потом он выразил сожаление, что это — последнее торжественное мероприятие фонда, на котором он присутствует. Он решил подать в отставку.

Это заявление было явно рассчитано на удивление, но встретило оно лишь безразличие. Никто не слушал.

Хотя слушали мы, и я по лицу Филиппа видел, что он вместе со мной понял одну вещь: мэр не хотел покидать свой кабинет.

Филипп повернулся ко мне.

— Как ты думаешь, что это? — спросил он. — Скандал?

Я пожал плечами.

— Его заставляют. Он не хочет уходить, — сказал Филипп.

Я кивнул:

— Мне тоже так кажется.

Он покачал головой:

— Непонятно.

Около двери началось движение. Взволнованное жужжание донеслось оттуда, расходясь по всему ресторану, и как волна, движущаяся наружу, головы повернулись к двери.

Фаланга мужчин в смокингах отодвигала толпу, и между их телами я увидел знакомую круглую голову, кивающую всему собранию.

Фрэнк Синатра.

Он вышел на открытое место и шел в нашу сторону, улыбаясь и сердечно пожимая руки. Вдруг рядом с ним оказался Боб Хоуп, что-то сказал, и Синатра засмеялся. Он по-дружески обнял комика за плечи, радостно выкрикнул какое-то приветствие человеку постарше за столом. Тот помахал в ответ и выкрикнул что-то неразборчивое.

— Синатра! — восхищенно сказал Джуниор. И посмотрел на Филиппа. — Вот его давай возьмем.

— Да-да, — отмахнулся от него Филипп, пробираясь к подиуму сквозь толпу. Я из любопытства пошел за ним.

Трое, окружившие мэра, были явно очень богаты, явно при большой власти, и открыто трактовали Хорта как лакея, шестерку. Что они говорили, слышно не было, но их отношение было очевидно. Мэр вел себя униженно и подобоострастно, бизнесмены — высокомерно и непререкаемо. Никто, кроме нас, не обращал на эту группу внимания, и они

это знали. Это была интимная сцена, которая разыгрывалась на публике, и выглядело это так, будто так было принято. Мне стало жаль Джо Хорта и обидно за него.

Филипп подобрался поближе, почти вступив на подиум. Мэр обернулся, увидел его, увидел меня, и чуть вздрогнул. Он тут же снова повернулся к бизнесменам, притворяясь, что все его внимание принадлежит им.

— В баре! — крикнул ему Филипп. — Увидимся в баре!

Мэр никак не показал, что слышит.

— Мы тебе поможем! Мы тоже Незаметные!

При слове «Незаметные» Джо Хорт резко повернулся к нам лицом. Выражение на его лице трудно было прочесть. Он явно был взволнован, но на его лице была еще и надежда, и какая-то странная радость. Он смотрел на нас. Мы смотрели на него. Трое бизнесменов, понимая по поведению мэра, что происходит что-то непонятное, посмотрели в толпу на нас.

Филипп быстро отвернулся, схватил меня за плечо и потащил к бару.

— Быстрее, — сказал он.

Через минуту мы были вместе с остальными.

— Синатра там, за тем большим столом, — показал пальцем Джуниор. — С ним Боб Хоуп и еще один известный тип — не могу вспомнить, кто. Давайте возьмем всех!

— Мы не будем брать никого, — ответил Филипп.

— Но я думал, нам нужна известность!

— Мы хотели известности, чтобы привлечь внимание к судьбе Незаметных, чтобы помочь таким, как мы. Это ж не то, что мы стали бы знамениты-

ми. Мы хотели использовать это внимание, чтобы высветить проблему, которая — извините за каламбур — до сих пор была незаметна. Я не знаю, дошло ли до вас, но для меня очевидно, что нашего друга мэра выпихивают из его кабинета какие-то денежные мешки — за то, что он Незаметный. Я думаю, им нужен кто-то более харизматический, кто привлечет к ним большее внимание. Так вот, у нас есть шанс помочь человеку, которого игнорируют, сделать по-настоящему доброе дело. И у нас здесь есть шанс оставить одного из нас у власти.

Я давно уже не слышал от Филиппа таких идеалистических разговоров, и меня охватило приятное волнение.

Это то, зачем я стал террористом.

— Джо Хорт в должности мэра Дезерт-Палмз принесет больше пользы, чем похищение любой знаменитости. Это будет настоящий прогресс. Это будет прорыв.

Я посмотрел на подиум. Один бизнесмен ушел, а двое других продолжали читать нотации Джо Хорту.

— Ты думаешь, он уже убрал своего босса? — спросил я у Филиппа.

Филипп покачал головой:

— Не знаю. Не думаю. — Он посмотрел на Хорта. — Он какой-то другой. Я не уверен, что он должен будет его убирать.

— Почему?

— Не знаю.

Я не понял, но я ему поверил.

Почти через полчаса мэр добрался до бара к нам. Он нервничал и потел и все время огляды-

вался, будто боялся, что за ним следят. Он явно был удивлен, увидев столько нас. А смотрел в основном на Мэри.

— Рады видеть тебя с нами, — сказал Филипп, протягивая ему руку.

Хорт ее пожал.

— Кто... кто вы, ребята?

— Мы — Незаметные, — ответил Филипп. — Как ты. Мы называем себя Террористами Ради Простого Человека.

— Террористами?

— И мы пришли тебя выручать. — Он встал, и мы все вместе с ним. — Пошли. Вернемся к себе. Нам много о чем надо поговорить. Много чего обсудить. Много чего спланировать.

Ошеломленный и растерянный мэр кивнул, и мы все четырнадцать незамеченными прошли сквозь толпу, мимо швейцаров, на свежий ночной воздух.

Глава тринадцатая

Как я когда-то, как Джуниор, как Пол и Тим, Джо Хорт отлично вписался в нашу группу. Мы сразу подружились. Он знал нас, мы знали его, и хотя в прошлом это немедленное товарищество всегда вызывало у меня теплое и приятное чувство, на этот раз я осознавал его так остро, что по коже бежали мурашки.

Что же мы такое?

Всегда я возвращался к этому вопросу.

Мы привезли Джо к нам в мотель, но он тут же предложил, чтобы мы поехали в его дом, и никто

не стал спорить. Когда все упаковались, Филипп рассказал ему о террористах, объяснил, чего мы хотим, чего надеемся достичь. Мэр внимательно слушал, и его явно взволновало то, что говорил Филипп.

— Мы думаем, что можем тебе помочь, — закончил Филипп.

— Помочь мне? •

— Помочь тебе сохранить свою работу. А ты сможешь помочь нам. Это будет начало настоящей коалиции. Здесь у нас есть возможность дать политическую власть группе, которую никогда даже не видели, и уж никак на нее не ориентировались.

Мэр покачал головой:

— Вы не поняли. Единственная причина, по которой я попал на эту работу — я делаю то, что они говорят. И они это знают. Им нужен человек, который будет выполнять их приказы и по возможности не путаться под ногами.

— А кто это «они»? — спросил Стив.

— Ну, наши местные представители большого бизнеса, самые выдающиеся и уважаемые граждане Дезерт-Палмз. — В голосе Джо явно звучал сарказм. — Я позволил себе принять решение самостоятельно, без их одобрения, и вот почему меня вышибли.

— Посмотрим, — сказал Филипп.

— А что конкретно ты сделал? — спросил я.

— Когда в городском совете голоса разделились, я проголосовал за утверждение финансирования нового софтбольного стадиона в Эбби-Парке. А мне полагалось прервать обсуждение, перенести его на следующее заседание и сначала спросить у них, как мне голосовать.

— А ты этого не сделал, — сказал Филипп. — И поступил правильно. А теперь мы тебя поддержим.

— У меня встреча с ними завтра, — сказал Джо. — Приходите со мной.

— Придем, — пообещал Филипп с намеком на сталь в голосе. — И посмотрим, можно ли заставить этих ребят сдать назад.

Дом Джо представлял собой ничем не примечательное жилище на улице домов класса чуть выше среднего. Как раз такое место, где нам удобнее всего. У него не было ни жены, ни постоянно живущей с ним подруги, и все комнаты были свободны, но при таком количестве людей все равно было тесновато. Если мы будем здесь спать, больше половины окажется на полу в спальных мешках.

Но мы все устали и нам было наплевать на удобства. Я спал в гостиной вместе с Филиппом, Джеймсом и Мэри — Мэри на диване, остальные на полу.

— Как ты думаешь, не пойти ли мне наверх и не дать ему? — спросила Мэри, когда мы устроились.

— Подожди денек, — сказал Филипп. — Ему еще надо привыкнуть.

— Так в чем наш план? — спросил я.

— Я, ты и Стив пойдем с Джо на эту встречу, посмотрим, увидим, что почем. И тогда решим, что будем делать.

— А как ты думаешь, что мы будем делать? — не отставал я.

Он не ответил.

Утром мы проснулись рано, поднятые будильником Джо, потом все по очереди приняли душ, и

мы пошли завтракать в «Дом блинчиков». Джо предложил, что он за всех заплатит, но Филипп объяснил, что нам вообще платить не надо, и мы просто поели и ушли.

Мэр повез нас на короткую экскурсию по городу — Филипп, Стив и я в его машине, остальные следом — и мы прокатились через деловую часть Дезерт-Палмз, мимо новой торговой улицы, мимо растущей секции офисных зданий.

— Десять лет назад, — объяснил мэр, — ничего этого не было. Дезерт-Палмз представлял собой кучку сараев и лавчонок у окраины Палм-Спрингз.

Филипп смотрел в окно.

— Значит, эти богатые ребятки владеют кучей бесполезной земли в пустыне, и они поставили в городской совет своих людей и поделили землю на зоны, как хотели, поставили город в центр проекта развития и стали еще богаче.

— Очень близко к правде.

— А как они тебя нашли? Что ты тогда делал?

Джо улыбнулся:

— Был секретарем в конторе, которая здесь сходилась за мэрию.

— И никто тебя не замечал, никто не обращал внимания, и вдруг кто-то предложил поддержать тебя в гонке за место мэра, и с тобой стали обращаться, как с королем.

— Вроде этого.

— Что-то ты еще сделал, кроме голосования за строительство софтбольной площадки, — сказал я. — За одно это они не захотели бы тебя выкидывать.

— Это единственное, что я мог придумать.

Стив покачал головой.

— Не могу понять, как они могут вот так прийти и сказать: «Ты больше не мэр». Здешний народ за тебя голосовал. Что если он опять за тебя проголосует? Просто пошли этих ребят подальше — они тебе не нужны.

— Нет, нужны.

— Зачем?

Филипп презрительно фыркнул:

— Ты всерьез, или как? Ты что, не знаешь, как выбирают людей на этих маленьких выборах? Ты что, думаешь, кандидат знает всех людей в своем округе? А избиратели знают позицию кандидата по каждому вопросу? Подумай сам. Люди голосуют за узнаваемое имя. Имя кандидата становится узнаваемым по плакатам и газетным фото. Плакаты и газетные фото стоят денег. Дошло? Если эти ребята тебя поддержат, ты победил. Вот и все. Твое имя будет на всех красных, белых и синих плакатах на каждом столбе и заборе.

— Именно так, — кивнул Джо.

— Но у него ведь уже есть узнаваемое имя. Он уже долго здесь мэром.

— Кто мэр Санта-Аны?

— Не знаю.

— Видишь? Ты из Санта-Аны, и ты не знаешь. Плюс к тому, Джо — Незаметный. Ты в самом деле думаешь, что люди вспомнят, кто он?

— А! — кивнул Стив. — Кажется, понял.

Мы вернулись в дом мэра. Встреча была назначена на одиннадцать в одном из офисов корпораций, которые мы проезжали. Филипп сказал остальным, что они могут шататься вокруг, ходить по магазинам и вообще делать что хотят, но в час

должны вернуться — у нас будет стратегическое заседание для выработки решений о дальнейшем образе действий.

Джо переоделся в приличный вид — костюм и галстук, и Филипп, Стив и я залезли в его автомобиль. И все четверо поехали в деловой центр.

Офисное здание, в которое мы вошли, неприятно напомнило мне «Отомейтед интерфейс», и я поймал себя на том, что вспоминаю мертвого Стюарта, окровавленное тело, но усилием воли я подавил эту мысль, и мы вошли в вестибюль вслед за Джо и пошли к лифту. Он нажал на пятый.

Металлические двери открылись в длинный коридор, укрытый плюшевым ковром. По коридору мы дошли до кабинета. На двустворчатой деревянной двери висела табличка:

**«ТЕРЕНС ХАРРИНГТОН, ПРЕДСЕДАТЕЛЬ
СОВЕТА ДИРЕКТОРОВ»**

Джо робко постучал.

Филипп протянул руку и постучал погромче.

Мэр облизал губы:

— Давайте я буду говорить.

Филипп пожал плечами и кивнул.

Дверь распахнулась. За ней никого не было: замок открыла электроника. Мы вошли в комнату, похожую на непривычно роскошную приемную врача. В дальнем ее конце немедленно распахнулись еще одни двери. За ними был виден необычайно большой стол, а за ним сидел один из тех мужчин в деловых костюмах, которые были на обеде в фонде.

— Все устроено так, чтобы подавлять посетителя, — заметил Филипп.

— И подавляет, — ответил Джо.

Мы прошли через приемную в кабинет. Все трое воротил со вчерашнего вечера уже были там. Двое сидели в креслах с высокими спинками по бокам от председателя. Еще трое с не менее важным видом сидели на диване слева от нас.

Сам кабинет был будто из кинофильма. Одна стена представляла собой хорошо оборудованный бар, и в ней была полуоткрытая дверь, ведущая, очевидно, в ванную. Противоположная стена была от пола до потолка закрыта книжными полками, и в нее был встроен отличный телерадиокомбайн. Позади стола во всю стену было окно, откуда открывалась дух захватывающая панорама пустыни и гор Сан-Джанито.

— Заходите. — Человек за столом улыбнулся, но в этой улыбке не было ни теплоты, ни веселости. — Садитесь.

Но стульев, чтобы сесть, не было.

Человек за столом засмеялся.

Этот человек — как я понял, сам Теренс Харрингтон — был крупным, высоким, с цветущим лицом и челюстями бульдога. Редеющие седые волосы были длинными и зачесанными на затылки. Я перевел взгляд на его соседей, которые смотрели на нас. У того, что слева, были по-военному коротко стриженные волосы, и он жевал кончик незажженной большой сигары. У того, что справа, были густые белые усы, и он перекачивал между зубами леденцы.

Антипатия между нами возникла немедленно и в полном объеме. Как будто мы были магнитами с противоположными полюсами — возненавидели мы друг друга мгновенно. Я посмотрел на Филиппа, на Стива, и впервые за долгое время мы снова соединились. Мы знали, что чувствует и

думает каждый из нас. Мы знали, чего хочет каждый из нас, потому что мы хотели одного и того же.

Мы хотели смерти этих гадов.

Это было беспокоящее, пугающее осознание. Я хотел бы встать на ходули своей морали и сказать, что я не могу оправдать насилие, что не хочу больше никому причинять вреда, но это было бы неправдой, и мы все это знали. У каждого из нас реакция была животной, инстинктивной.

Мы хотели убить этих людей.

Я посмотрел на троих на диване. Они явно были очень влиятельны, явно очень богаты, но выглядели они, как комическая группа из старого фильма: один — коротышка, другой — толстяк, у третьего — сияющая лысина. И все смотрели безразличным взглядом.

Джо посмотрел в лицо Харрингтону:

— Вы хотели меня видеть?

— Я хотел, чтобы вы подали в отставку. Заявление уже отпечатано. Вам осталось только его подписать. Мы проведем дополнительные выборы в середине января и поставим себе нового мэра, и ваша отставка нужна нам на этой неделе.

— Можете это заявление засунуть себе в задницу, — сказал Филипп.

Он говорил тихо, но в комнате его голос прозвучал громко. Все глаза повернулись к нему, и впервые торговцы властью его заметили. До этого вся ощущаемая нами антипатия, все отвращение были направлены на Джо. Эти люди до сих пор нас даже не заметили.

— А вы кто такие, позволю себе спросить?

Харрингтон не повысил голоса, но в нем ощущалась сдержанная злость — как свернувшаяся в клубок змея.

— Не твое собачье дело, мешок дерьма со свинными глазками.

Харрингтон перенес свое внимание на Джо:

— Вы не представите нам своих друзей, мэр Хорт? Джо явно был напуган, но не сдавался.

— Нет.

— Понимаю.

Человек с сигарой поднялся с кресла.

— С тобой все ясно, Хорт. Ты неумелое и неграмотное ничтожество. Нам нужен новый мэр. Настоящий мэр. Нам надоело расхлебывать твою некомпетентность.

Харрингтон нажал кнопку на столе. Через дверь, которую я принял за дверь в ванную, вошли двое — один с виду банкир, высокий, красивый, лет сорока пяти, и мужик ничем не примечательного вида примерно того же возраста. Харрингтон показал на второго.

— На этот раз мы выдвигаем Джима. Вот новый мэр Дезерт-Палмз.

Джим был один из нас.

Джим был Незаметным.

Я уставился на Джима, а он на меня. Он знал, что я знаю, кто он, и я уверен, что Филипп и Стив тоже знали, но явно каким-то чертом Джим не собирался терять свой шанс. Это был его счастливый билет, его возможность быть кем-то, и он не собирался выбросить его на фиг, чтобы просто сравняться с нами. Я знал, что он чувствует, и не мог его обвинять, но я знал еще кое-что, чего он не знал. То, что узнал Джо на собственной шкуре.

Как бы там ни было, он все равно останется Незаметным.

— Наконец-то у нас будет настоящий мэр, — сказал мужик с сигарой. — Такой, который будет заниматься делом.

— Пошли, — сказал Филипп. — Мы слышали достаточно. Давайте отсюда.

Джо будто бы собрался что-то сказать, но передумал и повернулся к двери.

— Вы не подписали...

— И не подпишет, — бросил на ходу Филипп.

Красное лицо Харрингтона покраснело еще больше.

— Да кто вы такие, мать вашу так!

— Я — Филипп. Террорист Ради Простого Человека.

— Вы не знаете, с кем имеете дело!

— Нет, — ответил Филипп. — Это вы не знаете.

Мы поспешили выйти в дверь. Сердце у меня колотилось, и я дрожал как лист на ветру. Я одновременно был обозлен и перепуган, накачан адреналином по уши. Я почти ждал, что они за нами бросятся и избьют до полусмерти. Я ожидал, что в вестибюле на нас набросится рота вооруженных охранников. Но ничего не случилось. Мы нажали кнопку, дверь лифта открылась, мы спустились вниз, прошли вестибюль, вышли на автостоянку и сели в машину Джо.

Мэр так нервничал, что ключи у него в руке звенели.

— А, черт! Черт побори!

— Успокойся, — сказал ему Филипп.

— Они знают, где я живу!

— Мы переедем в мотель. Они нас не найдут.

— Эти — найдут. Ты их не знаешь.

— Они даже нас не видели, пока я не заговорил. Мы сольемся с фоном, и они нас никогда не выследят.

— Ты так думаешь? — с надеждой спросил Джо.

— Не думаю, а знаю.

Джо завел мотор, включил передачу и мы помчались прочь от стоянки, подпрыгнув на бугре у выезда.

Филипп кивнул своим мыслям.

— Мы сделаем этих ребят, — сказал он с неподдельным энтузиазмом в голосе. — Мы их задницами к стенке приколотим.

— Террористы Ради Простого Человека! — Стив вскинул в воздух сжатый кулак.

Я тоже завелся.

— Даешь! — крикнул я.

Даже Джо под влиянием минуты выкрикнул что-то восторженное.

Филипп усмехнулся:

— Эти засранцы у нас попляшут.

Остальные террористы ждали нас дома. Филипп собрал всех в гостиной и рассказал, что было на встрече.

— Так что будем делать? — спросил Дон.

— Мы их убьем, — ответил Филипп.

Наступило молчание. Я вспоминал Фэмилиленд. И знал, что другие думают о том же.

— Мы их уберем из картины. Мы дадим людям этого города по-настоящему проголосовать за лучшего кандидата. Мы восстановим в Дезерт-Палмз демократию.

Джеймс посмотрел на Тима. Они оба — на меня. Я хотел было встать и выразить опасения

их обоих, но я их не разделял. Я был с Филиппом в том кабинете. Я знал, из чего он исходит. И я был с ним согласен.

— Мы найдем мотель в Палм-Спрингз или одном из ближайших городов, заляжем тихо на недельку — пусть думают, что мы уехали. Потом мы ударим.

Он вытащил из внутреннего кармана пистолет. Он был серебристым, и вспыхнул в проникавшем сквозь стекла луче.

— Ура! — завопил Джо. — Убить гадов к чертовой матери!

Стив усмехнулся:

— Нам всем нужно будет вооружиться.

— И зачем все эти убийства? — спросил Тим. — Мне лично никого убивать не нужно. Насилие — не решение...

— Это средство решения, — перебил Филипп. — Главное средство, используемое террористами.

— Это единственное, что они понимают, — ответил Джо. — Единственное, чем их можно остановить.

— Я бы предложил голосовать, — сказал Джеймс.

Филипп покачал головой.

— Мы уберем этих гадов. Выбирайте сами, помогать нам или нет. Но мы это все равно сделаем.

— Нет, — сказал Тим.

— Твое право, — пожал плечами Филипп.

Тим посмотрел на меня, но я отвел глаза. Я смотрел на Филиппа.

— Собрать вещи, — скомандовал Филипп. — Как Джо говорит, они знают, где он живет. И скоро придут за нами. Надо отсюда убраться.

В эту ночь, лежа один в широкой гостиничной кровати, я проигрывал в памяти все, что случилось в кабинете у Харрингтона. Я помнил, что Филипп сказал Стиву в машине: люди голосуют не за программу, а за узнаваемое имя.

В политике всегда так? Сейчас я думал, что да. Я попытался вспомнить имя своего конгрессмена, но не смог. Из двух сенаторов от Калифорнии я мог назвать только одного. Хотя они оба были избраны на проходящих раз в два года «Дополнительных выборах» в Сенат и оба очень старались, чтобы их имена попадали в газеты при каждом удобном и неудобном случае.

У меня по спине пробежал холодок. И это демократия? Эта показуха, этот бессмысленный мундшляк власти, якобы находящейся в руках народа?

Я заснул, и мне снилось, что мы полетели в Вашингтон, и пришли к Белому дому, и вошли внутрь, и нас не увидел никто из охраны, вся Секретная Служба нас в упор не видела.

Я шел впереди, и я распахнул дверь в Оваль-
ный кабинет. Президент совещался со своими
советниками, только это на самом деле не было
совещание. Они говорили ему, что сказать, что
делать, что думать. Президент был окружен целым
взводом народу, и со всех сторон его поучали, и он
посмотрел на нас глазами расширенными и пере-
пуганными, и я знал, что он — один из нас.

Я проснулся в холодном поту.

Глава четырнадцатая

Рожество мы провели в гостинице «Холидей-Инн» в Палм-Спрингз.

Место для нас не особенно много значило, но ритуал значил много. Мы все единодушно решили, что двадцать четвертого декабря идем в торговый квартал Палм-Спрингз и набираем друг другу подарки. Филипп поставил ограничение: каждому террористу только по одному подарку от каждого. Никакого фаворитизма.

В этот вечер Мэри приготовила ростбиф и картофельное пюре с подливой, и мы пили подогретое вино и смотрели видеозаписи «Как Гринч украл Рождество», и «Рождество Чарли Брауна», и «Скруджа», и «Жизнь прекрасна».

И разошлись спать с танцующими перед глазами леденцами.

На следующее утро мы открывали подарки. Я получил книги, кассеты, видеоленгты, шмотки и автомат — от Филиппа.

Мэри приготовила рождественскую индейку, которую мы съели за обедом.

Я не мог отогнать мысли о прошлом Рождестве, проведенном в одиночестве моей квартиры. Здесь, с другими, было лучше, но я все еще думал о прежних рождественских праздниках, с Джейн и с родителями. Тогда я был по-настоящему, вправду счастлив. Я только еще тогда этого не понимал, но понял теперь, и от этого мне было грустно. Не в первый раз мне хотелось, чтобы можно было повернуть часы обратно и вернуться в те дни, но так, чтобы я знал то, что знаю сейчас, и все теперь сделал бы по-другому.

Но это было невозможно, и я знал, что если буду дальше об этом думать, то расстроюсь окончательно, и я заставил себя вернуться к настоящему и будущему.

Мэри увидела, что я сижу один в углу номера, который мы заняли на празднование Рождества, и она подошла и целомудренно поцеловала меня в щеку.

— Счастливого Рождества.

Я улыбнулся ей в ответ.

— И тебе счастливого Рождества.

Я ее обнял и тоже поцеловал в щеку, взял ее протянутую руку и вернулся вместе с ней в гущу празднования, где Томми пытался учить Джимми играть в Нинтендо.

Глава пятнадцатая

В пустынных городах бизнес не останавливается на неделю от Рождества до Нового года, и мы воспользовались случаем пошпионить за противником. Джо рассказал нам, кто были эти политиканы, и мы неделю ходили в некоторые из самых новых и дорогих зданий, исследуя берлоги наших врагов.

Нас не видел никто из охраны банков и корпоративных зданий, и мы мимо них проходили легко, выбирая двери наудачу. Некоторые были, конечно, закрыты, зато другие были открыты, и за ними мы видели, как совершаются сделки, даются и берутся взятки. Мы видели, как секретарши занимаются сексом с боссами, видели, как важный руководитель, у которого на столе стояло фото

жены и дочери, занимался оральным сексом с юношей.

Иногда при нашем появлении эти люди подсакивали в изумлении, ярости и ужасе. Иногда они нас совсем не замечали, и мы стояли и смотрели, как невидимки.

Но никого из тех политиканов мы ни разу там не видели. Для них эта неделя не была рабочей, и они проводили ее с семьями, и это было для них очень удачно, потому что мы ходили вооруженными и готовы были убрать первого из них, кто нам попадется.

Новый год пришелся на субботу, и мы с Филиппом позвонили накануне, в четверг к Харрингтону и назначили встречу на первое. Харрингтон не хотел, он собирался остаться в этот день дома и смотреть телевизор, но Джо заявил, что тогда вообще встречи не будет, и бизнесмену пришлось согласиться.

Джо повесил трубку.

— Он спросил, пришел ли я в чувство и согласен ли подать в отставку, — сказал он. — Я сказал, что именно об этом мы и собираемся говорить.

— Отлично, — сказал Филипп, — отлично. У нас есть целый день на стрелковую подготовку.

Всю пятницу мы провели в пустыне, стреляя по банкам.

Все мы.

Даже Тим.

В субботу мы встали рано, слишком нервничая и переживая, чтобы спать дальше. Частично из-за того, что конкретные детали того, что мы собирались сделать, все еще были для нас туманны —

может, Филипп и знал, как он собирается убирать политиков, но с нами он пока этим не поделился. Это кончилось за завтраком.

Поедая принесенные Джо булочки и под музыку к Параду Роз из телевизора, Филипп точно рассказал, кто из нас что будет делать в том, что он называл «операцией». План был простым, а в силу того, кем и чем мы были — непотопляемым.

По схеме, Джо был должен встретить Харрингтона и остальных возле кабинета в одиннадцать, а мы были перед зданием уже в девять и ждали в машинах. Первым приехал человек с сигарой — в десять. Остальные подъехали к половине одиннадцатого.

— Он не приедет, — сказал Джо без десяти одиннадцать.

— Кто? — спросил Филипп.

— Джим. Тот Незаметный, которого они хотят поставить мэром.

— А чего ты ждал? Ему тут делать нечего. Он просто марионетка.

Филипп открыл дверь, вышел из машины и жестом показал террористам в других машинах, чтобы тоже выходили. Они повылезали с пистолетами, ружьями и автоматами.

— Отлично, — сказал Филипп. — Вы знаете план. Давайте внутрь и займемся делом.

— Минутку. — Джо прокашлялся.

— Что?

— Оставьте мне Харрингтона. Он мой.

Филипп усмехнулся:

— Он твой. — Он оглядел собравшуюся группу. — Все готовы?

— Нет.

Мэри, опираясь на багажник автомобиля, трясла головой. Она приехала с нами, на заднем сиденье рядом с Джо. С ним она провела ночь.

Филипп обеспокоенно обернулся к ней.

— Что на этот раз?

Она была бледна.

— Я... я не могу. Не могу я этого.

— Фигня! — ответил Филипп.

— Нет. Не могу.

Казалось, ее сейчас вырвет.

— Ты же была с нами в Фэмилиленде...

— Не могу — и все, неужели не ясно?

Филипп посмотрел на нее и кивнул:

— Ясно. — Он вздохнул. — Подожди возле машин.

Она слабо улыбнулась:

— Хочешь, я поведу машину отхода?

Он еще раз на нее посмотрел и слегка улыбнулся:

— Если справишься.

— Есть, босс.

Он снова оглядел группу.

— Кто еще хочет откланяться? — Его взгляд остановился на мне, перешел на Тима, на Джеймса. — Ладно, ребята. Вперед.

Мы вошли в здание. Дон и Билл заняли южную лестницу, Томми и Тим — северную. Пол и Джон остались в вестибюле перед лифтами. Остальные поехали наверх.

Я крепко стискивал автомат и глядел на возрастающие цифры на панели лифта. Руки вспотели и скользили по металлу оружия.

Как я в это вляпался? Как это случилось? Я животом чуял, что делаю то, что надо сделать —

мне это казалось правильным, — но в то же самое время я не мог избавиться от мысли, что это как-то не так. Я не должен был чувствовать себя правым, я не должен был хотеть убивать этих людей.

Но ведь хотел.

Я стал думать о том, почему я и другие — средние, ординарные. Неужели средние, ординарные люди хотят ходить и убивать?

Может, и хотят.

Я снова подумал, что где-то в середине пути соскочил с колеи.

Но тут двери лифта открылись, и мы оказались на пятом этаже. Почти все лампы были потушены. Только несколько флюоресцентных трубок освещали длинный коридор. Мы прошагали по коридору до кабинета, держа оружие наготове.

— Харрингтон мой, — напомнил Джо.

Филипп кивнул.

Мы вошли в темную приемную, и дверь в кабинет медленно открылась.

— Ты идешь первым, — шепнул Филипп. — Заткни оружие за пояс. Спрячь.

Джо испуганно повернулся к нам.

— Вы оставите меня одного?

— Нет. Я только хочу услышать, что они скажут.

Джо кивнул.

— Мэр Хорт! — вызвал кто-то из кабинета.

— Пошел! — шепнул Филипп.

Мы собрались около двери, прячась в тени. Когда Джо вошел в комнату, Харрингтон стоял. Он угрожающе нависал над кабинетом на фоне панорамы за окном, и когда он заговорил, голос его был напряжен, скован, и в нем слышался еле сдерживаемый гнев.

— Ты, говно!

— Что?

— Ты что из себя строишь, что, решил испакостить нам Новый год? Ты думаешь, тебе это так сойдет? Не знаю, что у тебя в твоих мозгах величиной с горошину, но ты явно забыл, кто ты и кто мы, и кто здесь командует.

— Командует здесь он. Он здесь мэр.

Это Филипп выступил из тени в кабинет, вытаскивая револьвер. Мы вошли за ним.

Все бывшие в комнате перевели взгляды с Джо на нас.

— Кто эти люди? — спросил лысый.

Хмырь с сигарой прищурился, поглядел на меня, на Стива, на Джуниора, на Пита.

— Там их еще много. Целая банда.

— Их? — насмешливо переспросил Филипп.

— Вы уж точно не из наших.

— Так кто же мы?

— Это ты сам скажи.

— Мы — Террористы Ради Простого Человека.

Хмырь с сигарой расхохотался.

— И что это значит?

— Это значит, что мы тебя сейчас разнесем на клочки, эгоцентричный мудака!

Филипп поднял револьвер и выстрелил.

Человек с сигарой с воплем свалился, из дыры в груди хлынула кровь. На долю секунды сквозь неровную дыру был виден какой-то светлой окраски орган или кусок мышечной ткани, потом все скрыл пульсирующий гейзер крови. Он задержался на полу, заливая кровью весь ковер, ботинки и брюки своих перепуганных друзей.

— Убрать их! — холодно приказал Филипп.

Я прицелился в лысого. Он пробирался между столами, пытаясь выскочить из комнаты, и это было как в тире. Я смотрел, как он мечется по всей ширине комнаты, как бегущая мишень на стенде, и навел автомат, повел его несколько секунд и выстрелил. Первая пуля ударила его в руку, вторая в бок, и он оказался на полу, вопя от боли, а я взял на мушку его голову и надавил на курок. Из разлетевшегося черепа брызнули кровь и мозг, и он застыл.

Я не хотел, чтобы мне это было приятно, но так было. Я был в восторге.

Я посмотрел влево от лысого, увидел коротышку, который катался по полу, держась за ногу и крича, умоляя о пощаде высоким женским голосом. По ковру размазывались красные полосы. Над ним стоял Пит, целясь ему в голову.

— Нет! — вопил коротышка. — Не надо! Нет!

Пит спустил курок, и голова коротышки взорвалась красно-белым туманом.

Я все еще был в радостном возбуждении, на пике эмоций, и обернулся, ища, кого еще пристрелить, но остальных уже тоже сделали.

Джо выпустил последнюю пулю в уже неподвижное тело Харрингтона.

И наступила внезапная тишина.

После всех воплей, выстрелов, тишина казалась почти нереальной. Только глухо звенело в ушах. В воздухе плавал дым, пол был залит кровью, в комнате пахло металлом и порохом, огнем и дерьмом.

Возбуждение спало так же быстро, как и пришло, сменившись отвращением и ужасом. Что мы наделали? Я поймал взгляд Джеймса. На его лице я как в зеркале увидел самого себя.

— Пошли, — сказал Филипп. — Уходим отсюда. Быстро.

Джо оглядел заляпанный кровью кабинет.

— Разве нам не надо...

— Быстро!

Он вышел в двери, в которые мы вошли. Я пошел за ним, и живот у меня сводило судорогой.

Меня вывернуло лишь в конце коридора.

Глава шестнадцатая

Убийства попали в новости. Они попали на первую страницу «Ю-Эс-Эй тудэй», в общенациональный выпуск «Эн-би-си», «Си-би-эс» и «Эй-би-си», и еще в «Уолл-Стрит джорнел».

Убитые нами люди были не только видными гражданами Дезерт-Палмз, они еще много значили в мире бизнеса, и их смерть вызвала падение бумаг на Уолл-Стрите и в Токио, и лишь через несколько дней все вернулось к прежнему. Выяснилось, что хмырь с сигарой, которого звали Маркус Ламберт, не только был владельцем «Ламберт индастриз» — самого крупного производителя инструментов в США, но был одним из главных акционеров десятков — в буквальном смысле — транснациональных корпораций. Остальные не были настолько влиятельными, но эффект от их гибели на финансовых рынках был похож на круги на воде.

Мы вырезали статьи и записывали выпуски новостей, пополняя свою библиотеку.

Джо стал новым человеком. Та побитая собака, которой он был в момент нашего знакомства в

«Ла Amor», сменилась гордым бантамским петухом. Во многих смыслах прежний Джо мне нравился больше, и я знал, что у остальных террористов то же самое чувство. Он был забит и запуган, но он был благороден, добр и скромен. Теперь он был самоуверенным, наглым, полным сознания собственной важности, и в нем появилась жесткость, от которой нам было неудобно.

В день после «операции» Джо созвал заседание городского совета и публично запросил отставки городского управляющего и председателя комиссии по планированию. Он поставил на голосование несколько предложений, которые в прошлом должен был поддерживать, и проголосовал против них.

Мы сидели на местах для публики и смотрели. Филипп уделил этим процедурам особо пристальное внимание, и морщился каждый раз, когда мэр брал слово. Наконец, когда по вопросу о расширении одной дороги на протяжении трех кварталов голоса разделились пополам, и Джо решил вопрос лично, я постучал Филиппа по плечу.

— Что происходит?

— Я пытаюсь понять, что тут неправильно.

Я проследил его взгляд и увидел, как Джо ведет обсуждение программы самоуправления кварталов.

— Что ты имеешь в виду?

— Они его слышат: они обращают на него внимание. — Он посмотрел на меня и обвел рукой зал. — Не только городской совет, но и репортеры, и публика. Они его видят.

Я это тоже заметил.

— И он переменялся. Смотри, он убил своего босса — с нашей небольшой помощью — но он

не... — Филипп покачал головой, пытаясь подобрать слова. — Он отдалился от нас, а не приблизился. Он... не могу объяснить, но чувствую. Я знаю, что происходит после инициации, а с Джо этого не случилось.

— Знаешь, что я думаю? — спросил Джуниор.

— Что?

— Я думаю, он половина на половину.

Филипп промолчал.

Но в разговор встрял Билл, энергично кивая.

— Ага. Как будто папаша у него был Незаметный, а мамаша — нет. Как мистер Спок или кто-нибудь еще.

Филипп медленно кивнул.

— Половина на половину, — сказал он. — Понимаю. Это многое объясняет.

Я прочистил горло:

— Вы думаете, ему нельзя доверять? То есть он вспомнит, откуда мы пришли, или просто решит нас убрать? Вы думаете, что он уже не на нашей стороне?

— Лучше бы ему быть на нашей, — сказал Филипп.

— А если нет?

— Тогда мы его уберем. И поставим на его место Джима. Как хотели с самого начала те денежные мешки.

Через три дня в офисе мэра появился Джим. Он не только жался, ежился и стеснялся, но был очень напуган, и нам больших трудов стоило его уговорить, что мы ни в чем его не обвиняем.

Он позвонил Филиппу с просьбой о встрече — позвонил из автомата, потому что боялся, что мы

его выследим и убьем за сотрудничество с Харрингтоном, Ламбертом и властной элитой. Он сказал, что просит перемирия. Он хочет с нами увидаться и все объяснить.

Тут не было отчего объявлять перемирие, и выяснять тоже было нечего, но Филипп согласился с ним встретиться и назначил место и время.

— Не говори Джо, — сказал он мне, повесив трубку.

— Почему?

— Потому.

— Потому что — что?

— Потому что.

Когда на следующее утро в назначенное время Джим вошел в офис мэра, вид у него был аховый. Он явно жил все это время впроголодь и очень нервничал. Одежда у него испачкалась, лицо осунулось. И пахло от него так, будто он уже приличное время не мылся.

Филипп рассказал ему о террористах, объяснил, кто мы такие и что делаем. Он не давил на Джима, но ясно дал ему понять, что он может к нам присоединиться, если желает.

Именно в этот момент в комнату вошел Джо.

Минуту мэр стоял в дверях, остолбенев и не двигаясь. Потом рванулся вперед с багровым от злости лицом.

— Вон из моего офиса! — крикнул он, показывая рукой на дверь. — Вон из моего города!

— Это Джим, — небрежно сказал Филипп. — Наш новый террорист.

Джо посмотрел на Филиппа, на Джима и снова на Филиппа.

— Вы что, не знаете, кто он такой?

— Я тебе это только что сказал. Это новый Террорист Ради Простого Человека.

— Это тот, кого этот сукин сын Харрингтон хотел посадить на мое место! — Мэр подошел к Джиму и уставился ему в лицо: — Кто ты такой и откуда?

— Меня зовут Джим Колдуэлл. Я из Сан-Франциско.

— Почему ты решил нас продать?

— Я не собирался вас продавать. Эти парни нашли меня на бензоколонке, где я работал, и спросили, хочу ли я быть мэром. Что я должен был сказать?

— Не дави на него, — сказал я. — Ты же знаешь, как это случилось.

— Я знаю? Я только знаю, что он хотел перебить у меня работу! — Он снова повернулся к Джиму: — Зачем ты сюда приехал?

— Мне пришлось уехать из Сан-Франциско, потому что я там убил своего начальника на электростанции...

— Можешь не рассказывать, — устало поднял руку Филипп. — Это мы все знаем.

— Я хочу, чтобы он убрался отсюда! — рявкнул Джо.

— Положил я на то, чего ты хочешь.

Голос Филиппа был тих и холоден, как было в разговоре с Харрингтоном. Стальные глаза не отрывались от мэра.

Джо чуть сдал назад, но тон его не стал менее воинственным.

— Я здесь мэр, — сказал он. — А не ты.

— Это верно, — ответил Филипп, медленно придвигаясь к нему. — Ты здесь мэр. Ты мэр это-

го вонючего маленького пригорода Палм-Спрингз, и у тебя есть власть расширять улицы и строить бейсбольные площадки. — Филипп властным жестом хлопнул ладонью по столу. Хлопок прозвучал как щелчок бича. — И не вешай мне лапшу на уши, какая ты важная птица. Ты был бы никем, если бы мы не встали на твою сторону. — Он показал на Джима: — Вот кем ты был бы.

— Я благодарен вам за то, что вы сделали. Но боюсь, это мой город. Я здесь мэр, и...

— Да, ты мэр. А не царь.

— Я хочу, чтобы вы все отсюда убрались.

Филипп постоял, медленно покачивая головой, потом полез в карман и вытащил револьвер.

— Я знал, что до этого дойдет. Ты до обидного предсказуем.

Теперь в голосе Джо слышалось некоторое тремоло.

— Что это ты вздумал?

Я посмотрел на Тима, на Джеймса. Никто из нас не понимал, что происходит. Во рту у меня пересохло.

— Теперь Джим здесь мэр, — сказал Филипп и спокойно пересчитал патроны в барабане. — Как тебе это понравится? Мне даже не надо заставлять тебя подписывать бумажку или убираться в отставку. Я тебя просто уберу из офиса и заменю.

— Ты не имеешь права! Я избран народом!

— А я отменяю выборы, — холодно усмехнулся Филипп. — Ты думаешь, хоть одно мурло заметит разницу?

Я похолодел. Это был Филипп, которого я раньше не видел. Это не был идеалист, который привлек меня на свою сторону или донкихотски встал

на защиту должности Джо Хорта. Это не был тот отчаянно мечущийся человек, который занимался сексом с Мэри и со мной и со всеми прочими. Это не был даже тот полусумасшедший фанатик, который хотел взорвать Фэмилиленд, и не тот хладнокровный киллер, который зарезал своих начальников и перестрелял мучителей Джо. Этот Филипп стоял на краю, у него не было ни мотива, ни плана, этот Филипп действовал без всякой причины, слепо, по инстинкту, и это пугало меня до смерти.

— Филипп... — начал я.

— Заткнись.

Джим попятился.

— Я не хочу быть мэром, — начал он. — Я только пришел удостовериться, что вы против меня ничего не имеет. Я не хотел...

— И ты заткнись. — Он сверлил Джо взглядом. — Ну, так что будет дальше, мэр?

Джо сдался.

— Извините, — заговорил он. Облизал губы. — Я просто... Я...

Он беспомощно смотрел на Филиппа.

Филипп несколько секунд сохранял бесстрастное выражение. Потом несколько раз моргнул, и, наконец, кивнул головой.

— О'кей, — сказал он. — Выяснили. — Он сунул пистолет в карман. — Следует ли понимать это так, что вы не возражаете против вступления Джима в нашу компанию?

— Да ради Бога. — Мэр посмотрел на Джима и заставил себя улыбнуться. — Извини, — сказал он. — Без обид?

— Без обид.

— Вот на это и посмотреть приятно.

Что-то странное было в поведении Филиппа, что-то тревожащее было в его образе действий. Я вспомнил, как мне однажды показалось, что он маниакально-депрессивен.

Душевнобольной?

Я посмотрел на Джеймса, он — на меня, и я знал, что он думает то же самое. Он отвернулся.

А Филипп все кивал.

— Снова живем дружно. Вот на это и посмотреть приятно. Снова дружно.

Мы провели с Джимом целый день, шатаясь по городу, рассказывая ему о наших прошлых жизнях и о теперешних. Он сразу запал на Мэри, и это чувство явно было взаимным. Мы с Джеймсом обменивались понимающими улыбками, глядя, как эти двое не слишком ловко все время находили предлоги стоять или сидеть рядом. У меня было такое чувство, что все остальные террористы теперь гораздо реже будут видеть Мэри у себя в кровати.

Филипп по-прежнему был напряжен, как свернувшаяся змея. Весь день он метался с места на место, входил и выходил, резко вмешивался в разговоры и так же резко от них отключался. Казалось, он ждет чего-то, и ждет с тревогой.

После обеда, когда стемнело, поднялся сильный ветер, и мы сидели в комнате Джо и смотрели телевизор. Вдруг Филипп вскочил и выбежал из дома, рывком распахнув дверь. Несколько секунд он стоял у входа, тяжело дыша. Потом покачал головой.

— Я должен идти, — сказал он. — Должен обратиться отсюда.

Я встал, нахмурившись, и подошел к нему.

Бенджамин Аммон

— Куда идти? О чем ты?

— Ты не поймешь.

— А ты попробуй объяснить.

Он задумался, потом снова качнул головой.

— Спасибо. Но... нет. Не надо. — Он вышел наружу и на крыльце обернулся. — Не ходи за мной, — сказал он. — Никто за мной не ходите.

И он ушел в ночь, в темноту, а я остался глядеть ему вслед из открытой двери, где он только что стоял, и слушал его удаляющиеся шаги, пока их не заглушил шум ветра пустыни.

Глава семнадцатая

Филипп не возвращался неделю. Когда он вернулся, это был прежний Филипп, энергичный и жизнерадостный, полный планов насчет того, что Джо может сделать, чтобы временно помочь Незаметным и продвинуть свою политическую карьеру.

Мы в его отсутствие впали в спячку, не зная, вернется ли он, и что нам делать, если нет. До тех пор я не понимал, как мы все от него зависим. Несмотря на все наши споры и несогласия, несмотря на мои периодические попытки отдалиться от него, я полагался на Филиппа так же, как и все остальные, и я знал, что ни у кого из нас нет ни общей перспективы, ни способностей лидера, чтобы занять его место и возглавить организацию.

Тогда, когда уже начинало казаться, что нам в самом деле придется принимать решения на свой страх и риск, Филипп вернулся и повел себя так, будто ничего необычного не случилось, и снова стал строить планы и говорить нам, что делать.

Я хотел с ним поговорить о том, что произошло, хотел поговорить и с остальными, но почему-то этого не сделал.

Джо был нашей связью с реальным миром. Он определенно был Незаметным, но каким-то образом, то ли в силу природных качеств, то ли своего положения, он умел заставить не Незаметных его замечать. Он мог с ними общаться, и они его слушали.

После своего возвращения Филипп первым делом попросил Джо поискать, нет ли в городских службах других Незаметных, и поставить их на дающие власть посты.

— У них на службе их никогда не повысят, потому что их просто не замечают. Их не видят, и никто не вспомнит о них, когда открывается вакансия.

— Я не уверен, что смогу распознать Незаметных, — засомневался Джо.

— Я смогу, — заверил его Филипп. — Достань мне распечатки списка всех городских служащих вместе с личными делами. Мы с этого начнем, и таким образом сузим поиск. Затем ты их вызовешь на встречу в городской совет, представишь меня как эксперта по организации труда или что-нибудь в этом роде, и я на них посмотрю. Если мы кого-нибудь найдем, мы с ним поговорим и решим, куда его поставить.

— Но что будем делать после этого?

— Посмотрим.

Среди служащих сити-холла Незаметных не оказалось. Проверка компании, которая взяла у города подряд на обрезку деревьев и уход за парками, тоже ничего не дала.

Мы встречались реже, чем сами думали.

Но все это Филиппа не обескуражило. Он собрал нас вместе, задавал нам вопрос за вопросом, написанные им самим по разным темам, и по нашим ответам вывел тест, который назвал ТСС — тест склонностей и способностей. Он с помощью Джо провел через городской совет постановление, что все школы Дезерт-Палмз должны провести у себя ТСС до конца текущего учебного года.

— Так мы их выловим еще в молодые годы, — объяснил Филипп.

Тем временем он и Джо перевернули горы кадровых распечаток и отчетов по трудовым ресурсам в поисках городских служащих, у которых показатели затраченного на работу времени и достигнутых результатов были наиболее средними и не выдающимися. Филипп поставил себе целью избавиться от тех, кто работал совсем плохо, понизить по службе тех, кто показывал отличные результаты и навалить на них основную массу работы, а повысить тех, кто был самым средним, самым ординарным, самым похожим на нас.

— Посредственность должна вознаграждаться, — провозгласил он. — Только так мы сможем заслужить к себе уважение.

Для всех нас остальных дни стали более однообразными. Не имея близкой цели, для которой надо было работать, мы стали распускаться. Снова мы стали ходить днем в кино, шататься по магазинам. Мы заходили в пятизвездочные заведения отдыха, плавали в их роскошных бассейнах. По вечерам мы ходили в ночные клубы. Мы веселились, докучая знаменитостям, ставя им ножки во время танцев и глядя, как они неуклюже

падают к тайному восторгу смотрящих на них обычных людей. Мы задирали юбки знаменитым женщинам и сдергивали штаны с самых претенциозных мужчин, обнажая, кто из них носит белье, а кто нет. Я всегда считал Палм-Спрингз местом обитания бывших знаменитостей, но удивительно, сколько молодых актеров и звезд мыльных опер и современных антрепренеров набивались на уик-энд в местные клубы.

В одном клубе в женском туалете Стив и Пол изнасиловали блондинку, которая снималась в главной роли в комедии, идущей по субботам на «Си-би-эс». Хвастаясь после этого ее шелковыми трусами как трофеем, Стив сказал:

— И ничего особенного. Наша Мэри уж никак не хуже.

— Знаменитости ничем от нас не отличаются, — согласился Пол. — Не понимаю, что люди в них находят.

Я ничего не сказал.

Когда об изнасиловании узнали Филипп и Джо, они пришли в ярость. Филипп нам прочел нотацию насчет совершения преступлений в Дезерт-Палмз.

— Где ешь, там не сри! — сказал он. — Хоть это вы, мудаки, можете понять?

Интересно было замечать, как изменился Филипп после «операции». Он последнее время стал весьма консервативен, отстраняясь от главных средств терроризма, поборником которых был раньше, и маневрируя лишь в жестких границах системы.

Должен признать, мне нравился этот консервативный подход.

Примерно через месяц я возвращался из книжного магазина по почти пустой улице, и на меня налетела какая-то женщина. Она испустила удивленный возглас, застыла в недоумении и испуге, оглядываясь по сторонам.

Она меня не видела.

Вообще.

Первая мысль у меня была, что она слепа. Но почти сразу я понял, что дело не в этом. Она просто была неспособна меня увидеть — я для нее был полностью прозрачен. Я стоял и смотрел, как она вертит головой, потом спешит прочь, оглядываясь то и дело через плечо в поисках невидимого хулигана.

Я остолбенел, не зная, как реагировать. На минуту я задумался, посмотрел в обе стороны вдоль улицы, выискивая кого-нибудь еще. Заметил бродягу на автобусной остановке, поспешил к нему. Это был человек в грязном пальто, с густой бородой, и он смотрел через улицу, не отводя глаз от дома напротив. Я облизал губы, сделал глубокий вдох и начал перед ним прохаживаться. Его глаза за мной не следили.

Я остановился и сказал:

— Привет!

Ответа не было.

Я хлопнул в ладоши у него над ухом.

Ничего.

Я толкнул его в плечо.

Он удивленно подпрыгнул и испустил краткое восклицание, дико озираясь.

Он тоже меня не видел.

И не слышал.

— Они вернулись! — заорал он и побежал прочь по улице.

Я тяжело опустился на скамейку.

Мы перешли на следующую стадию.

Когда это случилось? В эту ночь, или мы постепенно выпадали из поля зрения людей?

Автобус прошел мимо. Водитель не увидел меня на остановке и не затормозил.*

Я понял, что мы полностью свободны. Даже минимальные ограничения, наложенные нашей остаточной видимостью, теперь сняты. Мы можем делать все, что захотим, когда захотим, где захотим, и никто никогда не узнает.

Но...

Но что-то мне не хотелось рассказывать об этом остальным. Что-то не был я уверен, что им это следует знать. Было у меня такое чувство, что это может нас отбросить назад, что какими бы мы сейчас ни были, до чего бы ни дошли в своей эволюции — все это тут же будет забыто, и придется нам делать снова то, что уже сделано. Мы сразу начнем пытаться использовать преимущества своей невидимости и придем в конце концов к бессмысленным играм.

Кроме того, я должен был признать, что открывшаяся передо мной перспектива свободы меня пугала. Мне не нравилось летать под куполом без сетки, я себе не доверял.

И остальным доверял еще меньше.

Хватит ли у нас чувства ответственности для владения такой безграничной самостоятельностью?

Я вернулся к Джо, все еще не зная, что скажу, не зная, скажу ли что-нибудь вообще. Джона, Билла и Дона не было, но Филипп, к счастью, был — зашел на ленч. Все остальные собрались в гостиной — смотрели телевизор, читали журналы, трепались.

Бенджамин Андерсон

Я решил, что какую-то часть надо им сообщить. Но под сурдинку.

— Не хочу никого пугать, — начал я, — но только что я шел из магазина, и на меня налетела женщина. Она меня не видела.

— Открытие! — фыркнул Пол, поднимая глаза от журнала.

— Нет, она вообще меня не видела. Не просто не замечала. Она просто смотрела сквозь меня. — Я оглядел комнату и нервно откашлялся. — Получается, что мы как-то... наше состояние... ухудшается? Когда-то Джеймс говорил, что мы можем стать невидимыми супергероями, ловить преступников и вообще... Как вы думаете, не пора нам этим заняться? Или только я это заметил?

Мои слова были встречены молчанием. У Филиппа был такой вид, будто ему неприятно.

Я рассказал им о своем эксперименте с бродягой.

— Я тоже замечаю разницу, — сообщил Пит. — Только я никому не хотел говорить, думал, что это мое воображение, но с тех пор, как мы убрали этих шишек у власти, как-то стало по-другому.

Томми повернулся к Филиппу:

— Это как прогрессирующая болезнь? Так оно с нами?

Филипп вздохнул:

— Не знаю. Я тоже это заметил. Я только пока ничего не хотел говорить. Не хотел никого пугать.

Сидящая на диване Мэри взяла за руку Джима. По телевизору крутили рекламу новых тампонов. Все было не так, как я думал. На улице мне казалось, что меня выпустили из клетки и заставили летать в открытом небе без границ.

Сейчас было такое чувство, будто на меня наваливаются стены тюрьмы. Я был изолирован и одинок, несмотря на присутствие других.

— Так что мы будем делать? — спросил Томми. Филипп встал.

— А что мы *можем* сделать? — Он глубоко вздохнул. — Мне надо возвращаться к работе. Я поговорю с Джо, узнаю, что он думает. Он — половина на половину, может быть, он увидит это с другой стороны.

— Может быть, он тоже нас больше не будет видеть, — предположила Мэри.

Филипп вышел из гостиной, не глядя на нас. Уходя, бросил:

— Я должен вернуться к работе.

Мы были невидимы, но это мало что изменило. По крайней мере меньше, чем я думал. Здесь, под солнцем, в средоточии богатства, с посредником между нами и обычными людьми в лице Джо, временно исчезало то чувство отчуждения, которое меня преследовало.

Джо видел нас не хуже, чем раньше.

Для него мы не исчезали.

Пока что.

Филипп продолжал работать полный день, стараясь законными путями улучшить наше положение и привлечь к нам внимание. Остальные жили, как прежде.

Однажды вечером, зайдя в «Сиззлер» и навалив себе на тарелки все, что можно было набрать у стойки, мы потом вышли на людный тротуар и пошли в магазинчик звукозаписей украсть не-

сколько лент и компактв. Неожиданно Филипп отвел меня в сторону.

— Я хочу с тобой поговорить.

— О чем?

Он остановился, давая остальным пройти немного вперед.

— За нами следят, — сказал он. Помолчал и добавил: — Боюсь, они напали на след.

— Кто?

— Те, в серых костюмах.

Я покрылся гусиной кожей.

— Они нас нашли?

— Так я думаю.

— Когда ты это обнаружил?

— Где-то неделю назад.

— Это просто «чувство» или ты их видел?

— Видел.

— Почему они ничего не сделали? Почему не схватили нас или не убили?

— Не знаю.

Я оглянулся посмотреть, нет ли их сейчас около нас, но увидел только туристов в футболках и местных.

— Как ты думаешь, кто они?

Он пожал плечами:

— Кто знает? Может быть, правительство, ФБР или ЦРУ. Мы для них были бы классными шпионами. Как я понимаю, они нас и создали. Может быть, нашим родителям давали какие-нибудь лекарства, подвергали какому-то облучению...

— Ты так думаешь? Ты думаешь, поэтому мы Незаметные?

Мне надо было бы ощутить ужас, гнев при этой мысли, но вместо этого я почувствовал оживление,

подумал, что наконец-то у меня есть конкретное объяснение, почему мы стали такими, как мы есть.

Он медленно покачал головой:

— Нет. Но я думаю, что они о нас узнали. Я думаю, они знают, кто мы, и потому за нами наблюдают. — Он минуту помолчал. — Я думаю, мы должны их убрать.

— Нет, — сказал я. — Хватит. Я совершил столько убийств, что хватит на две жизни. Я не собираюсь.

— Тебе понравилось, когда мы убирали этих денежных ребят. Не отрицай.

— Это другое дело.

— Ты прав. Те ребята собирались уволить Джо и поставить нового мэра. Эти убили Бастера. И они собираются убить нас. Это другое дело.

— Послушай, я не...

— Тсс! — резко и тихо сказал Филипп. — Приглуши громкость.

— Зачем?

— Я не хочу, чтобы остальные это слышали.

— Почему?

— Не хочу их волновать.

— *Волновать?* После всего, что они уже испытывали...

— Потому что. Вот тебе и все почему. Хватит с тебя такого объяснения? — Он посмотрел на меня. — Я тебе говорил, что у меня бывают наития? Предчувствия? Так вот, сейчас у меня предчувствие, что остальным говорить не надо.

Мы минуту помолчали.

— А что такое эти «предчувствия»? — спросил я. — Что они такое на самом деле? Экстрасенсорное восприятие, телепатия, чего-нибудь такое?

— Не знаю.

— Я тебе не верю.

Он молчал.

— Ну, наверное, вроде экстрасенсорного восприятия, — сказал он наконец. — А скорее, как гадание. Они всегда относятся к будущему и всегда оказываются правдой. Я не вижу картин или образов. Это не бывает связным сообщением. Я просто... просто знаю.

— Почему ты в прошлом месяце ушел в ту бурю? Зачем исчез на неделю?

— Надо было.

— Что ты делал, пока тебя не было?

— Это не ваше дело.

— Мое.

Он посмотрел мне прямо в глаза.

— Нет, не твое.

— Но это ведь связано, правда? Это связано с твоими «предчувствиями».

Он вздохнул.

— Скажем так, что я должен был уйти и... и кое-что сделать. Если бы я этого не сделал, нам пришлось бы плохо. Всем нам. Если бы я тебе рассказал подробности, ты не увидел бы в этом смысла — я сам его не вижу, — но это правда, и я знаю, что это правда, и... и это то, что случилось.

— Почему ты нам всем про это не рассказал? Мы бы...

— Потому что вы бы не поняли. И потому что это не ваше дело.

Мы медленно шли по тротуару и теперь были напротив магазина звукозаписей. Все уже вошло внутрь, кроме Пита, который нас ждал у входа.

— Я знаю, что вы обсуждаете что-то, что мне слышать не полагается. Но только вы не про тех в костюмах?

— А что?

— Я знаю, что они здесь. Я одного видел возле «Сизслера».

Филипп оттащил его от двери.

— Кто еще знает?

Он пожал плечами:

— Понятия не имею. Наверное, никто. Я никому еще пока не говорил. Я думал, сначала надо поговорить с тобой.

— Ты надежный мужик, Пит, — улыбнулся Филипп.

Я снова огляделся.

— Сейчас их тут нет, — сказал Филипп.

— Так что будем делать? — спросил Пит.

— Уберем их, — ответил Филипп.

Я покачал головой:

— Они тут не одни. Они работают на кого-то. Они уже сообщили своим боссам по радио или по телефону, что мы здесь. Пусть мы их убьем, явятся другие. Надо отсюда уматывать.

Филипп на секунду задумался.

— Ты прав, может быть, — признал он. — Но одно точно: надо сказать остальным. Пусть проголосуют. В любом случае нельзя тут сидеть и ничего не делать. Это опасно. Или надо их убить, или делать ноги, или и то и другое.

— Согласен.

— Тогда ладно. Давайте двинем домой. Время заседания.

Мы проголосовали остаться.

И спрятаться.

Голосование было анонимным для всех, кроме Филиппа. Каждый, казалось, устал от убийств, и несмотря на то, что случилось с Бастером, никто не был в настроении мстить. Мы все перепугались и хотели только затаиться.

— Но куда податься? — спросила Мэри.

— В новом квартале на юге полно хороших домов, — предложил Джо.

— А какой туда подход? — спросил Филипп. — Есть ворота? Сколько дорог въезда и выезда? Сможем мы организовать охрану?

— Не беспокойся.

— Эти ребята не шутят, — сказал Филипп. — Если они сюда явились, у них есть причина. Они уже убили одного из нас...

— Джо может сказать об этих парнях начальнику полиции, — заметил Тим. — Их можно скрутить за приставание к людям или еще что-нибудь в этом роде. Тогда мы узнаем, кто они и зачем за нами охотятся.

— Так и сделаю, — кивнул Джо.

Филипп остановился только на секунду.

— Ладно, — согласился он. — Только осторожнее. Если они узнают, что ты из наших, могут попытаться взять и тебя.

— Не беспокойся.

Филипп кивнул.

— О'кей. С этого момента у нас должен все время кто-то быть на вахте, двадцать четыре часа в сутки. — Он повернулся к Джо. — Покажи нам, где это место.

Мы поехали в новый квартал, заняли пустой дом в стиле ранчо в конце тупика, чтобы можно было следить за входящими. Джо поговорил с на-

чальником полиции и организовал дежурство полицейской машины у нашего въезда. Он дал полиции описание ребят в серых костюмах, получил подтверждение, что местная полиция о них ничего не знает, и гарантию, что полиция прихватит любого из них, кого найдет, для допроса.

— Я думаю, вам ничего не грозит, — сообщил Джо.

— Может быть, — ответил Филипп. — Но я все равно оставлю пока дежурства. Просто на всякий случай.

В ту ночь это и случилось.

Снова была песчаная буря. Мы сидели в доме. До того мы собирались устроить барбекю, но буря загнала нас внутрь, и Мэри засунула наполовину зажаренных цыплят в печь. Мы собрались вокруг, ожидая еды, попивая пиво и разговаривая, глядя видеозапись боевика, когда я вдруг заметил, что Филиппа нет.

Он мог быть в туалете, мог быть в кухне, но что-то мне сказало, что это не так, и я быстро оглядел все комнаты дома и увидел, что Филиппа там нет. Я открыл дверь и выглянул наружу. Сквозь несущийся песок я увидел, что все наши машины припаркованы на стоянке.

Потом я увидел Филиппа.

Он был в соседнем доме. Я сумел разглядеть его силуэт в боковом окне.

Что-то в этом меня насторожило, включило мои антенны. Замутило под ложечкой, и я выбежал наружу, перепрыгнул ограду, разделявшую дома, и взлетел на крыльцо. Дверь была распахнута, несмотря на песчаную бурю, и я вошел внутрь. Про-

бежав мимо окна, где я видел Филиппа, мимо ка-
морки, я выбежал в коридор. Филипп был впе-
реди и направлялся к концу коридора.

В его руке был большой мясницкий секач.

— Филипп! — крикнул я.

Он не обратил внимания и не изменил шага. Я
побежал за ним.

— Филипп!

Он что-то бормотал, разговаривая сам с собой.
Я слышал, как он сказал «да», и по интонации я
понял, что он с кем-то говорит.

С Богом?

По рукам побежали мурашки, когда я вспом-
нил, как он говорил в тот первый день, когда я
увидел террористов, что Бог выбрал нас для этой
работы.

— Да, — сказал он снова, будто отвечая на воп-
рос. — Я это сделаю.

Но ведь он говорил, что не слышит голосов.

— Нет, — ответил он невидимому вопроша-
ющему.

— Филипп! — Я схватил его за плечо.

Он вывернулся, замахнулся на меня ножом, но
увидел, что это я, и нож пролетел мимо.

Он ударил меня кулаком в нос.

Я отлетел к стене, оглушенный неожидан-
ностью и болью, кровь их носа текла по лицу и
заливалась в горло. Я сплюнул, встал, попытался
перевести дыхание. Филиппа уже не было, и че-
рез долю секунды я услышал прерывистый детс-
кий вопль.

Я бросился в открытую дверь в конце коридора.
Филипп стоял на коленях в розовой девчоночьей
детской, посередине между двумя кроватками. Он

был покрыт кровью, на его лице отчаянно сверкали безумные белки глаз, и он бешено рубил лежащих перед ним на земле двух неподвижных малышей.

— Меня зовут не Дэвид! — вопил он. — Меня зовут Филипп! — Он взмахивал ножом, кромсая детское плечо. — Меня зовут Филипп!

Меня оттолкнула с воплем влетевшая в комнату женщина. Крик ее резко оборвался, когда страшная сцена ударила ее по глазам. Она сразу лишилась чувств, упав на пол не мягко и грациозно, как женщины в кино, а плоско, как деревянная колода, гулко стукнувшись затылком об пол, и отлетевшая рука хлюпнулась в лужу крови ее дочерей.

У дверей стоял розовый комод. На нем сверху — две свиньи-копилки. Я взял одну и с силой пустил Филиппу в голову.

Она ударилась, отскочила и разбилась об пол, рассыпав монетки по крови. Филипп потряс головой, заморгал, и, кажется, впервые заметил у себя в руке нож, мертвых девочек на полу и меня у двери. Будто бы он очнулся от транса и глядел на меня малодушными перепуганными глазами.

— Я не... Я не хотел... я был должен...

— Избавь меня от объяснений.

— Помоги мне отмыться. Помоги мне избавиться... — он протягивал ко мне окровавленные руки ладонями вверх.

Какая-то часть меня испытывала к нему сочувствие, но это была очень малая часть.

— Нет, — ответил я с отвращением.

— С нами бы такое случилось, если бы я не...

— Что? — попер я на него. — Что с нами случилось бы?

Он заплакал. Я впервые видел плачущего Филиппа, и это зрелище меня терзало, но сцена окровавленной комнаты терзала больше. Этого я ему простить не мог. Оправдать этого я не мог. Я не стану защищать его только потому, что мы одной породы. Родством не искупить эту бойню.

— Я больше не террорист, — сказал я.

— Не говори другим, что...

— Пошел ты на...

Я вышел из спальни, из этого дома, в песчаную бурю, и пошел прямо к Тиму. Я рассказал всем, что случилось, что я видел, и они, притихшие и подавленные, пошли в соседний дом. Стив и Джуниор остались помочь Филиппу убрать. Остальные вернулись, не в силах сказать ни слова.

— Я уйду, — сказал я, когда они вернулись. — Подаю в отставку.

— Ты не можешь уйти, — ответил Пит.

— Почему?

— Ты — Незаметный. И ты не можешь перестать быть Незаметным оттого, что просто это заявишь.

— Это да, я всегда буду Незаметным. Но я больше не Террорист Ради Простого Человека. Я уйду из террористов. За Филиппом я больше идти не хочу. Он сумасшедший.

— Но мы же все убивали, — возразил Пол. — Так что, мы все сумасшедшие?

— Если ты не видишь разницы, мне ее тебе не втолковать. — Я оглядел своих друзей, своих братьев, свою сестру. — Я уйду. Кто-нибудь хочет со мной?

— А куда ты пойдешь? — тихо спросил Джеймс.

— Еще не знаю.

— Я никуда не пойду, — сказал Джо. — Я здесь мэр. Это мой город.

— Понимаю, — кивнул я.

— И я не хочу уходить, — заявил Тим. — Я не с Филиппом, но я остаюсь.

Вперед выступила Мэри.

— Мы идем с тобой, — сказала она. — Мы с Джимом уходим с тобой.

Она посмотрела на Джима, и он кивнул.

— Я иду, — отозвался Джеймс.

— И я. — Дон.

В общем, Билл, Джон, Томми и Пит решили остаться с Филиппом. Я знал, что так же поступят Стив и Джуниор, и потому не стал даже зря ждать их возвращения.

— Сколько вам нужно времени на сборы? — спросил я.

Джеймс вяло улыбнулся:

— Я всегда собран.

Мы ушли раньше, чем вернулся Филипп и эти двое. Я обещал звонить, не пропадать, но в этот момент не был уверен, что так и поступлю. Слишком много во мне бурлило противоречивых чувств. Больше всего на свете хотел я сбросить с себя это бремя — быть Незаметным. Я хотел снова быть просто обыкновенным человеком, не быть обязанным волноваться насчет серых костюмов, или планировать убийство, или обдумывать крушение «системы». Мне не нужна была мантия ответственности, которую я был вынужден носить с тех самых пор, как узнал Филиппа. Я хотел только жить своей жизнью в мире и покое.

Мы пробились сквозь летящий песок к фурго-
ну Джима. Я уже жалел о своем решении уйти.
Ужас только что виденного начал спадать, и я об-
наружил, что подыскиваю оправдания действиям
Филиппа, объясняю себе, что он болен, что он не
может с этим справиться, что он не знал, что делает.

Мне уже начинало не хватать Филиппа.

Я вспомнил Мир Моря.

Нет, решил я про себя. *Этим* воспоминаниям
я не могу дать потускнеть.

Я принял решение и я буду его держаться.

Мы выехали из квартала, направляясь к меж-
душтатовой дороге номер десять. Ветер стих, и в
небе появились звезды. Восходящая полная луна
окрасила дюны голубым.

— Так куда мы? — снова спросил Джеймс.

— Не знаю, — покачал я головой в ответ. —
Идеи есть?

— Обратно домой?

— Домой — это куда?

— По нашим старым домам, настоящим до-
мам. Твоя квартира, мой кондоминиум.

— А что если серые костюмы устроили там
засаду и ждут, пока мы вернемся?

— Так долго? Не шути.

— Ладно, — сказал я. — Мне предложение
нравится. А как вам?

— Я малость скучаю по старому своему дому, —
признался Дон.

Мы проголосовали анонимно.

— Ладно, — сказал я. — Так и сделаем.

Мы заехали на заправку «Арко» возле хайвея
залить бензина на долгую дорогу до округа
Орандж. Я зашел в мини-маркет прихватить еды,
пока Джеймс заливал бензин.

Человек за прилавком был Незаметным.

Мы уставились друг на друга. В магазинчике никого, кроме нас, не было, и я стоял, ошеломленный, глядя на человека за прилавком. Он был молод, чисто выбрит, с длинными каштановыми волосами, и был слегка похож на Тима.

— Ты, — сказал он наконец. — Ты — Незаметный.

Я кивнул. Почему-то я подумал о правиле Филиппа — не принимать человека, который еще не убил своего босса. Этот парень продолжал работать — значит, он своего босса пока не трогал.

— Меня зовут Дэн, — сказал он.

— Привет! — вяло отозвался я. Я планировал украсть пару «твинки», печенья и картофельных чипсов, но теперь за них придется платить. Я не хотел устраивать неприятности этому парню. Он был из наших.

— Ты из Томпсона? — спросил он.

Томпсон? Я покачал головой, не понимая, о чем он.

— Ты туда едешь?

— Извини?

— В Томпсон?

— Нет.

Я выглянул из окна, увидел, как Джеймс вешает обратно заправочный пистолет. Я понятия не имел, о чем говорит этот человек. Мне подумалось, что он малость не в себе — как был Пол, когда мы его нашли.

— Я из Томпсона.

Это мне ничего не говорило.

— Томпсон — это *наш* город.

— Наш город?

Он кивнул:

— Наш город.

Я вытаращился на него — до меня вдруг дошло, что он говорит.

— Ты хочешь сказать... город таких людей, как мы?

— Конечно. Это город Незаметных.

Город Незаметных.

Я вдруг увидел перед собой огромный подземный мир, переплетение сот пещер и туннелей, где прячется многочисленное тайное общество. Я подумал о подземном городе под Сиэтлом. Я в детстве видел старое кино «Ночной стalker», и у меня всплыли воспоминания о погребенной столице, существующей одновременно с городским миром наверху. Почему-то именно так представил я себе город Незаметных.

Город Незаметных.

Город, где каждый — такой, как мы.

От одной этой мысли кровь у меня побежала быстрее.

Дэн усмехнулся и кивнул.

— Я там родился. Уехал несколько лет назад, решил пошататься по стране, набраться жизненного опыта. Я писатель. А писателю нужно побольше жизненного опыта.

— Но... этот город... Томпсон?

— Ага, Томпсон.

— Там полно таких людей, которые Незаметные?

— Ага. — Он покачал головой. — Меня просто кондрашка чуть нехватила, когда я увидел, как тыходишь в эту дверь. Ты первый Незаметный, которого я вижу за последние три года. Я думал, все они живут в Томпсоне.

— Там еще есть в фургоне. И еще несколько в Дезерт-Палмз. И мэр там тоже Незаметный.

— Не свистишь?

— Нет.

— Ни фиги себе!

— Слушай, — сказал я. — Ты не покажешь нам дорогу в Томпсон? Мы могли бы тебя подбросить. Только покажи дорогу.

— Никогда! Я останусь здесь. Ты знаешь, сколько разных типов проходят тут за мою ночную смену? — Он потряс головой. — Я тебе скажу, между полночью и рассветом это просто шоу психов! — Он показал на блокнот рядом с кассой. — А я все это записываю.

Я кивнул, заставив себя улыбнуться. Он вообще понимает, что значит быть Незаметным? Как бы ни была великолепна его книга — а она не будет великолепной, она будет средней, — никто ее не прочтет. Что бы он ни делал, никто никогда не обратит на это внимания.

— Ладно, ты можешь нам сказать, как туда добраться? — спросил я.

— Это пригород Феникса. Возле Глендейла, как раз к северу от Феникса.

— Ты можешь нам карту нарисовать, или что-нибудь в этом роде?

— На настоящей карте его нет, а я не способен нарисовать карту даже ради спасения жизни. Кроме того, я не думаю, что дорога к нему имеет название. Но ты не волнуйся, ты его найдешь.

В магазинчик вошел Джеймс, а за ним Джим и Мэри.

— Здесь есть дамская комната? — спросила Мэри.

— Вон в эту дверь, рядом с фонтанчиком, — показал Дэн.

Мэри вытаращила на него глаза:

— Ты меня слышишь?

Клерк засмеялся:

— Здесь собрались одни Незаметные.

— Есть город, — сказал я. — Город Незаметных. Он оттуда. Он называется Томпсон, и он рядом с Фениксом.

Они ничего не могли сказать.

— Все еще собираетесь домой, или попробуем туда?

— Давайте вернемся, — предложил Джеймс. — Скажем остальным.

Я на минуту задумался, потом неохотно кивнул.

— О'кей, мы им скажем. Но я все равно стою на своем. Как только мы им скажем, я уезжаю. Я больше не террорист.

— Мы с тобой, — сказал Джеймс.

— Вот это я опишу в своей книге, — заявил Дэн. — Оно того стоит.

Он открыл блокнот и стал с деловитым видом записывать.

— Я пошла в туалет, — сообщила Мэри.

— Позови Дона, — сказал я Джеймсу. — Пусть он тоже услышит.

— Класс! — произнес Дэн, улыбаясь. — Класс.

Когда мы вернулись, Филипп был уже в своем обычном виде, такой же обаятельный, харизматичный и убедительный, как всегда, но я стоял на своем, и как только мы все изложили и сказали, как найти эту бензоколонку, мы уехали.

Перед отъездом я обратился к Джо:

— Ты все равно остаешься? — спросил я.

Он кивнул.

— Может, ваш город и Томпсон, но мой город — Дезерт-Палмз. Здесь мой дом.

— Ты собираешься продолжать работу, которую мы начали?

Он кивнул, улыбаясь.

— Я раб собственного «эго». Я работаю для Дела.

Я хлопнул его по спине:

— Ты хороший человек, Джо. Я это понял еще тогда, когда увидел тебя на газетной фотографии. Что бы потом из этого ни вышло, я рад, что с тобой познакомился. Рад, что тебя узнал. И я тебя никогда не забуду.

— Иди ты на...! Я же не умираю, я просто остаюсь.

— Я знаю, — улыбнулся я в ответ.

Это было уже после полуночи, и я уже устал вести машину, так что я передал руль Джиму. Мэри пообещала, что не даст ему заснуть, и я перелез в фургон к остальным.

Я не видел могилы моих родителей.

Почему-то раньше я об этом не думал, и сейчас на хайвее, когда мы проезжали мимо Индио в сторону границы с Аризоной, эта мысль пришла мне в голову впервые. После всех хлопот, чтобы узнать, где лежат мои мама и папа, я даже не попытался зайти на кладбище и посмотреть, где их зарыли.

А теперь поздно.

Мне было плохо от этой мысли, но я утешил себя, что если даже есть загробная жизнь, то призраки моих родителей наверняка обо мне забыли и даже не заметили, что я не пришел к ним на могилу.

Наверняка мертвые обращают на нас не больше внимания, чем живые.

И для Бога мы тоже будем Незаметными?

Вот в чем был вопрос, и я чуть не задал его, чуть не произнес вслух, но Филиппа здесь не было, а только он один из всех мог бы серьезно над ним задуматься, так что я ничего не сказал.

Я выглянул в окно фургона. Как мы найдем Томпсон, когда приедем в Феникс? Если города нет на карте, если он на самом деле невидим для мира в целом, как все мы, как можно надеяться его найти? Симпатической дрожью?

Я почти жалел, что мы не подождали Филиппа и остальных.

Я смотрел в темноту пустыни. Томпсон — пригород Феникса; это и все, что мы знали. Но стоит ли он на одной из главных дорог, или на хайвее, или просто на проселке? Если одни и те же улицы проходят через Феникс и через этот город, как люди могут этого не заметить? Наверняка обыкновенные водители останавливаются там купить воды или сигарет. Наверняка иногда их машины ломаются в черте города. Если в этом городе есть улицы, их содержание стоит денег, которые должно давать федеральное правительство или штат. Реальный мир не может полностью обтекать целый город, кто бы в нем ни жил.

Я ушел в обдумывание соседних тем, не имеющих никакого отношения ни к чему.

Я закрыл глаза, собираясь хоть немного отдохнуть.

Разбудили меня на рассвете.

— Приехали, — сказал Джеймс.

Часть третья

СТРАНА «HITDE»

Глава первая

Мы стояли на обочине пустынной двухполосной дороги, и больше на ней не было никого. За спиной у нас были склады и железнодорожные пути, пустыри, поросшие кактусами и бурьяном и усыпанные окаменелостями, брошенными прежними строителями. Перед нами, сверкая в ярком утреннем солнце, предстал нашим глазам, как Изумрудный город, Томпсон.

Я мигнул, раздирая усталые веки.

— Вы уверены, что это он и есть? Что это Томпсон? — спросил я.

Ответ я знал, но все равно не мог не спросить.

Джеймс кивнул.

— Удостоверься, — сказал он. И показал на зеленую табличку дорожного знака, который я сперва не заметил.

ТОМПСОН, 5 МИЛЬ.

— Мы дома, — сказала Мэри, и в ее голосе слышался благоговейный восторг.

— Так чего мы ждем? — спросил я. — Давайте вперед.

Джим врубил передачу, и мы поехали к этому сияющему видению.

Я ожидал, что все будут на взводе, что будут разговаривать без умолку, но мы ехали очень тихо по этой пустынной дороге. Как в последнем кадре фильма, когда герои, достигнув своей цели, едут домой и скоро разойдутся каждый своей дорогой. Примерно такое чувство повисло в нашем фургоне. Был в нем привкус грусти и печали, и хотя никто из нас не знал, почему, мы все были подавлены. Мы должны были радоваться, что нашли этот город, но это означало конец нашему теперешнему стилю жизни, и это угнетало.

Я смотрел сквозь ветровое стекло, как мы подъезжаем к городу. Я был рад найти наконец общество, в которое я смогу вписаться, где мне найдется место. И я совсем не буду скучать без тех морально сомнительных поступков, которые мы совершали, пока были террористами. Но мне будет не хватать этой тесной дружбы, этого товарищества. Потому что что бы мы друг другу ни говорили, что бы мы друг другу ни обещали, сами желая в это верить, этой дружбы не сохранить. Мы разойдемся по своим путям. Это неизбежно. Напряженность нашей жизни рассосется, когда мы вольемся в будничную рутину Томпсона. Мы впервые в жизни встретим сотни, быть может, тысячи таких же людей, как мы, и мы найдем новых людей, которых будем любить больше прежних. Мы заведем новых друзей, а старые друзья потихоньку сдвинутся на периферию нашей жизни.

Справа появился другой знак — граница города. На него, как мы заметили, подъехав ближе, кто-то наклеил плакат: на белом фоне голубой штрих-код

упаковки для продуктов. На месте названия ТОМ-ПСОН печатными компьютерными буквами было написано ГОРОД.

По крайней мере чувство юмора здесь есть.

— Рай это будет или ад? — подумал вслух Джеймс.

Никто не ответил.

Мы быстро миновали две заправочные станции, небольшой торговый центр и оказались в деловой части Томпсона.

Вид издали был обманчив. Вблизи это был самый угнетающий с виду город, который я в жизни видел. Он не был запущенный, убогий или разрушающийся, он не был отвратителен или построен в дурном вкусе, он был... он был просто средним. Полностью и целиком средним в любом смысле. Дома не были одинаковы, хотя и обладали прямоугольной схожестью любого пригорода. Явно делались попытки украсить отдельно каждый дом, но зрелище было жалкое. Как будто каждый домовладелец, зная, что он — Незаметный, отчаянно старался выглядеть непохожим на других. Один дом раскрашен в кричащий розовый цвет, другой в красный, белый, голубой. Еще один был увешан елочными гирляндами и картинками с Хэллоуина. Но эти дома, пусть и разные, были одинаково безликими, одинаково не запоминающимися.

И я знал, что если я это вижу, то и все видят.

И это угнетало по-настоящему.

Деловая часть не была ни со вкусом спланирована, ни эклектически сляпана, но как-то составлена наиболее незаметным и не оригинальным образом. То есть вообще никакого своего лица у нее не было.

Бенджамин Амин

Мы ездили туда-сюда по улицам города. Еще было рано, и людей мы видели очень мало. Пара автомобилей стояла возле бензоколонки, их владельцы заправляли баки, там и сям люди ехали и шли на работу, но в основном улицы были пусты. Мы проехали парк, общественный плавательный бассейн, и там, возле двухэтажного прямоугольного здания, отмеченного знаком СИТИ-ХОЛЛ ТОМ-ПСОНА, увидели у края тротуара человека средних лет, который махал нам рукой. Он был высок и слегка тяжеловат, с густыми усами, как у моржа, и он курил трубку.

— Сюда! — крикнул он нам, показывая на свободное место на автостоянке как раз перед ним. — Здесь паркуйтесь!

Джим посмотрел на меня, я пожал плечами, и он заехал на стоянку. Мы вылезли из фургона, потягиваясь и разминая затекшие конечности. Я подошел к этому человеку, не зная, что сказать.

Он посмотрел на меня, вынул изо рта трубку и улыбнулся.

— Ты, наверное, Боб, — сказал он.

Я кивнул.

— Нам позвонил Дэн. Сказал, что вы едете. Я Ральф Джонсон, здешний мэр. — Он протянул массивную руку, которую я пожал. — Я еще и комиссия по встрече, и координатор адаптационной программы. То есть моя обязанность — показать вам город, ответить на ваши вопросы, найти вам место, где жить, и работу, если вы захотите остаться.

— Ответить на вопросы? — Дон помотал головой. — Чего-чего, а вопросов у нас навалом.

— Поначалу со всеми так. — Он оглядел нас каждого, кивая своим мыслям и попыхивая труб-

кой. — Дэн сказал, что вы, парни, на него произвели впечатление. И девушка тоже, — он кивнул Мэри. — И действительно произвели. Это впервые он позвонил с тех пор, как уехал.

— В самом деле? — с удивлением спросил я.

— Я думаю, это потому, что вы были вместе. Как вы, быть может, заметили, Незаметные редко разъезжают стаями. Они не организуются. Но вы, ребята... — он покрутил головой. — Да, вы — нечто особенное.

— Филипп, — сказал я. — Это из-за Филиппа. — Я хотел отдать должное тому, кому принадлежала заслуга. — Это он создал организацию террористов и собрал нас вместе.

— Террористов?

— Террористов Ради Простого Человека. Это была идея Филиппа. Он думал, что мы долго будем Незаметными. Что мы должны действовать как террористы от имени всех тех, кого не замечают, кто не может или не станет защищать себя сам.

Ральф в восхищении покачал головой.

— Это выдающийся мужик, ваш Филипп. Где он сейчас?

— Он приедет через день-два с другой нашей группой.

Джеймс посмотрел на меня вопросительно. Я знал, что он сомневается, рассказывать или нет о том, что случилось. Я покачал головой.

— Буду ждать с ним знакомства, — сказал Ральф. — А тем временем давайте мы вас сориентируем. Чего бы вам, ребята, не назвать свои имена и не сказать, откуда вы? Представьтесь.

Мы назвали свои имена, родные города, краткие биографические данные.

Закончив, мэр вынул трубку изо рта и задумчиво на нас посмотрел.

— Я не знаю, как это выразить. Наверное, нет другого способа сказать это, как просто взять и сказать. Вы ребята, вы все, это...

— Убили своих начальников? — спросил я.

Он улыбнулся и кивнул с облегчением:

— Ага.

— Да, — ответил я. — Каждый это сделал.

— Тогда добро пожаловать в Томпсон. — Он медленно запагал по цементной дорожке к прямоугольному зданию. — Сейчас мы вас запишем, вы подпишетесь — и можно идти.

Офис мэра на первом этаже сити-холла был увеличенной версией моего офиса в «Отомейтед интерфейс». В нем было только одно окно — небольшой стеклянный квадрат, выходящий на автостоянку. Все остальное было безликим, стены голые, на столе всякие бюрократические бумаги, нигде ни следа чего-нибудь личного. Нам дали заполнить анкеты — общие вопросники, которые были похожи на заявление о приеме на работу, но назывались «заявления на жительство».

Через пару минут Джим поднял глаза от бумаги.

— Слушайте, ребята, у вас тут есть магазины, дома, сити-холл. Как вышло, что вас нет ни на одной карте?

— Потому что это не настоящий город. Технически это не город. Им владеет «Томпсон индастриз». Они здесь проводят рыночные испытания своей продукции. Если нам она не нравится, они делают вывод, что средний американец ее тоже не полюбит. Мы бесплатно получаем все, что нам нужно: еду, одежду, электронное оборудование, бытовые приборы. Все.

Тут я почувствовал пустоту в животе.

— То есть этот город не основан Незаметными для Незаметных?

— Черт побери, нет, конечно!

— Тогда это не настоящий город Незаметных.

— Еще какой настоящий. До определенной степени. Я имею в виду, что нас здесь оставили в покое, мы полностью автономны. Просто...

— Просто «Томпсон» владеет этой землей и домами, и вы работаете на компанию, а не на себя.

Джеймс отложил перо.

Ральф рассмеялся от души.

— Все не так плохо. Допускаю, что к этой концепции еще нужно привыкнуть, но потом просто перестаешь об этом думать. Для любых намерений и целей этот город *наш*.

Мне пришла в голову другая мысль.

— Если вы — филиал «Томпсона», если корпорация вас финансирует и поддерживает, значит, вы не Незаметные. «Томпсон» вас замечает. «Томпсон» знает, что вы существуете.

Почему-то мне казалось это важным.

Он пожал плечами.

— На самом деле нет. Статистики записывают все, что мы потребляем, сообщают эти цифры своему начальству, те передают аналитикам компании, те сообщают о своих выводах своему начальству, те передают информацию своему начальству, пока данные не дойдут до кого-то, кто принимает решение. Никто не знает на самом деле, кто мы такие. Большие шишки в компании вряд ли знают вообще, что этот город существует.

Мы молчали.

— Мы раньше полностью принадлежали «Томпсону», — вел дальше мэр. — Так оно и сейчас, но

сейчас нас использует не только «Томпсон». Другие компании нами пользуются и платят за это Томпсону. Вид межотраслевого партнерства. Теперь целая куча корпораций снабжает нас своей продукцией. И потому у нас все бесплатно. Бесплатное кабельное телевидение, бесплатные киноканалы, потому что они хотят знать, что люди хотят смотреть. Вся еда бесплатная — они хотят знать, какую еду предпочитают люди. В магазинах шмотки по последней моде — они хотят знать, что люди будут покупать. У ребят Гэллапа здесь постоянное представительство. Слыхали об опросах по случайной выборке? Так они проводятся здесь, в Томпсоне.

— Все бесплатно? — недоверчиво спросил Дон.

— Все. Можешь брать все, что тебе нужно. Мы шутим, что у нас — единственная коммунистическая система, которая работает. Конечно, она финансируется жадными до денег многомиллиардными капиталистическими корпорациями.

— А правительство об этом городе знает?

Ральф присосался к трубке и откинулся в кресле.

— Не думаю. Понимаете, я об этом долго и усердно думал, и не верю, что они знают о нашем существовании. А то нас бы до смерти заизучали. В годы «холодной войны» нам нашли бы какое-нибудь военное применение. Нет, я думаю, это один из тех корпоративных секретов, которые частные предприятия из лап не выпускают.

— Причина вопроса Дона, — объяснил я, — в том, что нас преследуют. Ребята, похожие на правительственных агентов.

Лицо мэра затуманилось.

— Национальная Ассоциация Исследований. Их нанял консорциум компаний, взаимодействующих с «Томпсоном».

— Зачем?

— Они не хотят, чтобы мы были за пределами этого города, чтобы внедрялись в нормальное население. Представьте себе, как это сместит их опросы. Сейчас они проводят опросы параллельно — спрашивают нас, спрашивают остальное население. Мы — большой расход. Многим компаниям приходится попотеть, чтобы оплатить наши услуги. Некоторые нас не любят. Они хотят подорвать нас, доказав, что наши ответы вразрез с ответами населения.

— И за это они бы нас убили.

Он пожал плечами:

— А кто мы для них такие? Никто. Кто заметит, что нас нет? Кому будет не наплевать? — Он слегка улыбнулся. — Дело в том, что каждый раз мы им натягиваем нос. Либо они не могут нас найти, либо о нас забывают. Нас почти невозможно поймать. Даже специально высматривающие нас люди — и то не замечают.

— Одного нашего парня они поймали, — сказал я. — Убили его в Фэмилиленде.

Лицо Ральфа помрачнело.

— Извините, ребята, я не знал. — Он минуту помолчал, потом посмотрел на часы на стене. — Смотри-ка, уже около девяти. Все начинает открываться. Давайте кончайте с анкетами и пойдем. Нам сегодня много надо обойти.

Мы закончили заполнять опросные листы и отдали ему. Он сложил их в папку на столе и встал.

— Пошли пройдемся.

Я раньше не заметил, но Томпсон был построен точно по образцу всех малых городов из голливудских фильмов. В центре — парк и комплекс сити-холла, пожарной части и полицейского участка, от него, как от ступицы колеса, расходится все остальное. В прилегающих кварталах — бакалейные лавки, офисы, заправочные станции, автомагазины, банки, кинотеатры, а в следующем кольце — школы и дома.

Мы прошли через деловой район, Ральф играл роль гида. Почти все магазины были типовые — «Зирс», «Таргет», «Монтгомери вард», «Вонс», «Сейфвей», «Радио шек», «Серквит сити» — и даже у не типовых магазинов витрины были забиты товарами с фирменными марками. Я чувствовал себя как дома. Умом я понимал полную и резко выраженную посредственность этого города, но не мог подавить радостное чувство благодарности за узнавание. Было так, будто этот город проектировали, заведомо ориентируясь точно на меня.

«Нет, — сказал я себе. — Мои желания и предпочтения не могут быть такими усредненными. Я не такой типовой».

Увы, такой.

— Здесь все Незаметные? — спросил я Ральфа. — Бывают ли у Незаметных нормальные мужья и жены?

— Бывали. И сейчас еще иногда бывают. Но если такой брак не распадается, то пара уезжает. — Он улыбнулся. — Любовь на самом деле слепа. Оказывается, что мы не Незаметны для тех, кто нас любит. Но иногда, на практическом уровне, в ежедневной рутине, такие смешанные отношения ока-

зываются лучше в нормальном мире, чем в нашем. И хотя ты еще не спросил — да, все наши дети Незаметные. Это передается по наследству. Теми, кто может иметь детей. Из нас многие стерильны.

— А кто-нибудь делал попытки узнать, кто мы такие? Почему мы такие?

— Бывали попытки. В том смысле, что нас всегда просят заполнить опросный лист или поучаствовать в телефонном опросе. А раз в год мы все должны пройти врачебный осмотр, который абсолютно не похож на любой врачебный осмотр, который мне случалось проходить. В общем, да, но не до такой степени, как ты имеешь в виду. Корпорации не интересуются нами как людьми; им только надо, чтобы мы делали то, что им от нас надо. Мы так и делаем — и я думаю, это их устраивает. Они не собираются смотреть в зубы дареному коню.

— Давно существует этот город? — спросила Мэри.

— Основан в 1963 году, только тогда он назывался Оутс, потому что им владела компания «Оутс маньюфэкчеринг». «Томпсон индастриз» завладела им в 1979 году и сменила название.

— И этот город всегда соответствовал настроению страны?

— Конечно. Иначе как бы мы существовали? В конце шестидесятых у нас тут были беспорядки. Жаль, что вы их не видели. Молодежь заявила, что ей надоело быть Незаметными и потребовала признания. Они думали, что это кем-то на нас наложено, будто мы в глазах закона — меньшинство, которое угнетается системой. Они устраивали

протесты перед штаб-квартирой «Оутс», а когда это ничего не дало, здесь были беспорядки. — Он понизил голос. — «Оутс» послала войска подавить волнения. Частные войска. Тогда застрелили насмерть сто десять человек. Никто никогда не видел этого в новостях — никто не вспомнил бы, даже если бы видел, — но войска вошли, построились и стали убивать горожан. Неважно, кем они были и что делали. Солдатам было плевать. Они просто открыли огонь. — Он снова оглянулся убедиться, что мы одни. — Только держите это у себя под шляпой. Здесь об этом говорить не принято.

Я кивнул.

— После этого мы получили больше автономии, но лишь потому, что встали раком. Мы узнали, что нас можно в любой момент выбросить на помойку. Компания может перебить нас всех, и никто не заметит. И уж тем более никому дела до этого не будет. — Он покачал головой. — Потом стали меняться вещи, и мы вместе с ними. Мы сказали «нет» «Солти-серферам» и «да» — «Доритос» со вкусом кокоса. — Он пожал плечами. — Вот так все и есть.

Какое-то время мы шли дальше в молчании. Подошли к кондитерской «Миссис Филдс» между «Стандартными фирменными красками» и «Стандартной обувью». Ральф остановился.

— Это печенье вам надо попробовать. Это лучшее в мире.

Мы стояли перед витриной, глядя на громоздящиеся подносы свежего печенья. Я слышал запах выпечки — густой, сахаристый, шоколадный, восхитительный запах.

Кондитерская еще не открылась, но Ральф громко постучал по стеклу, и женщина в красной с белым форменной одежде отодвинула стекло в сторону.

— Да?

— Со мной тут новые рекруты, Гленда. Как ты, можешь их угостить?

Женщина посмотрела на нас, улыбнулась в знак приветствия и снова повернулась к мэру.

— Конечно. Их — да. А ты подождешь, пока мы откроемся.

— Ну, Гленда...

— Ладно тебе, «ну, Гленда»! Ты не хуже меня знаешь, что привел их сюда, только чтобы самому съесть мое печенье.

— Ничего не могу поделать. Люблю я твои...

— Ну, хватит. Возьми одно и заткнись.

Она дала Ральфу огромного размера печенье, раздала по штучке нам и закрыла окно.

Я откусил печенье. Я хотел, чтобы оно мне не понравилось, хотел доказать себе, уж если не другим, что я не типичен, не ординарен, не средний, не такой, как Ральф, в своих пристрастиях и антипатиях. Но печенье мне понравилось. Чудесный вкус, смесь шоколада и арахисового масла, как сочетание из моей мечты. Вкус был настолько совершенным, как будто его создали специально для меня.

И это пугало.

Тем более что я знал, что каждый в этом городе чувствовал бы то же самое.

Мы стояли и ели, глупо болтая о том, какие эти печенья вкусные, и я оглядывался вокруг. Я думал, что Томпсон будет реальным городом, реальной общиной, а не испытательной площадкой

для корпорации, и мне немножко хотелось оказаться снова в Дезерт-Палмз. И еще хотелось оказаться снова в своей квартире в Бри.

И еще мне здесь нравилось.

Мы пошли дальше и вернулись в сити-холл кленчу. Теперь в здании были еще люди — секретари, клерки, — и Ральф ухватил папку со стола и повел нас наверх, отдав папку женщине, которая сидела за конторкой с табличкой «ЖИЛИЩНО-КОММУНАЛЬНЫЙ ДЕПАРТАМЕНТ».

— Дениз поможет вам найти себе жилье, — сказал Ральф. — Она пошлет с вами кого-нибудь поискать подходящее место. Я так понимаю, что вам всем нужны квартиры с мебелью?

Мы кивнули.

— Без проблем. — Он повернулся ко мне. — А тебя я попрошу пойти со мной, если ты не против. Я тебе найду место, где жить.

— Согласен, — кивнул я. И повернулся к остальным. — Пока, ребята.

— Пока, — ответил Джеймс.

— Пока, — улыбнулась Мэри. — Я думаю, что здесь всем нам будет хорошо.

Она держала Джима за руку.

— Надеюсь, — ответил я.

Я кивнул Дону и пошел за Ральфом вниз по лестнице.

В вестибюле мэр обернулся ко мне.

— Ты мне нравишься, — сказал он. — И я тебе верю. Что-то мне подсказывает, что ты хороший человек. И потому я хочу, чтобы ты мне рассказал про этого Филиппа.

— А что такое?

Я не очень понимал, чего он хочет.

— Что-то меня беспокоит все это утро. Я никак не мог понять, что именно. Понимаешь, он вроде бы был вашим лидером, он яркий человек, он через пару дней здесь должен оказаться, а вы себя ведете так, будто его вообще не существует. Вы как-то поссорились?

— Да, — сознался я.

— Он... что-то с ним не так? Есть что-то, что мне следовало бы узнать до его прибытия?

Я был в нерешительности.

— Я не понимаю, что ты спрашиваешь.

— Как это тебе сказать? Некоторые из Незаметных, они... скажем так, обеспокоены. Что-то с ними случилось. В мозгах что-то закоротило. Я уже такое видал. Один тут у нас был мужик, который оказался пироманом. Вроде с виду нормальный человек, но был вынужден поджигать дома, потому что ему в них мерещились гигантские пауки. Был еще и другой, который думал, что общается с пришельцами, и они требуют от него, чтобы он населил мир заново, оплодотворяя собак. Мы его поймали, когда он полез на суку ирландского сеттера. Этих людей мало, но они создают массу проблем.

Я попытался сохранить спокойный и безучастный голос.

— И что тебя заставляет думать, что Филипп такой?

— Не знаю. Что-то в том, как вы чуть притихаете при упоминании его имени. Я могу добавить, что те, другие, тоже были очень харизматическими людьми. Лидерами. Один был учитель старших.

классов, популярный среди учеников. Второй был моим предшественником, бывший мэр.

— Это который?

— Который из-за прищельцев собак трахал.

— Филипп не такой, — сказал я.

Он минуту смотрел на меня, изучая мое лицо, потом кивнул и хлопнул меня по спине ладонью.

— Тогда ладно. Поехали тебя устроим.

Я вышел вслед за Ральфом. Почему я не сказал ему про Филиппа? Про то, как он убил тех двух девочек? Про его «наития», и колебания настроения, и одержимость? Потому что я был лояльнее к Филиппу, чем к своей совести? Или потому что...

Потому что в самой суеверной глубине своей души я верил, что Филипп был прав и что если бы он не убил этих девчушек, с нами что-то случилось бы?

Нет. Это глупость.

Но «наития» Филиппа всегда оправдывались, разве не так?

Ральф шел через автостоянку к белой муниципальной машине.

— У нас тут полно работ, если захочешь, — говорил он. — Рецессий у нас не случается.

Я кивнул, притворяясь, что слушаю.

— Можешь несколько дней отдохнуть, если хочешь. Попривыкай. Потом приходи ко мне, если захочешь работать.

Мы сели в машину и он стал мне рассказывать о меблированном кондоминиуме, который будет моим. На середине фразы он сам себя прервал — мы свернули на увешанную флагами улицу.

— С чего это? — спросил я.

— Парад по случаю дня Энди Уорхолла. Со-
стоится в эти выходные.

Я заметил, что все полотнища, свисавшие с фонарей и телефонных столбов, были портретами знаменитостей — фотопортретами Мэрилин Монро, Джейн Фонда, Джеймса Дина и Элизабет Тейлор работы Уорхолла.

— Энди Уорхолла? — переспросил я.

— Один из наших главных праздников.

— Главных?

— Стать знаменитым на пятнадцать минут, — сказал Ральф. — Стать заметным на пятнадцать минут. Об этом мы молимся. Этого мы просим.

Я хотел было еще что-то сказать, что-то язвительное, но прикусил язык. Чего это я? За что я смотрю свысока на этих людей за их желание признания, на людей, которых за всю жизнь никто ни разу не заметил? На нашей улице праздник уже был. Были наши пятнадцать минут славы. Пусть Террористы Ради Простого Человека никогда не были признаны, наши дела были замечены. У нас есть доказательства — газетные вырезки и видеозаписи. Я вспомнил свою ярость и отчаяние тех дней, когда еще не знал Филиппа, и не мог испытывать презрения к этим жалким душам за их желание того же самого, чего желал я, чего желали все мы.

Я увидел гигантский плакат Уорхолла, свисающий с временного стенда на тротуаре.

— А кто-нибудь из Незаметных когда-нибудь становился знаменитым? — спросил я.

— В семидесятом у нас здесь была рок-группа, которая попала в десятку хитов. Группа «Заговор перца», песня «Солнечный мир».

— У меня она есть! — воскликнул я. — Я ее так любил! Это первая кассета, которую мне купили родители.

Он грустно улыбнулся.

— У нас у всех она есть, и мы все ее любили. Каждый ее любил — примерно неделю. Теперь вряд ли ты найдешь ее у кого-нибудь, кто не из Незаметных. Разве что на старых пластинках на сорок пять оборотов, в коробке со старым хламом в гараже, но вообще почти все записи повыбрасывали, или отдали на воспомоществование, или Армии Спасения. Вряд ли ты найдешь хоть кого-нибудь, кто помнит эту песню.

— А что случилось с группой?

— Тедди Говард у нас священником.

— А остальные?

— Роджер умер от передозировки наркотиков в семьдесят третьем; Пол у нас диск-жокеем в утренней передаче на радио. — Он помолчал. — А я был ударником.

— Ух ты!

Я был поражен, поражен по-настоящему, и посмотрел на него с новым уважением. Я помню, как сидел на кровати, когда был маленьким, держал в руках два карандаша и отбарабанивал партию ударника этой записи, и воображал, что стою на сцене перед тысячами вопящих девчонок. Я хотел ему это сказать, но грустно-веселое ностальгическое выражение на лице мэра мне сказала, что лучше это сделать в другой раз.

Он повернул на другую улицу.

— Ладно, уже дело к полудню, пошли посмотрим твоё жильё.

Глава вторая

Я нашел себе работу в департаменте планирования сити-холла и должен был обрабатывать заявки на разрешение строительства. Работа эта была скучная, но я и сам был скучный, и окружали меня скучные люди, так что теоретически эта работа должна была доставлять мне удовольствие.

Но не доставляла.

И это меня удивило. Мои пристрастия и антипатии, ритмы и настроения всегда так точно совпадали со вкусами и ритмами Филиппа и других террористов, что я невольно предположил, будто жизнь в Томпсоне будет свободной и увлекательной, и я буду доволен.

Так не вышло.

Это не было виной моих товарищей по работе, которые встретили меня с распростертыми объятиями и даже повели в мексиканский ресторан после первого рабочего дня. Это была моя вина. Может быть, я ожидал слишком многого, слишком высоко поднял планку надежд, но я был разочарован. Волшебство не сработало. Я предвкушал, что, когда я попаду в Томпсон, все встанет на свои места — но этого не случилось. Я был окружен людьми точно такими, как я сам, и чувствовал себя таким же одиноким и отвергнутым, как всегда.

Должен признать, мой кондоминиум был очень приятным. Ральф поселил меня в меблированной квартирке с двумя спальнями на разных уровнях в районе, который назывался Озера, совсем

рядом с петляющим искусственным каналом, окруженным пятнадцатифутовым зеленым поясом. Мне было не на что жаловаться. Но почему-то неудобно было занимать одному столько места, как-то неуютно после долгой тесной жизни рядом с другими террористами.

С другими террористами.

Как я и опасался, как знал заранее, мы очень мало виделись друг с другом в первую неделю. Я пригласил Джеймса, Дона, Джима и Мэри посмотреть мое жилье, потом заезжал посмотреть их новые дома, но случайно или намеренно нас расселили далеко друг от друга, на противоположных концах города, и работу мы все нашли тоже в разных местах.

У меня было такое чувство, что так и было задумано, что это нарочно, но я не мог найти этому причины. Мы были здесь среди своего народа. Зачем же нас нарочно разделять? Смысла не видно.

Проведя столько времени с террористами, я, наверное, стал слегка параноиком.

В общем, какова бы ни была причина, а видеться стало неудобно.

И мы стали проводить больше времени с новыми товарищами по работе и меньше со старыми друзьями.

Из третьих рук я слышал, что Филипп с остальными прибыли через несколько дней после нас и влились в стиль жизни Томпсона, но я никого из них не видел и не прилагал к этому никаких усилий.

Стиль жизни в Томпсоне был совсем другим. Как предупредил Ральф, все было бесплатно. Насколько я знал, в этом городе деньги вообще не

ходили. Я ни разу не видел монет или долларовой бумажки. Если я чего-то хотел, я просто шел в магазин и брал. Наверное, потом товары на полках пересчитывали и сообщали корпорации.

Брать вещи с полок — это не было для меня ново, было ново, что меня при этом видят. Я привык проходить через магазины незамеченным, и не сразу привык к тому, что люди меня видят. Я это все время чувствовал, и лишь через несколько недель стал ощущать себя на публике свободно.

Кроме кино, видеолент и кабельного телевидения, в Томпсоне был и музей, наполненный самыми банальными произведениями искусства, которые только можно было себе представить. Каждую пятницу в городском зале проходили поп-концерты. Во всех кинотеатрах шли «Фантастикс» и «Энни».

Мне все это нравилось.

Всем нравилось.

Но что-то было во всем этом неправильное. У меня было все, что мне нужно, я был окружен всеми вещами, которые должны были делать меня довольным. И чего-то все равно не хватало. Я знал, каково это «что-то», но не хотел сам себе в этом сознаться, не хотел об этом думать.

В Томпсоне ходил слух, что где-то в Айове есть *настоящий* город, основанный *самими* Незаметными и *для* Незаметных, и я себе говорил, что если я найду этот город, я буду счастлив.

Так я себе говорил.

И очень часто мне удавалось себя уговорить в это верить.

Глава третья

Было первое воскресенье июня. Пятого июня, если быть точным. За прошлый месяц я разок пригласил Джеймса на барбекю, и он не смог прийти, и он как-то позвал меня выпить с ним в пятницу, и я не смог прийти, поэтому я решил, что сейчас моя очередь, и пошел в магазин «Вонс» купить бифштексов. Я думал позвать Джима на гриль и грог. Если он не сможет, я позову Сьюзен — девушку из нашего офиса, которая, кажется, проявляла ко мне какой-то интерес.

Я толкал тележку к мясному прилавку супермаркета, уже загрузив в корзину три коробки рисовых макарон, и завернул за угол пролета.

И там была она.

Джейн.

Первой реакцией у меня было спрятаться, нырнуть обратно в пролет, потащив за собой тележку, как прячется в раковину рак-отшельник. Сердце бешено заколотилось, я не мог перевести дыхание. Меня выбило из колеи начисто. Я тысячи раз представлял себе эту сцену в разных вариантах в мечтах, в фантазиях, и должен был бы знать, что делать, но я был так поражен, что растерялся полностью, и стоял у выхода из пролета, вцепившись в тележку, и только глядел. Я думал, что забыл, как она выглядит, забыл особенности ее лица. Я думал, что время и память смазали ее образ до какого-то общего женского лица. Но я не забыл — в глубине сознания не забыл, и увидеть ее снова было больно. Это лицо, глаза, губы — они вызвали волну воспоминаний. Проведенное нами вместе вре-

меня вернулось волной сенсорной перегрузки. Все хорошее, все плохое — все.

Она была одета в новые джинсы и футболку, волосы были увязаны в конский хвост, и была она до боли красивой. Я вдруг ощутил, что одет в лохмотья, которые нацепил еще утром, когда мыл машину. Она стала поворачиваться в мою сторону, и я, не думая, шарахнулся назад за стенд коробок «тайда». Сердце колотилось, руки дрожали. Я боялся. Боялся, что она по-прежнему не захочет меня видеть, что она будет ненавидеть меня, что будет безразличной.

Боялся, что она переменялась.

Это был самый большой страх — что нет больше той Джейн, которую я знал. Уже три года прошло с момента нашей последней встречи, и целая жизнь была прожита за это время. Мы стали не теми, кем были, и, быть может, мы уже не совместимы.

Может быть, у нее есть другой.

Это был еще один большой страх, о котором я даже думать не хотел.

Я выглянул из-за коробок, подал тележку на дюйм вперед. Какая-то часть меня хотела убежать и оставить ее в памяти, убежденная, что новая встреча лишь разобьет долго лелеемые иллюзии. Ничто не может стать таким, как было.

Но другая часть хотела говорить с ней, коснуться ее, снова быть рядом с ней.

Я видел, как она перебирает пакеты с куриными грудками. Я не думал, что помню ее так ясно — но помнил, оказывается. Я помнил о ней все: как мигают ее глаза, как она перебирает вещи, как поджимает губы. Все это было и у меня в памяти,

и перед глазами во плоти, и тут я понял, как сильно я на самом деле ее люблю.

Как будто резонируя на мою вибрацию, она вдруг подняла голову и посмотрела в мою сторону.

И увидела меня.

Мы оба застыли молча, глядя друг на друга и не двигаясь. Я видел, как она положила пакет с куриными грудками в свою тележку. И руки у нее тряслись так же сильно, как у меня. Она облизнула губы, нерешительно открыла рот, будто собираясь что-то сказать, и закрыла.

— Привет, — сказала наконец она.

Голос. Я не слышал его три года, но я помнил его отчетливо, и он был для меня музыкой. У меня в горле застрял ком. Вдруг увлажнились глаза, и я вытер их пальцами, пока влага не стала слезами.

— Привет.

И тут я заревел, и она заплакала, и она держала меня, и обнимала меня, и целовала мое мокрое лицо.

— Как я по тебе скучала! — сказала она сквозь всхлипывания. — Как я по тебе скучала!

— Я тоже, — ответил я, крепко ее держа.

Я отодвинулся, взял ее за плечи, и в первый раз посмотрел на нее пристально. Она была еще красивее, чем всегда. Что бы она ни пережила за эти три года, что бы ни случилось с ней, она стала еще лучезарнее, еще милее.

Я сообразил, что раньше не думал о том, как она красива, — в те дни, когда мы жили вместе. Да, меня к ней тянуло, но этой объективно исключительной красоты я не замечал. Сейчас она была красива.

И она тоже была Незаметной.

Это до меня пока не дошло. Я знал это, распознал, но как-то еще не отметил.

И в этот момент это было неважно.

Я всматривался в ее лицо, рот, губы. Глядел в глаза. Я не знал, что сказать, не знал, как выразить свои мысли, свои чувства. Кто же мы теперь? Просто друзья? Старые близкие друзья, которые встретились после долгой разлуки? Или она чувствует то же, что и я? Хочет ли она снова вернуться к тому, что было, подобрать то, что мы бросили? Столько нужно было понять, столько обсудить. И при всей нашей близости в эту минуту между нами все еще был барьер. Мы слишком долго были в разлуке — почти столько же, сколько прожили, вместе, и не могли установить тот контакт, который был между нами когда-то.

И тут я посмотрел ей в глаза и понял, как разрубить этот узел. Я сказал то, что хотел сказать, что чувствовал:

— Я тебя люблю.

И она ответила так, как я и хотел, как я и надеялся.

— И я тебя люблю.

И вся неуверенность исчезла. Мы знали, где мы теперь. Каждый знал, что чувствует другой и что другой думает.

Слова потекли свободно, вырываясь бурлящим потоком из губ, сталкиваясь и перекрываясь, сплетая двцветную ткань двух не связанных историй. Она говорила, что сожалела о своем уходе, но была слишком упряма, чтобы вернуться и извиниться. Я сказал, что готов был приползти к ней, но боялся приблизиться. Я рассказал, что ушел из «Отомейтед интерфейс», и я рассказал ей о встре-

че с Филиппом и о Террористах Ради Простого Человека, но умолчал об убийстве Стюарта и о том, что творили потом террористы. Она мне рассказала, как обнаружила, что она Незаметная, как потом, работая официанткой, встретила женщину, которая тоже была Незаметной, женщину постарше, и с ней приехала сюда, в Томпсон.

Каждый из нас радовался, что мы снова нашли друг друга. И именно здесь.

— Нам предназначено быть вместе, — сказала Джейн, и в ее голосе был лишь легкий намек на шутку.

— Наверное, так, — согласился я.

Мы набрали покупок и поехали к ней домой — в один из одноэтажных домиков рядом с Мэйн-Стрит. Я был удивлен, увидев многое из ее старой мебели — той, что она забрала из нашей квартиры, — расставленную в просторной гостиной. Она явно не ощущала потребности ничего никому доказывать. Не было никаких попыток сделать комнату оригинальной или экстравагантной — просто мебель была расставлена так, как Джейн нравилось. Мне стало здесь уютно сразу же и полностью, и хотя я разумом осознавал анонимную однородность вкуса Джейн, мне все равно было приятно. Ощущение, что так и надо.

Как я мог тогда не заметить, что она — Незаметная?

Почему я раньше не догадался?

Дурак был, наверное.

Она приготовила обед — печеные цыплята с рисовыми макаронами — и все было как в старое время. Я смотрел телевизор на диване, пока она возилась на кухне, а потом мы ели в гостиной под

«Опасность!» из телевизора, и было так, будто мы женаты и не разлучались никогда. Вернулись старые ритмы, наши привычки и манера речи, и не изменились маленькие личные пристрастия, и мы без труда вели и поддерживали разговор, и я вспомнить не мог, когда еще был так счастлив.

После обеда я помог ей помыть посуду. Когда Джейн мыла последние вилки, я затих, и она это заметила, наверное, потому что подняла глаза.

— Что такое?

— Что?

— Чего ты такой тихий?

Я посмотрел на нее и нервно облизал губы.

— Мы, э-э, будем...

— Заниматься любовью? — закончила она за меня.

— Заниматься сексом? — сказал я.

Мы оба рассмеялись.

Она посмотрела на меня, и губы у нее были красные, полные, бесконечно чувственные.

— Да, — сказала она. И положила мыльные руки мне на щеки, и встала на цыпочки и поцеловала меня в губы.

В эту ночь нам не нужна была прелюдия. Когда мы сорвали с себя одежду, я уже был твердым, а она влажной, и я лег на нее сверху и раздвинул ей ноги, а она ввела меня внутрь.

Потом я заснул блаженным сном без сновидений, а среди ночи она меня разбудила, и мы сделали это снова.

На следующее утро я позвонил на работу, что заболел, и говорил с Мардж Лэнг, личным секретарем, и почти видел, как она улыбается при разговоре.

— Мы так и думали, что ты сегодня не придешь.

Старший Брат за мной присматривает.

Я постарался не подать виду:

— А почему?

— Все в порядке. Вы уже очень давно не виделись.

Такое детальное знание моих действий, мотивов и частной жизни должно было бы меня оскорбить, но почему-то не оскорбило, и я заметил, что сам улыбаюсь в трубку.

— Спасибо, Мардж, — ответил я. — До завтра.

— Пока.

Я посмотрел сквозь прозрачные занавески гостиной и увидел яркое голубое небо Аризоны, и я знал, что этот день уже ничто не испортит.

И снова заполз в кровать, где меня ждала Джейн.

Глава четвертая

Я переехал к ней в конце той же недели. С собой я взял только одежду и те вещи, с которыми приехал в Томпсон. Все остальное оставил для следующего жильца.

Распаковывая коробку на полу гостиной, я нашел пару трусов Джейн, которую прихватил с собой из своего старого дома. Я отдал их ей, и она стала вертеть их в руках.

— Не могу поверить, что ты их сохранил, — усмехнулась Джейн. — Что ты с ними делал? Нюхал?

— Нет, — признался я. — Я просто... просто возил их с собой. Просто хранил.

— Чтобы напоминали обо мне?

— Чтобы напоминали о тебе.

— Погоди минутку.

Она вышла в спальню и через минуту вернулась со старой моей футболкой, рекламной футболкой Хозе Гуэрво, которую мне дали бесплатно в колледже Бри и которую я надевал, когда мыл машину.

— Я ее украла, — сказала она. — Хотела сохранить на память о тебе.

— Я даже не заметил, что ее нет.

— Я так и думала. — Она села рядом со мной и положила голову мне на плечо. — Я никогда не переставала думать о тебе.

«Чего же ты тогда меня бросила?» — хотел спросить я.

Но я ничего не сказал, только наклонился, приподнял ее за подбородок и поцеловал.

Я был счастлив, честно и по-настоящему счастлив. То, что было у нас с Джейн, было наверняка средним — как могло быть иначе? Те же чувства испытывали миллионы людей по всей Америке, по всему миру каждый день, но для меня это было чудесно и неповторимо, я был наполнен глубоким ощущением комфорта.

Сейчас мы ладили лучше, чем раньше. Стена, которая стояла между нами до нашего разъезда, исчезла. Мы общались тесно и открыто — без недоразумений, недопониманий и недомолвок, которые когда-то омрачали наши отношения.

Наша сексуальная жизнь была активнее, чем когда бы то ни было. Утром, ночью, по выходным и днем мы любили друг друга. Но меня не оставляли некоторые старые страхи и сомнения, и даже когда я наслаждался нашей с новой силой вспых-

нувшей близостью, я не мог иногда не думать, так ли слепо и некритично довольна ею Джейн, как был доволен я. Однажды воскресным утром, когда я лежал на спине и читал газету, Джейн задрала на мне халат и быстрым движением стиснула и поцеловала мой член. Я отложил газету и посмотрел на нее, решив выразить вслух то, что думал.

— Он для тебя достаточно размера? — спросил я.

Она глянула на меня:

— Ты опять?

— Опять.

Она покачала головой, улынулась, и в ее лице не было прежнего нетерпеливого недовольства.

— То, что надо, — сказала она. — Как «Златовласка и три медведя». Помнишь, одна миска была чересчур горячей, другая чересчур холодной, а третья — такой, как надо. Так вот, у некоторых слишком большие, у других слишком маленькие — а у тебя такой, как надо.

Я отложил газету и притянул Джейн к себе сверху.

И мы сделали это прямо на диване.

Иногда меня интересовали другие аспекты жизни Джейн, ее подруги, семья — все, что она оставила, когда переехала в Томпсон. Однажды я из любопытства спросил ее:

— Как там твоя мама?

Она пожала плечами.

— А отец?

— Не знаю.

Я удивился.

— Ты не поддерживаешь с ними контакт?

Она покачала головой и отвернулась, глядя вдаль, далеко вдаль. Глаза у нее заморгали, широко раскрылись, и я видел, что она готова заплакать.

— Они меня не замечают. Они больше меня не видят. Я для них исчезла.

— Но вы всегда были так близки! *

— Были. Вряд ли они сейчас даже помнят, кто я.

И она действительно заплакала. Я обнял ее обеими руками и крепко прижал.

— Конечно, помнят, — сказал я убедительно.

Но на самом деле я не был так уверен. Я хотел узнать, как это случилось, как они разошлись, на что это было похоже, но понимал, что сейчас не время спрашивать. Я только тихо ее держал и дал ей поплакать.

Глава пятая

Дни сливались в недели, недели в месяцы. Весна прошла, наступило лето, потом осень. Прошел год. Каждый день был похож на другой, и хотя установившаяся рутина не менялась, я не возражал. Честно сказать, мне это нравилось. Мы работали и развлекались, спали и занимались любовью, заводили друзей. Жили. Я рос в иерархии сити-холла, согласно принципу Питера, а Джейн стала старшей воспитательницей у себя в детском саду. По вечерам мы сидели дома и смотрели телевизор. Те передачи, которые мне нравились, смещались на другое время и потом отменялись, но это мало что значило, потому что их сменяли другие, которые мне тоже нравились.

Время шло.

Это была хорошая жизнь. Она была скучна и однообразна, но я был ею доволен.

Это и было самой странной вещью в Томпсоне. Самой странной и самой пугающей. На уровне разума я видел, как это все жалко, как отчаянно бесполезны потуги на непохожесть и оригинальность: печальные усилия одеться вызывающе, эскапады, чтобы выделиться, такие же серые и скучные. Я видел веревочки, я видел человека за занавесом. Но на уровне эмоций мне здесь нравилось. Город был совершенным. Я никогда не был так счастлив, и я сюда вписался превосходно.

Это был тот город, который мне нужен.

Диапазон профессиональных умений здесь был сногшибательный. У нас были не только бухгалтеры и конторщики — наиболее превалирующий род занятий, — но и ученые и мусорщики, водопроводчики и дантисты, учителя и плотники. Люди, которые не могли отличиться в своей работе или кому не хватало умения рекламировать самих себя. Многие были более чем компетентными — талантливые мужчины, разумные женщины, — просто они потерпели поражение в выбранной ими области.

Поначалу я думал, что это наша работа делает нас безликими, потом я думал, что это наши личности, потом — не связано ли это с генетикой. Теперь я не знал, что и думать. Мы не все были чиновниками — хотя их было непропорционально много, — и не у всех был ничем не примечательный характер. Здесь, в Томпсоне, я снова узнал, что граждане различаются по степени видимости.

Я подумал, что здесь тоже могут быть люди, которые сливаются с фоном, что могут найтись незаметные для Незаметных.

И эта мысль меня испугала.

Скучал ли я по старым дням? Тосковал ли по Террористам Ради Простого Человека? По приключениям, товариществу...

...изнасилованиям и убийствам?

Не могу этого сказать. Я вспоминал это от случая к случаю, но это все казалось таким давним, будто случилось с кем-то другим. Эти дни уже казались древней историей, и, когда мои мысли обращались в ту сторону, я чувствовал себя стариком, вспоминающим бурную юность.

Интересно, что бы подумала Джейн, если бы знала о том, что я делал с Мэри, если бы узнала о женщине, которую я чуть не изнасиловал.

Если бы узнала, что я убил человека.

И не одного.

Я никогда не спрашивал ее о неизвестных мне годах, о том, что она делала между тем, когда бросила меня, и тем, когда мы снова встретились.

Я не хотел знать.

Ровно через год и месяц после того, как мы встретились в супермаркете, мы с Джейн поженились на скромной гражданской церемонии в сити-холле. Присутствовал Джеймс, Дон, Джим и Мэри, Ральф, и друзья Джейн по работе, и мои друзья с работы. После этого мы устроили прием в общественном центре в парке.

Я пригласил из террористов только тех, что приехали в Томпсон вместе со мной, но во время танцев и веселья я чувствовал свою вину за то, что не позвал Филиппа и других. Каким-то образом, несмотря на все случившееся, они мне все еще были ближе, чем многие из здешних людей, и вопреки нашему разрыву я поймал себя на мысли,

что мне хотелось бы, чтобы они разделили со мной эту минуту. Они были моей семьей — или наиболее близкой к этому понятию группой, и я жалел, что не послал им приглашений.

Но теперь было поздно жалеть. Сделать уже ничего нельзя было.

Я подавил эту мысль, налил Джейн еще шампанского, и праздник продолжался.

Медовый месяц мы провели в Скотсдейле, прожив неделю на курортах. Я вспомнил старые трюки террористов и добывал нам номера у бассейна в «Ла Посада», «Маунтин шэдоуз» и «Кэ-мелбэк инн».

В первую ночь, нашу брачную ночь, я украл ключи от номера для молодоженов в «Ла Посада», открыл дверь в нашу комнату, поднял Джейн и перенес ее через порог. Она смеялась, и я смеялся, и старался ее не уронить, и наконец плюхнул ее, визжащую, на кровать. Ее платье задралось на голову, открыв белые трусы и ноги в подвязках, и хотя мы еще оба смеялись, я немедленно возбудился. Мы собирались не спешить, принять долгую ванну, с чувственным массажем, постепенно приближаясь к акту любви, но я хотел ее прямо сейчас, и я спросил ее, действительно ли она хочет так медленно готовиться.

В ответ она усмехнулась, стянула с себя трусы, раздвинула ноги и раскрыла мне объятия.

Потом, лежа рядом с ней, я провел рукой между ее ног, ощутив нашу смешавшуюся липкую влагу.

— Ты не думаешь, что мы должны попробовать что-нибудь другое? — спросил я. — Какие-нибудь новые позы?

— Зачем?

— Потому что мы всегда это делаем в позе миссионера.

— И что? Тебе это нравится. Мне тоже. Это моя любимая поза. Так зачем нам заставлять себя действовать, как этого ждут другие? Зачем нам приспособливаться к чужим понятиям о сексе?

— Мы и так им соответствуем, — ответил я. — Мы — средние.

— Для меня это не средне. Для меня это прекрасно.

Я понял, что она права. Для меня это тоже было прекрасно. Зачем нам разнообразить свои приемы любви только потому, что так делают другие, только потому, что другие говорят, будто так полагается?

И мы не стали.

Мы провели неделю, плавая в курортных бассейнах, питаясь в самых дорогих ресторанах Скотсдейла и занимаясь обычным, простым, традиционным сексом, который нам так нравился.

В Томпсон мы вернулись довольные и загорелые, мозги отдохнули, зато другие органы саднили. Но что-то изменилось. Город был тем же, люди были теми же, но как будто... будто я не был прежним. Я побывал в настоящем мире, и оказалось, что я по нему тоскую. Вместо возвращения домой после отпуска я будто вернулся в тюрьму после недельной увольнительной.

Я вернулся к работе, Джейн вернулась к своей, и за несколько дней мы снова акклиматизировались и приспособились. Только...

Только это чувство удушья не ушло совсем. Я ощущал его как фон ко всему; оно присутствовало в самые счастливые моменты, и оно создавало

беспокойство. Я думал было обсудить это с Джейн, думал, что надо бы это сделать — я никак не хотел, чтобы начались наши прежние проблемы в общении, — но она казалась такой счастливой, столь благословенно не знающей этой болезни, которая меня грызла, что мне не хотелось ее в это тянуть. Может быть, дело было только во мне. Послесвадебная депрессия или что-нибудь в этом роде. Нечестно было взваливать на Джейн мои параноидальные фантазии.

Я заставил себя отодвинуть в сторону все чувства неудовлетворенности. Чем я недоволен? Я получил все, что хотел. Джейн снова со мной. И мы живем в городе, в обществе, где нас не игнорируют, но замечают, где мы — не угнетенное меньшинство, а члены правящего класса.

Я говорил себе, что жизнь хороша.

И заставил себя в это поверить.

Глава шестая

С ити-холл и департамент полиции имели разные отделы кадров, но общую базу данных, и я как раз читал объединенный список новых служащих, рассылаемых ежемесячно в каждое подразделение, когда наткнулся на имя Стива. Он был взят в полицию новобранцем, и звездочка возле фамилии указывала, что у него есть опыт правоохранительной деятельности, и он подлежит ускоренному продвижению по службе.

Стив? Опыт правоохранительной деятельности?

Он был просто клерком.

Когда он был террористом, был насильником.

Но мне по должности не полагалось ни поднимать этот вопрос, ни обсуждать политику найма департамента полиции, и я не сказал ничего. Может быть, Стив переменится. Может быть, он все зачеркнул и начал с чистого листа.

Я прицепил список к доске объявлений.

Хотя я работал в сити-колле и жил в Томпсоне, то есть меня лично касались действия городского совета, у меня очень мало было интереса к местной политике. Заседания совета происходили в первый понедельник каждого месяца и передавались в прямом эфире по нашей кабельной сети, но я туда не ходил и по телевизору их тоже не смотрел.

Как правило.

Но в последний день августа Ральф сказал, что на сентябрьское заседание мне неплохо бы сходить.

Мы как раз ели ленч в «Кей-Эф-Си», и я бросил косточку своей отбивной в ящик и вытер руки салфеткой.

— Зачем? — спросил я.

Он поднял на меня глаза.

— Твой старый друг Филипп собирается обратиться к совету с просьбой.

Филипп.

Я от него ничего не слышал с тех пор, как приехал в Томпсон больше года назад. Я даже подумывал, не уехал ли он из Томпсона обратно в Палм-Спрингз или не поехал по стране набирать новых террористов. Не похоже было на него сидеть так тихо и вести себя так скромно. Он любил власть, любил находиться в центре внимания. Он лез в прожектор, и я не мог себе представить Фи-

липпа, прозябающего в анонимности. Даже в Томпсоне.

Я попытался выразить равнодушие.

— В самом деле?

Мэр кивнул.

— Я думаю, тебе это будет интересно. Я так думал, ты можешь даже захотеть поучаствовать.

— Вряд ли, — ответил я. .

Но мне было интересно, что происходит, что Филипп задумал, и однажды вечером я включил телевизор на местный канал Томпсона.

Камера была стационарной и была направлена точно на мэра и совет. Я не видел никого на местах для публики, и я смотрел примерно полчаса, пережидая обсуждение протокольных вопросов, пока мэр не отложил дискуссию и не перешел к новым делам.

— Пунктом первым повестки дня, — объявил он, — просьба Филиппа Андерсона.

Сьюзен Ли, единственная женщина в совете, поправила очки.

— Просьба о чем?

— Просьбу изложит сам заявитель. Прошу вас, мистер Андерсон.

Я узнал его даже со спины, когда он проходил мимо камеры на свое место на трибуне. Он стоял, прямой, высокий и уверенный, его харизма выделялась на фоне обыденности полинялого мэра и тусклого совета, и я понял, что привлекало в нем террористов более всего. Я увидел...

Филипп, покрытый кровью, рубит секачом двух неподвижных детей.

— Это Филипп? — спросила Джейн.

Я кивнул.

— Он куда более средне выглядит, чем я думала.

— Он — Незаметный. Чего же ты ждала?

Филипп на экране прочистил горло.

— Мэр, дамы и господа, члены совета! Предложение, которое я хотел бы внести, послужит на благо Томпсона и соответствует главным интересам не только его населения, но и всех Незаметных где бы то ни было. У меня есть подробный список всего необходимого, который я передам каждому из вас. В нем проведен сметный учет по каждому пункту всего необходимого реквизита, и вы сможете в свободное время его рассмотреть, чтобы обсудить более полно на следующем заседании.

Он посмотрел на лист, лежащий перед ним на трибуне.

— В общих чертах мой план таков: Томпсону нужны свои вооруженные силы, свое ополчение. Мы с любой точки зрения являемся нацией сами для себя. У нас есть полиция для подавления беспорядков в наших собственных границах, но я считаю, что нам необходимы вооруженные силы для защиты нашего суверенитета и наших интересов.

Двое из членов совета стали перешептываться. Я слышал возбужденную дискуссию в публике.

Джейн посмотрела на меня и покачала головой:

— Милитаризация города? Мне это не нравится.

— Давайте успокоимся! — призвал к порядку мэр. Он повернулся лицом к Филиппу: — Что заставляет вас думать, что нашему городу нужна армия? Это ведь огромные расходы: мундиры, оружие, обучение. Нам ни разу никогда никто не угрожал, никто никогда не нападал. Я не вижу реальных оснований.

Филипп издал легкий смешок:

— Расходы? Да ведь это все бесплатно. Счет оплатит «Томпсон». Нам только и надо, что попросить.

— Но прерогатива совета — определять, разумна такая просьба или нет.

— А эта просьба разумна. Вы говорите, на нас никогда не нападали? Но в семидесятом «Оутс» послала сюда войска и убила сто десять человек.

— Так то было в семидесятом.

— Это может случиться снова. — Филипп сделал паузу. — Но я в своем предложении указываю, что наше ополчение должно иметь возможности не только обороны, но и наступления.

— Наступления? — нахмурился мэр.

— Мы, Незаметные, подвергались угнетению и унижению в течение всей нашей истории. Мы зависели от милости замечаемых, власть имущих. И мы не могли даже давать сдачи. Что ж, теперь я считаю, что пришло время дать сдачи. Пришло время искупления всех несправедливостей, которые над нами творились.

Я предлагаю обучить ударные боевые силы из наших лучших и способнейших мужчин и ударить фронтальной атакой по Белому дому!

Зал взорвался криками и спорами. Филипп стоял и улыбался. Это была его стихия. Это он любил, ради этого жил, и я видел на его лице выражение счастья. Вопреки здравому смыслу я тоже был за него счастлив.

Мэр утратил всякий контроль над заседанием. Публика приветствовала Филиппа, ожесточенно спорила между собой, что-то орала членам совета.

— Слишком долго все было так, как они хотели! — выкрикнул Филипп. — Мы можем напасть, и они даже не увидят нас! До тех пор, пока не станет слишком поздно! Мы захватим Белый дом! Мы устроим первый успешный переворот за всю историю США! Страна будет нашей! *

Я уже видел, куда это все идет. Если даже мэр и совет отвергнут предложение Филиппа, публика его поддержит. Если Ральф и все остальные хотят остаться при своих должностях, им придется предложение принять.

Я выключил телевизор.

Джейн положила голову мне на плечо и взяла меня за руку.

— Как ты думаешь, что теперь будет?

Я пожал плечами.

— Не знаю, — сказал я. — Не знаю.

Несколько следующих месяцев местный канал Томпсона был самым популярным источником новостей во всем городе. Он наверняка сбил рейтинг Нильсона остальных программ. Наш местный кабельный комментатор Глен Джонстон каждый вечер давал новости о ходе обучения и экипировки нашего ополчения. Благодаря уникальному статусу в отношении с ведущими промышленными предприятиями Америки Филиппу и его сторонникам надо было только заполнить специальные бланки заказа на оружие и машины и ждать их прибытия. Кто-то где-то оплачивал счета за эти заказы; может быть, отмечая рост запросов военного снаряжения, и где-то кто-то, наверное, приказывал увеличить выпуск. Может быть, создавались новые рабочие места.

Я сначала думал, почему все идет так гладко, почему ни «Томпсон», ни Национальная Ассоциация Исследователей не положат этому конец, почему никто из ФБР или АНБ не займется расследованием. Филипп по телевизору ясно обозначал свои намерения и не собирался сбавлять тон своей риторикой:

— Мы ниспровергнем правящую элиту! — заявлял он. — Мы создадим новое правительство этой страны!

Потом я понял, что наше вещание наверняка игнорируют все люди за пределами Томпсона, как игнорируют все, что относится к нам. Никто не остановил Филиппа по очень простой причине — никто не знал, что он делает, хоть он говорил об этом открыто и заявлял в эфире.

И в первый раз я тогда подумал, что этот план может работать.

В ополчение сразу записалось около двухсот человек. Оказалось, что в Томпсоне неожиданно много бывших офицеров армии, ВВС и морской пехоты, и этих людей Филипп поставил обучать добровольцев. Пятьдесят человек он отобрал для себя и обучал их на террористов. Это должен был быть авангард, те, кто проникнут в Белый дом и вымостят дорогу для остальных.

На огромных грузовиках в Томпсон доставили два танка.

От автомобильного дилера поступили армейские джипы.

Прибыли ящики автоматического оружия.

И наконец, после бесконечно долгого ожидания Филипп на заседании совета, с которого шла

прямая трансляция, объявил, что ополчение готово выступить на Вашингтон.

Я никогда еще не видел такой военной лихорадки, и мне было от нее здорово не по себе. То же чувство было у Джейн. И у большинства наших друзей. У Джеймса, Дона, Ральфа, Мэри и Джима.

Но город был готов сражаться, готов покорить мир заметных, и на субботу был назначен большой прощальный парад перед выступлением. Развевались стяги и знамена, летали в воздухе конфетти, играли школьные оркестры. Я стоял с Джейн на тротуаре и ждал Филиппа. То, что он сделал, не стерлось у меня из памяти...

Взмахи окровавленного ножа. «Меня зовут не Дэвид! Меня зовут Филипп!»

Но это воспоминание подавлялось его неколебимой преданностью делу в эти месяцы, той решимостью, с которой он бросился в бой на благо Томпсона и за дело Незаметных. В этом я думал не так, как Джейн. Она видела в этом лишь игру на зрителя, я видел в этом развитие организации террористов, доказательство веры Филиппа в свое дело.

Ополчение прошло по улице маршем в ногу, и я должен был признать, что они выглядят хорошо, выглядят профессионально. Перед пешими солдатами шли джипы, грузовики и автобусы, которые потом повезут их через пустыню. И наконец, в конце парада, стоя в открытом люке танка, махая руками взрослым и бросая конфеты детям, ехал Филипп.

Я подошел ближе и встал на краю тротуара. Это был тот Филипп, с которым я когда-то познакомился. Филипп, который был нашим вождем.

Он стоял, высокий и гордый, а колонна шла через центр города, и он оглядывал тротуары по обе стороны улицы. Как я ожидал — и наполовину надеялся, — он увидел меня, поймал мой взгляд. Он послал мне мимолетную улыбку и отдал честь. Я кивнул в ответ. У меня в горле застрял ком, руки покрылись гусиной кожей, и я смотрел вслед уходящим войскам. Я подумал, что если бы это было в кино, сейчас играла бы бравурная музыка, и было бы это все на фоне заката. Это было театрально. Это было — героически.

Парад шел до границы города. Там оркестры и сопровождающие повернули назад. А ополчение пошло вперед.

Они ударили по Белому дому в ночь с четверга на пятницу.

Канал Томпсона послал с солдатами корреспондентов и операторов, чтобы давать сообщения с места действия, и в четверг вечером все телевизоры в городе были настроены на эту станцию.

Мы видели, как едут наши танки и джипы по столичным улицам, выделяясь на фоне знакомых городских пейзажей, и хотя я не был сторонником войны, я не мог сдержать прилива гордости и чего-то похожего на патриотизм, когда я понял, что наши войска успешно ворвались в Вашингтон.

Но хотя наши люди и были Незаметными, невидимость не распространялась на их снаряжение, и нам бы надо было знать, что такая тупая атака в лоб не останется незамеченной. Наши военные машины выделялись на фоне мирного уличного движения, как Годзилла на школьной вечеринке, и когда они повернули за угол, направ-

ляясь к Белому дому, они уперлись в перегороженную улицу и кадровых солдат Армии США.

Танки и джипы затормозили, откатились чуть назад и остановились. Пат. Никто не кричал, никто ничего не говорил. Может быть, сторбны переговоровивались по радио, но никто не трубил в рог, и улицы молчали. Тянулись минуты. Четыре. Пять. Десять. Ни звука, ни движения, и корреспондент, ведущий репортаж, признался, что не знает, что происходит, но сообщит, как только будет знать.

Программа переключилась на Белый дом, где другой корреспондент сопровождал передовые силы Филиппа. Они успешно преодолели ограду и бежали через газон Белого дома — пригнувшись черные тени на освещенной луной траве.

Внезапно станция снова переключилась на улицу, где теперь войска США стреляли по нашим.

Наш репортер кричал невпопад, пытаясь объяснить, что происходит, но у него получалось не очень.

Но мы и сами это видели.

Наше ополчение превратилось в толпу.

Со всем своим оружием, даже после обучения, наше войско трудно было назвать хоть сколько-нибудь годным, и против лучших солдат мира у них не было ни единого шанса.

Наши танки по разу выстрелили, ни во что не попав, и тут же взорвались.

Люди из джипов, рассыпавшиеся теперь по улице, стреляли по солдатам и их машинам, но не могли попасть ни во что и ни в кого. Они стали падать, как мухи, выщелкиваемые военными снайперами, потом побросали оружие и взяли ноги в руки.

Белый Ангел

Репортер и его оператор тоже сделали ноги.
Несколько секунд экран был черным.

Потом мы вернулись в Белый дом, где агенты Секретной Службы — единственные в мире люди, столь же неприметные и безликие, как мы — гнали Филиппа и его людей обратно через газон. Включились прожектора охраны, осветившие пространство перед домом, и репортер на бегу объяснял, что один из людей Филиппа зацепил сигнал тревоги, осведомив президентскую охрану об их присутствии.

Одного из наших подстрелили при попытке перелезть через ограду и скрыться.

О Господи, взмолился я, только бы это не был Филипп.

Потом я увидел, как Филипп бежит. Я узнал его фигуру, его осанку, движения его рук. Он подпрыгнул, схватился за прутья решетки, переброшил тело через ограду. Слышался треск выстрелов, но если они были направлены в Филиппа, то промахнулись, и он уже бежал через улицу в сторону камеры.

Экран снова опустел.

— Мы потеряли сигнал, — объявил Глен Джонстон, ведущий в Томпсоне.

Я быстро переключил канал, ожидая увидеть специальный выпуск новостей, думая, что уж конечно они врубятся в программу, чтобы передать весть о нападении на Белый дом и явное покушение на жизнь Президента, но повсюду были обычные вечерние комедии и полицейские фильмы.

Я переключился на «Си-эн-эн», подождал час. Ничего. Я подождал одиннадцатичасовых ново-

стей, переключаясь между «Эй-би-си», «Си-би-эс» и «Эн-би-си».

О нападении было сообщено в новостях «Эй-би-си». Тридцатисекундный репортаж как раз перед рекламой: кадр Белого дома с улицы, Филипп с горсткой людей, бегущие прочь, и за ними гонятся люди в серых костюмах. Комментатор отвел им одну строчку:

«Другие новости: сегодня Секретная Служба прогнала группу лиц, пытавшихся проникнуть на территорию Белого дома».

И пошел каскад рекламы.

Я молча сидел рядом с Джейн, уставясь на рекламу. И все? После всех приготовлений, после всей муштры — это все? В субботу больше двухсот человек вышли из Томпсона, обученное ополчение, с танками, грузовиками и джипами, чтобы свершить государственный переворот.

И добились лишь одной строчки в выпуске новостей.

Я выключил телевизор и заполз под одеяло. В первый раз я понял по-настоящему, насколько мы жалкие. Филипп организовал боевой отряд, выработал реальный план, и в результате — ничего.

Меньше, чем ничего.

Я подумал, сколько человек из нашего ополчения убиты. А если они в тюрьме?

Филипп вернулся в Томпсон через неделю, побитый и униженный, окруженный потрепанными остатками своей армии.

Правительство даже не посчитало их достойными заключения в тюрьму. Не было выдвинуто никаких обвинений.

Погибли сто пятьдесят три человека.

Мы были более чем готовы встречать Филиппа как героя, но в своих собственных глазах он был неудачником, его великие планы — смехотворными; и с этого момента он исчез с глаз публики и отступил в забвение.

Глен Джонстон попробовал сделать передачу по следам событий, взять у Филиппа интервью о том, что случилось, но впервые в своей жизни Филипп отказался от бесплатной рекламы.

Больше я никогда не видел его по телевизору.

Глава седьмая

Новый год наступил и прошел. Мы с Джейн решили, что хотим ребенка, и она выбросила свои пилули и мы стали стараться. Не вышло. Джейн хотела пойти к доктору, но я сказал — нет, попробуем еще. У меня было чувство, что это моя вина, но я не знал, хочу ли я знать это наверное.

Когда я окончил колледж, когда впервые получил работу в «Отомейтед интерфейс», мне казалось, что жизнь только начинается, что она вся впереди. Теперь время летело вперед. Скоро мне будет тридцать. Потом сорок. Потом старость. Потом смерть. Штамп говорил правду: жизнь коротка.

И что же я делал в своей жизни? Был ли в ней смысл? Изменится ли мир от того, что я в нем жил? Или смысл был в том, что смысла нет, что мы существуем только сейчас, а когда-нибудь уже не будем, и надо просто получать удовольствие, пока мы еще есть?

Я не знал, и понимал, что вряд ли когда-нибудь узнаю.

Как-то после работы зашел Джеймс, и Джейн пригласила его остаться к обеду. Потом мы с ним вышли на заднее крыльцо и стали вспоминать старые времена. Я припомнил мой первый выход с террористами — когда мы ходили в суд, и мы оба начали смеяться.

— Никогда не забуду морды этого судьи, когда ты крикнул ему «отсоси!».

Я так смеялся, что слезы выступили на глазах.

— А помнишь Бастера? Он все кричал «гвоздюк!»

Мы по-прежнему смеялись, но уже немножко с грустью, и я подумал о Бастере. Я вспомнил, как он выглядел там, в Старом Городе в Фэмилиленде, когда его пристрелили серые костюмы.

Мы затихли и стали смотреть на звезды. В ночном небе Аризоны были видны все главные созвездия на туманном фоне Млечного Пути.

— Вы там не заснули, ребята? — спросила Джейн из кухни. — Что-то у вас слишком тихо.

— Просто задумались, — ответил я.

Джеймс откинулся на стуле.

— Ты здесь счастлив? — спросил он.

Я пожал плечами.

— Где-то, я слышал, есть страна, — сказал он. — Страна Незаметных.

Я фыркнул:

— Атлантида или Лемурия?

— Я серьезно. — Он заговорил шепотом. — Там мы можем быть свободными. Свободными по-настоящему. Не рабами «Томпсона». Иногда я чувствую, что мы вроде домашних пуделей, дрес-

сированных зверушек, которые снова и снова делают то, что им говорят.

Я промолчал. Это чувство было мне знакомо.

— Я слышал, что это город. — сказал я наконец. — Где-то в Айове.

— А я слышал, что это страна. Где-то в Тихом океане, между Гавайями и Австралией.

Из дома доносился стук тарелок.

— Думаю уходить, — произнес Джеймс. — Здесь мне делать нечего. Просто время убиваю. Я думаю поискать эту другую страну. — Он помолчал. — Я вот думал, не захочешь ли ты со мной.

Отчасти мне хотелось. Мне отчасти недоставало живой жизни и приключений на дорогах. Отчасти меня тоже душил Томпсон. Но Джейн любила этот город. А я любил Джейн. И я никогда больше ничего не сделаю, что может поставить наши отношения под угрозу.

И отчасти я сам любил этот город.

Я попытался обратить все в шутку:

— Ты просто здесь не нашел женщины своей мечты.

— И это тоже, — серьезно кивнул он.

Я медленно покачал головой:

— Не могу, — сказал я. — Здесь я теперь живу. Здесь мой дом.

Он кивнул, как будто этого ответа и ожидал.

— Ты спрашивал других террористов?

— Нет. Но спрошу.

— Но ведь тебе тоже здесь нравится? — спросил я. — Я знаю, что ты думаешь об этом городе. Но все равно он тебе нравится, правда?

— Да, — признал он.

— Что же мы за хмыри такие? Вроде роботов. Нажми нужную кнопку, и получишь ожидаемую реакцию.

— Мы — Незаметные. ,

Я поднял глаза к небу.

— Но что это значит? Почему это? Даже в том, что мы Незаметные, нет последовательности. Это не абсолютно. Там, где я работал, так там был один парень, который меня видел и замечал, когда не замечал уже никто. А Джо?

— Магия законов не имеет, — ответил Джеймс. — Законы — это у науки. Ты пытаешься мыслить в научных терминах. Это не генетика, не физика, это не подходит ни под один свод правил. Это просто есть. Алхимики пытались вывести законы магии и пришли к науке, но магия просто существует. Для нее нет рациональной причины, объяснения или выводов.

— Магия?

— Может быть, это не то слово. — Джеймс наклонился вперед, передние ножки его стула опустились на крыльцо. — Я только знаю, что чем бы ни было то, что делает нас Незаметными, его не измеришь, не исчислишь и не объяснишь. Это не физика, а метафизика.

— Может быть, мы — кристаллы, астрально спроецированные в человеческую форму.

Он засмеялся и встал.

— Может быть. — Он посмотрел на часы. — Слушай, уже поздно, пора идти. Завтра на работу.

— Мне тоже. За бесплатно.

— Станный этот мир.

Мы прошли через дом, он попрощался с Джейн, и я проводил его до машины.

— Ты и в самом деле уходишь? — спросил я.

— Не знаю. Наверное.

— Дай мне знать, когда решишь.

— Конечно.

Я смотрел ему вслед, пока хвостовые огни его машины не свернули за угол. Я еще не устал, и мне не хотелось сидеть в доме и смотреть телевизор. Джейн была согласна, и как только она закончила с посудой, мы вышли пройтись. Дошли до моего прежнего дома, постояли у маленького причала, где стояла на якоре детская парусная лодка.

Мы глядели на небольшое искусственное озеро, петляющее среди кондоминиумов. Джейн обняла меня за талию и положила мне голову на плечо.

— Помнишь, как мы ходили на наш пирс в Ньюпорте?

— И ужинали у «Руби»?

— Чизбургер с кольцами лука, — улыбнулась она. — Отлично было бы сейчас.

— Ассорти из моллюсков у «Краб кукера» звучит лучше.

Мы помолчали.

— Наверное, мы никогда не будем жить в Лагуна-Бич, — тихо сказала она.

У меня возле уха жужжал комар, и я его прихлопнул. Вдруг дома возле озера показались мне дешевой, а само озеро — жалкой имитацией. Я вспомнил глубокую тьму океанской ночи, кучки огней, отмечавшие города на берегу, видимые с пирса, и мне стало неизмеримо грустно. Я почти был готов заплакать. Больше всего мне хотелось, чтобы все переменялось, чтобы я вернулся к своей

прежней жизни в нашей старой квартире, и ничего этого вообще не случилось бы.

Я хотел, чтобы мы не были Незаметными.

Я повернулся, притянул Джейн к себе на тротуар.

— Поздно уже. Пойдем домой.

Глава восьмая

Убийца вошел в офис поздним утром, выйдя из лифта и спокойно пройдя мимо стола у входа.

Я углядел его уголком глаза, как яркое размытое пятно, и обернулся. Это был приземистый коренастый человек в костюме клоуна и с клоунским гримом на лице, и он как раз открывал дверь между приемной и нашей рабочей комнатой.

У меня похолодело в животе и пересохло во рту. Еще даже не видя нож в руках клоуна, я знал, зачем он пришел. Первой мыслью у меня было, что в Томпсон пустили человека, который еще не убил своего босса, и он собирается убить того, кто был здесь его начальником. Но я не узнал этого клоуна, и он не работал на этом этаже.

И тут я заметил, что никто на него не смотрит.

Его никто не видел.

Все это промелькнуло в голове за несколько мгновений, пока клоун подошел к столу Рея Ланга, закрыл Рею рот рукой и полоснул ножом по горлу.

Я вскочил на ноги, опрокинув стул, пытаюсь закричать, но не в силах издать ни звука.

Он провел ножом медленно и умело. Кровь не хлынула, не брызнула, но медленно выступила и потекла из тонкого разреза, заливая белую рубашку

непрерывной волной. Рука все еще зажимала рот Рея, а человек быстро ткнул ножом в один глаз Рея, потом в другой. Кровь с частицами белой и зеленой гущи прилипла к покрасневшему лезвию.

Человек обтер нож о волосы Рея, и лишь тогда убрал руку ото рта инспектора. Из разрезанного горла Рея вылетело скорее бульканье, а не крик, но он уже бился в судорогах, и на него смотрел весь офис.

Клоун усмехнулся мне и сделал небольшое па. Я посмотрел ему в глаза и увидел, что он сумасшедший. Безумие не мог скрыть даже клоунский грим. Это не было временное безумие Филиппа. Это было настоящее. И я перепугался до смерти.

— Вон он! — крикнул я, показывая рукой, наконец обретя возможность двигаться, действовать, говорить. Люди бросились туда, где Рей соскользнул со стула в лужу крови, но никто не услышал меня, никто не обратил внимания.

И убийцу тоже никто не видел.

— Ты же почти там, — сказал этот человек, и голос его был безумным хриплым шепотом. Он засмеялся — как будто кто-то царапал ногтями по классной доске. — Ты столько увидишь...

И он ушел. Исчез. Там, где он был, не было уже ничего — пустое место.

В тяжелом воздухе стоял запах горелой резины, бормашины, сверлящей зуб.

Я дико огляделся, бросился к лифту, подождал, пока откроется дверь, все это время дико озираясь, оглядывая комнату. Но в ней не было ничего. А когда дверь лифта не открылась, когда стало ясно, что убийца не стал невидимым и не вышел

из комнаты, но исчез по-настоящему, я бросился обратно, туда, где лежал умирающий Рей.

Прибыли санитары, попытались оказать первую помощь, потащили Рея в больницу, но он был мертв еще раньше, чем его подняли с пола, и оживить его они не могли.

Когда Рея унесли, в центре внимания оказался я. Прибыла полиция, стала фотографировать стул, собирать показания свидетелей, и когда я рассказывал, собралась толпа. Те самые люди, которые не обращали на меня внимания, когда я кричал и показывал на убийцу, теперь обратились в слух. Я вспомнил, как убийца сказал мне: «Ты же почти там».

Что он имел в виду?

Но я это уже знал.

Я становился Незаметным в Томпсоне.

Каким был он.

Незаметным из Незаметных.

Я вспомнил, как в детстве был в Диснейленде на аттракционе «Приключения во внутреннем космосе». Там делалось так, что Могучий Микроскоп уменьшал тебя настолько, что ты попадал в невидимый мир атома. Теперь я думал, нет ли такого невидимого мира, недоступного взгляду большинства людей и существующего параллельно видимой вселенной.

Может быть, убийца был призраком.

И об этом я тоже думал. Годами и столетиями находились люди, которые говорили, что видят призраки. Может быть, они просто видели Незаметных из Незаметных. Таких, которые отстранены от нормальной жизни уже на два шага. Может быть, нет никаких призраков. Нет загробной жиз-

Бенджамин Ашман

ни. И мы, умирая, просто перестаем существовать. И вся концепция жизни после смерти появилась из-за неправильного толкования видений Незаметных.

Жаль, что нет истории нашего народа, истории Незаметных.

Из лифта вышел Ральф и сразу побежал туда, где я говорил с полицией.

— Я был в банке, когда мне сказали. Что произошло?

Опрашивавший меня коп быстро ввел его в курс дела.

Ральф посмотрел на меня.

— Ты единственный, кто что-нибудь видел?

— Вроде бы так.

— Ты нам нужен, — сказал мэр. — Какова бы ни была причина, но ты видишь этого типа. Ты можешь нам помочь его выследить.

Какова бы ни была причина.

Я знал эту причину, и я боялся. Это становилось все хуже и хуже. Как прогрессирующая болезнь. Когда-то у меня были нормальные друзья, я был членом нормального общества. Но потом слинял в ряды Незаметных. Теперь, кажется, я исчезаю еще дальше. Сейчас я стою на мосту через пропасть между обычными Незаметными и этим человеком — кем бы и чем бы он ни был. Но не стану ли я в конце концов таким, как он — никому не видимым? И Джеймс, и Джейн, и все, кого я знаю, перестанут обо мне думать, перестанут меня замечать, и однажды, оглянувшись, обнаружат, что меня нет, что они меня больше не видят?

Нет, сказал я себе. Так не будет. Я не стану невидимым. Я не дам себе стать невидимым.

— Он сумасшедший, — сказал я. — Псих.

— Ты не беспокойся. Тебе опасность не грозит. С тобой всегда кто-нибудь будет. Тебе не надо его брать или кончать — только выследить. Как гончая.

— Я не об этом волнуюсь.

— Мы его возьмем, — сказал коп. — Он больше не будет убивать.

— Я не об этом волнуюсь, — повторил я.

— А о чем?

Я отвернулся от них, не желая — или не в силах — поделиться с ними своими истинными опасениями.

— Не знаю.

Глава девятая

Он снова нанес удар через час, убив Тедди Говарда в церкви и оставив вспоротое тело преподобного валяться на алтаре, как выпотрошенную рыбу, пока не пришла немилосердная смерть.

Глава десятая

За сутки настроение в городе изменилось. Немедленно появилась напряженность, нервозность, готовность сорваться. Как в дни Ночного Сталкера в Южной Калифорнии. В Томпсоне никогда до этого не было серийных убийств. Была, конечно, статистика преступности — с уровнем изнасилований и домашних драк, совпадающим

со средним по стране. Но такого не бывало никогда, и когда полиция вывесила на всех столбах и поместила в газетах фоторобот, составленный в основном по моему описанию, уровень страха поднялся ощутимо. Сообщение о костюме клоуна нашло резонанс в душе каждого, и тот факт, что существует Незаметный, который незаметен даже для нас, который застрелял в режиме убийства босса, напугал всех. Уровень продажи оружия зашкалило выше крыши. Даже Джейн стала спать, кладя рядом с кроватью бейсбольную битку.

И все же...

И все же я не так волновался насчет этого убийцы, как другие. Я его видел, я знал, насколько опасно его помешательство, но меня волновало не то, что он убийца.

Тревожило меня, что никто, кроме меня, его не видел.

А я видел.

«Ты почти там».

Я был Незаметным в «Отомейтед интерфейс», в колледже Бри, может быть, даже всю мою жизнь. С этим я мог справиться. Я смирился, что отличаюсь от нормальных людей. Но я не мог смириться с тем, что отличаюсь от других Незаметных.

Что мое состояние ухудшается.

На следующий день я пошел на работу и впервые заметил, что улыбки и кивки, которыми мы когда-то обменивались с товарищами по работе, исчезли. Интересно, как давно? Может, я постепенно исчезаю уже не первый день, а заметил это только сейчас?

Я пытался вспомнить, о чем говорил с друзьями и коллегами. Было ли это скучнее, чем темы разговоров у других? И тогда меня тоже было так легко забыть? И снова вернулись мысли о том, что такое быть Незаметным. Может быть, я уже не средний, потому что я — Незаметный. Может, я Незаметный, потому что я средний. Может быть, я все это навлек на себя сам. Может быть, есть нечто, что я могу сделать, какой-то способ изменить свое поведение или личность, чтобы обратить этот процесс.

Меня временно перевели из департамента планирования в департамент полиции. Здесь меня не игнорировали. Здесь я в глазах мэра и начальника полиции был важным детектирующим устройством, и обращались со мной, как с Эркюлем Пуаро.

Единственная проблема была, что ничего не происходило, ничего такого, чтобы можно было организовать поимку этого психа. Я мог только бродить по городу в сопровождении двух детективов и пытаться где-нибудь его заметить. Целую неделю я бродил по офисам, магазинам и торговым центрам, ища глазами клоуна или кого-нибудь, кто был бы похож на клоуна. Мы ездили с патрульными по всем кварталам. Я пролистывал целые альбомы фотографий.

Пусто.

Я все больше и больше тревожился. Даже бродя по улицам, я замечал, что меня не замечают, и это чувство странно напоминало те дни, когда я впервые узнавал, что я — Незаметный. Я вспоминал Пола и как мы нашли его в Йосемите, голого и обезумевшего, кричащего грязные слова в толпу

Денал Андер

людей во всю силу своих легких. Не это ли случилось с тем клоуном? Не сломался ли он просто под тяжестью своей непробиваемой изоляции?

«Ты почти там».

Своими страхами я с Джейн не делился. Я знал, что это неправильно. Я знал, что попадаю в ту же колею, что и в прошлый раз. Я должен был ей все рассказать. Мы вместе должны были встречать все трудности. Но почему-то я не мог заставить себя ей признаться. Она встревожится еще больше меня. А я не хотел проводить ее сквозь тот ад, в который уходил сам.

И в то же время я хотел с ней поговорить. Отчаянно хотел.

Я не знал, что со мной творится.

Я сказал ей, что видел убийство и что только я видел убийцу. Но почему так — не сказал. Я не сказал ей, что случилось на самом деле.

Самым жутким на той неделе оказалась встреча со Стивом. Он уже был полным лейтенантом, и начальник полиции поставил его координировать охрану сити-холла. На тот маловероятный случай, если убийца снова будет действовать на месте своего преступления, начальник потребовал десятисекундной реакции на любое беспокойство в любой точке здания. Таким образом он рассчитывал поймать убийцу на месте.

Реализация этого была возложена на Стива, и он решил поговорить со мной, чтобы точнее узнать, насколько быстро убийца прошел от лифта к столу Рея, насколько были отвлечены люди в офисе, как быстро он исчез, когда был замечен. Он позвонил мне во вторник, и сухо, по-деловому по-

просил меня встретиться с ним в департаменте планирования перед ленчем. Проведя утро с патрулем на улицах, я пришел на второй этаж в одиннадцать тридцать. Стив уже был там.

И он меня не узнал.

Я понял это сразу, хотя до конца осознал только после нескольких вопросов, которые он задавал по своему блокноту.

Он не знал, кто я.

Мы столько времени провели вместе, пока были террористами, коллегами, друзьями, братьями, и теперь он даже меня не помнил. Он думал, что видит меня впервые, что я — безликий чиновник из сити-холла, и мне очень тяжело было говорить с ним, зная его так близко и видя, что он явно не знает меня совсем. Меня подмывало сказать ему, напомнить, расшевелить его память, но я этого не сделал, и он ушел, так и не вспомнив, кто я.

Больше не было ни убийств, ни нападений, ни призраков, и постепенно полиция стала терять ко мне интерес. Меня снова перевели в сити-холл, сказав держать глаза открытыми и докладывать обо всем подозрительном, и тут же обо мне забыли. В департаменте планирования мое возвращение тоже не заметили.

Я проработал неделю после возвращения, и однажды заметил мэра, идущего навстречу мне по вестибюлю первого этажа. Я помахал ему рукой.

— Как там расследование? — спросил я. — Нашли что-нибудь?

Он ничего не сказал, глядя на меня, мимо меня, сквозь меня, и прошел дальше.

Глава огниная

Когда я проснулся на следующее утро, под окном росло новое дерево.

Я стоял перед окном и глядел с ощущением сжатого тугого кома в груди. Это не был росток или саженец пальмы, посаженный кем-то во дворе. Это была полного роста сикомора, выше нашего дома, глубоко пустившая корни в центре газона.

Листья у нее были пурпурные.

Я не знал, что это такое и что это значит, я только знал, что боюсь до чертиков. Я стоял, не в силах оторвать глаз от этого зрелища, а пока я смотрел, открылась дверь дома и вышла Джейн взять газету из почтового ящика.

Она прошла через дерево, будто его и не было.

Тугой ком внутри меня ширился и становился туже, и я сообразил, что задержал дыхание. Усилием воли я заставил себя дышать. Джейн взяла газету, вернулась сквозь дерево и вошла в дом.

Оптический обман? Нет, слишком ясно было видно это дерево, слишком *здесь*, чтобы быть всего лишь наваждением.

Я сошел с ума? Может быть. Но я так не думал.

«Ты столько увидишь...»

Я быстро натянул джинсы и вышел наружу. Дерево стояло на месте, большое, как жизнь, и куда более яркое, и я подошел и протянул руку.

Она прошла сквозь кору.

Я ничего не ощутил — ни теплоты, ни холода, ни движения воздуха. Как будто этого дерева вообще не было. Я собрался с духом и прошел его насквозь. Оно было на вид сплошным, не прозрач-

ным, не просвечивающим, и пока я шел сквозь него, я видел только черноту. Как будто в самом деле был внутри дерева. Но я ничего не ощутил.

Что за чертовщина?

Я стоял столбом, уставившись на пурпурные листья.

— Что ты там делаешь? — крикнула из кухни Джейн.

Я оглянулся на нее. Она смотрела на меня из открытого окна с озадаченным видом, будто я делал что-то неимоверно глупое, как оно для нее и должно было казаться. Я обошел вокруг дерева, потом пошел по траве к двери дома. Я вошел в кухню, где Джейн готовила тесто для плюшек с черникой.

— Что ты там делал?

— Так, искал кое-что.

— Что?

Я покачал головой:

— Ничего.

Она перестала мешать тесто и подняла на меня глаза:

— Ты странно себя ведешь после этого убийства. Ты уверен, что вполне здоров?

— Все в порядке, — кивнул я.

— Знаешь, многие, кто был свидетелем актов насилия, даже полисмены, нуждаются в консультации психологов, чтобы преодолеть последствия.

— Все в порядке, — повторил я.

— Не надо тебе так много работать. Я за тебя беспокоюсь.

— Все в порядке.

— Но...

— Все в порядке.

Она посмотрела на меня, отвернувшись и стала снова мешать тесто.

После завтрака дерево все еще было на месте, и когда я вышел из душа — тоже. Джейн хотела пойти в магазин и купить продуктов к обеду, и я с удовольствием вызвался это сделать вместо нее. Она согласилась, сказав, что все равно у нее дома много работы, я взял список, который она мне дала, и поехал.

Я вел себя так, будто ничего особенного не случилось, но в парке я увидел другие пурпурные деревья, а посреди Мэйн-Стрит росли черные кусты, через автостоянку у «Монтгомери» тек серебряный ручей, и было ясно, что этой ночью случилось что-то странное.

Случилось со мной.

Больше никто во всем городе ничего этого не замечал.

Джейн просила меня заехать в «Ай-Джи-Эй» — их товары ей нравились больше, чем у «Вонса» или «Сейфвея» — и изнутри супермаркета я увидел еще одно дерево, такое же, как у меня во дворе, только оно росло из мясного прилавка, и ветви его уходили в потолок.

Я стоял и смотрел, а другие покупатели обтекали меня с двух сторон. Мне никак не прожить с этим изо дня в день, никак не притвориться, что я живу нормальной жизнью, если фантастические леса вырастают вокруг меня из обыденных предметов.

Не это ли случилось с убийцей?

Я быстро выбрал все, за чем пришел, и поехал домой. Джейн драила шваброй пол в кухне, я положил покупки на стол и выложил напрямую:

— Не все в порядке.

Она взглянула без удивления.

— Я надеялась, что ты мне расскажешь, в чем дело.

Я облизал губы.

— Я... у меня галлюцинации, — сказал я. И поглядел ей в глаза, надеясь увидеть проблеск узнавания, но не увидел. — Ты понимаешь, о чем я говорю?

Она медленно покачала головой.

— Там. Во дворе. — Я показал рукой в окно. — Ты видишь то дерево? С пурпурными листьями?

Она снова покачала головой.

— Нет, — сказала она. — Не вижу.

Она думает, что я сумасшедший?

— Пойдем. — Я вывел ее во двор и остановился у корней дерева. — Ничего здесь не видишь?

— Нет.

Я взял ее руку и провел сквозь дерево.

— Все равно ничего?

Она покачала головой.

Я набрал побольше воздуха.

— Я исчезаю.

И я рассказал ей все. О клоуне, о полиции, Стиве, Ральфе, что люди на работе больше меня не видят. О деревьях и кустах, и ручьях, которые я видел по дороге в магазин. Она молчала, и я видел в ее глазах слезы.

— Я не схожу с ума, — сказал я.

— Я так и не думала.

— Тогда почему ты...

— Я не хочу тебя терять.

Я обнял ее и прижал к себе, и она заплакала у меня на плече. У меня у самого глаза переполни-

лись. О Господи! Неужели мы снова разлучимся? Неужели мне снова суждено ее потерять?

Я отодвинулся от нее, приподнял ее подбородок, чтобы она смотрела мне в глаза.

— Ты еще со мной? — спросил я.

— Да.

У нее текло из носа, и она утерлась тыльной стороной ладони.

— А я... изменился? Ты думаешь обо мне реже? Ты не забываешь, что я здесь живу?

Она покачала головой и снова заплакала.

Я ее обнял. Это уже что-то. Но это лишь временная задержка, сказал я себе. Она меня любит. Я для нее много значу. Но в конце концов — и это неизбежно — я и в ее глазах тоже исчезну. Я буду вдвигаться в фокус и выпадать; однажды я буду дома, а она не будет знать об этом. Я буду сидеть на диване, и она пройдет мимо, окликая меня по имени, и я отвечу, а она меня не услышит.

Если это случится, я убью себя.

Она с силой схватила меня за руку.

— Мы найдем кого-нибудь, — сказала она. — Врача. Кого-то, кто сможет это остановить.

Я повернулся к ней:

— Как? Ты думаешь, если бы это можно было сделать, то уже не сделали бы? Ты думаешь, всем нравится здесь жить? Ты думаешь, они все отказались бы быть нормальными, если бы могли? Ха!

— Не кричи на меня. Я только подумала...

— Нет, неправда. Ты не думала.

— Я не имела в виду на самом деле обратить процесс, но замедлить, или остановить, — может, это они могут. Я думала...

Она разразилась слезами и бросилась от меня в дом.

Я побежал за ней и догнал в кухне.

— Прости, — сказал я, не выпуская ее и целуя в лоб. — Я не знаю, что на меня нашло. Я не хотел на тебя бросаться.

Она обняла меня.

— Я люблю тебя.

— И я тебя люблю.

Так мы стояли долго, не двигаясь, ничего не говоря, только крепко держа друг друга, будто это объятие могло быть якорем, который не даст мне исчезнуть вдали.

В тот же вечер я позвонил Джеймсу. Я хотел с ним поговорить, рассказать, что происходит. Чем больше людей я в это вовлеку, чем больше голов будет над этим работать, тем более вероятно что-нибудь найти.

Он взял трубку после четвертого звонка.

— Алло?

— Джеймс! — сказал я. — Это я!

— Алло?

— Джеймс!

— Кто это?

Он меня не слышал.

— Джеймс!

— Алло! — Он начинал злиться. — Кто говорит? Я повесил трубку.

Филиппа я не видел с того дня, когда он уехал на штурм Белого дома, и с его возвращения не слышал о нем ни слова. Но я хотел с ним поговорить. Мне это было необходимо. Если кто-нибудь

может понять, что со мной происходит, что-нибудь с этим сделать, то это Филипп. Пусть он психотик, но он самый умный, честолюбивый и дальновидный человек из всех, кого я знаю, и хотя многое меня удерживало от того, чтобы с ним иметь дело, я все равно должен.

Я только надеялся, что он меня будет видеть.

Я нашел его по компьютеру сити-холла. Он жил в небольшой квартирке на одну спальню на заброшенной западной окраине. Там, среди запущенных городских домов, попытки придать дому свое лицо были не так заметны, не так очевидны, и весь район выглядел абсолютно безликим. Я нашел его дом только с третьего захода.

Определив, где он живет, я поставил машину на улице и посидел в ней несколько секунд, пытаюсь собраться с духом, чтобы постучать в дверь. Джейн хотела поехать со мной, но я наложил вето, сказав, что мы с Филиппом расстались не в лучших отношениях и мне стоит пойти одному. Теперь я пожалел, что она не поехала со мной. Или что я не позвонил Филиппу и не предупредил, что хочу его видеть.

Я вышел из машины и пошел в квартиру номер 176. Я знал, что если подожду еще, то уговорю себя не ходить, и потому я заставил себя подойти к двери и нажать кнопку звонка.

Когда открылась дверь, сердце у меня сильно стучало, во рту пересохло. Я невольно отступил назад.

А в дверях стоял Филипп.

Мой страх исчез, сменившись странным щемящим чувством потери. Филипп, стоящий передо мной, не был тем Филиппом, которого я знал; ни

тем безоглядно стремящимся вперед человеком, который завербовал меня в террористы, ни тем берущим на себя ответственность лидером, который вел нас через все приключения, ни сумасшедшим психотиком той грозовой ночи, ни даже несостоявшимся героем, который вериулся из Вашингтона. Стоящий передо мной Филипп был до жалкого средним человеком. Ни больше ни меньше. Искатель и исследователь, который был когда-то полон дерзости и харизмы, выглядел серым и неприметным. Сияние исчезло из его взгляда, искра, озарявшая когда-то его лицо, погасла. Он выглядел изможденным, существенно старше, чем в последний раз, когда я его видел. Здесь, в Томпсоне, он был никем, и я видел, как это его гнетет.

Я попытался не подать виду, как я поражен.

— Привет, Филипп, — сказал я. — Давненько не виделись.

— Дэвид, — устало сказал он. — Мое настоящее имя — Дэвид. Я просто называл себя Филиппом.

«Меня зовут не Дэвид! Меня зовут Филипп!»

— А! — Я кивнул, будто соглашаясь, но соглашаться было не с чем. Мы смотрели друг на друга, изучая друг друга. Я понял, что он меня видит. Он замечал меня. Для него я не был Незаметным. Но это было слабое утешение. Я пожалел, что пришел.

Он стоял в дверях, не приглашая меня войти.

— Чего ты хочешь? — спросил он. — Зачем ты здесь?

Я не хотел прямо так все вываливать, но не знал, что сказать. Я нервно прокашлялся..

— Я женился. Помнишь, я говорил тебе про Джейн? Я нашел ее здесь. Она тоже Незаметная.

— И что?

Я посмотрел на него и набрал воздуха.

— Что-то происходит, — сказал я. — Что-то не то. Мне нужна твоя помощь.

Он на секунду всмотрелся в мои глаза, будто глядя внутрь меня, правду ли я говорю, будто он меня как-то испытывал. Наверное, я выдержал испытание, потому что он медленно кивнул. Он отошел от двери, отступил внутрь.

— Заходи, — сказал он. — Поговорим.

Его квартира имела тот же оглушительный старушечий вид, как и его прежний дом, и немножко жутко было войти в маленькую гостиную и сесть на темную кушетку в цветочек под дешевой олеографией горного озера.

— Хочешь выпить? — спросил он.

Я покачал головой, но он пошел в кухню и принес две открытые банки пива. Когда он поставил одну из них передо мной, я сказал спасибо.

Я не знал, что сказать, с чего начать то, зачем я пришел.

— Ты встречаешь наших террористов? — спросил я.

Он покачал головой.

— Что слышно от Джо? Ты с ним в контакте?

— Я думаю, он сменил сторону. Думаю, он перестал быть Незаметным.

Перестал быть Незаметным.

Это возможно? Наверняка. Я подумал о себе, о своем положении, и по спине пробежал холодок.

— Это не застывшее состояние, — сказал он. — Можно сдвинуться в ту или в другую сторону. — Он сделал длинный громкий глоток. — Мы движемся в другую.

Я вперился в него глазами.

— Ага. Я знаю, зачем ты здесь. Я вижу, что происходит. Я знаю.

Я наклонился вперед:

— Так что происходит?

— Мы исчезаем.

Ощущаемый мною страх смягчился облегчением. Это было как тогда, когда я узнал, что есть и другие Незаметные: страшно, но радостно, что не придется расхлебывать все это в одиночку. И снова мне на помощь приходит Филипп.

— Меня больше никто не видит, — сказал я.

Он грустно улыбнулся:

— Это ты мне рассказываешь?

Я посмотрел на него, на его бледное лицо, его ординарную одежду, и стал смеяться. Он тоже рассмеялся, и вдруг все стало, как в старые добрые дни, будто никогда не было Мэри, не было Фэмилиленда, не было Дезерт-Палмз, будто мы снова живем на моей старой квартире и шатаемся по округе, друзья и братья навек.

Лед между нами был сломан, и мы заговорили. Он рассказал мне, как быстро ушел в неизвестность после фиаско у Белого дома, о долгих месяцах одинокой жизни в этой квартире. Я рассказал ему о себе и Джейн, потом об убийце и о своем открытии, что я становлюсь таким же Незаметным, как был во внешнем мире.

Я глотнул пива:

— И еще... у меня галлюцинации, — сказал я.

— Галлюцинации?

— Вон там. — Я показал за окно. — Я вижу луг с красной травой. На том конце его стоит черное дерево, похожее на кактус с листьями и ветвями.

— Я его вижу, — сказал Филипп.

— Ты тоже?

Он грустно кивнул.

— Я не собирался этого говорить. Не хотел тебя пугать. Я не знал, что у тебя зашло так же далеко, как у меня.

— Что это? — спросил я. — Что происходит? Почему мы все это видим?

Он покачал головой.

— Не знаю. Есть у меня кое-какие теории. Но это всего лишь теории.

Я посмотрел на него:

— Как ты думаешь, это обратимо? Или мы так и будем исчезать вечно?

Он уставился в окно, на красный луг, на черный кактус.

— Я не думаю, что это обратимо, — тихо произнес он. — И я не думаю, что мы можем сделать хоть что-нибудь.

Глава двенадцатая

Убийца снова нанес удар в четверг.

Я не знаю, зачем я продолжал ходить на работу, но все же ходил. Я мог сделать то, что сделал в «Отомейтед интерфейс» — просто перестать появляться. Я мог — и, наверное, должен был — проводить оставшееся мне время с Джейн. Но я каждый вечер ставил будильник, каждый день ходил в сити-холл.

И в четверг убийца вернулся на место преступления.

На этот раз он не надел костюм клоуна, и я его не узнал. Я не был занят работой, но сидел у себя

за столом, рассеянно разглядывая розовое скальное образование, которое выросло под окном еще вчера, и в миллионный раз думая, что я буду делать, когда стану невидимым для Джейн, когда открылась дверь лифта и он вышел на этаж.

Я его не заметил, пока чуть не стало слишком поздно. Уголкем глаза я увидел, как он идет через вестибюль к столу у входа, и что-то было знакомое в его походке, но мозг мой еще не среагировал.

Вдруг в воздухе повис тяжелый запах бормашины.

Я вскочил, насторожившись, и в мозгу у меня сложились вместе идущий от лифта человек, знакомая походка и тяжелый запах — клоун.

Он бросился на меня сзади.

Я был схвачен за шею, и на краткий миг увидел металлический блеск ножа. Не успев подумать, что я делаю и почему, я инстинктивно вывернулся в сторону и одновременно бросился на землю, уйдя от удара и приземлившись на убийцу. Он упал с глухим стуком, выпустил мою шею, и я откатился в сторону, вскочил на колени, потом на ноги, одновременно схватив ножницы у себя со стола.

Он был так же безумен, как и в тот раз, и я видел по его улыбающемуся лицу, что он ничего не соображает. Нож он держал перед собой.

— Я знаю, что ты искал меня, зараза. Я тебя там видел.

Я отступил спиной за свой стол, чтобы он был между нами. Мне не нравился его вид. Он был лысый, средних лет, с приплюснутым, натуральным носом клоуна, и его лицо дергалось сумасшедши-

ми гримасами, так что в гриме клоуна он даже выглядел нормальнее.

— Ты мне здесь не нужен, — сказал он. — Я тебя не впускаю.

Он остановился возле низенького синего куста, проросшего сквозь пол, и его нога зацепила зашуршавшие листья, сбив несколько на землю.

Он мог коснуться этих видений.

Внезапным парящим прыжком он бросился на меня, перелетев через стол с вытянутой вперед рукой, держащей нож. Он потерял равновесие и промахнулся мимо моего живота довольно далеко, но уже выпрямлялся, когда я отпрыгнул в сторону и полоснул его ножницами. Я попал ему по лицу, и одно из лезвий-ножниц проткнуло ему щеку. Он издал первобытный крик ярости, искаживший его и без того перекошенное лицо, и я вытащил ножницы и ударил ниже, воткнув обе половинки ему в грудь. Я ощутил, как лезвия наткнулись на кость, как мою руку окатила волна горячей крови, и я опять вытащил ножницы и с силой воткнул ему в живот.

И отступил.

Он больше не орал, только испускал низкие жалобные звуки; отшатнулся от стола и рухнул на пол. Кровь его залила кафель сити-холла и стебли оранжевой травы, проросшей сквозь кафель. Он быстро терял кровь, кожа его стала бледно-серой, и я думал, что он умирает.

И молил Бога, чтобы так и было.

Вся эта стычка прошла незамеченной на глазах у моих коллег и двух подрядчиков, подававших заявку у конторки. Вокруг нас шла нор-

мальная рутинная работа департамента планирования.

Секретарша, несшая бумаги на ксерокс, наступила в лужу крови и пошла дальше, не заметив этого и не оставляя следов.

Убийца смотрел на меня стеклянными глазами.

— Ты... — начал он, и сам себя оборвал. Он вскочил на ноги, бросился мимо стола...

...и сквозь стену.

Я мигнул. Я видел стену позади стола, но вдруг увидел и луг за стеной, склоны, уходящие вниз от вершины холма, где я стоял. Я бросился вперед, за ним, хотел его догнать, но хоть я и видел тропу, по которой бежал убийца, для меня ее не было. Я не мог выбежать на луг. Я лишь налетел на твердую штукатурку и ушиб голову.

Шатаясь, я отступил, глядя на прозрачную стену, а за ней раненый, кровоточащий и жалобно стонущий убийца хромал по луговым склонам, по оранжевой траве к пурпурным деревьям.

Глава тринадцатая

Кошмар окончился, но никто об этом не знал. Я собственной рукой спас Томпсон от бесконечного ряда серийных убийств.

И об этом знала только Джейн.

Я пытался рассказать Ральфу, пытался рассказать начальнику полиции, но ни один из них меня не видел. Я даже написал анонимное письмо и разослал копии мэру, начальнику полиции, в газету — всем, кто, как я думал, может передать эту

весть, но никто не обратил внимания, и слепой поиск убийцы продолжался.

Следующую неделю я провел в спальне с опущенными шторами, вставая только для еды и в туалет. Не недостаток признания меня тревожил. И даже не тот факт, что убил еще одного человека.

Дело было во вторжении этого... другого мира.

Потому что это он и был. Другой мир. Теперь я это знал. Все чаще и чаще я видел незнакомые горизонты, чужую флору и геологические образования, сочетания цветов, не свойственные земле. Я не знал, другое ли это измерение, существующее в том же пространстве, что и наше, или тут какое-то другое объяснение, я только знал, что это иной мир, вторгающийся в мой все чаще и все сильнее. Даже запереться в спальне уже не помогало; половая дорожка становилась ковром оранжевой травы, стены были не белыми и сплошными, а превращались в цветные окна, выходящие на незнакомые ландшафты, сквозь просвечивающий потолок виднелись облака в золотистом небе.

Я мог уйти совсем в себя, оторваться от Джейн, но я не хотел. Я пытался бороться с этими видениями или проявлениями или как там они назывались, но я не отталкивал от себя Джейн, как наверняка сделал бы в прошлом. Наоборот, я старался держать ее поближе, говорил ей все, что я вижу, и казалось, что когда я с ней, когда мы вместе, этот иной мир слегка тускнел, и я был больше в Томпсоне.

Эту тварь я увидел в воскресенье.

До сих пор в видениях иной вселенной у меня были только пейзажи, только растительная жизнь и скалы. Ничего движущегося, ничего из живот-

ной жизни. Но в воскресенье утром я проснулся, открыл занавески спальни, выглянул и увидел эту тварь. Она смотрела на меня с другого края оранжевого луга. Я смотрел, как она боком движется по высокой траве. Это было вроде паука, только размером с лошадь, и на морде этого зверя, видимой даже с такого расстояния, было выражение хитрого знания, от которого у меня до костей пробрал холод. Я видел открывшуюся волосатую пасть, слышал громкий свистящий шепот, и я быстро опустил занавески и отступил назад. Я не знал, что говорила эта тварь, и не хотел знать, но что-то мне говорило, что если я буду смотреть на нее и наблюдать, я смогу понять, что она говорит.

Я залез в кровать и завернулся с головой в одеяло.

В тот же день я опять пошел к Филиппу. Джейн тоже хотела пойти, но я ей сказал, что не нужно. Я сказал, что Филипп испугается, что он не захочет видеть ее в нашем обществе, и что ей это совсем не понравится, и она поверила. Это было неправдой — я был уверен, что Филиппу будет приятно с ней познакомиться, — но почему-то я не хотел знакомить ее с Филиппом, и не чувствовал ничего плохого в том, что ей об этом солгал.

Он открыл дверь квартиры, когда я еще не дошел до середины дорожки, и я был потрясен постигшей его переменой. Двух недель не прошло, как я видел его в последний раз, и за это время он почти распался. Ничего конкретного, ничего, во что можно ткнуть пальцем. Он не стал хуже, чем был, не потерял волосы, он просто... просто вылинял. Что бы ни поставило Филиппа поодаль от всего мира, что бы ни было то, что делало его ори-

Бенджамин Лангман

гинальным, индивидуальным, этого больше не было. Стоящий передо мной человек был сер и непримечателен, как манекен в витрине.

А со мной — то же самое?

Но он заговорил, назвал меня по имени, и вернулся прежний Филипп. Я узнал голос, услышал в нем тот интеллект и напор, которые когда-то меня к нему притянули, и вошел за ним в его квартиру. Пол был покрыт грязью, пивными бутылками и выдернутыми растениями чужого мира, и я уставился на Филиппа.

— Ты... ты можешь их трогать?

Он кивнул.

Я потянулся к голубой ветке, лежащей на кофейном столике, и моя рука прошла насквозь. Меня охватило ни с чем не сравнимое чувство облегчения.

— Ты там скоро будешь.

«Ты почти там».

Я кивнул, оглядел весь этот разгром, выдернутые и разломанные растения. Прокашлялся.

— У тебя еще бывают, ну...

Он понял.

— С тех пор — нет. Не было с тех пор, как террористы разошлись в разные стороны.

— Ты... никого не убил?

Он слегка улыбнулся:

— Насколько мне известно — нет.

Меня с той самой ночи песчаной бури мучил один вопрос, с тех самых пор, как я зашел за ним в этот дом, и я подумал, что сейчас самое время спросить.

— Ты тогда с кем-то разговаривал в ту ночь, — сказал я. — Кому-то отвечал. С кем?

— Я думал, что с Богом.

— Думал?

— Это был тот же голос, что дал мне имя Филипп. Я слышал его уже давно. Во снах. Даже до того, как узнал, что я — незаметный. Он велел мне назваться Филиппом, велел собрать террористов. Он мне говорил... другое тоже говорил.

— Твои наития?

Он кивнул.

— Я думал, что однажды я его видел, в одном из этих снов, в тени леса, и даже тогда это меня испугало, оставило неизгладимое впечатление. — Он отвернулся, глядя куда-то в даль. — Нет, это не совсем правда. Не просто впечатление. Меня наполнило благоговейным ужасом. Я знаю, что это звучит бредом, но я думал, что это Бог.

— А теперь?

— Теперь? Теперь я думаю, что это был кто-то — или что-то — с той стороны.

С той стороны.

Я поглядел в окно на пурпурный лес на той стороне улицы, и меня охватил холод.

Голос его стал тише.

— Я думаю, что видел его однажды. Снаружи.

Я не хотел слышать, что он видел или что думает, что видел, но знал, что он все равно мне расскажет.

— Это пряталось на фоне, в деревьях, и перед ним было много всякого похожего на пауков — пауков величиной с верблюда. Но я видел его глаза, его брови, зубы. Я видел волосы, мех и копыта. И оно меня знало. Оно узнало меня.

Все тело у меня покрылось гусиной кожей. В направлении окна я боялся даже глянуть.

— Я тогда думал, мы избранники Бога, — сказал Филипп. — Я думал, что мы к Богу ближе всех, потому что мы такие средние. Я верил в Золотую Середину, и я считал, что посредственность и есть совершенство. Что это то, чем и предназначил Бог быть человеку. Человек имеет возможность пойти дальше или упасть ближе, но лишь совершенство середины низводит на нас милость Божию. А теперь... — он выглянул в окно. — Теперь я просто думаю, что мы более восприимчивы к вибрациям, посланиям... к тому, что приходит с той стороны, что бы оно ни было. — Он повернулся ко мне. — Ты когда-нибудь читал повесть, которая называется «Великий бог Пан»?

Я покачал головой.

— В ней говорится о том, чтобы «поднять завесу», о контакте с миром, который похож на тот, что мы видим. — Он прошел в другой конец комнаты к столу, заваленному библиотечными книгами, и протянул мне одну. — Вот, прочти.

Я посмотрел на обложку. «Великие рассказы об ужасном и сверхъестественном». Одна страница была загнута, и я открыл на этом месте.

Артур Мэйчен, «Великий бог Пан».

— Прочти, — повторил он.

— Сейчас? — спросил я, подняв на него глаза.

— У тебя есть какая-нибудь работа получше? Это займет не больше получаса. Я пока посмотрю телевизор.

— Я не могу...

— Зачем ты сегодня сюда пришел?

— Чего? — моргнул я.

— Зачем ты сюда пришел?

— Ну... с тобой поговорить.

— О чем?

— О...

— О том, что ты видел. Ты видел то, что я описал, правда?

Я затряс головой.

— Значит, ты видел похожих на пауков.

Я медленно кивнул.

— Прочти.

Я сел на диван. Мне было непонятно, какое отношение могла иметь выдуманная страшная история к той ситуации, с которой мы столкнулись, но это выяснилось почти сразу. Да, ситуация в этой повести была неувовимо похожа на ту, что была у меня с убийцей, неприятно близка к тому, что описал Филипп. Сумасшедший ученый находит способ прорваться через пропасть между нашим миром и «другим миром». Он посылает туда женщину, и она возвращается оттуда окончательно и полностью обезумевшей. Она видела внушающую страх богоподобную мощь создания, которое древние неадекватно называли «великий бог Пан». Она там забеременела, и когда вырастает ее дочь, она обладает способностью по своему желанию переходить из нашего мира в другой и обратно. В нашем мире эта дочь — убийца, которая заманивает мужчин, а потом открывает им свое настоящее лицо и доводит до самоубийства. В конце концов ее находят и убивают.

Филипп подчеркнул в этой повести несколько эпизодов. Один — когда дочь идет по лугу и вдруг исчезает. Другой — отмечающий странное тяжелое ощущение в воздухе, остающееся после ее прохода между двумя мирами. Третий — описывающий

Бенджамин Ланг

«тайные силы», непроизносимые, неназываемые и невообразимые силы, которые лежат в основе существования и слишком мощны для человеческого понимания. И последнюю строку повести — говорящую о том, что эта дочь, это создание, теперь навсегда в другом мире, с подобными ей.

И от этой последней строчки у меня по спине побежал холодок. Я вспомнил убийцу, который, смертельно раненый, бежал под надежное прикрытие пурпурных деревьев.

Когда я закрыл книгу, Филипп посмотрел на меня.

— Узнаваемо?

— Всего лишь литература, — ответил я.

— Она правдивее, чем люди привыкли думать. Может быть, правдивее, чем думал сам автор. Мы этот мир видели — ты и я. — Он помолчал. — Я слышал голос великого бога Пана.

Я смотрел на него. Я не верил ему, но одновременно и верил тоже.

— Что мы такое, — сказал он, — так это передатчики между тем миром и этим. Мы его видим, мы его слышим, мы можем передавать оттуда сообщение. Это наше назначение. Это то, зачем мы здесь. Это то, зачем послали нас на землю. Это даже объясняет расслоение среди Незаметных. Ты и я можем общаться с силами той стороны. Мы можем сообщать об этом другим Незаметным. Те — полу-Незаметным, таким, как Джо. Джо и ему подобные могут говорить с миром.

— Но другие Незаметные нас больше не слышат, — возразил я. — А про Джо ты говорил, что он больше не Незаметный.

Он отмахнулся от этого возражения.

— И к тому же не можем мы быть только одним — передатчиками. Это не сделало бы нас средними, это не имеет отношения к тому, чтобы быть обыкновенным...

— Никто не может быть чем-то одним. Чернокожий — не просто черный. Он еще и человек. Сын. Может быть, отец, брат, муж. Он может любить рэп, или рок, или классику. Он может быть спортсменом или ученым. У каждого есть разные грани. Никто настолько не одномерен, чтобы описать его одним словом. — Он запнулся. И добавил: — Даже мы.

Я не знаю, поверил ли я ему. Я не знаю, хотел ли я ему поверить. Приятно было бы думать, что быть Незаметным — не единственный атрибут моего существования, что это не определяет образ моей жизни. Но при моей в жизни цели, не имеющей к этому никакого отношения, никак не связанной с моими личными талантами или коллективной самоидентификацией... Нет, я не мог согласиться. Я не хотел соглашаться.

Филипп наклонился вперед.

— Может быть, к этому идет вся раса людей, может быть, к этому все и направляется. Может быть, это и есть цель — последний побочный продукт эволюции Незаметных. Может быть, наступит день, когда каждый сможет переходить между двумя мирами. Может быть, мы — спутники Елены, — сказал он, показывая в книгу.

Я подумал об убийце, о его очевидном безумии, и хотя это напомнило мне дочь из повести, я покачал головой.

— Нет.

— Почему?

— Мы не эволюционируем до высших существ, которые перемещаются свободно между мирами, или измерениями, или как там эти хреновины называются. Мы исчезаем из этого мира и проваливаемся в тот. Нас туда засасывает. И нас не станет. Это цель эволюции? Чтобы людей затягивало прочь от их любимых в мир чудовищных пауков? Не думаю.

— Ты смотришь очень близоруко...

— Нет. — Я покачал головой. — И к тому же мне все равно. Я туда не хочу. Я не хотел даже иметь возможность это видеть и сейчас не хочу. Я хочу просто остаться здесь вместе с Джейн. Если бы я столько времени провел, думая, как остановить процесс, сколько потратил на обдумывание, что он собой представляет, мы бы могли и выжить.

— Нет, не могли бы, — ответил он.

Нет, не могли бы.

Я усталился на Филиппа. До этой минуты я не сознавал, что рассчитываю, что он вытащит меня из этой передрыги, спасет меня, и его спокойное отрицание надежды было мне как кол в сердце. Сразу и вдруг я понял, что его изощренные теории, вплетение наших фактов в фантазию Мэйчена были просто попытками примириться с уверенностью, что нам не вернуться назад, что мы обречены. Я увидел, что Филипп так же боится неизвестного, как и я.

— И что же мы будем с этим делать? — спросил я.

— Ничего. Ничего мы сделать не можем.

— Фигня! — хлопнул я ладонью по столу. — Не можем же мы так просто исчезнуть без борьбы!

Филипп посмотрел на меня. Нет, на меня посмотрел Дэвид. Филиппа не было, а на его месте сидел усталый, сдавшийся и разбитый человек.

— Можем, — ответил он. — И исчезнем.

Я встал, обозленный, и вышел из его дома, не сказав ни слова. Он что-то еще говорил вслеп, но я уже не слышал, да и не интересно это мне было. Слезы гнева жгли мне глаза; я решительным шагом прошел между пурпурными деревьями к своей машине. Я уже знал, что Филипп мне помочь не может. Никто мне не может помочь. Я хотел верить, что случится чудо и что-то остановит это неизбежное прогрессирование, пока я еще не поглощен им полностью, но не мог верить.

Я ехал по Томпсону и по другому миру одновременно и не оглядывался назад.

Глава четырнадцатая

Магия.

Я вцепился в эту мысль Джеймса, отчаянно желая верить, что моя напасть не может быть необратимой, что это не неизбежный результат логического развития, что ее можно убрать за одни сутки мановением волшебной палочки или применением еще не открытой пока силы.

Не на это ли намекал Филипп? Магия?

В последующие дни я пытался поддерживать свою веру. Но пусть даже меня толкали на этот путь чары магии, а не детерминированные строительные блоки генов, факты говорили мне, что мое положение ухудшается. Из зеркала на меня смотрел кто-то старше меня, кто-то более тусклый.

Вокруг дома исчезал город Томпсон, сменяемый оранжевой травой и серебряными потоками, розовыми скалами и пурпурными деревьями, и шипящими пауками размером с лошадь.

Я стал молить Бога заставить этот другой мир исчезнуть, сделать меня нормальным, но Он (или Она?) — игнорировали мои мольбы.

Для Бога мы тоже Незаметные?

И только тогда мне было нормально, когда я бывал с Джейн. Даже наваждение другого мира бледнело в ее присутствии — по крайней мере дом внутри оставался свободным от его влияния, и я старался держать Джейн рядом с собой каждую минуту, когда это было можно. Я не знал, то ли это воображение, то ли Джейн действительно защищает меня от чуждых видов, но я верил в нее, верил, что она — мой талисман, мой амулет, и я пользовался тем, что она мне давала.

Мы пытались понять, почему она обладает этой силой — если это была сила — и что мы можем сделать, чтобы ее запрячь, усилить, но никто из нас ничего не мог придумать, и мы только знали, что нам надо держаться друг к другу ближе и надеяться, что это отвратит все беды.

Но не отвратило, к сожалению.

Джейн бросила работу, чтобы быть поближе ко мне. Это не имело особого значения — в Томпсоне все и так было бесплатно, и когда было что-нибудь нужно, она могла просто пойти в магазин и там это взять.

Мне не хотелось бы создать впечатление, что мы просто сидели и ожидали конца, жалея сами себя. Так не было. Но мы и не притворялись, что все в порядке. Мы смотрели правде в глаза — и

старались сделать лучшее, что позволяли обстоятельства.

Мы много разговаривали.

Мы любили друг друга несколько раз в день.

Раньше мы жили на обычной быстрой еде — хотдоги, гамбургеры, тако, макароны и сыр — но Джейн решила, что мы можем с тем же успехом использовать свободное время и пожить по-эпикурейски, и она пошла в магазин за бифштексами и омарами, крабами и икрой. Ничто из этого не соответствовало нашим вкусам — моему вкусу по крайней мере, — но идея перед концом пожить на этом явно понравилась Джейн, и я не хотел портить ей праздник.

Слишком мало было времени, чтобы тратить его на споры.

Я сидел в гостиной и смотрел повторный показ «Острова Джиллигана», когда она вернулась из магазина с двумя большими пакетами в охапке. Я встал ей помочь. Она оглядела комнату.

— Боб?

Сердце у меня в груди замерло.

Она меня не видела.

— Я здесь! — завопил я.

Она подпрыгнула от моего крика, уронила пакет, и я подбежал к ней. Я вытащил у нее пакет, положил его на пол, обнял ее, крепко к себе прижав, вдавился лицом в ее волосы и дал волю слезам.

— Я думал, это все, — сказал я. — Я думал, ты меня больше не видишь.

— Я тебя вижу. Вижу.

Она вцепилась в меня так же крепко, как я в нее, будто я висел на краю обрыва, и она удержи-

вала меня, чтобы я не упал. В ее голосе был страх, и я знал, что в те первые секунды до моего крика, когда она оглядывала комнату, она *не могла* меня увидеть.

Я терял ее.

Из разреза перевернувшегося пакета на ковер текло молоко, но нам было не до этого. Мы держали друг друга, не отпуская, ничего не говоря — и не надо было, а полуденные тени удлинялись снаружи на оранжевой траве.

Этой ночью я проснулся от звука голоса, звавшего меня по имени. Это был низкий голос, приглушенный голос, шепчущий голос, такой, как бывает в кино. Или он кричал издали и его приглушало расстояние, будто с другого края поля.

— Боб!

Я сел в кровати. Рядом со мной, не слыша ничего, спала Джейн.

— Боб!

Я откинул одеяло и встал с кровати. Отведя в сторону занавеску, я выглянул наружу.

Томпсона не было.

Я глядел на оранжевое поле. На той стороне его росла роща пурпурных деревьев. За ними в туманной дымке стояли розовые горы. Темное, черное солнце висело, не светя, в озаренном золотом небе.

— Боб!

Кажется, голос шел из деревьев. Я посмотрел в ту сторону и увидел движущиеся среди деревьев черные тени, похожие на пауков. За ними, более темный и неразличимый, был неподвижный пред-

мет побольше, но я почему-то знал, что он живой. И голос шел от него.

— Боб!

— Что? — отозвался я.

— Иди к нам!

Я не испугался, хотя знал, что следовало бы. Эта темная форма в середине леса должна была напугать меня до смерти. Но голос был теплый и ласковый, и почему-то от самого факта, что это наконец случилось, что ожидание кончилось, мне стало легче.

— Иди! — позвал голос. — Мы тебя ждем!

Окно и стена передо мной растворились в воздухе. Как во сне, как под гипнозом, я пошел через бывшую стену, ощутил дыхание другого ветра на своей коже, другой воздух у себя в легких. Даже температура была другая. Не холоднее и не теплее — просто... другая.

Я был в другом мире.

Меня наполнило странное чувство благополучия, летаргического довольства, не уходящего, несмотря на сигналы тревоги и озабоченности, которые посылал разум.

Я шагнул вперед.

— Нет!

Голос Джейн, пронзительный и отчаянный, полный безнадежной, беспомощной, смертельной тоски, прорезал теплую муть у меня в мозгу, и я дернулся обернуться на этот голос. На краткую долю секунды я оказался во дворе нашего дома и видел, как она кричит мне в окно, и снова оказался в поле, и она кричала мне из комнаты без стен, как будто перенесенной ураганом из Канзаса в страну Оз.

— Боб! — позвал другой голос.

Он уже не был такой теплый и ласковый. На самом деле он был таким же угрожающим, как его источник, огромный черный силуэт среди деревьев, и я попытался шагнуть обратно к Джейн, к нашей спальне, но мои ноги отказывались туда идти.

— Боб! — вскрикнула Джейн.

Снова мигнула сцена, и я увидел двор и дом.

— Джейн! — позвал я.

— Я тебя вижу! — крикнула она. — Я тебя замечая! Я люблю тебя!

Не знаю, что заставило ее это выкрикнуть, почему она об этом подумала, почему верила, что от этих слов будет хоть какой-то толк, но они вызвали гневный рокот силуэтов в деревьях, и вдруг я снова обрел способность двигаться. Я повернулся и побежал к ней, и другой мир, чужой мир, начал исчезать, медленно растворяясь на глазах, пока не пропал совсем. Я стоял голый во дворе, на траве, прижавшись лицом и руками к окну спальни, а с той стороны к нему прижималась Джейн. Я не знаю, как это случилось, но она оттащила меня от края. Она спасла меня.

Я побежал к кухонной двери и подождал, пока Джейн ее отперла, и мы оказались в объятиях друг у друга.

— Я слышала, как ты что-то кричишь, и увидела тебя снаружи, и ты... ты таял! — всхлипнула Джейн. — Ты исчезал!

— Ш-ш-ш, — сказал я, держа ее в объятиях. — Все хорошо.

И так и было. Не было ни золотого неба, ни оранжевой травы, ни пурпурных деревьев. Был только наш дом, и Томпсон, и ночное небо Аризо-

ны. Если бы это было в кино, то там ее любовь спасла бы меня и вернула обратно, именно она не дала бы мне исчезнуть в этом другом мире, но я почему-то знал, что это не так. Любовь была частью этого, но только частью. Важно было и то, что Джейн меня видела. Я не был для нее Незаметным.

И что она сказала такие слова. И в таком порядке:

«Я тебя вижу — я тебя замечаю — я люблю тебя». Магия.

— Я люблю тебя, — снова сказала она.

Мы не Незаметные для тех, кто нас любит.
Я сжал ее крепче.

— Я тоже тебя люблю, — сказал я. — И я тебя вижу. И я тебя замечаю. И я никогда не перестану тебя замечать. Никогда.

Глава пятнадцатая

На следующий день я вышел, и я был невидим. Полностью невидим. Никто меня не видел, никто не слышал. Я не просто был Незаметным. Я не существовал.

А я было думал, что все позади. Я думал, что я вернусь к работе, что мое состояние начало возвращаться к прежнему, что все вернется к норме, но когда я вышел из машины и пошел по ступеням сити-холла, я заметил, что никто на меня не смотрит. Я вошел, прошел мимо секретарши мэра, и она меня не видела. Я встал в дверях кабинета Ральфа. Он смотрел прямо сквозь меня.

— Ральф! — позвал я.

Ответа не было.

Я подумал разыграть его, наколоть, поднять что-нибудь и пронести по комнате. Но какой смысл? Я повернулся и ушел. Впервые я понял, что если бы даже я мог вернуться к работе, я бы не захотел.

Я больше не хотел здесь находиться.

Я больше не хотел жить в Томпсоне.

Я сел в машину и поехал домой.

По дороге я думал о том, кто я и что я, о том, чего я хочу. Жить ради маркетинговой проверки товаров? Быть человеческой морской свинкой? Какой в этом смысл? Это причина для существования? Может быть. Как сказал однажды Ральф: «Кто-то же должен это делать».

Но этот кто-то был не я.

Может быть, жизнь и работа в Томпсоне давала кому-то из Незаметных ощущение цели. Может быть, где-то изготавливались товары, которые хорошо пошли в Томпсоне, создавались рабочие места, может быть, люди, которые эти товары покупали, были ими довольны, может быть, часть заслуги в этом принадлежала Незаметным Томпсона.

Но мне этого было мало.

Весь Томпсон был один большой «Отомейтед интерфейс». Я здесь был никто и ничто.

А я хотел быть кем-то и чем-то.

Я остановился перед домом и посидел минуту неподвижно. Через окно я видел, как Джейн пылесосом убирает гостиную.

Все это оказалось дерьмом. С начала и до конца. Все вообще. Выбранная мной дорога уперлась в тупик. Террористы Ради Простого Человека скатились к оргии насилия и крови, а город моего народа оказался тем, откуда я хотел убежать.

Что мне теперь делать? Куда пойти?

А Джейн?

Я еще посидел, потом вышел из машины и все рассказал Джейн. И попросил ее позвонить ее друзьям.

Никто из них ее не слышал.

Мы поехали в город, прошли через район магазинов. Никто нас не видел. Никого из нас. Мы были невидимками. Джейн вытащила меня обратно, но я потянул ее за собой, и теперь мы оба были пойманы в этой «земле нигде», незаметные для Незаметных.

Джейн становилась все мрачнее и мрачнее, когда видела все более ясно, что с ней случилось.

— Я не вижу ничего из этих странных видений, — сказала она мне в «Нордстроме».

— Я тоже, — ответил я. — Больше не вижу. Похоже, этот этап закончен.

— Значит, мы здесь застряли. Вот так.

Я кивнул.

Она бросила сумку на землю и рванула на себе блузку.

— Что ты делаешь?

Она расстегнула лифчик, сбросила туфли, расстегнула и стянула с себя джинсы.

— Прекрати!

Мне стало страшно.

— А что такое? Меня никто не видит.

Она стянула с себя трусы.

— Джейн!

Она подбежала к пожилой паре, схватила мужчину за руку и прижала его руку к своей груди.

— Потрогай мои сиськи!

Старик перепугался, выдернулся, но хотя он явно ее ощущал, но не видел ее и не слышал.

— Джейн!

— Возьми ее! Возьми мою...!

Она стояла голая посреди магазина, выкрикивая грязные слова, но никто на нее не смотрел, никто не обращал внимание, и я схватил в белье-вом отделе купальный халат и набросил на нее, а потом вывел ее обратно к машине.

И отвез ее домой.

Глава шестнадцатая

Следующие два дня Джейн провела в постели. Поначалу я боялся, что она не оправится от этого шока. Я не ожидал от нее такой реакции и очень перепугался.

Но на третье утро она проснулась раньше меня, налила мне стакан апельсинового сока, делая вид, что ничего особенного не случилось.

— С тобой такое было и тогда, когда ты впервые узнала, что ты — Незаметная?

— Нет, только в этот раз. Синдром отложенного стресса, наверное. Кажется, это все уже позади.

— Но сейчас ты в норме?

— Сейчас в норме.

Я посмотрел на нее:

— Так что мы будем делать?

— А что ты хочешь делать?

Я понял, что ничего нас к этому месту не привлекает, ничего здесь не держит. У нас здесь ни ответственности, ни обязательств. Мы можем делать что захотим.

— Я не знаю, — признался я.

Она подошла к столу, держа в руке сковородку, и сбросила яичницу мне на тарелку.

— Одно я точно знаю, — сказала она. — Здесь я оставаться не хочу.

— Я тоже. — Я посмотрел на нее: — Есть идеи, куда ты хочешь поехать?

Она застенчиво улыбнулась:

— Лагуна-Бич?

— Значит, Лагуна-Бич, — усмехнулся я в ответ.

В тот же день я позвонил Филиппу, пока Джейн собирала вещи. Я не знал, здесь ли он еще или перешел на ту сторону. Я не знал, будет ли он меня видеть и слышать. Но он был здесь, и он меня слышал, и обещал немедленно приехать. Я ему рассказал, как до нас добраться.

Он приехал через пятнадцать минут, еще более бледный и вылинявший, чем был в прошлый раз, если только это возможно. Но я все равно его видел, и Джейн его видела, и, несмотря на все, что произошло, я с теплым и добрым чувством представил своей жене своего друга.

Филипп остался у нас ночевать.

За обедом я объяснил ему, как все было, что именно я видел, что именно сделала Джейн.

Он кивнул.

— Так ты считаешь, что узнавание со стороны других — это якорь, который нас здесь держит?

— Возможно.

— Так почему я до сих пор здесь?

— Потому что я тебя знаю. — Я набрал воздуха. — Потому что я тебя вижу. Замечаю. Потому что я тебя люблю.

Он усмехнулся:

— Стоит попытаться?

— Вреда не будет.

— А когда ты уедешь, что будет?

Я промолчал.

Он рассмеялся:

— Да ты не волнуйся. Я не напрашиваюсь на приглашение.

— Я же не... — я поспешил объясниться. Он перебил:

— Я знаю. Знаю.

На самом деле я думал позвать его с нами, но хотел сначала поговорить с Джейн.

— А почему тебе не поехать с нами? — спросила Джейн. Я поймал ее взгляд и кивнул в знак благодарности.

Он покачал головой:

— Здесь мое место. Здесь мой народ.

— Но...

— Без «но». У меня достаточно веры в себя и в свои силы, чтобы отбиться от любого нападения. Никто мне не будет говорить, что я не существую.

Я кивнул, улыбнувшись, но все равно я за него тревожился.

Утром Филипп помог мне уложить вещи в машину. Джейн заканчивала убирать дом. Она не хотела оставлять беспорядок следующим жильцам.

— Ты уверена, что не хочешь взять с собой свою мебель? — спросил я. — Мы можем прихватить нормальный грузовик.

Она покачала головой:

— Нет.

Мы были готовы к отъезду.

Джейн села в машину, застегнула ремень. Я повернулся к Филиппу. Несмотря на все различия, все споры, все, что случилось, мне было грустно с ним расставаться. Мы многое пережили вместе, хорошее и плохое, и это создало между нами связь, которую уже не разорвать никогда. Я смотрел на него, и его обычно острый взгляд был уже не так резок, и глаза повлажнели по краям.

— Поехали с нами, — еще раз сказал я.

Он покачал головой.

— Я больше не исчезаю. Я возвращаюсь. Через пару месяцев я буду сильнее, чем раньше. Ты за меня не волнуйся.

Я посмотрел ему в глаза, и он понял, что я знаю, что это неправда. Мы понимали друг друга.

— И куда же вы поедете? — спросил он. — Обратнo в Палм-Спрингз? Ты мог бы там набрать несколько новых террористов.

— Это не для меня, — ответил я. И показал рукой вокруг, на Томпсон: — И это тоже не для меня. А что для меня — я не знаю. Это я и должен узнать. Но ты оставайся здесь. Можешь снова начать набирать террористов. Будешь сражаться в битвах за людей. Сохранишь верность.

— Так и сделаю, — сказал он. — Берегите себя.

Мне хотелось плакать, и я не успел стереть скатившуюся по щеке слезу. Поглядев на Филиппа, я импульсивно его обнял.

— Ты береги себя, — сказал я.

— Ага.

Я влез в машину.

— Пока, — сказал он Джейн. — Мы мало времени провели вместе, но у меня такое чувство, будто я тебя давно знаю. Боб только и делал, что гово-

рил о тебе все время, пока мы вместе путешествовали. Он очень тебя любит.

— Я знаю, — улыбнулась она.

Они пожали друг другу руки.

Я тронул машину, повел задним ходом к улице. Посмотрел на Филиппа. Он улыбнулся и помахал рукой. Я помахал в ответ.

— Бывай, — сказал я.

Он побежал за нами, пока мы выезжали на улицу, и еще бежал сзади, когда мы выехали на дорогу, ведущую из города. Там он стоял посередине улицы и махал нам, покидающим Томпсон.

Я погудел в ответ.

И мы поехали на восток, и Филипп скрылся из виду, а потом и Томпсон стал лишь неправильной формы далекой точкой.

Глава семнадцатая

Пока мы подыскивали себе дом, мы жили в мотелях.

В Лагуна-Бич свободной недвижимости не было, жилые дома не продавались, и потому мы двинулись дальше по побережью в сторону Корона-Дель-Мар.

Я предложил, что раз уж мы невидимы, то можем просто выбрать дом, который нам нравится, и в нем жить. Нет причин, чтобы нам не найти какой-нибудь большой дом и существовать в нем параллельно с хозяевами. Мы будем как призраки. Это будет забавно.

Так что мы какое-то время жили вместе с богатой парой в слишком большом замке на утесе,

выходящем на океан. Мы заняли комнату для гостей и гостевую ванную; кухней мы пользовались, когда хозяева спали или отсутствовали.

Но это было неудобно — жить так вплотную с другими и быть в курсе всех их интимных подробностей. Мне неудобно было видеть людей, когда они думали, что их никто не видит, смотреть, как они чешутся, бормочут и выражают на лице свои истинные чувства, и мы переехали дальше по побережью в Пасифик-Палисад, найдя вычурную виллу, принадлежавшую бывшему антрепренеру, которому стали не по карману платежи. Вилла продавалась уже два года.

Мы въехали.

Дни потянулись один за другим. Мы вставали поздно, почти весь день проводили на пляже, читали и смотрели по вечерам телевизор. Это было приятно, но я не мог не думать: какой же в этом во всем смысл? Я никогда не верил по-настоящему в идею Филиппа, что у нас особое предназначение, что у судьбы есть на нас планы, но я все же думал, что моя жизнь должна все же куда-то вести, что у нее может быть цель, что она должна что-то значить.

А она не значила.

В этом не было смысла. Мы жили, мы умерли, а тем временем пытались устроиться как лучше. Все. Точка. Никакого образа не складывалось из разрозненных событий, которые были моей жизнью, потому что такого образа не было. Никому не было никакой разницы, что я вообще когда-то родился.

Потом Джейн объявила, что она беременна. Все переменялось в одночасье.

Бенджамин Англин

Вот в этом и смысл, подумал я. То ли я оставлю след в мире, то ли нет. Но я оставляю в мире ребенка, а кем он окажется, зависит от меня и от Джейн. Может, этот ребенок оставит в мире заметный след. Может, и нет. Но его или ее ребенок, может быть, оставит. И что бы ни случилось, как бы далеко ни протянулась эта линия, это будет благодаря мне. Я — звено этой цепи.

У меня была цель.

Я вспомнил, как Ральф говорил, что дети Незаметных всегда сами тоже Незаметные, и я сказал это Джейн, но ей было все равно, и мне тоже. Она сказала, что ей не нравится стиль жизни в Пасифик-Палисад, что она хочет, чтобы наш сын или дочь росли в другой обстановке, и снова мы поехали дальше по побережью, найдя дом на берегу в Кармеле.

Прошла первая треть беременности, и это стало заметно. Мы с Джейн были счастливы, как никогда в жизни. Мы попытались сообщить ее родителям, но они нас не видели и не слышали, и хоть этого следовало ожидать, это было разочарование. Но оно долго не продлилось. Слишком много было другого, что надо было делать, много такого, за что следовало быть благодарным. Мы рылись в сборниках имен. Мы читали книги для родителей. Мы крали детскую еду, мебель и одежду.

Мы стали ходить на долгие прогулки вдоль берега, но Джейн стала раздаваться и быстро уставать, и потому переключилась на комнатные тренажеры. Тем не менее она сказала мне продолжать пешие прогулки, и я, сначала поспорив, согласился. Она сказала, что не хочет, чтобы я разросся до

ее размеров. И еще она созналась, что хочет немного времени проводить одна, чтобы я не ошибался рядом.

Я понял.

Мне даже стали нравиться мои одинокие прогулки по берегу.

И тогда это и случилось.

Я ушел примерно на милю от дома и возвращался обратно, когда заметил странное завихрение воздуха впереди. Я побежал трусцой, прищуриваясь.

На песке мерцали смутные очертания пурпурной роши.

Сердце у меня в груди подпрыгнуло, я весь похолодел и не мог перевести дыхание. В ужасе я побежал обратно к дому. Добежал, взлетел по ступенькам.

Джейн визжала мое имя.

Я никогда раньше не слышал, чтобы она так вопила, никогда не слышал в ее голосе такого полного и поглощающего ужаса, но услышал теперь, и у меня внутренности стиснуло будто тисками страха. Я согнулся пополам, едва в силах преодолеть боль, но заставил себя бежать.

— Боб!! — кричала она.

Я бросился в спальню.

Там был убийца.

Он был на нашей кровати. Он уже сорвал с Джейн всю одежду и оседлал ее, приставив нож к ее шее. Как-то он тогда выжил. Он был жив, вернулся и выследил нас.

Боковым зрением он увидел меня и повернулся.

Штаны у него были расстегнуты, пенис наружу.

У него была эрекция.

Джейн Антон

— А, вот и ты, — ухмыльнулся он. — А то я уже думал, где тебя носит. Хочу, чтобы ты посмотрел, как твоя баба мне отсосет. — Он протянул руку рядом с собой, поднял ее разорванные трусы и деликатно поднес к носу, громко понюхав.

— М-м-м-м! — промычал он. — Приятная свежесть.

Я в гневе шагнул вперед, и он прижал нож к ее коже, пустив капельку крови. Она вскрикнула от боли.

— Не дергайся, — предупредил он меня. — А то я ей глотку на фиг перережу.

Я стоял в дверях, парализованный, не зная, что делать. Где-то промелькнула сумасшедшая надежда, почти воображение, что Филипп тоже исчез в этот другой мир и сейчас выскочит ниоткуда и спасет нас и утащит этого типа туда, откуда он пришел.

Но этого не случилось.

Убийца наклонился вперед. Его стоящий член уперся в губы Джейн.

— Открой свою вонючую пасть! — приказал он. — А то вырежу этого щенка из твоего брюха!

Она открыла рот.

И он впихнул туда свой член.

Инстинкт взял верх. Если бы я подумал, я бы не сделал этого. Я бы испугался за жизнь Джейн и нерожденного ребенка, и я бы не сделал ничего. Но я не думал. Я видел, как его эрекция исчезла во рту Джейн, и отреагировал инстинктивно и бесшено. Я прыгнул вперед и упал ему на спину, схватив руками за голову. Наверное, он бы всадил свой нож в горло Джейн, но в этот момент она стиснула зубы изо всех сил, и он заорал от невыносимой

боли, на секунду потеряв над собой контроль. Я дернул его голову назад, оттаскивая его от Джейн, и схватился за его нож. Он прорезал мне руку, и я не могу сказать, что не ощутил боли, но я не остановился и вывернул ему голову как только мог, пока не услышал треск. Крик его тут же затих, и он обмяк, но все еще держал в руке нож, и Джейн выдернула нож из его руки и всадила ему в пах. Волна крови залила ее раздутый живот, стекая водопадом на простыни.

Она вытащила нож и пырнула его в грудь.

Я повернулся, все еще выворачивая ему шею, и мы оба скатились с кровати на пол.

Я вскочил на ноги, ожидая, что он поднимется, но на этот раз он был мертв.

Мертв по-настоящему.

Я огляделся и не увидел ни оранжевой травы, ни пурпурных деревьев, ничего оттуда.

Джейн все еще держала нож и тряслась, как лист на ветру, не в силах унять всхлипывания, в ужасе глядя на залившую ее тело кровь. Она все отплевывалась, и с ее губы свисала струйка слюны.

Теперь я полностью ощутил боль в порезанной ладони, и моя собственная кровь стекала с моей руки и капала на пол, но я не обратил внимания на эту боль и подошел к Джейн, мягко вынул нож из ее руки и помог подняться. Потом отвел ее в другую спальню.

— Они посылают за нами людей? — вскрикнула Джейн. — Они охотятся за нами, потому что мы не дали им тебя заполнить?

— Нет, — ответил я, нежно поглаживая ее по голове и укладывая на кровать. — Это все. Боль-

ше этого не будет. Это был только этот один. И ему нужен был я, а не ты.

— А они не пошлют еще других?

— Нет, — сказал я. — Это все.

Я не знал, откуда мне известно, что это правда, но я это знал. Может быть, одно из «наитий» Филиппа.

— Это все, — сказал я.

И раз в жизни был прав.

Это было все.

Глава восемнадцатая

Т ело я закопал в тот же день.

Сначала я разрубил его на куски.

На следующий день мы упаковали все, что у нас было, и переехали в Мендочино.

Глава девятнадцатая

Через четыре месяца Джейн родила мальчика весом в девять фунтов.

Мы назвали его Филиппом.

Глава двадцатая

Иногда я думаю, что мне повезло. Что это удача — быть Незаметным. Может быть, я средний по конструкции, но никак не средний по жизненному опыту. Я видел такое, что никогда не увидит обычный человек. Я делал такое, что

нормальный человек не сделает. Я прожил хорошую жизнь.

Это чудесный мир, в котором мы живем. Я это наконец понял. Мир, который воистину наполнен чудесами. И хотя моя натура настораживает меня против того, чтобы эти чудеса полностью принять, я хотя бы знаю, что они существуют.

И я пытаюсь научить этому своего сына.

Мне нет прощения за зло, которое сотворил я в своей жизни. Ибо я был злом, и теперь я в это верю. Убийство — по сути своей акт зла, каковы бы ни были обстоятельства, как бы убедительны ни были резоны. Убийство — зло, кто бы его ни совершал и по какой бы причине.

Если существует Бог, то лишь Он или Она может простить меня за то, что я сотворил.

И лишь одно я могу сказать в свое оправдание: я учился на своих ошибках. И все, что я пережил и прошел, не было зря. Я теперь уже не тот человек, которым был раньше.

И, может быть, был смысл в моих странствиях и блужданиях, в той петляющей цепи не связанных событий, которые были моей жизнью.

Я все еще гадаю, кто мы такие. Потомки пришельцев? Генетические мутанты? Эксперимент правительства? Я гадаю, но я не одержим этим вопросом, как когда-то. Не это стержень моего существования.

Филипп.

Мой сын.

Я не знаю, верю ли я в Бога или в дьявола, в рай или в ад, но я не могу избавиться от мысли, что есть причина, по которой мы такие, как мы есть. Я верю, что мы посланы на эту землю не без

цели. И я не думаю, что эта цель — просто существовать. Я не думаю, что эта цель — испытывать продукты для массового потребления среднего американца.

Но я не знаю, какой может быть эта цель.

Может быть, когда-нибудь я это узнаю.

Может быть, узнает мой сын.

А что с тем миром, который мелькал в моих видениях, куда я чуть не попал? О нем я тоже часто думаю. Что это было? Небо? Ад? Нирвана? Тот ли это мир, который видят мистики и гуру, когда медитируют так долго, что теряют ощущение индивидуальной сущности? Или это другое измерение, существующее параллельно с нашим? Я читал и перечитывал «Великого бога Пана», и почему-то в эту интерпретацию я поверить не могу.

Но не могу предложить и другой теории.

Чем бы он ни был, будь его происхождение мистическим или научным, существование этого мерцающего мира как-то утишило мои возможные тревоги насчет смерти и загробной жизни. Не помню, чтобы я когда-нибудь всерьез задумывался над тем, что будет или может быть после смерти, но на каком-то уровне подсознания это меня заботило, очевидно, потому, что теперь мне как-то легче, спокойнее. Я не знаю, есть ли что-нибудь после смерти — никто этого не может знать наверняка, — но уверен, что есть, и это меня не пугает.

Мы все еще живем в Мендочино, возле океана. По утрам я пишу, а Джейн смотрит за Филиппом и работает у себя в саду.

Время после обеда мы проводим вместе.

Это хорошая жизнь, и я ею доволен, но сейчас я чувствую, что мы в конце концов можем захотеть большего. Иногда я вспоминаю, как Джеймс говорил мне в Томпсоне, что где-то есть страна Незаметных, земля за морем, остров или полуостров, где такие люди, как мы, живут свободно и мирно своим суверенным государством.

И я думаю, что там должно быть славно растить детей.

И я смотрю на воду и думаю про себя, что когда-нибудь, быть может, придется мне стать мореходом.

Литературно-художественное издание

Литтл Бентли

НЕЗАМЕТНЫЕ

**Художественный редактор О. Адаскина
Компьютерный дизайн А. Воробьев
Технический редактор О. Панкрашина**

**Подписано в печать 1.06.99.
Формат 84х108 1/32. Усл. печ. л. 25,20.
Тираж 8000 экз. Заказ № 3443.**

**Налоговая льгота – общероссийский классификатор продукции
ОК-00-93, том 2; 953000 – книги, брошюры**

**Гигиенический сертификат
№ 77.ЦС.01.952.П.01659.Т.98. от 01.09.98 г.**

**ООО “Фирма “Издательство АСТ”
ЛР № 066236 от 22.12.98.
366720, РФ, Республика Ингушетия,
г.Назрань, ул.Московская, 13а
Наши электронные адреса:
WWW.AST.RU
E-mail: astpub@aha.ru**

**Отпечатано с готовых диапозитивов
на Книжной фабрике № 1 Госкомпечати России
144003, г. Электросталь Московской обл., ул. Тевосяна, 25.**

ОНИ — НЕЗАМЕТНЫЕ.

ОНИ БЕЗЛИКИ. ОНИ — СЛОВНО БЫ НЕ-
ВИДИМЫ, И НИКОМУ НЕТ ДЕЛА, ЖИВЫ
ОНИ ИЛИ НЕТ. ОНИ ПРИВЫКЛИ. ОНИ —
ТЕРПЕЛИ.

НО ОДНАЖДЫ ТЕРПЕНИЕ ЛОПНУЛО.

И ТОГДА ОНИ ПОНЯЛИ: ХОЧЕШЬ, ЧТОБЫ
ТЕБЯ ЗАМЕТИЛИ, — УБЕЙ. И ОНИ НАЧАЛИ
УБИВАТЬ...

И ПОЛИЛАСЬ КРОВЬ. И НЕЗАМЕТНЫЕ
ОБРУШИЛИ НА ГОРОДА КОШМАР ТАКОГО
СМЕРТОНОСНОГО АДА, ЧТО НЕВОЗМОЖ-
НО ДАЖЕ ВООБРАЗИТЬ. И БЕСПОМОЩ-
НЫЕ ЖЕРТВЫ ЗАМЕЧАЛИ СВОИХ УБИЙЦ
— ПОСЛЕДНЕЕ, ЧТО ОНИ ВОООЩЕ ЗА-
МЕЧАЛИ В ЖИЗНИ...

ISBN 5-237-02864-0

9 785237 028645